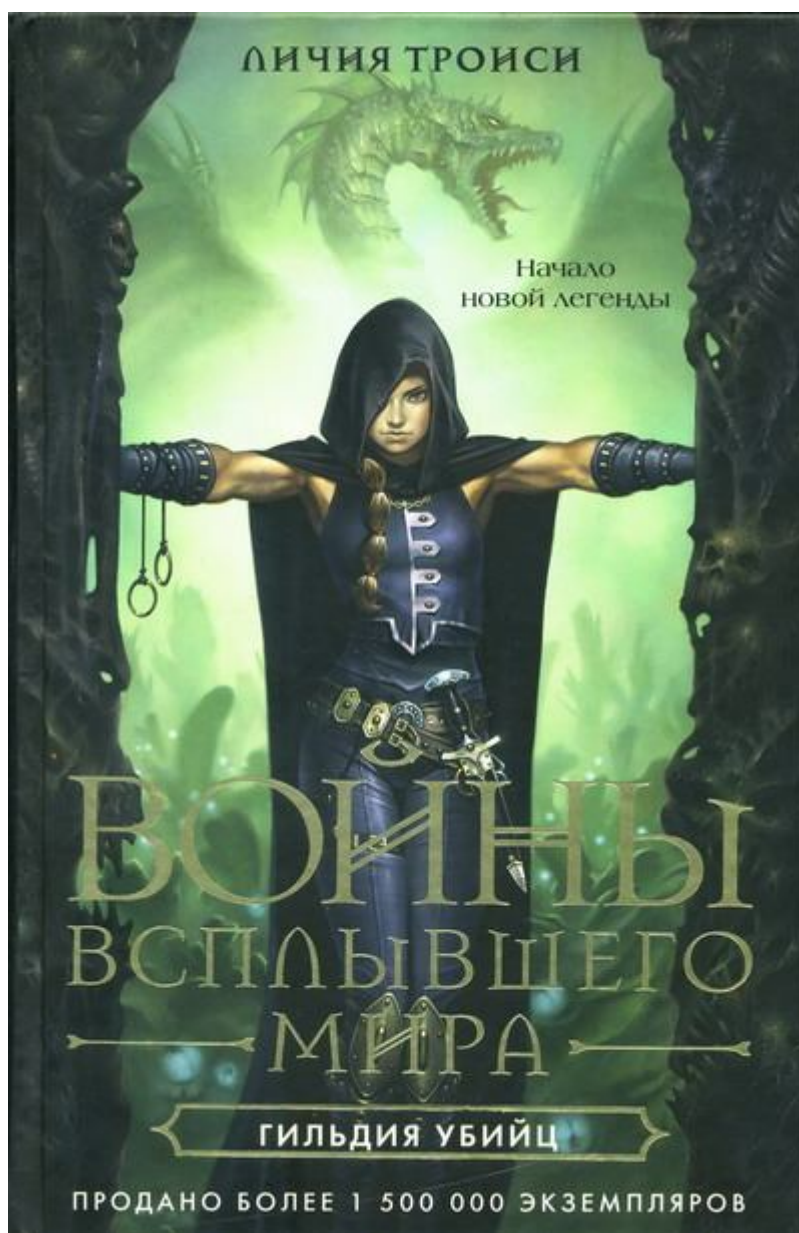

Личия Троиси Гильдия убийц

Войны Всплывшего Мира – 1

- Alex1979. OCR & ReadCheck - Ergo80. <http://oldmaglib.com>
«Личия Троиси "Войны Всплывшего Мира. Книга 1. Гильдия убийц"»: Центрполиграф;
Москва; 2009
ISBN 978-5-9524-4241-2

Аннотация

После Великой Битвы великий маг Сеннар и воительница Ниал поселились в Неведомых Землях в надежде обрести покой. Но снова бушуют войны в Землях Всплывшего Мира, теперь уже Дохор, король Земли Солнца, завоевывает свободные Земли, ради этого он вступил в союз с Гильдией — страшной сектой убийц.

В сети Гильдии попала и Дубэ, ученица рыцаря, спасшего ей жизнь, у него она научилась владеть оружием и освоила мастерство наемного убийцы. Однажды ей предложили крупное дело, посулив за него большие деньги. Дубэ согласилась, но «выгодное

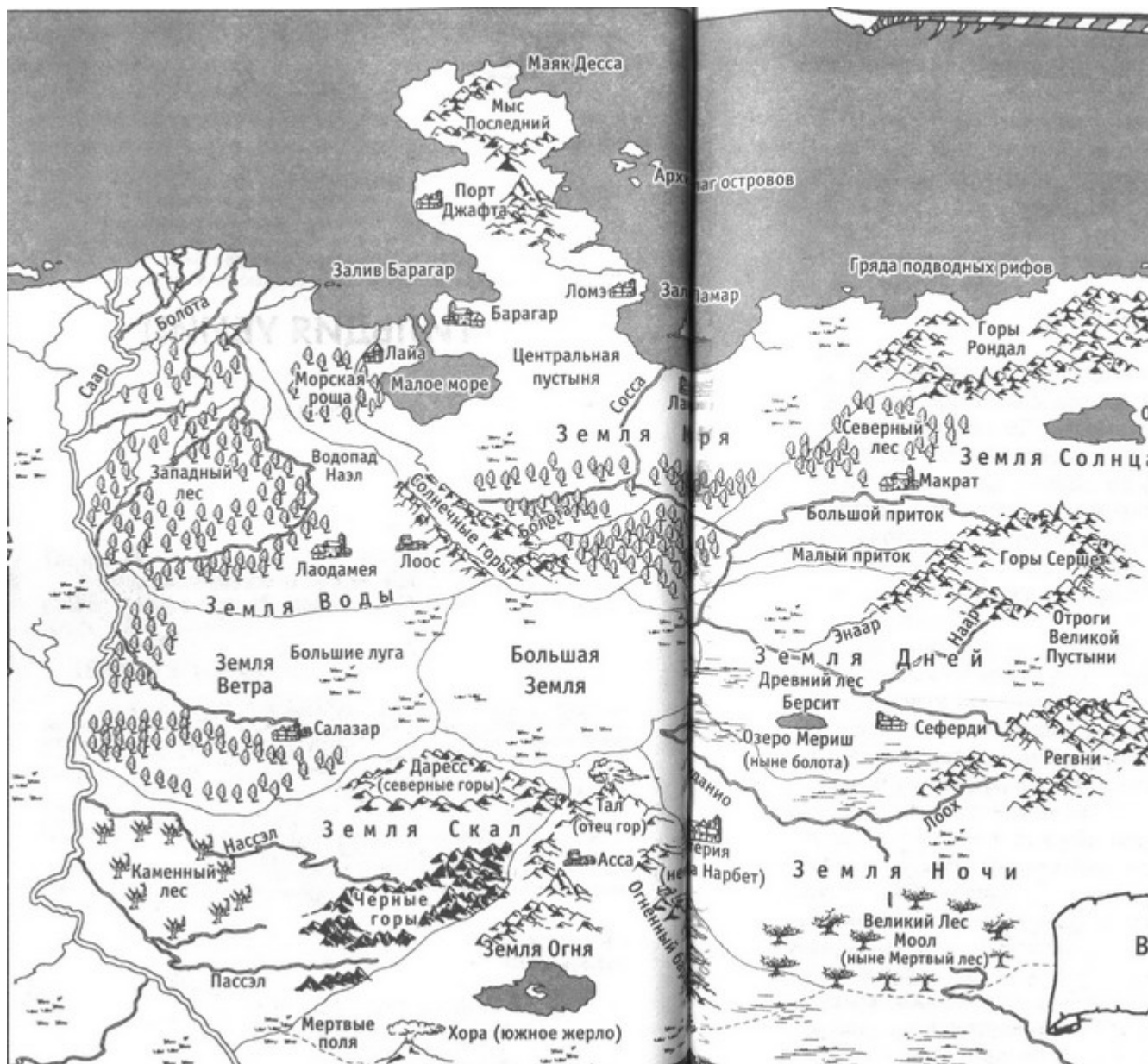
дело» обернулось для нее страшным несчастьем — теперь она проклята, в ее душе поселился зверь, жаждущий крови. Девушка знает, что ответ на вопрос, кто наложил на нее проклятие, надо искать в Гильдии, и отправляется в Землю Ночи в храм Тенаара — Черного Бога секты убийц...

Личия Троиси «Гильдия убийц»

Вздохни поглубже и подальше
Отбрось наши грехи в сей час,
А мы молитву вознесем,
Да не было бы силы,
Что наказать могла бы нас.

Из песни Fury группы Muse

ПРОЛОГ

Внезапно башня обрушилась. Она раскололась на мириады крохотных черных кристаллов, которые рассыпались по всей равнине. На мгновение все ослепли. Потом пыль осела, и взгляду открылось необыкновенное зрелище. Башня Рока больше не существовала. Она стояла здесь почти пятьдесят лет, омрачая существование побежденных, которые теперь столпились на ее руинах, ставших лучом надежды для победителей. Теперь ее не было перед глазами, теперь впереди открывалась равнина, уходящая вдаль к горизонту.

Многие кричали от радости. Голоса гадких гномов, жалких живых существ, рабов свободных Земель слились в едином крике восторга.

Иешоль — маг и убийца — рыдал.

А потом началась самая обыкновенная резня.

Люди и гномы, рыцари и повстанцы яростно набросились на оставшихся в живых.

Иешоль подобрал меч убитого солдата и сражался, ни на что не надеясь. Он не хотел жить на этой земле без Тиранно и без Тенаара.

Последние лучи заходящего солнца были красными как кровь. На закате он стоял один среди горы трупов, все еще сжимая в руках меч.

Судьба сама распорядилась за него. Он остался жив.

Наконец наступила ночь. Его ночь.

Он бежал. Много дней скрывался, но никогда не уходил далеко от башни Рока. Он

видел, как победители брали в плен побежденных, видел, как дерзко они захватывали территорию.

Незадолго до этого Астер предсказал ему, что дни Тенаара сочтены, что мир будет залит кровью и затем все начнется сначала.

— Затем наступит время победителей, — заключил Астер своим слабым голоском.

— Да будет так, учитель.

Теперь же единственный человек, в которого когда-либо верил Иешоль, был мертв: его путеводная звезда, его учитель, его избраннык.

Он поклялся отомстить, когда победители ехали в повозках, наполненных тем, что осталось от башни Рока: зельями и ядами из лаборатории, драгоценными манускриптами, которые Астер любил больше жизни.

Пользуйтесь, пока можете, но мое божество неумолимо.

Он покинул свое последнее убежище. Ему пришлось бежать, спастись и тем самым спасти веру в Тенаара, чтобы можно было восстановить могущество прежних победителей и начать все сначала. Ему нужно было найти спасшихся собратьев.

Но оставалось еще одно, последнее дело.

Он брел по равнине босой. Осколки черного кристалла вонзались в ступни, оставляя кровоточащие раны.

Наконец он достиг сердца башни. Хотя от стены остались лишь развалины, он знал: то, что он ищет, находится здесь. Он знал план сооружения наизусть.

Сиденье трона почти все разбилось вдребезги, но спинка все еще величественно стояла на земле. От Астера не осталось и следа.

Он погладил спинку трона. Скользя по обломкам, его руки нащупали кусочек ткани, пропитанной кровью. Пальцы сжали материю. Несмотря на темноту, Иешоль узнал: это была Его одежда. Та самая, которую Астер надевал в день падения башни.

Это и была та реликвия, которую искал Иешоль.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Власть Тиранно была свергнута во время Великой Зимней Битвы. Но совершившееся для этого всеобщее объединение на поле боя не спасло бы свободные Земли, если бы Ниал заранее не разрушила волшебство, носителем которого был Тиранно. Силы Тиранно превосходили силы противника и были созданы запретной магией. Именно поэтому Ниал прибегла к забытому волшебству эльфов. На Восьми Землях Всплывшего Мира еще жили восемь первобытных духов, почитаемых эльфами. Каждый из духов хранил камень, наделенный особыми магическими свойствами. Восемь камней, собранных в знаменитый талисман, который Ниал всегда носит после победы, смогли одолеть волшебство. Но дотронуться до камней мог только тот, в чьих жилах текла кровь эльфов.

То была удивительная сила, в наши дни уже утраченная. Ниал, последний полуэльф Всплывшего Мира, полностью исчерпала силу медальона, который теперь стал ее личным талисманом.

Так закончила свое существование эльфийская магия Всплывшего Мира.

**Советник Леона.
Падение Тиранно
Книга XI**

1 ВОРОВКА

Мел зевнул, глядя на звездное небо. Облачко пара образовалось в воздухе от его

дыхания. Было очень холодно, хотя стояла еще середина октября. Охранник плотнее закутался в плащ. Конечно же, проклятое ночное дежурство обязательно должно было выпасть ему. Мало того, как раз когда хозяин на мели. Сплошное мучение. Раньше тут, в саду, охранников было много, по крайней мере человек десять. А теперь их осталось только трое. Он — в саду, Дан и Сарисса — перед комнатой. А что еще хуже — их почти лишили оружия.

«Это чтобы не пришлось сокращать жалованье», — говорил советник Аманта.

Вскоре у Мела только и осталось что короткая шпага и изношенные стальные доспехи да еще легкий плащ, который совсем не грел.

Мел фыркнул: когда он служил наемником, время было получше.

Война разгоралась все быстрее, король Земли Солнца, Дохор, уже протянул свои жадные руки к Земле Дней и Ночи, а война на Земле Огня против гнома Идо казалась самым обычным издевательством. Четыре оборванца против самого мощного войска Всплывшего Мира! На что они надеялись? Да, Идо был Верховным Главнокомандующим до того, как стал предателем, а еще раньше — был и героем Великой Войны с Тиранно. Но те времена прошли. Теперь он всего-навсего старик. А Дохор не только король, но и Верховный Главнокомандующий.

Тем не менее война была тяжелой, очень тяжелой. И затяжной. Эти проклятые гномы лезли отовсюду. Устраивали везде засады и ловушки, и воевать приходилось ползая на брюхе, скрываясь, оглядываясь на каждом шагу. Кошмар, который длился двенадцать лет и плохо кончился для Мела, он попал в засаду. В память о той переделке у него осталась ноющая боль в ноге.

Прошлого уже не вернуть, надо было бросить все это. Тяжелое время. Но он умел только воевать, чем еще ему было заняться?

Он нашел работу стражника у Аманты. Поначалу это казалось ему достойным решением.

Тогда он подумал, что будут тянуться дни, похожие друг на друга, однообразная работа ночь за ночью. За восемь лет службы у Аманты ни разу ничего не произошло. Однако советник страдал манией безопасности. Его дом, полный вещей столь же ценных, сколь и бесполезных, охранялся как музей, и даже еще тщательнее.

Мел обошел дом. Он растрачивал свою жизнь на бесконечный обход бесполезной виллы, выстроенной Амантой. Теперь хозяин был весь в долгах из-за этих развалин, лишь напоминавших о прежнем прекрасном времени, когда он был еще благородным, состоятельным человеком. Потом он постепенно обнищал.

Мел остановился и снова громко зевнул. Тут это и случилось: точный удар по голове. Потом — темнота.

Кто-то схватил стражника, потом этот кто-то огляделся и тенью скользнул к дому, его осторожные шаги даже не помяли траву. Он открыл окно и прошмыгнул внутрь.

Этим вечером Лу устала. Хозяйка весь день жаловалась, а теперь еще дала ей это дурацкое поручение, из-за которого Лу пришлось не спать посреди ночи. Она чистила старое серебро... А потом-то что?

Видите ли, на тот случай, если к ней кто-нибудь заглянет, к этой дуре уродливой!

А кто заглянет? Хозяин теперь впал в немилость, и друзья не замедлили покинуть его дом. Все до сих пор отлично помнили, что случилось с аристократами Земли Солнца, которые попытались восстать против Дохора, устроив против него заговор почти двадцать лет назад. Вступив в брак с королевой Суланой, он стал законным королем, но его не очень любили. Слишком большую власть он сосредоточил в своих руках и слишком был тщеславен. Оттого-то и пытались его низложить, но... Аманте чудом удалось вывернуться. Он подчинился воле своего государя, опустил до того, что лизал ему ноги.

Лу покачала головой. Мысли бесполезные, пустые. Лучше и не думать.

Шорох.

Едва слышный.

Тихий.

Девушка обернулась. Дом был большой, нелепо большой, полный зловещих звуков.

— Кто тут? — боязливо спросила она.

В темноте показалась тень.

— Выходите! — произнесла Лу.

Никакого ответа. Тень дышала тихо, спокойно.

Лу побежала наверх, к Сариссе. Она часто так делала, когда на весь вечер оставалась одна, потому что боялась темноты, а Сарисса ей нравился. Он был чуть постарше Лу и всегда ободряюще улыбался ей.

Тень неслышно последовала за Лу.

Сарисса стоял на своем месте, дремал, лениво опершись на копьё. Он охранял комнату хозяйки.

— Сарисса...

Молодой человек встряхнулся.

— Лу...

Она не ответила.

— Эй, Лу, какого черта... что еще?

— Теперь мне не страшно, — ответила она. — Там кто-то был...

Сарисса раздраженно зевнул.

— Спустись только на минутку, и обратно, — настаивала Лу. — Прошу тебя...

Сарисса нехотя пошевелился.

— Ну же, быстрее.

Тень дождалась, когда спина стражника скрылась за поворотом лестницы, и двинулась вперед. Комната была не заперта. Тень просочилась внутрь. В центре комнаты, освещенной слабым светом луны, стояла кровать, с которой доносился громкий храп, время от времени прерываемый чем-то вроде глухого хрипа и стонов. Может быть, Аманте снились его кредиторы или такая вот тень, пришедшая отобрать у него единственное, что осталось: его драгоценные реликвии. Тень ничуть не была поражена. Все шло, как задумано: госпожа спала в отдельной от мужа спальне. Дверь, интересовавшая тень, находилась тут.

Тень прошла в другую комнату, похожую на предыдущую. На этот раз из кровати не слышалось ни единого вздоха: настоящая дама, эта жена Аманты.

Тень, а это был человек, бесшумно скользнула в нужное место, точным движением открыла ящик: там лежали предметы, завернутые в бархат. Не разворачивая их, потому что злоумышленник отлично знал, что внутри, он взял свертки и положил их в дорожный мешок, висевший у него через плечо, в последний раз взглянул на женщину, лежащую на кровати, завернулся в плащ, открыл окно и исчез.

Макрат, столица Земли Солнца, — город-спрут, и еще больше походил на спрута ночью, когда его контуры обозначались только светом из домов и дворцов. В центре — огромные дома богатых горожан, квадратные, величественные. На окраинах — маленькие домики, бараки.

Человеческая фигура двигалась, сливаясь со стенами домов. Капюшон закрывал лицо человека. Он шел тихо и незаметно по пустым улицам города.

Он добрался до окраины города, до самой отдаленной гостиницы. Все эти дни она была его убежищем. Оставалось переночевать здесь в последний раз — и все. Затем он должен будет переходить с места на место, двигаться, запутывать следы. И так будет всегда.

Он тихо вошел в свою комнату, в которой всего-то и было что спартанское ложе и комод темного дерева. В окно лился холодный свет луны.

Он бросил мешок на кровать, потом снял плащ. Каскад блестящих каштановых волос, стянутых в хвост, упал на спину. При слабом свете свечи обозначилось уставшее, изможденное, почти детское лицо.

Это была девушка не старше семнадцати лет, бледная, темноглазая, с серьезным выражением лица.

Ее звали Дубэ.

Девушка стала снимать свое оружие: кинжалы, ножи, духовое ружье, колчан и стрелы. Вору они ни к чему, просто Дубэ никогда не расставалась с ними.

Она сняла жилет и осталась в одной рубашке и брюках, бросилась на кровать и стала разглядывать пятна сырости на потолке, в свете луны они выглядели еще мрачнее.

Дубэ устала. О чем она думала? О ночной работе, об этом вечном бродяжничестве, об одиночестве? Сон унес все ее мысли.

Новость не замедлила распространиться. На следующий день весь Макрат знал. Дом Аманты, бывшего первого придворного, бывшего советника Суланы, ограблен.

Нет ничего нового под солнцем: с богатыми часто такое случается, а в последнее время особенно часто в окрестностях города.

Как обычно, поиски ни к чему не привели, и тень осталась только тенью, как уже много раз случалось за эти последние два года.

2 БУДНИ

Дубэ покинула свое пристанище на следующий день. Расплатилась деньгами, которые остались от предыдущей работы. Деньги почти кончились, и этот заказ был просто счастьем. Обычно она не бралась за крупные дела, довольствуясь мелочами, так было безопаснее. Но сейчас ее действительно взяли за горло.

Она отправилась в окрестности Макрата. Город все еще бодрствовал. Это было самое беспокойное место во всем Всплывшем Мире: богатые дворцы на центральных улицах соперничали друг с другом, а на площадях стояли бедняцкие лачуги. На городских окраинах теснились бараки, заселенные побежденными во время войны, беглецами из восьми Земель Всплывшего Мира, которые потеряли все за годы правления Дохора. Здесь были представители всех рас, среди них много фамминов. Они пострадали больше всех: лишённые земли, преследуемые повсюду, изолированные от себе подобных, невинные и ничего не понимающие, как дети. Времена изменились: во время ужасного царствования Тиранно они были героями и существовали только для того, чтобы быть орудиями войны. Тиранно создал фамминов своим волшебством, и их происхождение сразу было видно: несчастные, покрытые рыжеватой шерстью, с непропорционально длинными руками и острыми клыками, торчавшими изо рта. В прежние времена они внушали безумный страх, с ними сражалась Ниял, чья огромная статуя возвышалась посреди площади, — героиня того смутного времени. Так пели менестрели на улицах. Теперь фаммины вызывали только чувство жалости.

Когда Дубэ была еще ученицей, она часто ходила с Учителем по городским окраинам. Ей там нравилось.

«Это единственное место, по-настоящему полное жизни, все еще существующей на этой гибнущей земле», — говорил он и подолгу гулял там со своей ученицей.

Дубэ часто приходила туда даже после смерти Учителя. Когда ей не доставало его, когда она чувствовала, что не знает, как жить дальше, — отправлялась в эти трущобы, пытаясь услышать звучание его голоса в переулках. И успокаивалась.

В первые утренние часы город начинал просыпаться. Открывались лавочки, вереницы женщин направлялись к источнику за водой, детишки играли на улицах.

Дубэ нашла то место, которое искала. Это была крохотная лавчонка, находившаяся на самом краю линии бараков. В ней торговали травами, по крайней мере, так было написано на вывеске. Но Дубэ пришла туда совсем за другим.

Продавец Тори был гномом, родом из Земли Огня, как и большинство гномов, в основном населявших эту землю и Землю Скал. У него была смуглая кожа, черные как смоль волосы, длинные, заплетенные в мелкие косички. Он бегал из конца в конец лавочки, переваливаясь на своих коротких ножках, с неизменной улыбкой на лице.

Однако достаточно было одного простого слова, известного только посвященным, чтобы выражение лица Тори изменилось; таких покупателей он провожал в заднюю комнату, в свое святилище.

Тори гордился одной из самых богатых коллекций ядов, которые только можно было себе представить. Он был величайшим знатоком и умел предоставить каждому идеальное решение. Шла ли речь о медленной и мучительной смерти или же о быстрой кончине — у Тори всегда находилась нужная скляночка. Но и это было не все: в Макрате не было такой воровской добычи, которая не проходила бы через его руки.

— Здравствуй! Тебе снова нужна моя помощь? — приветствовал гном вошедшую Дубэ.

— Как всегда... — улыбнулась она из-под капюшона.

— Поздравляю тебя с последней работой... ведь это ты, правда?

Тори был одним из немногих, кто все знал о Дубэ и ее прошлом.

— Да, я, — отрезала Дубэ. Ей была свойственна немногословность.

Тори отвел ее в подсобное помещение, где она чувствовала себя как дома.

Учитель посвятил ее в тайны трав, когда ее умение стрелять из лука еще оставляло желать лучшего. Тогда она только училась быть убийцей и так же, как другие убийцы низшего уровня, умеющие точно попадать в жизненно важные точки, смазывала стрелы или кинжалы ядом, чтобы даже незначительное ранение обернулось смертельным.

«Яд — для начинающих», — напоминал ей Учитель, и она соглашалась, но со временем яды стали ее страстью.

Она проводила часы, склонившись над книгами, уходила в леса, поля, искала травы и вскоре начала изобретать необычные смеси, различные по своему воздействию: от мягких снотворных до самых опасных ядов. Именно это и привлекало ее. Учиться, искать, постигать. И в конце концов Дубэ овладела искусством составления ядов.

Потом ее жизнь изменилась, она больше не убивала и занялась изучением снотворных, которые могли принести ей несомненную пользу в воровстве, в той деятельности, которую она придумала для себя, чтобы выжить.

Сейчас она не тратила даром время, выложив на скамейку результаты своей последней вылазки, ожидая, что скажет Тори. А он склонился над жемчугом и сапфирами, которые оценивал взглядом знатока.

— Прекрасные камни, отличная огранка... только слишком узнаваемы... придется поработать.

Дубэ молчала. Все это она уже знала. Она по-прежнему владела искусством убивать и с таким же совершенством выполняла воровскую работу, с не меньшей тщательностью определяя цель.

— Тут будет на триста каролов.

Дубэ под капюшоном нахмурила лоб.

— Мне кажется, маловато...

Тори добродушно усмехнулся:

— Я знаю, скольких трудов это тебе стоило, но попытайся понять и меня... речь идет о том, чтобы разобрать, переплавить... триста пятьдесят.

Хватит еще на три-четыре месяца странствий.

Дубэ тихо вздохнула:

— Хорошо.

Тори улыбнулся:

— Для таких, как ты, работы всегда хватит.

Девушка взяла то, что ей причиталось, и ушла, не прощаясь. Она снова углубилась в переулки Макрата.

К полудню она покинула город и сразу направилась к своему дому. Это был всего-навсего грот. Свой настоящий дом, в котором она жила с Учителем, на берегу океана, в Земле Моря, она покинула, когда Учитель умер, и никогда больше туда не возвращалась. Чтобы заменить себе дом, она нашла эту дыру в Северном лесу, недалеко от цивилизации, но все же на приличном расстоянии от селений. Добраться сюда можно было за полдня.

Когда она вошла в свою нору, солнце уже заходило, от запаха плесени у нее перехватило дыхание, здесь явно не хватало воздуха.

Кроватью ей служила самодельная соломенная подстилка, а очагом — отверстие в каменной стене грота. В центре единственной комнаты стоял неотесанный стол, а у стены — шкафчик, почти весь заполненный книгами и пробирками с ядами.

Дубэ приготовила себе скудный ужин из того немногого, что принесла из города. Уже наступила ночь, и на небе мерцали яркие звезды.

После ужина Дубэ вышла из своего обиталища. Она любила смотреть на небо: его безбрежность успокаивала. Вокруг стояла тишина, ни ветерка, ни шороха, только журчание ручейка. Она пошла к источнику и медленно сняла с себя одежду.

Вода была ледяная, но Дубэ упрямо погрузилась в нее по самую шею. Холодно было недолго, почти сразу пришло ощущение тепла. Она опустила голову под воду, и ее длинные каштановые волосы заплесали вокруг головы, обволакивая лицо. Теперь она, наконец, расслабилась.

3

ПЕРВЫЙ ЛЕТНИЙ ДЕНЬ. ПРОШЛОЕ I

День был солнечным. Дубэ весело поднялась. Открыв глаза, она сразу поняла, что наступило лето. Может быть, оттого, что сквозь старенькие ставни просочился свет и проник свежий воздух.

Ей было восемь лет. Веселая девочка с длинными каштановыми волосами не слишком отличалась от других детей. У нее не было ни братьев, ни сестер, — единственный ребенок в крестьянской семье.

Они жили в Земле Солнца, неподалеку от Большой Земли. В конце войны эта территория была поделена между несколькими землями, и только центральная часть осталась самостоятельной. Родители Дубэ переехали в недавно построенную деревушку — Сельву. Они хотели мирной жизни, и им казалось, что они нашли ее вдаль от всех, посреди перелеска — сюда завоевательная война Дохора доходила только в виде эха. Почти несколько лет так и было. Дохор завоевал большую часть Всплывшего Мира, и воцарился обманчивый мир.

Дубэ бросилась босиком на кухню, не расчесав волосы.

— Солнце, солнце взошло!

Ее мать Мельна продолжала чистить овощи, сидя за столом.

— Вроде бы так оно и есть...

Мать Дубэ полная молодая женщина с румяным лицом, и, хотя ей было всего лишь около двадцати пяти лет, кожа на ее руках состарилась и огрубела, как у всех, кто работает на земле.

Дубэ села, облокотившись на стол, болтая ногами.

— Ты сказала, что я могла бы поиграть в лесу, если будет хорошая погода...

— Да, но сначала помоги мне, а потом делай что хочешь.

Дубэ помрачнела, вчера она договорилась со своими друзьями увидеться, если будет солнечный день. И вот оно — солнце.

— И что же, мне придется помогать тебе все утро?

Мать вышла из себя:

— Будешь помогать как миленькая!

Дубэ громко фыркнула.

Дубэ вытащила ведро из колодца и окатила себя ледяной водой. Ей нравилось начинать день с этого обжигающе холодного душа. К тому же каждый раз, поднимая ведро из колодца, она чувствовала себя сильной. И гордилась своей силой: она единственная из всех девочек не уступала Горнару — самому старшему среди них. Горнар — большой мальчик двенадцати лет, главный заводила в их компании, доказавший свое превосходство в драках. Однако ему не удалось взять верх над Дубэ, поэтому он относился к ней с недоверием и боялся задирать ее. Несколько раз она крепко колотила его и знала, что ему это не дает покоя. У ребят есть негласная договоренность: Горнар — первый, Дубэ — вторая. И она гордится этим.

«Мы могли бы поохотиться на ящериц и посадить их в террариум, или можно было бы подраться. Вот было бы чудесно!» — подумала Дубэ, предвкушая летние забавы. И вылила себе на голову несколько ведер холодной воды, вздрагивая от удовольствия. Дубэ худая, даже слишком, но кое-кто из их компании уже смотрит на нее, краснея, и она радуется этому. А ей запал в душу один скромный мальчишка — Матон. Она и взглядом его не удостаивает, но частенько думает о нем, он тоже наверняка будет с ними днем. Кто знает, может быть, сегодня, когда они соберутся, она наберется смелости и скажет ему, что он ей нравится.

Все утро было наполнено ожиданием послеполуденной встречи. Дубэ помогала матери, с трудом заставляя себя чистить овощи. Она сидела на стуле, нервно болтая ногами и бросая тревожные взгляды на окно. Иногда ей казалось, что кто-то из ребят пробегает мимо, но она знала, что, пока не выполнит своей работы, ей ни за что на свете не позволят выйти из дому.

Она уколола палец, и ее приглушенный вскрик рассердил мать.

— Вот мучение! Когда же ты будешь внимательной? Вечно твоя голова занята не тем, чем надо!

И мать опять принялась за старое: надо учиться у взрослых, а не бегать с этой шайкой дикарей, которых дочь выбрала себе в друзья.

Дубэ слушала молча. Не было смысла ни возражать, ни соглашаться, когда мама заводила эту песню. Да к тому же все это — одно притворство, Дубэ знала, ей сказал об этом отец:

— Маленькой твоя мама была во сто раз непослушней тебя. Знаешь, что потом бывает? Стоит появиться молодому человеку, девушки влюбляются и перестают гоняться за мышами по полям.

Она любит своего отца Горни, очень любит, больше, чем маму. Ее отец такой же худой, как и она, и остроумный.

И отец не сердится, когда она приносит домой какого-нибудь странного зверька, и не кричит из-за змей, которые так ей нравятся, наоборот, иногда он сам приносит ей какую-нибудь добычу. У Дубэ есть несколько банок со зверьками и насекомыми. Там и пауки, и змеи, и ящерицы, и тараканы — трофеи ее вылазок с друзьями на охоту. Один волшебник, проезжавший через их деревню, дал ей какую-то странную жидкость, которую разводят водой. Если положить в нее мертвое животное, оно отлично сохранится. Так она собрала коллекцию, которую показывает всем с нескрываемой гордостью. Мама терпеть этого не может и, каждый раз, когда Дубэ возвращается домой с новой добычей, грозит все выбросить. Кончается это обычно криками и плачем, а отец смеется, ему интересны дочкины изыскания.

Приходя на кухню перед обедом, уставший и потный, он почти всегда спасает ее.

— Папа!

Она бросается ему на шею, чуть не сбивая его с ног.

— Сколько раз говорить тебе, чтобы ты не шумела? — ворчит мать, а отец не обращает внимания.

Он совсем светловолосый, а глаза у него темные-претемные, такие же как у Дубэ. У

него чудесные усы, щекочущие Дубэ, когда отец ее целует, но это — приятная щекотка.

— Ну что? Все утро чистила кабачки?

Дубэ печально кивнула.

— Ну ладно, тогда днем ты можешь быть свободна...

— Ур-р-ра! — закричала Дубэ.

Обед вскоре был приготовлен, Дубэ жадно набросилась на еду.

Она с хлюпаньем проглотила суп, потом спешно покончила с яйцами, чуть не вывихнула челюсть, в три приема уничтожив яблоко, и побежала.

— Я пошла играть, вернусь к вечеру, — прокричала она, выскальзывая за дверь.

Вот она уже на улице и понеслась быстрее ветра.

Она знала, где найти своих друзей; в обеденное время они всегда на речке — там их постоянное место.

Подбегая, она услышала, что ее зовут:

— Дубэ!

Это была Пат — еще одна девочка из их компании, и лучшая подруга, только ей Дубэ доверяла все свои тайны (она единственная знала о Матоне). Пат была рыжая и веснушчатая и такая же неумная.

Их, как всегда, было пятеро. Они небрежно поздоровались друг с другом. Горнар сидел, держа длинный стебелек травы во рту, рядом — два близнеца, Самс и Ренни, один улегся, положив голову на грудь другого. Матон пристроился на пенке; увидев Дубэ, помахал ей рукой.

— Привет, Матон, — сказала она, застенчиво улыбаясь.

Пат усмехнулась, но Дубэ одним взглядом заставила ее притихнуть.

— Мы так долго ждали тебя, ты почему не пришла сегодня утром? — спросила девочка.

— Вот именно... из-за тебя мы потратили уйму времени, — сурово добавил Горнар.

— Мне надо было помочь маме... А вы-то что делали?

— Мы играли в войну, — ответил Матон и кивнул на деревянные мечи.

— А что будем делать сегодня днем?

— Ловить рыбу, — изрек Горнар, — мы поставили удочки в укромном месте.

Укромным местом был грот за рекой. Там они обычно прятали свои трофеи. Это были съестные припасы, утащенные с полей или из погребов, и разные странные находки, даже длинный проржавевший меч — видимо, воспоминание о Великой Войне.

— Ну, так чего же мы ждем?

Они разделились на две группы, чтобы поспорить, кто выловит больше рыбы. Пат и Дубэ — вместе, третий с ними — Матон. Дубэ это показалось просто невероятным: сбывается ее сон.

Весь день они только и возились с лесками, крючками и червяками. Дубэ притворилась, что испытывает безумное отвращение к червякам — только чтобы Матон помог ей.

— Они не такие уж и уродливые, — сказал мальчик, беря одного червяка пальцами и показывая его Дубэ, но девочка не обращала на него внимания, она смотрела в зеленые глаза Матона, который вдруг показался ей самым красивым мальчиком на свете.

Дубэ была большим знатоком рыбной ловли, она часто ходила на рыбалку со своим отцом, но сейчас делала вид, что ничего не понимает в этом деле.

— Дергает, мне эту рыбку не удержать, — громким шепотом сокрушалась она, и Матону приходилось идти ей на помощь, ухватившись за удочку рядом с руками Дубэ. Девочке казалось, что она видит это во сне: если уже в первый день все пошло так хорошо, то к концу лета ей, может быть, удастся поцеловать Матона и, кто знает, даже стать его невестой.

Незадолго до заката солнца все трое пересчитали свой улов: две жалкие уклейки, пойманные Пат, три уклейки и одна форель у Дубэ, маленькая зубатка у Матона.

Нечего и думать о сравнении с другой группой: Горнар сжимал в руках двух чудесных форелей, Ренни и Самс выловили каждый по зубатке да еще с десяток уклеек.

— Ясное дело, когда с нами наш главный... — сказал Самс.

Горнар сказал Дубэ, что теперь ее очередь класть удочки на место.

— Ты проиграла и к тому же поздно пришла сегодня. Отдавай долг.

Недовольная Дубэ отправилась в грот, нагруженная удочками и банкой с червями. Небрежно положила их и собралась выходить. И тут вдруг что-то привлекло ее внимание: сероватый отблеск на выступе скалы. Она подошла, чтобы разглядеть. И замерла.

Это была маленькая змейка. Змейка, которой в ее коллекции не было. Мертвая. Но отлично сохранившаяся. На красивом стальном тельце — черноватые полосы и одна — вокруг шейки. Дубэ бесстрашно протянула руку и осторожно взяла змейку. Она была маленькая, но Дубэ знала, что эти змеи могут быть длинными, в полтора локтя.¹ А эта — самое большее в три пяди.² Но в любом случае это была великолепная добыча.

— Смотрите, что я нашла, смотрите! — громко закричала Дубэ, возвращаясь к ребятам.

Друзья окружили ее и, возбужденно галдя, стали разглядывать змею.

Пат была немного разочарована, ей эти существа не нравились, но у мальчишек блестели глаза.

— Это — ожереловый уж, мне о нем говорил отец. Сколько я его искала...

— Отдай мне.

Слова Горнара были для нее как ушат холодной воды. Дубэ посмотрела на него, ничего не понимая.

— Говорю же, отдай мне.

— Почему это?

— Потому что я выиграл на рыбалке и мне причитается награда.

Тут вмешалась Пат:

— Мне кажется, о награде мы не договаривались... Мы просто так соревновались.

— Я тебе говорю, — процедил мальчишка сквозь зубы. — Отдай мне.

— Даже и не подумаю, это я ее нашла, и она моя!

Дубэ отвела руку, сжимающую змейку, подальше от Горнара, но мальчишка схватил ее за руку и сжал запястье.

— Пусти, мне больно! — закричала Дубэ и вырвала руку. — Она моя! Для тебя это всего лишь забава, а у меня — коллекция!

— Меня это не интересует. Я — главный.

— Нет!

— Если ты не отдашь мне ужа, я так тебя отколочу, что ты завтра и не высунешься из дома.

— Неужели? Разве ты не знаешь, что со мной этот номер не пройдет?

Этого Горнар стерпеть не мог и кинулся на Дубэ с кулаками, но Дубэ бросилась ему в ноги и яростно вцепилась зубами в его икру. Уж упал в траву. Дубэ и Горнар катались по земле, он таскал ее за волосы, так что девочка заплакала, но Дубэ не уступила. Она продолжала его кусать, и теперь они оба плакали: от ярости и боли; ребята вокруг громко кричали.

Они скатились на берег реки и дрались уже на отмели, где в тело впились острые камни. Горнар сунул голову Дубэ в воду. Он то опускал, то вытаскивал ее из воды. Воздуха

¹ Локоть — старинная мера длины, равная приблизительно 0,5 м.

² Пядь — старинная мера длины, равная расстоянию между растянутыми большим и указательным пальцами.

не хватало, а рука Горнара крепко держала ее за волосы.

Она сделала последнюю отчаянную попытку вырваться и теперь сама навалилась на Горнара. Дубэ сделала это инстинктивно. Несильно ударила мальчишку по голове и повалила его на землю. Этого удара хватило. Тут же пальцы Горнара выпустили ее волосы. Его тело еще какое-то мгновение оставалось оцепеневшим, а потом обмякло.

Внезапно Дубэ почувствовала, что освободилась, но ничего не могла понять. Она остановилась, сидя верхом на мальчишке.

— Боже мой... — пробормотала Пат.

Кровь. Струя крови окрасила воду реки.

Дубэ будто парализовало.

— Горнар, — звала она его. — Горнар, — крикнула она еще громче, но он не ответил.

Ренни отшвырнул ее от Горнара и бросил на траву. Самс поднял Горнара и оттащил его от воды, на берег. Он тряс его, все громче и настойчивее звал. Но Горнар молчал. Пат горько заплакала.

Дубэ посмотрела на Горнара. То, что она увидела, навсегда запечатлелось в ее памяти: широко открытые глаза, застывшие, суженные зрачки. Безжизненные глаза, которые, не мигая, смотрели на нее. И обвиняли ее.

— Ты убила его, — закричал Ренни. — Ты убила его!

4

ОСОБАЯ РАБОТА

Дубэ два дня сидела дома. Она была слишком неосторожной, ведь знала наверняка, что в Макрате видели нескольких убийц Гильдии. Должно быть, ее все еще искали. Но она хотела немного передохнуть.

За два года она ни разу здесь не останавливалась. Она побывала в Земле Моря, потом — в Земле Воды и еще — в Земле Ветра. Когда Дубэ решила вернуться наконец в Землю Солнца, она сделала это скрепя сердце.

Это была не только ее родная земля, но и место, где все кончилось, или началось, в зависимости от точки зрения.

Она устала скрываться: чем дальше, тем больше ей казалось, что во Всплывшем Мире уже нет такого отдаленного места, где она могла бы чувствовать себя в безопасности. Не только Гильдия преследовала ее, были и другие проблемы. Так случилось, что эти два дня ее мучили воспоминания. И всему причиной — вынужденное безделье. Пока она готовилась к очередной вылазке, мозг ее был занят, бездействие же изматывало. В такие дни к ней приходило чувство одиночества и, что еще хуже, возвращались тягостные воспоминания.

От этого было только одно средство — движение.

Утро было свежим и прозрачным. Дубэ надела самую легкую одежду: куртку без рукавов и брюки. И никакой обуви, — она обожала ходить босиком.

Она начала тренировку, которую делала с восьми лет, с тех пор как захотела стать такой же сильной и ловкой, как Учитель, — тренировку убийц.

Она была уже вся в поту, когда услышала его. И сразу же поняла, кто это. Только один человек из всех, кого она знала, был настолько глуп, чтобы всегда играть в одну и ту же дурацкую игру.

Она обернулась и мгновенно вытащила кинжал. Оружие вонзилось в дерево за спиной юноши.

Юноша был лет восемнадцати, худой как щепка, с лицом усеянным прыщами. Сейчас же его прыщи и вовсе заалели на мгновенно побледневшем лице.

Дубэ улыбнулась:

— Смотри, как бы в один прекрасный день я тебя и вправду не убила, Дженна.

— Ты что, совсем глупая? Ты чуть в меня не попала!

Дубэ небрежно вытащила кинжал из дерева.

— Если бы хотела, попала, а ты брось наконец эти игры.

Дженна был ей чем-то вроде друга, давним знакомым, которого она нашла, вернувшись в Землю Солнца. Дженна был мелким воришкой, ему далеко было до его подруги.

Он работал в Макрате, воровал кошельки у прохожих. Так этот сирота военных лет зарабатывал себе на жизнь. Они познакомились пять лет назад, когда он попытался украсть деньги у Учителя. Тот пригрозил убить его, а мальчишка принялся плакать и просить о пощаде. Его смышленное лицо понравилось Учителю.

— Ты обязан мне жизнью, — сказал он и взял мальчишку к себе в помощники.

С тех пор у Дженны появилось занятие. Он всегда находил отличные дела для Учителя, подыскивал ему клиентов и иногда даже получал вознаграждение, никогда не оставляя и своего ремесла вора-карманника.

Дженна обладал изворотливым умом, а руки его работали еще быстрее, чем голова. Он крутился по Макрату и всех знал. И умел хранить верность, на свой лад.

Потом Учитель умер, и все кончилось, Дубэ снова стала одинокой и несчастной. Тогда она и начала скрываться, по-другому ей было нельзя. Она зарабатывала деньги воровством, используя свою выучку. Тогда она скрылась в такой спешке, что не успела и попрощаться с Дженной. Они потеряли друг друга из виду и встретились, только когда Дубэ снова оказалась в Земле Солнца. С тех пор они стали часто встречаться.

Войдя в пещеру вслед за Дубэ, Дженна скорчил гримасу.

— Не знаю, какого черта ты живешь в этой норе, темно, мрачно, да еще и плесенью несет. И это ты называешь домом. Тут даже нет кровати. Вот если бы ты пришла ко мне...

Дженна часто повторял это, он хотел, чтобы они жили вместе, но Дубэ это было ни к чему.

— Хватит болтать, — оборвала его Дубэ и села. — Скажи, что тебе нужно.

Дженна присел на единственный стул и развалился, положив ноги на стол.

— Ясное дело — мои деньги.

Дженна помог ей найти последнюю работу и теперь пришел требовать небольшой процент. Дубэ не споря отдала ему причитающееся.

— Хочется надеяться, что ты проделал свой путь не только из-за денег.

Дженна кивнул и положил локти на стол.

— Есть тут человечек, который ищет самого лучшего из существующих воров для одной деликатной работы. Работать нужно в доме, а это — не для меня, ты сама знаешь. Вот я и сказал себе: почему бы не помочь Дубэ? Я кое-что знаю об этом дельце и считаю, что оно интересное.

Дубэ нахмурила брови.

— Что-то ты слишком много таинственности напускаешь.

Дженна посмотрел на нее недоверчиво:

— Но ты ведь уже работала по заказу, разве нет?

Дубэ рассердилась.

— Ты лучше других должен знать, что я не могу себя раскредитовать.

Дженна выдержал хорошо продуманную паузу.

— Это один доверенный человек Дохора.

— Теперь все — доверенные люди Дохора. Ты отлично знаешь, что большая часть Всплывшего Мира в его власти.

Это было правдой. Дохор начинал, как обычный Всадник Дракона, а после брака с Суланой стал королем и теперь решил постепенно завоевать весь Всплывший Мир. Он, так или иначе, контролировал шесть из Восьми Земель. Последние три земли, до сих пор независимые — Земля Моря, Земля Болот и Земля Лесов, прежде объединявшиеся в одну Землю Воды, теперь находились практически в состоянии объявленной войны.

Дженна удовлетворенно ухмыльнулся.

— Этот человек — не какой-нибудь прихвостень, он не работает ни на кого из придворных, зато его часто видят вместе с самим королем.

Дубэ заинтересовалась.

— Это его верный наместник, он входит в самый узкий круг приближенных.

— Ты с ним встречался?

— Да. Я собрал все сведения и дал ему знать о себе. Вот тут-то и случилось самое неожиданное. После первого контакта некто назначил мне встречу в одном из роскошных домов Макрата, думаю, ты знаешь — его называют «Лиловый шелк».

— Как не знать! Этот дом частенько посещают генералы и разные высокопоставленные чиновники.

— Меня ввели в комнату в четыре раза больше всего моего дома. И как ты думаешь, кто там был? — Дженна сделал еще одну паузу. — Это был Фора.

Дубэ не удержалась и вытаращила глаза. Фора был зятем Дохора, но прежде всего он был его правой рукой. Они познакомились, когда Дохор еще только мечтал об абсолютной власти, с тех пор эти двое и стали неразлучны, их союз еще более укрепился, когда Дохор и сестра Форы заключили брак. На поле боя они никогда не появлялись порознь. Дохор, без всякого сомнения, был мозгом этого союза, политиком, не только искусным воином, но еще и тонким стратегом, беспристрастным дипломатом. А Фора был в большей степени воином. Там, где надо было убивать, он появлялся со своим огромным двуручным мечом.

— Ну, ты представляешь, я почувствовал себя не лучшим образом... — продолжил Дженна. — В любом случае мне обозначили границы и сроки. Фора, а также, конечно, и Дохор, хотя его имя вслух ни разу не упоминалось, хотят, чтобы была выполнена одна деликатная работа: похищение некоторых секретных документов, находящихся в безопасном месте, в одном особняке. Естественно, больше он ничего сказать не захотел.

— Естественно.

— Он намерен заплатить тебе около пяти тысяч каролов. Но детали он хочет обсудить с тобой лично.

Цена была огромной. Дубэ ни разу в жизни не видела таких денег. Может, и Учитель тоже.

Девушка молчала, уставившись в стол. Ей предложили работу высокого уровня, такой она никогда не выполняла. Совершенно иного уровня.

— И больше он тебе ничего не сказал?

— Нет. Но он продемонстрировал мне свою щедрость.

Дженна вытащил из кармана рубашки мешочек и вытряхнул его содержимое на стол. Монеты из чистого золота засверкали во мраке пещеры. Тут было не меньше двухсот каролов.

Дубэ не смутилась. Она смотрела на монеты и молчала.

— Он попросил меня устроить встречу. Я конечно же сказал, что все зависит от тебя.

В пещере воцарилась полная тишина. Встретиться с Форой... Дубэ помнила его с тех пор, как увидела его в Земле Ветра. Это был огромный человек со злой улыбкой убийцы, застывшей на лице. Рядом с ним следовал бледный юноша, чуть постарше Дубэ. Лишь на одно мгновение они встретились взглядами. Девушка сразу поняла — он испытывает такой же, как она, страх перед этим человеком.

— Ну как? Ты ничего не скажешь? — не удержался от вопроса Дженна.

— Я думаю.

— О чем? Такой случай бывает один раз в жизни, Дубэ!

Но Дубэ никогда не принимала необдуманных решений, тем более когда речь шла о работе, о которой она ничего не знала. А если это ловушка? Если за всем этим стоит Гильдия?

— Что тебе стоит: поговори с ним, да и все. Если тебя не устроит — откажешься, так ведь?

— Ты уверен, что тут не замешана Гильдия? Дженна нетерпеливо махнул рукой:

— Дохор, черт возьми, говорю же тебе — Дохор! О Гильдии и речи нет.
— Ты назвал ему мое имя?
— Ты меня за идиота принимаешь?
Дубэ какое-то время молчала, потом вздохнула.
— Через два дня у Темного ручья, в полночь. Так ему и скажи.

Темный ручей был глухим местом посреди Северного леса. Там рядом с маленьким озером с берегами из черного базальта бил из земли родник. Когда сияло солнце, вода казалась черной как деготь. Это место внушало страх, но Дубэ часто ходила к ручью, когда ей нужно было сосредоточиться. В этом месте она обретала спокойствие и силу.

Этой ночью она отправилась туда заранее. Небо было затянуто тучами, а ветер дул сильнее обычного. Она постояла в темноте, прислушиваясь к стону деревьев и звукам текущей воды.

Темнота нравилась ей. Дженна иногда говорил, что она должна была родиться в Земле Ночи: там уже более ста лет, из-за заклęcia одного мага во время Двухсотлетней войны, царит вечная ночь. И в самом деле, когда Дубэ работала в той земле вместе с Учителем, чувствовала себя необычайно хорошо. Но Земля Ночи была для нее опасной, ведь именно там находится центр Гильдии. Гильдия — общество убийц, от которого Учитель всю жизнь пытался убежать, — охотилась и за Дубэ.

Время встречи уже несколько минут как наступило. И тут она услышала: шли двое, явно мужчина шел тяжело и уверенно ступая и еще кто-то, нерешительный. Она поняла это по шуршанию сухой листвы на земле.

Она попыталась угадать: «Генерал Форэ и какой-то его приспешник, взятый им с собой только из предосторожности».

Девушка опустила капюшон плаща пониже, закрыв лицо, распрямила плечи, чтобы казаться солиднее.

Из-за деревьев показались два человека: один огромный, с четким силуэтом двуручного меча за плечами, второй, гораздо меньше, человек держал руку на эфесе шпаги. Дубэ поняла, что не ошиблась.

Она была взволнована. И пожалуй, слишком торопливо встала с бревна, на котором сидела.

«Успокойся, это такая же работа, как обычно».

— Вы запоздали, — сказала она измененным, чуть хриловатым голосом, чтобы задать тон разговора.

— Не так-то легко найти это место, — ответил второй человек.

Начался дождь, на головах у обоих были капюшоны, и, несмотря на это и на темноту, тренированный глаз Дубэ ясно различил черты лица обоих.

Форэ почти не изменился: резкие черты лица, большой нос и волевой подбородок, зловещая улыбка победителя, застывшая на лице. Он лишь постарел, но не сдался. Страх, который Дубэ испытывала перед ним в детстве, снова вызвал у нее озноб.

Другой по сравнению с Форэ казался совсем невзрачным. Невысокий, одетый в кирасу, с побелевшими костяшками пальцев, сжимавших эфес шпаги.

— Если бы это место было легко отыскать, я не назначила бы вам здесь встречу.

— Ну ладно, — спокойным голосом ответил Форэ. Дубэ кивнула в знак согласия.

— Может быть, ты снимешь капюшон, — сказал солдат. Дубэ какое-то мгновение молчала. Мурашки побежали по спине, но она взяла себя в руки.

— Я предпочитаю не открывать своего лица, это — составная часть моей работы.

Второй человек, похоже, стал злиться, но Форэ положил ему руку на плечо.

— Мне кажется, что мы все слишком нервничаем, не так ли? Но для этого нет никакого повода.

— Мой связной обрисовал мне характер работы, — невозмутимо продолжила Дубэ, — но, перед тем как дать определенный ответ, я хотел бы знать детали.

Тогда заговорил спутник Форы:

— Речь идет о деликатной работе, поэтому мы и подумали о тебе. Человек, которого надо обокрасть, — Теворн.

Дубэ нервно сглотнула. Теворн был не простой человек, долгое время он был вернейшим солдатом Дохора и тоже происходил из Земли Солнца. Довольно заурядный волшебник, он обладал изощренным умом и быстро разглядел возможности Дохора, тогда худенького мальчишки с честолюбивым блеском в глазах. Теворн сразу же присоединился к Дохору и способствовал его восхождению. Разрыв между ними наметился около десяти лет назад, в период перемирия, последовавшего за разгромом Идо. И тогда-то Теворн начал плести свою паутину, вступив в союз с аристократическими фамилиями Земли Солнца, в надежде отхватить свой лакомый кусок. Союз с Дохором был ему удобен.

А пять лет назад после разоблачения заговора против Дохора, в котором как раз и принимал участие Аманта, волшебник принужден был вернуться к замкнутому образу жизни.

Ходили также слухи, что странный союз между тогдашним главным врагом Дохора — гномом Гахаром из Земли Скал — и Идо был в определенной степени спровоцирован именно Теворном. И вроде бы с тех пор о старом волшебнике не было слышно.

— В замке, который он для себя построил и из которого никогда не выходит, хранятся документы определенной важности, и я хотел бы их получить, — объяснил Фора.

— Нет никаких проблем, — спокойно сказала Дубэ.

— Документы находятся в небольшой комнате, рядом с которой спит Теворн. Это потайная комната, и никто не знает точно, как туда проникнуть.

Значит, придется все разузнавать. Это Дубэ отлично умела делать.

— И это — тоже не проблема.

Фора жестко усмехнулся:

— Да... мы знаем о твоих талантах. Но мы не хотим убийств, работу надо сделать аккуратно, не оставляя следов. Теворн должен догадаться о краже как можно позже.

Дубэ кивнула. Она и не собиралась никого убивать. Дубэ вспомнила те времена, когда она старалась быть незаметной. Что касается деликатности в работе, то это и было ее отличительным знаком.

— Ты получишь еще двести каролов сразу же, как только согласишься, а остальное — после выполнения работы, и только в том случае, если все произойдет точно по намеченному нами плану.

Дубэ некоторое время молчала. Она ясно осознавала серьезность происходящего. У нее появилось странное чувство надежды. Она подумала, что, может быть, эти деньги помогут положить конец бродяжничеству, которое уже обессилило ее. Это было последней надеждой. Ей очень хотелось забыть те удары судьбы и боль, которые ей пришлось пережить за все эти годы. В любом случае игра стоила свеч.

— Я согласна, — сказала она.

— Стало быть, договорились, — небрежно бросил Фора.

— Конечно. Когда я получу свои деньги?

— Завтра, в это же время, на этом же месте.

Дубэ собиралась уже скрыться в чаще леса, когда ее остановил громовой голос Форы:

— Но смотри не обмани надежды, которую мы возлагаем на твои способности.

Дубэ остановилась. Но даже не обернулась.

— Если вы в самом деле знаете о моей репутации, то вы не должны были этого произносить.

И услышала тихий смех за спиной.

Дубэ начала подготовку на следующий день. Дело предстояло сложное и опасное, оно требовало скрупулезной подготовки.

Это была та часть операции, которую Дубэ особенно любила. Сама по себе кража была просто работой, интересной лишь из-за странного возбуждения и денег, что за нее причитались. Сбор сведений — вот это совсем другое дело.

Кроме того, появлялась редкая возможность вступать в контакт с людьми. Учитель научил ее убивать людей — в какие точки целиться и как наносить удар, долгое время это было единственное, что она знала о людях, обо всей этой человеческой толпе, за пределами той маленькой семьи, которая состояла из нее и Учителя. О том, как жили обычные люди, она практически ничего не знала. Сбор сведений, наблюдение за людьми давали ей возможность мечтать о нормальной жизни, изучать ее и хотя бы на мгновение соприкасаться с ней.

Сначала она бродила вокруг дома Теворна по ночам. Обычно замок охраняли двое: один — у входа, другой обходил стены дворца по периметру. Дубэ подходила к замку много раз и наконец, почувствовав себя вполне уверенно, вошла в большой сад. Девушка запомнила каждое растение, каждый камень стены, изучила ритм шагов стражников, их привычки. В конце концов даже ее дыхание стало совпадать с дыханием обоих стражников.

Наблюдая снаружи, она смогла многое узнать о том, что находилось внутри, и составила план предполагаемого расположения комнат.

Потом Дубэ решила, что пора познакомиться с кем-то из живущих в замке, с тем, у кого язык без костей и кто расскажет о доме и привычках обитателей. Она выбрала дочь давно работающей в замке служанки. Девчушка с невинным личиком, наивная, в силу своего возраста, показалась Дубэ идеальным вариантом.

Она подошла к девушке на одном из больших рынков Макрата, когда та раздумывала, выбирая яблоки. Завязать с ней разговор оказалось на удивление просто, тем более что они были почти одного возраста.

Девушка по имени Ман охотно познакомилась с Дубэ. Они встретились несколько раз на рынке, удивились такому странному совпадению и завязали знакомство.

Как и предполагала Дубэ, Ман оказалась жизнерадостной и простосердечной, готовой откровенничать с любым человеком.

Дубэ выдала себя за служанку и назвала фамилию довольно известного семейства: в их доме она побывала в начале своей воровской карьеры. Вскоре девушки стали жаловаться друг другу на капризы хозяев, подробно обсуждая привычки господских семейств.

— В доме хозяин чувствует себя в большей безопасности, поэтому никогда не выходит. Но и там, в своих стенах, всегда принимает меры предосторожности: к примеру, у него три спальни, и каждый раз он выбирает, где будет спать.

Дубэ подозревала это: каждую ночь в последнюю очередь свет гас в разных окнах. Это затрудняло дело. Значит, придется обыскать три спальни. Ничего хорошего.

— Да, да, он немножко помешан на безопасности, правда... Но я, ты представляешь, даже не знаю почему... Может, это от старости, мне мать говорила, что в определенном возрасте начинается... — И Ман покрутила пальцем у виска. — Поэтому перед его комнатой всегда стоит стражник.

Дубэ улыбалась, а сама напряженно думала.

В это время она совсем мало спала. Так всегда было перед работой. Все ночи она наблюдала, а днем выпытывала сведения у Ман. Она возвращалась домой на рассвете и несколько часов отдыхала, но спала недолго, предпочитая тратить время на размышления. Тогда она уходила к Темному ручью и прислушивалась. Она сосредоточивалась на звуках этого мрачного места, пока голова не прояснялась. В такие моменты она как растение растворялась среди других растений, ощущая землю как источник своей жизни.

Это было старое упражнение, оно было необходимо ей, чтобы успокоиться перед работой. Его Дубэ показал Учитель в самом начале ее обучения.

Это случилось в один из вечеров. Дубэ решила, что сегодня ночью она не пойдет в замок. Она уже знала сад как свои пять пальцев и изучила привычки его владельца.

Она отправилась к Темному ручью после ужина, когда уже совсем стемнело. Только звезды тускло поблескивали над ее головой.

Девушка присела у родника, выпила немного воды, чтобы взбодриться и сохранять ясный ум. Земля была мягкой, усыпанной сухими листьями. Наступал ноябрь.

Дубэ закрыла глаза и попыталась расслабиться, но у нее ничего не получалось, и это было странно. Она ощущала какую-то опасность, хотя вокруг слышался только шелест деревьев, раскачиваемых ветром, и тихое журчание воды.

Она повторяла про себя, что опасности нет, что вокруг все спокойно, но внутреннее чутье ее никогда не обманывало.

Дубэ сосредоточилась на звуках, у нее был природный талант распознавать их. То была способность, обостренная годами обучения. Поскрипывание деревьев от порывов ветра, шелест листьев. Журчание воды в ручье. Прекрасный, звонкий звук капель, падающих в маленький водоем, и их слабое эхо, отражающееся от черных стен обрыва.

И вдруг неожиданный шум, и одновременно она ощутила легкую боль, подобную уколу, в предплечье.

Ее тело сразу же отреагировало. Рука рванулась к ножам для метания, которые она всегда носила с собой. Ей не нужно было времени для раздумий. Мгновенно блеснул клинок, а потом она услышала приглушенный крик и тихий звук падения тела.

Перед ее глазами завертелись воспоминания, мыслью она перенеслась в ту ночь, много лет назад, когда те же самые ножи были брошены и попали в цель. А потом — еще более давнее прошлое: застывшие, широко распахнутые глаза, смотревшие на нее, глаза, которые она никак не могла забыть, глаза Горнара — они каждую ночь виделись ей и обвиняли ее.

Дубэ затаила дыхание. На лужайке царила тишина.

Прежде всего она осмотрела свою руку. Кровь ручейком стекала с предплечья, причина была ясна, тонкая иголка вонзилась в руку. Яд. Наверняка.

Дубэ бросилась туда, откуда раздался стон. Она дрожала после пережитого напряжения. По крайней мере, она так думала.

Дубэ осторожно приблизилась. На земле неподвижно лежал человек: нож вонзился ему в грудь.

Может быть, он жив.

Дубэ приблизилась и всмотрелась в своего врага. Это был почти ребенок! Мальчик. И он уже не дышал.

Дубэ стиснула кулаки, закрыла глаза и с усилием отогнала воспоминания, которые вызвал у нее вид трупа.

Проклятье!

Она отвела глаза от его лица и попыталась рассмотреть, как он одет. На боку у него висел кинжал. Черный, рукоятка в форме змеи. В одной руке — духовое ружье. Конечно же они хотели замаскироваться, но Дубэ все говорило о Гильдии. Оружие, которое использовали только убийцы Гильдии, юный возраст и, наконец, то, как он напал.

Это открытие заставило забыть все остальное — даже ужас, вызванный у нее неожиданным убийством.

Дубэ перестала рассматривать мертвого и, задыхаясь, побежала к своему гроту. Она знала, что если ее действительно отравили, то ей надо было бежать как сумасшедшей, все известные ей противоядия были там.

Вбежав в дом, она бросилась к полкам. Дубэ помнила все свои пузырьки, могла различать их просто по цвету. Она знала, какие яды использует Гильдия, быстро сняла с полки необходимые бутылочки и успокоилась, когда все они были расставлены по порядку.

Теперь она сосредоточенно задавала вопросы своему телу, как это мог бы сделать маг или жрец. Она чувствовала себя хорошо. Хорошо — вопреки ожиданиям. Дыхание было учащенным, но только из-за бега, сердце билось быстро, но четко и ровно. Глаза ясно

видели, голова не болела и не кружилась. Она не знала ни одного яда, который, через несколько минут после проникновения, не оказал бы какого-нибудь воздействия. Дубэ осмотрела иглу, которую до сих пор судорожно сжимала в кулаке. Острие было едва окрашено в красный цвет ее алой крови. И ничего больше.

Она взяла равные количества разных противоядий, самую малую дозу каждого. Так ей говорил Учитель, но эту науку ей никогда раньше не приходилось применять на практике. Он повторял, что нужно как следует запоминать дозировку, чтобы этот способ срабатывал.

Некоторое время Дубэ следила за своими ощущениями, со страхом прислушиваясь к биению сердца и дыханию, но ничего не происходило.

Чудо. Настоящее чудо.

Тогда Дубэ отправилась хоронить тело юноши. Тягостная обязанность, от которой она с удовольствием бы избавилась, но это надо было сделать.

Дубэ снова взглядела в него. Глаза закрыты, почти спокойное выражение лица, правильные черты, выющиеся волосы разметались по лбу. Насколько он мог быть старше ее? Не намного. Учитель говорил ей об этом: в Гильдию вступают очень рано. Обучаются с детского возраста, а потом — первое убийство в десять лет.

Должно быть, это одна из первых сложных работ мальчика, и все кончилось так плохо... Он умер с закрытыми глазами, и только поэтому Дубэ удалось так долго его рассматривать. Она не могла видеть открытые глаза трупов. Безжизненные глаза приводили ее в ужас, и каждый раз, каждый трижды проклятый раз она вновь видела в таком взгляде отчаяние открытых глаз Горнара, первой жертвы в ее жизни.

«Я убила, я снова убила».

Все звуки, ветер, холод и даже страх из-за этой странной иглы растворялись в этом леденящем ощущении. «Я убила снова. Это моя судьба».

Она пыталась не думать о случившемся, говорила себе, что защищалась. Она заглушала свои мысли ритмичным движением лопаты, которой копала яму, старалась думать об усталости, сковывавшей ее руки. Наконец Дубэ поняла, что больше ничего не чувствует и стала уже таким же мертвецом, как этот юноша.

Потом она побежала к источнику, как в первую ночь, когда она совершила убийство вместе с Учителем. Стремительно скинула одежду, кинулась в воду, погрузилась с головой в кипящую темноту воды, и распущенные волосы обволокли ее лицо.

Она долго оставалась под водой, затаив дыхание, надеясь, что вода проникнет внутрь, промоет и очистит ее.

Дубэ поклялась, что никогда больше не будет убивать, она дала эту клятву после смерти Учителя. А теперь она нарушила клятву.

То, что случилось, было очень серьезно, Дубэ это понимала.

Действительно ли юноша принадлежал к Гильдии? И зачем его послали убить ее?

Она отправилась в Макрат, к Дженне. Дженна перепугался не на шутку, когда Дубэ объяснила ему, чего от него хочет.

— Ты хочешь, чтобы я разузнал о Гильдии?

— Не то чтобы разузнал... Только послушай, что о ней говорят...

— Я даже не знаю, где находится Гильдия убийц. Ты только представь себе, как мне хочется связываться с кем-то, кто в нее входит!

Молва о Гильдии шла ужасная. Официально она считалась какой-то странной сектой, каких было много во время войны и разрухи. Только благодаря этой репутации и покровительству власть имущих секта продолжала существовать. На самом деле в секту входили самые опасные убийцы Всплывшего Мира. Говорили, что в секте проводятся странные кровавые ритуалы. Но все это были только слухи. Гильдия хорошо хранила свои тайны, найти человека, который действительно что-то знал, было почти невозможно.

Учитель Дубэ входил в секту, но мало рассказывал ей об этом. Только когда все было

кончено навсегда, он осмелился рассказать, как и когда он вышел из Гильдии, и с тех пор девушка ненавидела это название. Два последних года она провела, пытаясь убежать от секты. Именно поэтому теперь она должна была узнать, что произошло.

— Я прошу тебя разузнать что-нибудь у твоих знакомых. И ничего больше. Они даже и не поймут. Они не должны догадываться зачем.

Скованный страхом, Дженна ничего не отвечал.

— Я только прошу тебя о помощи, — сдалась, наконец, Дубэ. — Сейчас я не могу сама заняться этим, но мне срочно нужно узнать что-нибудь.

Дженна, кажется, стал приходить в себя.

— Я заплачу тебе за эту услугу...

Дженна махнул рукой.

— Ладно, ладно... Так что с работой?

— Ты же знаешь, что я ничего не могу тебе сказать.

— Но оплата хорошая, как они говорят?

Дубэ назвала ему сумму.

— Ну, с таким царским вознаграждением ты можешь и отойти от дел, не так ли?

Дубэ поразились тому, что мысль, озарившая ее у Темного ручья, пришла в голову и Дженне.

Позже, возвращаясь в свою пещеру, она попыталась представить свою жизнь без убийств и воровства, как будто бы всего, что произошло с ней, никогда не было. Нормальную жизнь, такую, какую она наблюдала во время своих долгих прогулок по городу: всегда просыпаться в одной и той же постели, покончить с бесцельным существованием и слежками, и, может быть, она встретит любимого человека.

Вздохнув, она подумала о том, что вряд ли такое возможно. Но ей хотелось, чтобы это было возможно. Дубэ устала.

Вечер кражи наступил слишком быстро. Дубэ была готова, но ее продолжало мучить беспокойство. Тайна юноши из Гильдии еще не была разгадана. Дженна не подавал никаких вестей: это значило только одно — что ему ничего не удалось узнать.

Она вышла из дома посреди ночи и направилась к замку Теворна. Замок показался ей мрачным и огромным при бледном свете месяца.

Перебраться через каменную ограду не составило труда. Какое-то время она пряталась в траве сада, пока не услышала шаги часовых, совершающих первый обход. Их было двое, они шли каждый в своем направлении. Дубэ прислушалась к шагам, запомнила их ритм.

Снова шум шагов, и Дубэ слилась со стеной, сдерживая дыхание. Солдат прошел, ничего не заметив.

Дубэ осторожно прошла вдоль стены, приблизилась к намеченному месту. Тут за высоким кипарисом было очень удобно забираться, ее было почти не видно. На высоте десяти метров проходил дымоход — отличное место для проникновения внутрь.

Дождавшись очередного прохода стражей, она начала карабкаться по кипарису. Снова прошел стражник, на этот раз громко зевая. Только услышав, что он уже далеко, Дубэ продолжила подъем. До верха было еще два метра. Все шло хорошо.

Она прижалась к черепичной крыше и заскользила к дымоходу. Спряталась за ним. И оказалась вне поля зрения охраны.

Теперь веревка и гарпун. Она закрепила гарпун в том месте, которое показалось ей достаточно надежным, потом кинула веревку в трубу и начала спускаться.

Труба была узкой, Дубэ продвигалась вниз, задевая плечами кирпичи.

Она спускалась медленно и осторожно, нащупывая ногами точки опоры. Наконец увидела полоску неяркого света, спустилась к основанию камина и заглянула в помещение. Как она и предполагала, это оказалась пустая комната — одна из многих во дворце.

Дубэ не нужно было смотреть на свой чертеж — она на память знала расположение всех комнат. Девушка вылезла из камина и направилась к двери в глубине комнаты. Пересекла анфиладу одинаково обставленных просторных комнат. Наконец оказалась в

начале длинного коридора первого этажа. Тут-то и начиналась самая трудная часть работы.

В какой бы спальне Теворн ни находился, охранялись всегда все три, так сказала ей служанка Ман. Нужно было их проверить.

Она увидела стража, задремавшего у первой двери. Быстро и бесшумно Дубэ проникла в соседнюю комнату. Здесь был балкон, следовательно, ее работа будет проще, чем она предполагала.

Теворна внутри не было, и никого не было, так даже лучше.

Она стала изучать помещение. Она не знала точно, где искать, но хорошо ориентировалась в домах, которые обворовывала уже два года в этих местах. Она повидала немало потайных комнат и механизмов и без труда могла открыть их.

Ее поиски ни к чему не привели. На стенах ничто не выдавало наличия тайника.

Глухой номер. Ну да ладно, ночь длинная.

Девушка вернулась и продолжила поиски. Час был уже поздний, прислуга давно улеглась, а стражники ограничивались небрежным обходом основных коридоров, и Дубэ без помех переходила из комнаты в комнату.

Вторая попытка тоже не дала результатов. Соседняя комната была немногим больше чулана, с маленьким и узким окном. И без балкона. Хорошо и то, что Дубэ обнаружила узкий карниз. Она открыла окно и подождала, пока пройдет стражник в саду, затем сделала несколько шагов по карнизу до следующего окна. Без труда открыла его и спрыгнула внутрь.

Кровать была закрыта тяжелыми бархатными пологам. Дубэ неслышно подошла и посмотрела: в ней лежал Теворн, он спал беспокойным сном. И у него были все основания для беспокойства. В эти минуты подвергались опасности его документы, и более того, его собственная жизнь.

Сегодня вечером может умереть он, а завтра, возможно, настанет очередь убийцы.

«А я и есть этот убийца».

Дубэ замотала головой, как она обычно делала, чтобы отделаться от назойливой мысли.

Она приступила к обыску, который уже провела в другой комнате, на этот раз стараясь быть как можно более аккуратной, — судя по всему, сон Теворна был беспокойный и неглубокий. Она внимательно осмотрелась и пошла по периметру спальни, легко касаясь стен. Ей не пришлось тратить много времени в поисках тайника, она обнаружила его: гобелен с потертым краем.

Дубэ приподняла его, улыбнулась: там находилась закрытая дверца.

Она наклонилась к замочной скважине и внимательно осмотрела ее. Затем достала свой инструмент. Это была отмычка для разного рода замков — драгоценный подарок Дженны. Вскрывать замки — единственное, чему Учитель ее не научил.

Потайная комната оказалась самой настоящей кладовой. Дубэ пришлось наклониться, чтобы войти. На всякий случай Дубэ закрыла за собой дверь и начала ощупывать стены, прислушиваясь своим чутким ухом к тяжелому дыханию Теворна за стеной.

Ее пальцы нащупали неровность, на ощупь казалось, что это — нечто вроде знака. Она нажала, и один угловой кирпич вышел из своего паза на несколько сантиметров. Дубэ аккуратно прикоснулась к нему и сунула руку в появившееся отверстие, ее рука нащупала листки бумаги.

«Нашла», — подумала Дубэ. И почувствовала какое-то странное смущение, причины которого не могла понять.

Она аккуратно достала страницы, открыла мешок, куда должна была положить документы. И бросила их туда.

У нее внутри как будто бы что-то сломалось, неожиданно она почувствовала сильную боль в груди, перехватило дыхание.

«Я умираю», — подумала она, и ее парализовало больше от удивления, чем от страха. Она почувствовала боль в предплечье, и больше — ничего, только тьма.

Когда Дубэ пришла в себя, она лежала, скорчившись, на полу, в совершенно темной комнате. За дверью все еще слышалось тяжелое дыхание Теворна. Она попыталась встать, но

у нее кружилась голова, трудно было дышать.

Она оперлась о стену, отчаянно пытаясь восстановить дыхание. Сердце билось с перебоями, казалось, что не хватает воздуха, чтобы наполнить легкие. Ей было плохо. Дубэ пыталась, но не могла понять, что с ней. Одна в доме врага. В процессе выполнения работы. Ее охватил ужас.

«Сумасшедшая, думай лучше о том, как выбраться отсюда!»

Она встала — ноги дрожали, — вышла из комнаты, окинула все вокруг мутным взглядом. Ей нужно было еще довести до конца свое дело.

Дубэ подошла к окну и выглянула наружу. Неожиданно карниз показался ей слишком маленьким, чтобы можно было по нему передвигаться. И тут она услышала шарканье ног за дверью.

«Только не сейчас...»

Дубэ вылезла, поставила ноги на карниз и почувствовала головокружение, в отчаянии она прижалась к стене.

«Только не сейчас!»

Она приложила ладони рук к стене и начала перемещаться вдоль нее так осторожно, как только могла. Выбраться как можно скорее, пытаясь свести к минимуму неприятности.

— Кто там? — раздался снизу озабоченный голос стражника.

Дубэ осмотрелась: совсем недалеко было нужное окно. Она сделала над собой усилие и побежала к окну.

— Стой!

Времени не оставалось. Дубэ продолжала двигаться вперед, достигла окна, выбила стекло рукой.

Ей становилось лучше, но беда все равно уже случилась.

Она спрыгнула в комнату, за ее спиной раздавались голоса.

— Там кто-то есть!

— Какого черта он там делает?

— Там кто-то есть! Я видел тень, она проникла в северный зал! Посмотрите, кто там!

Дубэ, оглядываясь по сторонам и проклиная себя, бросилась к камину. Тем временем дверь комнаты распахнулась.

— Кто тут?

Дубэ вцепилась пальцами в кирпичи, оперлась ногами в стенку камина и начала подниматься вверх.

— Есть тут кто?

— Вроде никого, но лучше проверить.

Девушка старалась карабкаться как можно быстрее, но неожиданно труба стала сужаться, делая восхождение вверх еще более трудным. Стенки сжимали грудь, и Дубэ снова едва дышала. А внутри дома слышались голоса, звуки вытащенных из ножен мечей и суетливая беготня.

«Держись, держись!»

Она с трудом выбралась наружу, прижимаясь к кирпичам и царапая руки. Посмотрела вниз. Рядом, на расстоянии одного прыжка, находился балкон, а ниже — сад, и никакой охраны. Дубэ прыгнула вниз и почти бесшумно опустилась на балкон.

Не теряя ни минуты, она мгновенно перепрыгнула ограду балкона, падая в пустоту. На сей раз приземление не обошлось без последствий, Дубэ сильно расшибла коленку.

Она мгновенно поднялась и спряталась за оградой балкона. В саду по-прежнему никого не было, но совершенно ясно, что это не надолго. Дубэ побежала к стене и быстро взобралась на нее. Не без некоторых трудностей ей удалось оказаться на улице, в ночной темноте. Прихрамывая, она направилась в сторону переулочка, почти пройдя его до конца, присела на землю и спокойно задышала. Ночной холод привел ее в чувство. Она открыла глаза, над головой светила белая, неподвижная луна.

«На этот раз я чуть было не попалась». С ней никогда ничего подобного не случилось.

Ни во время работы, ни вообще когда-либо в жизни. У нее всегда было железное здоровье. Что же с ней стряслось, черт возьми?

Теперь все, казалось, было в порядке: спокойно билось сердце, дыхание размеренное, голова ясная. Она еще несколько мгновений оставалась в переулке, удивляясь тому, что до сих пор жива, потом накинула на голову капюшон плаща и затерялась среди теней Макрата.

6

НЕДОСТАЮЩЕЕ ЗВЕНО

Иешоль сидел в своей библиотеке. Как обычно. Она была его прибежищем. Местом, о котором все другие убийцы, делившие с ним кров Дома, слышали, но где мало кто побывал.

Это была его библиотека, им самим собранная, книга за книгой, потому что только он один был достоин изучать эти книги. К тому же и Астер тоже всегда оставался в одиночестве. Иешоль никогда и в мечтах не считал себя его другом, даже наперсником. От Астера он мечтал только получать приказы.

Теперь, когда главой стал он, Иешоль, когда Гильдия осталась единственной направляющей силой для тех, кто разделял величайшие мечты Астера, Иешоль хотел, чтобы и его охраняли так же, как прежде Астера.

Вся его жизнь была связана с книгами. С детства он торопливо глотал их, когда обучался древнему ремеслу убийства. Затем Астер поддерживал эту страсть, делясь с ним своей библиотекой, хотя в последние годы он чаще всего был исполнителем, а не советником.

Иешоль пытался воскресить, описав своим пером, далекие события, случившиеся больше сорока лет назад.

Но не только этим были заняты вечера Иешоля. Его замысел был куда более амбициозным. Одну за другой он отыскивал книги из разоренной библиотеки Астера. Он знал, что ключ ко всему, точка опоры всего замысла находилась тут, в этих фолиантах. В тот день, когда рухнула башня Рока, ему казалось, что все погибло.

Он начал колесить по Всплывшему Миру, разыскивая книги. Это было нелегко. Иногда находились только разрозненные страницы, зачастую наполовину сохранившиеся, обгоревшие. Но попадались и целые, хорошо сохранившиеся тома. Они были погребены под множеством других книг в безымянных провинциальных библиотеках. Случалось, он обнаруживал ценные экземпляры на развалах рухляди, на прилавках старьевщиков. Самой большой удачей были автографы самого Астера.

Понадобились годы, но теперь часть древней библиотеки из башни Рока была восстановлена. Правда, найдена меньшая часть, но и это уже хорошо, в нынешнее время безверия, когда Астера люди именовали Тираном и больше не боялись смерти.

Ночь за ночью Иешоль перелистывал книги, одну за другой, в поисках ответа на свои сомнения, ответа на свой туманный и грандиозный замысел, который он лелеял денно и ночью, как самую драгоценную мечту. Сначала он мечтал урывками, в часы, свободные от убийств, когда он был всего лишь человеком, унесшим с собой реликвию и объединившим разобщенных братьев, но еще не достойным большей власти. Затем, когда он уже был у руля, это стало его основным занятием.

И вот, наконец, он нашел.

То был величайший момент, для него и для Гильдии. Он побежал в храм, взволнованным голосом возносить молитвы Тенаару.

«Благодарю тебя за то, что ты услышал мои молитвы! Я знаю, что не для меня, твоего смиренного раба, ты сделал возможным все это, но во имя твоей славы. И я понесу ее по миру, в честь того дара, который ты мне дал. Твое время придет».

Но картина еще не была ясна. Недоставало деталей, новых книг, и особенно одной, самой главной. Не хватало документа, который он искал повсюду, всеми способами. Но пока все было тщетно.

Этим вечером, при слабом свете свечи, он делал записи, связанные с древней книгой Запретной магии, она была почти того же времени, что и эпоха эльфов.

Он склонился над пергаментом, изучая красивые крохотные буквы, написанные аккуратным бисерным почерком. За прошедшие годы он не так уж сильно состарился. Несколько седых прядей во вьющихся волосах, да стали близорукими голубые глаза. Зато его тело было таким же, как и прежде: стремительным орудием убийства, натренированным за годы ученичества. Победитель всегда остается убийцей прежде всего.

Погрузившись в работу, он еще раз окунул гусиное перо в чернильницу.

Иешоль сразу же услышал его. Слух оставался чутким, как прежде. Он услышал шаги ординарца, шелест одежды и догадался, что тот направлялся к нему.

— Входи, — произнес он, не поднимая головы от работы.

Его ординарец стоял за дверью. Видимо, он был изумлен, потому что медлил войти. И немудрено, он только собирался постучать в дверь, как вдруг раздался голос мага, и рука ординарца застыла в воздухе.

Юноша появился на пороге.

— Ваше превосходительство, какой-то человек дожидается вас в храме. — И он тихо затворил дверь.

Иешоль отложил книгу в сторону, положил гусиное перо на стол. Сегодня вечером он больше ничего не изучит. Но дело стоило того.

Выйдя из своего кабинета, маг, легко ориентируясь, направился по запутанному лабиринту библиотеки, ведь он сам видел, как строили это здание, сам проектировал его. Покинув библиотеку, он перешел в другой лабиринт — лабиринт коридоров их нового Дома, в котором они будут обретаться, пока снова не окажутся в подземельях Большой Земли, когда, наконец, придет время.

Он шел по узким, темным и влажным, бесконечным коридорам, образовавшим странные углы. Наконец оказался перед неширокой лестницей. Решительно поднялся по ней и оказался в огромной пещере, еле освещенной маленьким бронзовым светильником, горевшим перед громадной статуей, скрытой во мраке. Освещено было лишь небольшое пространство вокруг, стены и головокружительно высокий потолок этого зала оставались в темноте.

Неподалеку от статуи стоял закутанный в плащ человек.

Он скрывался в темноте, но было видно, что человек этот довольно высокого роста и хорошо сложен, и его фигура производит впечатление одновременно силы и легкости.

— Меня всегда удивляет отсутствие почтительности в вас, никто на свете не осмеливается заставлять меня так долго ждать.

Его голос был громким, повелительным и не лишенным обаяния.

Иешоль улыбнулся:

— Вы отлично знаете, ваше величество, что мои полномочия намного выше ваших.

— Ладно, я тебя не осуждаю, — сухо ответил посетитель.

Иешоль подошел и поклонился. Человек скрестил руки на груди. Иешоль удивился и ответил тем же жестом.

— Я должен рассматривать это как знак? Вы начинаете ощущать себя частью жизни Дома?

— Просто я уважаю ваши обычаи и вашего бога.

— Но вы не верите в него...

— Подобные мне рождены не для того, чтобы верить в божество, но для того, чтобы стать божеством.

— Теперь вы поражаете меня своей дерзостью... для меня такое — почти что богохульство.

— Тенаар простит меня. К тому же мне кажется, что и вы служите ему не так давно.

Иешолю нравился этот человек. Остроумный и двуличный, как и сам Иешоль, сильный и тщеславный. Дохор никогда не сможет стать в истории Гильдии великой личностью,

подобной Астеру, но конечно же он был превосходным союзником. Иешоля никогда не покидала мысль сделать его одним из победителей, хотя бы отчасти, не открывая ему все тайны. Иешоль ценил его союзничество, все-таки это был Дохор, самый могущественный человек Всплывшего Мира и его будущий единственный повелитель.

Они оба перешли из тени в освещенную часть зала. У Дохора были коротко стриженные белокурые, почти белые волосы и голубые, всегда внимательные и зоркие глаза.

— Ну, так что же? — спросил он.

— Юноша отправился вчера, — ответил Иешоль.

— Что дальше?

— Он погиб, но мы знаем, что он выполнил свою миссию.

Глаза Дохора загорелись.

— Отлично. Великолепно.

— Я надеюсь, вы понимаете, что это была немалая потеря для нас. Мы не любим жертвовать жизнями во имя второстепенных в общем-то заданий.

— Я обещал тебе вознаграждение, и ты его получишь.

Иешоль довольно улыбнулся:

— Вы, видимо, уверены, что эта Дубэ оказалась на высоте?

— Вы полагаете, что я потратил бы столько сил, чтобы привлечь ее в Дом? Я никогда не видел никого столь многообещающего. Она намного лучше многих наших подготовленных убийц, и как у воровки у нее есть определенная репутация. Она обучалась у победителей.

— Довольно и того, что она достала мне эти проклятые документы. Ведь в них говорится и о вас, и вы тоже заинтересованы в том, чтобы все получилось.

— Я достиг того, чего достиг, потому что умею выбирать себе подчиненных.

Иешоль подождал некоторое время.

— А что касается вознаграждения?

Дохор взглянул на него исподлобья:

— Обо мне могут говорить разное, но только не то, что я не плачу свои долги.

Какое-то мгновение Иешоль готовился перейти к обороне. Во Всплывшем Мире все знали, как Дохор платит долги, и участь Идо была тому ярким примером. Дохор заметил смятение Иешоля и, довольный, засмеялся, затем сунул руку в складки плаща и достал оттуда увесистую сумку. Внутри была большая черная книга, полуистлевшая от времени, со сложным кроваво-красным пятиконечным знаком на кожаном переплете и медными накладками.

Иешоль аккуратно открыл книгу, она зловеще затрещала. Все страницы были испещрены знаками и формулами, записанными почти детским почерком. Это была она. Он узнал бы ее из сотен тысяч. Он прикасался к страницам трепещущей рукой, с любовью разглядывал почерк. Он вспомнил Астера, склонившегося над этой книгой, делающего записи, вспомнил его детский, сосредоточенно нахмуренный лоб. Он снова увидел, как Астер оборачивается к нему и нежно, устало улыбается.

«— Это ты?

— Вы не должны столько работать, мой господин!

Взгляд Астера был печальным и нежным.

— Я делаю это для Тенаара, ведь так? Я переработал эти древние запретные ритуалы. Они помогут сделать так, чтобы его время пришло.

— Мой господин...»

— Ну что?

Голос Дохора вернул его к действительности.

— Это она, — выдохнул Иешоль.

— Отлично. Я бы сказал, что и на этот раз мы благополучно довели дело до конца.

Дохор снова закутался в плащ.

— Теперь ты знаешь, чего я от тебя хочу, не так ли?

— Очень скоро я покажу вам результаты моих исследований, но сначала я должен обдумать этот последний документ, которого недоставало для моего замысла.

Доход приблизился к Иешолю и наклонился к нему. Его взгляд был жестким и пронизывающим.

— Я оказал тебе большую помощь, и ты это знаешь, — прошептал он. — Мы с тобой неразрывно связаны, и сейчас я возвращаю тебе твоё сокровище, которым ты так дорожишь.

— Мне кажется, что я всегда платил вам абсолютной преданностью, — сказал Иешоль решительным тоном. В конце концов, он разговаривает с каким-то неверующим.

— И не забудь, ты обещал мне место рядом с собой, когда настанет время.

— Так и будет.

Иешоль быстро спустился по лестнице. Здесь и теперь начинает вершиться история.

Он пробежал по коридорам до следующей лестницы, а потом спустился в библиотеку, сел за тот же стол, придвинул письменный прибор, за ним обнаружилась секретная кнопка, скрытая под деревянной панелью. Об этой кнопке знал только он один.

Тихо отодвинулся шкаф, и перед ним появилась дверь. Снова Иешоль стремительно спустился по лестнице, вошел в темную комнату, в свою нору, где таилась и пульсировала его мечта. Он остановился у входа, прижимая к груди книгу, как сокровище.

Стены маленького помещения в форме цилиндра были грубо обтесаны и покрыты зеленоватой и белой плесенью, на которой выделялись мириады знаков, начертанных кровью. В комнате ничего не было, только грубо сработанный столик в углу и маленькая неудобная скамейка.

Тяжело дыша, Иешоль остановился у входа и улыбнулся.

На пьедестале стоял стеклянный сосуд, внутри — бледно-голубой шар, в нем что-то клубилось, это что-то напоминало трудно различимую фигуру переменчивой формы.

Иешоль восхищенно посмотрел на шар.

— Вот она! — произнес он, показывая книгу шару. — Вот то, что я искал годами, вот она! Мне принес ее Доход. Он, неверующий, помогает нам возвысить Тенаара. Таковы времена, в которые нам выпало жить! Но теперь все переменится, ты понимаешь? Забудь о моей былой неудаче, которая повергла тебя в это чудовищное состояние, забудь о ней, потому что я смогу исправить свою ошибку.

Он опустился на колени и поднял вверх книгу, его обожающий взгляд остановился на шаре.

— Хвала Тенаару за этот великий день! Хвала Тенаару!

И его молитва понеслась сквозь скалу, стоящую над ним, по пустынным коридорам Дома, долетев до подножия огромной статуи, стоящей в храме.

7

СУД. ПРОШЛОЕ II

Дубэ сидит одна на чердаке, обхватив колени руками, положив подбородок на колени. Ее широко открытые глаза опухли от слез. Она и сама уже забыла, когда она здесь спряталась. Уже наступила ночь, на небе сияет великолепная луна.

Горнар умер. Ренни отправился за взрослыми. Столько людей прибежало на берег реки, и среди них родители Горнара. Его мать кричала и плакала не переставая. Дубэ тоже только и могла, что кричать.

«Я не хотела! Я не хотела!» Но никто не слушал ее. Пришел и священник, Горнара отнесли к нему домой. Горнар умер.

Умер.

Умер.

Дубэ точно не помнила, что случилось потом. Ее мать плакала, отец крепко держал ее за руку. Сначала она совсем отчаялась, но потом понемногу успокоилась. Наконец, все затихло. Она видела, как люди кричат и рвут на себе волосы, но в тишине все казалось ей

бесконечно далеким.

«Это — не люди из Леса. Это — не моя жизнь, это — не я».

Потом и мысли постепенно исчезли, осталось только страшное видение глаз Горнара: два белых круга, навсегда запечатлевшиеся в ее мозгу.

Дома ее родные спорили тихими, сдержанными голосами, так они говорили только о важных вещах.

Тогда Дубэ отправилась на чердак и заперлась там. Слезы текли по ее щекам, но она не чувствовала печали. Ей просто казалось, что ее больше нет на свете.

Мать поднялась к ней перед обедом.

— Иди к нам, тебе надо поесть.

Ее голос был грустным и нежным — такой она редко слышала.

Она не ответила. Не могла. Она потеряла голос.

— Может быть, попозже? Я тебе оставлю что-нибудь вкусное?

Она еще и еще раз поднималась сюда и каждый раз говорила этим нежным голосом. Подошла к Дубэ, обняла ее и плакала, прижав ее к своей груди. Но Дубэ ничто не трогало, даже слезы перестали течь из ее глаз.

Наверное, так и прошел весь день, потому что она вспоминала, как солнце появилось за окном и небо стало голубым, как никогда раньше.

«На реке сегодня будет прекрасно. При таком солнце хорошо удить рыбу. Матон и все остальные уже на реке. Я пойду к ним, мы будем вместе играть, болтать с Пат, я скажу ей, как я люблю Матона. И Горнар снова отнимет у меня змею, и я буду кричать на него, но не ударю его, потому что он — главный!»

— Почему ты не отвечаешь мне? Почему ты мне ничего не говоришь?

Мать кричала, отец просто стоял рядом.

Она схватила ее и начала трясти, сделав ей больно, но Дубэ не жаловалась.

«Это — не мое тело. Я — в реке, рядом с Горнаром, и он говорит мне, что я убила его».

Отец схватил мать и с силой оттащил от Дубэ.

— Это естественно, что она так ведет себя... случилось страшное... это — естественно.

Прошло немного времени, и дом наполнился другими голосами, незнакомыми голосами, которые проникали из-под пола и, наконец, стали доходить до нее. У нее заурчало в животе, страшно заболели ноги, но она так и не могла пошевелиться.

— Дело серьезное, может быть, вы не понимаете.

Это был голос Трарека, старейшины деревни.

В ответ ее мать зарыдала.

— Мне кажется, это вы не понимаете. — Громкий и печальный голос ее отца. — Как вы могли даже подумать, что подобное случилось умышленно?

— Я этого не говорю, Горни.

Это сказал Том, отец Ренни.

— Но ты же должен понимать, как велико горе родителей Горнара.

— Это была роковая случайность.

— Мы все это понимаем.

— Тогда о чем еще говорить.

— В любом случае дело серьезное. Дубэ убила мальчика.

— Это был несчастный случай, черт возьми, несчастный случай!

— Успокойся, мы пришли сюда поговорить.

— Вы не хотите говорить, вы хотите осудить мою дочь, маленькую девочку!

Ее отец кричал. Сколько она помнит, такого никогда не случалось.

— Ренни говорит, что она сделала это намеренно... она взяла его за голову и ударила о камень.

— Вы сумасшедшие... просто сумасшедшие...

— Думаю, ты не будешь отрицать, что такое насилие — нечто ненормальное для

девочки...

— Дети играют! Дети дерутся! Как-то раз я выбил тебе два зуба, когда мы подрались, ты помнишь? Если бы удар был сильнее, ты тоже мог бы умереть.

— Нельзя бить мальчика головой о камень, не желая убить его.

Прошло несколько дней, и дом погрузился в мертвую тишину. Дубэ начала есть, но говорила мало. К тому же никто в доме и не хотел с ней разговаривать. Почти все время Дубэ проводила на чердаке. Это было единственное место, где она чувствовала себя хорошо. Она больше не могла видеть опухшие от слез глаза матери и потемневшее, нервное лицо отца. Внизу события становились реальностью, а на чердаке времени не существовало, Дубэ могла ходить взад и вперед сколько хотела и стирать из памяти тот день на берегу реки. И она делала это. Оставались краткие драгоценные минуты, когда ей удавалось думать о другом: в глубине души она еще осмеливалась любить Матона.

«Скоро все кончится, и я смогу вернуться назад. Меня ждет незабываемое лето».

Однажды вечером отец вошел в ее комнату.

— Ты спишь?

После того дня Дубэ ни разу не удавалось спокойно заснуть. Ночью, когда она лежала в кровати, ей было страшно, а если ей удавалось заснуть, то много раз ей виделись ужасающие призраки.

— Нет, я не сплю.

Отец присел на край кровати. Посмотрел на нее:

— Как... как ты себя чувствуешь?

Дубэ пожала плечами. Она не знала.

— Люди деревни хотят поговорить с тобой.

Дубэ оцепенела. Собрания во главе со старейшиной — дела взрослых. Дети никогда не могли их посещать.

— Зачем?

— Ну... о том... о том, что случилось.

Дубэ почувствовала, как комок подступает к горлу.

— Я... не знаю, что говорить...

Отец погладил ее по щеке.

— Знаю, что это тяжело и страшно, но клянусь тебе, что страшно будет в последний раз.

Слезы потекли по ее щекам.

— Я не хочу...

— Я тоже этого не хочу, но деревня так решила, понимаешь? Я не могу пойти против деревни... Они только хотят, чтобы ты рассказала, как все было. Скажи, что случилось, и потом ты это забудешь, хорошо?

Дубэ вскочила с кровати и крепко обняла отца. Она плакала, плакала, как в тот день, на берегу реки. Она плакала так, как никогда больше в жизни.

— Я не хотела, я не хотела! Он сам начал совать мою голову под воду, а мне было страшно! Я не знаю, как это случилось, я знаю только, что он вдруг перестал двигаться! И потекла кровь, и у него были открыты глаза, на меня смотрело его страшное лицо, и кровь, кровь в воде, на траве...

Отец тоже обнял ее.

— Вот это ты и скажешь, — сказал он прерывающимся голосом, — и они поймут, потому что случилась страшная ошибка, страшная история, в которой ты вовсе не виновата.

Он замолчал, еще раз погладил ее по лицу.

— Договорились?

Дубэ кивнула.

— Через два дня мы пойдем к ним. Но я хочу, чтобы ты пока об этом не думала.

Пообещай, что ты постарайшься.

— Хорошо.

— А теперь засыпай.

Отец еще раз обнял ее, и, успокоившись, девочка опустила голову на подушку. Впервые после стольких ночей ей не снились призраки.

Комната была серой, просторной и прокопченной. К запаху дыма примешивался мужской запах, запах множества людей, столпившихся в комнате с деревянными стенами.

Пришли все. Уже много лет в лесу не случалось убийств, даже старики не могли вспомнить, когда последний раз собирались по такому поводу.

В первом ряду сидели родители Горнара. Погруженные в свое горе, они избегали смотреть на Дубэ. Они очень напоминали ее собственных родителей, сидевших тоже в первом ряду.

Позади толпились те, кто не были причастны к делу, но хотели присутствовать, видеть, участвовать. В деревне, где жили триста человек, убийство — дело общее.

Других детей не было — только одна Дубэ.

Шум наполнил пространство комнаты, все смотрели на Дубэ и показывали на нее пальцами. Дубэ надеялась только на то, что все скоро кончится.

Старейшины вошли. Пятеро, в центре — Трарек. Он выносил решения вместе с остальными и управлял деревней. Он был стар, все дети робели перед ним и боялись его. У него был суровый вид, Дубэ даже не припоминала, чтобы он когда-нибудь смеялся.

Старейшины сели, и тут же воцарилась тишина.

Дубэ сжимала потные кулаки.

Трарек произнес какую-то длинную, непонятную Дубэ фразу. Она никогда еще не бывала на суде.

Дверь открылась, и вошли ее друзья. Дубэ испугалась, у нее не хватало смелости смотреть на них. Она опустила голову, ей слышались только слова Ренни: «Ты убила его! Ты убила его!»

Трарек поочередно вызывал их. Сначала Пат, потом Матона, потом Самса. Он расспросил их о случившемся на реке.

У всех были напряженные голоса, бегающие взгляды, все они были пунцовыми. Они тихо говорили, их воспоминания были путаными.

— Это он выхватил у нее змейку, — уверенно сказала Пат.

— Ты думаешь, что Горнар поступил неправильно? Что из-за этого произошло то, что произошло?

— Нет... я...

— Продолжай.

Дубэ не слушала. Дубэ не хотела вспоминать.

— Мы столько раз ссорились, столько раз... много раз мы с Дубэ дрались, но никогда ничего не случалось... по крайней мере, ничего серьезного, какой-нибудь синяк, царапина... а тут случилась беда!

Тут Пат взглянула на нее, и Дубэ показалось, что она видит в ее взгляде тревогу и понимание. И она была признательна Пат, бесконечно признательна.

Матон был гораздо более сдержан. Он рассказал все быстро и без эмоций. Ни разу не поднял глаз, говорил не останавливаясь, старательно отвечал на вопросы.

Самс был растерян, иногда противоречил сам себе. Дубэ решила, что Самс, как и она, не понимает, какого черта они делают в этой комнате, зачем обсуждают вопросы, которых не понимают, которые касаются только взрослых.

Потом наступил черед Ренни. Он был уверен, решителен, казался разозленным.

— Она сама начала. Она — взбесившаяся фурия, дралась, кусалась, царапалась. Мне пришлось разнимать их, иначе она продолжала бы драться.

— Но это неправда, — попыталась пробормотать Дубэ.

— Сейчас еще не твой черед. Молчи, — холодно заметил Трарек.

Ренни невозмутимо продолжил:

— Она схватила его голову и ударила о камни, со злостью. Она хотела сделать ему больно. И даже не заплакала, когда мы все были ошеломлены.

Ее отец привстал со скамейки, хотел что-то сказать.

Когда Ренни описывал эту сцену, мать Горнара принялась плакать.

— Она его убила, она его убила...

Дубэ начала уставать, ей хотелось уйти. Она спрашивала себя, почему Ренни настроен против нее, почему он говорит с таким озлоблением.

— Ты получишь, что заслужила, будь спокойна, — прошептал он сквозь зубы, проходя мимо.

Дубэ начала тихо плакать. Она обещала отцу, что будет храброй девочкой, будет держаться, но не смогла. Тот день во всех красках вставал перед ее глазами, и ей становилось страшно.

— Мы можем продолжить в другой раз? Вы не видите, что ей плохо? — попытался защитить ее отец.

— Ей никогда не будет так плохо, как моему сыну, — с ненавистью сказала мать Горнара.

Трарек призвал всех к порядку. Он рассвирепел.

— Сегодня мы проясним, что случилось, во имя общего блага и во благо твоей дочери, Горни. Дело зашло слишком далеко.

Потом Трарек посмотрел на нее. Он сделал это впервые за то время, что начался суд. Но его взгляд был суровым, на самом деле он не видел ее. Его глаза смотрели мимо, смотрели на толпу за ее плечами.

— Теперь твой черед, говори!

Дубэ попыталась вытереть слезы, но ей не удавалось. Рыдая, она рассказала всю историю. Вспомнила игры, как все было хорошо, как они развлекались. Но Горнар всегда странно вел себя с ней.

— Потому что я сильная, а он это знал, из всей компании только меня он немного побаивался.

Потом она рассказала о змейке, об этой красивой змейке, сверкавшей в траве. Она была чудесным экземпляром для ее коллекции, ей так хотелось иметь змейку. А потом — ссора.

— Я не знаю, как это могло случиться... не знаю, я не в первый раз дралась с кем-то.

— А с тобой это часто бывало? — спросил Трарек.

— Иногда, — запнулась Дубэ. — Только я не хотела... я не знаю, как это получилось... он схватил меня за волосы, сунул головой под...

Слезы потекли ручьем, Дубэ не могла больше говорить. Отец обнял ее за плечи.

— Перестань, перестань. Ну, может, хватит? — спросил он Трарека с надеждой.

— Достаточно.

Старейшины встали, вышли, в это время двое молодых людей встали между Дубэ и ее отцом.

— Что все это значит? — возмущенно спросил он.

— Что твоя дочь должна находиться в надежном месте.

— Проклятье! Но она ребенок! Неужели никто не понимает такой простой вещи?

Дубэ попыталась ухватиться за отца, но ее руки ослабли, а двое юношей были намного сильнее, чем она.

Когда ее уводили, Дубэ успела увидеть отца, которого держали другие мужчины, и мать, которая плача лежала на полу.

Ее поместили в комнату рядом с той, где проходил суд, и заперли на ключ. В углу комнаты стояла зажженная свеча, колеблющийся свет отбрасывал на стены бесформенные тени. Она почувствовала себя одинокой и хотела только одного — оказаться рядом с отцом. Солнце, лето, ее друзья — все казалось ей потерянным и далеким. Она понимала, что игр

больше не будет, что, может быть, не будет больше и Сельвы. Она смутно осознавала, что так оно и есть. То, что она сделала на берегу реки, изменило все.

За ней пришли, когда уже наступила ночь. В большом зале собрались все, как будто и минуты не прошло с тех пор, как ее увели. Не было только отца, а ее мать безутешно плакала.

Старейшины уже стояли, невозмутимые, как статуи.

И Трарек заговорил:

— Нелегко было принять решение по этому страшному делу. Наша община не припомнит убийств. И чтобы жертвой убийства стал ребенок. Мы приняли во внимание все, что было сказано свидетелями трагедии, и попытались вынести решение справедливое и разумное. Убийство наказывается смертью, а в том, что на Дубэ действительно лежит эта вина, убеждены все. Но она — ребенок, и если, с одной стороны, она не может полностью нести ответственность за содеянное, то, с другой стороны, никто не может убивать, не заплатив за это. Преступление совершено, спокойствие Сельвы нарушено, и смерть Горнара должна быть искуплена. Поэтому мы решили, что Дубэ будет изгнана из Сельвы. Завтра люди позаботятся о том, чтобы увести ее подальше от нашего селения. А ее отец, ответственный за поведение Дубэ, будет сидеть в заточении столько времени, сколько мы сочтем необходимым.

Начался беспорядок. Мать Дубэ принялась кричать, а мать Горнара осипшим голосом выдохнула:

— Ты должна была умереть, умереть, как и мой сын!

Дубэ застыла на месте, видя всеобщее смятение. Потом мать бросилась обнимать ее. Тут она все поняла, заплакала, закричала.

Один из тех юношей быстро схватил ее, вырвал из материнских объятий.

— Оставьте ее со мной хотя бы до утра, только до утра! Ее отец не попрощался с ней, я не простилась с ней!

Но солдат уже оттолкнул ее.

Дубэ брыкалась, кричала, отбивалась. Как в тот день, с той же яростью. Солдат начал ругаться.

— Прекрати, черт возьми!

Дубэ яростно до крови укусила схватившую ее руку, и солдат был вынужден выпустить ее. Но он тут же схватил Дубэ за волосы и сильно встряхнул ее, потом скрутил ее руки, продолжая крепко держать за волосы. Он поволок Дубэ из зала, хотя она изо всех сил упиралась ногами в пол.

Дубэ попробовала сопротивляться и так шумела, что в конце концов ее заперли в темницу. Там она продолжала кричать изо всех сил, пока не сорвала голос. Она кричала и звала своего отца. Ей казалось, что только он может спасти ее.

Но никто не пришел, Дубэ оставалась одна, наедине с самой собой и своим горем.

На рассвете ее разбудили. Небо за окном было ярко-розовым. Дубэ ничего не соображала. Вчерашний солдат воспользовался этим, чтобы завязать ей глаза.

Она шла покорно, молодой человек держал ее за руку. Ее пальцы соприкасались с повязкой: это была рука, которую она укусила вчера вечером.

Молодой человек взял ее на руки и поднял куда-то: должно быть, на повозку. Дубэ попыталась освободить руки, связанные за спиной, но солдат тут же догадался.

Судя по всему, их было двое. Дубэ слышала еще один голос, голос человека постарше, может быть старика. Она узнала его. Это был ткач. Он ездил по городам, вплоть до Макрата, продавал ткани, в их селении он бывал очень редко, у него мать покупала материю на одежду.

— Пойдем, или мы никогда не доедем.

Повозка, раскачиваясь, покатила. Солдат закрепил веревку на ее руках.

Дубэ заплакала в тишине. Она хотела попрощаться с отцом, обнять его, попросить у него прощения за то, что стала убийцей, как сказал Трарек. Она хотела обнять свою мать, крепко обнять ее, попросить прощения за всех змеек и зверюшек, которых она приносила домой. Но прежде всего она хотела знать: почему все это произошло?

Время шло. Повозка продолжала ехать днем и ночью, а глаза Дубэ по-прежнему были завязаны. Она перестала плакать. Чувствовала себя отупевшей, ей снова казалось, что ее нет на свете. Настоящая Дубэ находилась далеко отсюда, где-то в Сельве, рядом с отцом и матерью.

На третий день путешествия она вдруг услышала пыхтение солдата.

— Что ты делаешь? Тебе не это приказали сделать! — произнес ткач.

— Помалкивай... это — девочка...

Парень приблизился к ней, она почувствовала его дыхание на своем лице.

— Мы очень далеко от Сельвы, понимаешь? Ты не сможешь вернуться, даже если убежишь. Сейчас я развяжу тебе руки, но ты должна мне обещать, что будешь хорошей девочкой.

Дубэ кивнула. Был ли у нее выбор?

Парень развязал веревку, девочка ощупала кисти рук. Прикосновение причиняло сильную боль, веревка стерла ей руки до крови.

— Не шевелись, а то будет хуже.

Солдат полил ссадины водой. Сунул ей в руку хлеба.

— Ты что еще вздумал делать? — настаивал ткач.

— Помолчи и не смотри! Это мое дело, что я делаю!

Потом Дубэ ощутила холодок лезвия, прикоснувшегося к ее ладони.

— Что это? Я не хочу!

— Возьми и помалкивай, — сухо сказал солдат. — Лес, мир вокруг... Повсюду жестокость. Тебе надо научиться защищаться. Используй его, если кто-то захочет причинить тебе зло, поняла?

Дубэ снова заплакала. Все было бессмысленным, непонятным.

— Не надо плакать. Ты должна быть сильной. И не пытайся вернуться к нам. Люди злые, это хорошо, что ты уехала отсюда.

Потом он погладил ее. Грубовато и неловко погладил ее по голове.

— Отвези меня обратно домой, — умоляла его Дубэ.

— Я не могу.

— Отвези меня к папе...

— Ты — сильная девочка, я знаю это. Ты справишься.

Снова наступила тишина, и теперь рука Дубэ сжимала рукоятку кинжала.

Солнце стояло высоко, когда они приехали. Наконец солдат снял с ее глаз повязку, но Дубэ ничего не видела. Было жарко, гораздо теплее, чем в Сельве, и в воздухе стоял странный запах.

Солдат в некотором замешательстве смотрел на нее.

— Иди же.

Дубэ продолжала стоять, с мешком за плечами и кинжалом в руке.

— Ты должна уйти. Тебя хотели убить. А теперь твоя жизнь спасена! Беги!

Дубэ обернулась. Перед ней был незнакомый лес.

— Прямо впереди будет селение, иди туда, — сказал юноша, когда повозка уже пустилась в обратный путь.

Дубэ оглянулась, попыталась пуститься вслед, но повозка поехала еще быстрее, и, сколько Дубэ ни бежала, догнать повозку она уже не могла.

Поднялось облако пыли. Дубэ неподвижно стояла одна в неведомом ей лесу.

В эту минуту она ясно осознала: никогда больше она не увидит Сельвы и никогда уже ей не вернуться к прежней жизни.

8 РЕЗНЯ В ЛЕСУ

Дубэ нервничала, ожидая в подсобном помещении лавочки Тори. Она отправилась к гному, как только появилась возможность.

Выполнив работу, она укрылась в своем жилище и попыталась заснуть. Проснувшись, она чувствовала себя хорошо, но это ее не успокаивало. Тогда девушка отправилась на поиски человека, который мог бы объяснить ей тайну происшедшего вчера, а главное — причину нападения наемного убийцы. Жрецов она не знала, единственный известный ей маг жил слишком далеко отсюда.

Гном в это время колдовал в лаборатории: изучал иглу, которой юноша из Гильдии выстрелил в Дубэ. Она принесла иглу, бывшую единственным доказательством, оставшимся у нее в руках.

Тори вернулся, переваливаясь, как обычно, с ноги на ногу и вытирая руки грязноватой тряпкой.

— Ну, так что?

— Ничего, — ответил он, присаживаясь. — На игле нет никаких следов яда. Только кровь, полагаю, твоя.

— А не мог ли яд как-то испариться?

Тори покачал головой:

— Если, как ты говоришь, он был из Гильдии, то сомнений быть не может. Я знаю все яды Гильдии, и все они оставляют хоть какой-то след...

— Может быть, это яд нового типа?

Тори пожал плечами:

— Это все только предположения. Опиши лучше симптомы.

Дубэ много раз об этом вспоминала, постоянно восстанавливала в памяти ту ночь, кражу и нападение на нее, по разным причинам оба события были неразрывно слиты в одно целое в ее памяти. Она провела последние два года, пытаясь скрыться из поля зрения Гильдии, а теперь враг, казалось, сам нашел ее. Теперь оставалось признать, что она проиграла. Она сделала дело наполовину, и Фор, наверное, был недоволен. Ее мечты о пяти тысячах каролов и, может быть, о другой жизни испарились. Кроме того, она не могла понять, что произошло, а это пугало ее.

Она подробно описала симптомы. Тори на мгновение задумался.

— Все заставляет думать о каком-то отравлении, но дело в том, что сейчас-то ты здорова...

Дубэ не была уверена.

— Если Гильдия послала за мной этого юношу, то должно быть какое-то объяснение.

— По твоему рассказу, только одно его оружие — кинжал — говорит о Гильдии, но кинжал мог быть украден.

— Я уверена, что он — один из них. Он был ловок, явно прошел специальное обучение... такое же, как я, — возбужденно добавила Дубэ.

Тори наклонил голову.

— Нет, это — не убедительные доказательства. Да ты подумай: Гильдия послала против тебя новичка, обрекая его на верную смерть. Допустим, они сделали это, чтобы ввести тебя в яд. Но этот яд не убил тебя сразу. Ты и сейчас еще нормально себя чувствуешь, поэтому я не понимаю, зачем убивать тебя медленно. Допустим даже, что это связано с их странными обрядами. Но в чем смысл того, чтобы ты чувствовала себя плохо через три дня после нападения, и только в течение нескольких минут? Потом ты поправляешься и чувствуешь себя лучше прежнего. Не кажется ли тебе, что этот способ вывести врага из строя по меньшей мере странный? Да и потом, не ищет ли тебя Гильдия по другим причинам?

Дубэ опустила глаза. Тори был прав, но в этой истории что-то от нее ускользало.

— А как же ты объяснишь мое самочувствие?

— Усталость. Это поручение тебе дали сразу же после предыдущей работы, или я ошибаюсь? Усталость, отсутствие сна — вот так. Или какая-то ваша женская проблема. Мне кажется, это объяснение гораздо разумнее, чем заговор против тебя.

Нет, все не так, не сходится.

— А наемный убийца?

— Глупый мальчишка, посланный каким-то юнцом. Наверное, какой-то воришка, надеявшийся вывести тебя из игры. И забыл смазать иглу ядом. — Тори пристально посмотрел на Дубэ. — Послушай, если ты действительно хочешь забыть об этом, покажи мне свою рану.

Дубэ засучила рукав. Так много думая об этом, она даже и не взглянула на рану с того самого вечера.

Кожа была еще белее при тусклом свете свечи. Тори схватил руку Дубэ и стал внимательно осматривать.

Так, где игла вошла под кожу, застыл крошечный сгусток крови. Вокруг самой раны — темная тень. Что-то вроде синяка, в одном месте — края более светлые, в другом — более темные. Дубэ рана показалась похожей на рисунок.

Через некоторое время Тори отпустил руку.

— Все более чем нормально.

— А ты не находишь, что эта черная отметина немного необычна? Честно говоря, мне не кажется это похожим на рану.

— Это синяк, и больше ничего.

Дубэ скривила гримасу. Она ненавидела подобные загадки.

В любом случае Тори сказал ей все, что знал.

— Огромное спасибо тебе за помощь.

— Еще бы! — улыбнулся гном, потом хлопнул себя рукой по лбу и снова заковылял в лабораторию.

Вернулся оттуда, держа пузырек с зеленым содержимым.

— Конечно, я не волшебник, но о травах знаю побольше, чем они. Если то, что с тобой происходит, просто усталость, то это — самое лучшее укрепляющее средство. Попробуй, и сразу почувствуешь себя лучше.

Дубэ взяла пузырек, поблагодарила гнома и отправилась домой.

Сейчас ей надо успокоиться. Но она не могла. Как всегда, Дубэ думала о том, чтобы затеряться на рынке Макрата. И в то же время что-то ее беспокоило и пугало.

Может, она действительно устала?

Оставалась последняя часть работы, которую надо было сделать, чтобы можно было покончить с этой историей.

Дубэ отправилась на Темный ручей уже совсем в плохом настроении. К тому же этим вечером снова шел дождь.

Мало того, Фора и его прихвостень заставили ее долго ждать, точно так же как при их первой встрече.

Дубэ увидела, как они появились из-за завесы дождя, оба одетые в просторные плащи.

На лице Форы была все та же издевательская улыбка, которая была хорошо знакома Дубэ. Наглая улыбка победителей, улыбка, которая всегда появлялась у него, когда он, на своей огромной лошади, гарцевал на дымящихся развалинах городов.

Сейчас эта улыбка предназначалась ей. Она потерпела поражение, но попыталась вести себя решительно:

— Деньги?

— Сначала документы.

Дубэ колебалась. Она сильно рисковала не получить денег, могло случиться и кое-что

похуже. На всякий случай она положила руку на кинжал, достала документы и передала их сопровождающему. Это был все тот же робкий солдатик, что и в прошлый раз. Он положил документы в полупустой мешок. Ей достаточно было увидеть этот мешок в его руках, чтобы все стало понятно.

— А деньги? — прошептала она.

Фора радостно засмеялся:

— Только те, что ты уже получила, — и хватит. Ты не выполнила условия.

— Я выполнила свою работу: вы получили документы.

— Так-то оно так, но теперь Теворн ищет тебя по всему городу. Разве ты не обещала полную секретность?

— Если меня и ищут, так это мое дело. Это меня выслеживают.

Как всегда.

Фора покачал головой, с прежней улыбкой на лице.

— Теворн — не дурак, он знает, кто заинтересован в этой краже и что ты — не обычный воришка. Правильно?

Дубэ молчала. Все было верно. Она стояла, держа мешок в руках. Дождь тек по ее щекам. Никаких денег. Все было напрасно.

Потом он сунул мешок под плащ.

— Хорошая, хорошая девочка. Ты и вправду умная.

— Если это — все, я думаю, мне можно идти.

— Ты нас разочаровала, и сильно, — сказал ей Фора.

Пальцы Дубэ сжали рукоятку кинжала.

— Мне кажется, вы достаточно меня за это наказали.

Фора позволил себе саркастическую улыбку.

— Может быть... а может, и нет.

Дубэ вернулась к своей обычной жизни. Вместо обещанных пяти тысяч каролов она получила только четыреста. Ничтожное вознаграждение, особенно если учесть, чем она рисковала. Кроме того, ее беспокоил частичный провал операции. Поэтому она решила снова найти работу. Нужно было стереть из памяти разные мысли, а работа была для этого лучшим способом.

Она выбрала жертву. На этот раз никакой работы по поручениям и никаких драгоценностей или чего-то подобного. Деньги, с которыми можно было отправиться в Землю Солнца. Здешные места становились для нее опасными.

Ей приходилось начинать все сначала: прятаться, изучать образ жизни жертвы, запоминать ее привычки. И в то же время Дубэ постоянно терзали неотступные мысли о болезни, о Гильдии и наемном убийце. Она просто не могла забыть об этом.

Один раз, ветреным вечером, она встретила с Дженной, но у него не было никаких новостей.

Она по-прежнему хорошо себя чувствовала и уже приучила себя к мысли, что, видимо, тот обморок действительно был лишь неприятной случайностью или, может быть, укрепляющее средство Тори хорошо действовало.

На подготовку у нее ушло около недели. Она выбрала день, хотя ночная тьма больше способствовала ее работе. Речь шла об увеселительной поездке одного местного господина, который брал с собой часть своих значительных накоплений на карманные расходы. Путешествующие должны были остановиться в Шильване, так сказал ей один из слуг — основной источник информации для таких воров, как она.

Дубэ была уверена, что этот господин — торговец — будет ехать позади своего эскорта. Она предполагала, что сопровождать хозяина будут трое: кучер и два стража, вероятно верхом. Она изучила то место, где они должны были остановиться, и разработала план действий. Ограбление должно было произойти по всем правилам. Работа, на ее взгляд, слишком рискованная, но дело должна была облегчить небольшая доза снотворного, которое

Дубэ приготовила дома.

В тот день Дубэ встала рано. Она чувствовала себя свежей и отдохнувшей и, главное, совершенно здоровой. Она села в засаду и стала ждать.

Ее сердце билось ровно и спокойно. Она будто слилась с окружающей ее природой. Лес, его звуки, запахи. Был прекрасный, немного прохладный, солнечный день, на небе — ни облачка. Ветви деревьев почти не шевелились, желтая листва тихо падала на землю.

Вот и раздался тяжелый грохот колес по усыпанной листьями дороге. Две лошади, нет, еще две. Все как она предвидела. Никаких голосов, какая-то напряженность в воздухе и страх.

Она слышала нарастающий шум, затем позвякивание прикрепленных к поясам мечей. Ей показалось, что все ее чувства обострились до предела, что она слышит любой, самый тихий звук: натягивания поводьев, хруст сухожилий, шум дыхания ездовых.

И тут она увидела: медленно едет карета, четыре лошади, впереди — трое стражников.

Жажда.

Человеческая плоть.

Кровь.

Ее реакция оказалась стремительнее, чем она сама ожидала: с ужасом Дубэ увидела как будто со стороны, как она дергает канат и молниеносно бросает три ножа.

Из сухих листьев поднялся толстый канат, лошади споткнулись, тут же упав на землю. Карета резко остановилась. В тот же момент ножи точно попали в цель, поразив насмерть кучера и лошадей. Три фонтанчика красной крови взметнулись из ран, поливая листву на земле.

Вот он — цвет, а может быть, запах крови.

Кровь.

Дубэ прыгнула на дорогу и достала свои кинжалы. Нет, не это она должна была сделать, не это. Однако она не могла остановиться, ее тело, казалось, больше ей не принадлежало.

Два всадника опомнились после падения и кинулись на нее.

Первый попытался нанести ей удар мечом, но Дубэ уклонилась от нападающего, склонившись до самой земли. Она дернула его за ногу и бросила на землю, потом вцепилась ему в шею. Вонзила кинжал по самую рукоятку, ощущение крови на руках безумно опьянило ее, это опьянение одновременно радовало и ужасало ее. Она достала кинжал, снова ударила, и еще, и еще.

Человек кричал под ее руками, извивался, но Дубэ продолжала. Она кричала, выла. Потом почувствовала сильную, жгучую боль в спине. Дубэ мгновенно обернулась, держа кинжал в руках, но второй стражник успел увернуться.

Девушка не испытывала страха, но во взгляде ее был ужас. Первый стражник перестал шевелиться. Другой попытался снова напасть, но она мгновенно метнула кинжал. Попала ему в руку, вынудив выронить меч.

Стражник испугался и пустился бежать, но Дубэ вонзила ему второй кинжал между лопаток. Стражник упал и лежа на земле пытался уползти.

Дубэ кинулась на него и снова стала вонзать в него кинжал. Она нанесла множество ударов, как и первому стражнику. Она перестала осознавать происходящее: кровь, крики. Ее охватило безумие, которое опьяняло ее. Она видела, как ее собственное тело двигается, ощущала кровь на пальцах, ее глаза вглядывались в глаза жертвы, но она не могла остановиться. Она потрясенно рассматривала происходящее, тогда как внутри нее все бешено ликовало. Она долго продолжала наносить удары ножом, пока не сломалось лезвие. В ее руке осталась только рукоятка.

Тогда она встала. Перед глазами стоял туман, ноги подкашивались, но она чувствовала, что остался еще кто-то, она, как животное, чувствовала его запах.

Она бросилась бежать изо всех сил, с такой скоростью, какой даже не могла предположить, спотыкалась, падала, вновь поднималась и продолжала свой отчаянный бег.

Дубэ вскоре догнала его. Схватила за плечи, повернула лицом к себе и успела увидеть ужас, написанный на его лице. Зверь, сидевший в ней, долго наслаждался, потом она вцепилась зубами ему в горло и укусила.

Вопль человека был ужасен. Он упал на землю ни жив ни мертв. Дубэ схватила его голыми руками за горло. Ее глаза уставились в глаза жертвы и наслаждались каждым мгновением агонии. Только после того, как человек испустил последнее дыхание, она остановилась.

Дубэ почувствовала, как силы ее покидают, руки отпускают жертву, как она падает на колени. От запаха и вкуса крови во рту ее затошнило, у нее начался приступ рвоты. Обезумевший мозг пытался понять, восстановить случившееся, но когда она оглядела все вокруг, то не смогла даже собраться с мыслями. Резня. Все напоминало поле боя. Тела убитых, беспорядочно валявшиеся на земле, их глаза, наполненные ужасом. Дубэ почувствовала, как подносит руки к лицу, и увидела, что они все покрыты кровью.

Тогда она сама начала выть. Она кричала, обезумев от ужаса.

Ей стало плохо, совсем плохо. Она прикоснулась к своей спине и почувствовала жжение. Она попыталась снова прикоснуться. Рана рассекала всю спину. Она не могла точно вспомнить, когда это случилось, и не могла думать ни о чем, кроме лежавших тел, кроме этих глаз, ее безумия, от которого она так и не смогла избавиться за долгие годы.

«Помощь... мне нужна помощь...»

Она с трудом встала, подняла с земли упавший плащ, закуталась в него, как могла, и пошла назад нетвердой походкой. Ее силы постепенно убывали.

«Что случилось со мной?»

Все казалось сновидением, просто кошмаром. Очертания предметов расплывались в тумане, свет медленно угасал. Все смешалось, ей казалось, что из-за деревьев встают странные, чудовищные, демонические фигуры.

Горнар, ее первая жертва, бледный как полотно, и недавний юноша — они шли ей навстречу и пытались схватить ее. И Учитель, как и в день своей смерти, тоже шел в этой шеренге, с белыми безжизненными глазами, обвинявшими ее, а замыкали вереницу три последние жертвы, страшно обезображенные.

Дубэ пыталась оттолкнуть их, но ее руки наткнулись на дерево. Какая-то хижина. Она прислонилась к стене.

«Я умираю. И мои жертвы придут за мной, чтобы утащить меня в ад».

9

ПРОКЛЯТИЕ

Дубэ проснулась, почувствовав на щеке теплые лучи солнца. Она лежала на животе, на незнакомой ей кровати. И не могла вспомнить, почему оказалась здесь и что с ней случилось. Она попыталась встать, но со стоном упала из-за резкой боли в спине.

И тут в ее памяти всплыло все случившееся. Ее преследовал запах крови, смутные и страшные воспоминания о поляне, где лежали изувеченные тела.

— Дубэ! Все в порядке, Дубэ?

Дженна. Он подбежал к ней. Дубэ дрожала.

Юноша положил ей руку на лоб.

— Лихорадка немного спала...

Дубэ снова попыталась встать.

— Я уже начал беспокоиться. Ты с утра не шевелишься, и тебе не стало лучше, хотя я зашил тебе рану.

— Ты зашил рану?

— У тебя была резаная рана на спине, огромная, хорошо еще, что не глубокая.

Дженна продолжал возбужденно говорить не останавливаясь. Дубэ все еще дрожала.

— Тебе холодно? Я принесу покрывало. — И Дженна было встал.

— Нет. Дай мне побыть одной, — произнесла Дубэ тем тоном, который Дженна слишком хорошо знал.

— Как хочешь... я только хотел тебе помочь... — пробормотал он, пятясь.

— Прикрой окно.

Ей была нужна темнота. Так было с детства, с того самого дня, когда она убила Горнара. Другие дети, когда им было страшно, тянулись к свету. А она — искала самую глубокую тьму.

Когда Дженна, наконец, задернул занавески и вышел из комнаты, Дубэ попыталась поднять руку и потрогать спину, но ей это не удалось, она слишком ослабела. Ее никогда серьезно не ранили, по крайней мере, так, как сейчас. Она попыталась сосредоточиться на мысли о ране, попыталась, как всегда, прислушаться к своему телу, чтобы понять, что болит. Попыталась восстановить в памяти то, как она добралась от поляны к Дженне. И все напрасно. Ее память была прикована к тем кратким мгновениям, когда чуждое ей существо, принявшее обличье Дубэ, управлявшее ее руками, заставило ее совершать убийства.

Первая слеза упала на щеку, но Дубэ не издала ни единого звука. Она разучилась плакать за прошедшие годы. И вдруг ее прорвало, она рыдала как ребенок, уткнувшись в постель, и ее рыдания становились все громче и безнадежнее.

Дженна слушал, стоя за дверью.

Только вечером Дженна осмелился войти. Он медленно приоткрыл дверь, и Дубэ увидела его фигуру, темнеющую на фоне горящего очага.

— Можно войти?

— Заходи.

Она резко вытерла слезы, отлично зная, Дженна легко догадается о том, что она плакала.

Юноша подошел поближе к ней, поставил на пол поднос с едой. Теплый запах дома наполнил комнату.

Дженна зажег свечу.

— Я сразу же уйду, но мне надо осмотреть твою рану.

— Хорошо, — ответила присмиревшая Дубэ.

Дженна кинул быстрый взгляд на ее лицо, но ничего не сказал.

Его умелые руки осторожно подняли одеяла и легли на ее спину.

Дубэ закрыла глаза. Далекие и тягостные воспоминания снова начинали мучить ее.

«Руки... его привязанность...»

Они связаны: воспоминания о годах ученичества, об убийстве, которое Дубэ хотела забыть, а оно все еще продолжало мучить ее.

«Нет ни выхода, ни избавления».

Поток воспоминаний прервала боль: повязка прилипла к ране.

Дженна остановился:

— Извини, но другого способа нет.

— Что со мной? — спросила Дубэ.

— Я же тебе сказал. У тебя большая рана — от одной лопатки до другой. Была бы она немного глубже — ты бы умерла.

Картина резни на поляне с новой силой встала перед ее глазами, вызвав спазмы в желудке.

— Ты потеряла много крови, и это беспокоит меня больше, чем сама рана.

— Так ты еще и жрец? — Дубэ хотела сказать это саркастическим тоном, но у нее плохо получилось.

— Я немного знаю искусство жрецов. Надо бы позвать кого-то из них...

— Нет!

Дженна растерялся.

— Ты подумай: я зашил тебе рану, но я же — самоучка, а рана может воспалиться.

— Я не хочу, чтобы кто-нибудь еще знал о происшедшем. Сходи за Тори.

— За кем?

Дубэ объяснила ему, сказала, что нужно попросить.

— Опиши ему как следует положение, но ни в коем случае не называй моего имени.

— Не понимаю — почему...

— Потому что я так тебе сказала.

Дженна мог только согласиться и отправился с поручением.

Дубэ приподнялась и посмотрела на поднос: полная миска ячменной похлебки, кусок хлеба и половинка желтого яблока. Может быть, все это было последней едой у Дженны. Он отдал все, что у него было, зная, что ей нужно есть, чтобы как можно скорее поправиться.

Она посмотрела на коричневатую похлебку, но ей тут же привиделась миска, полная крови. И Дубэ в ужасе отвела взгляд.

— Вчера вечером я не стал настаивать, но сегодня утром ты должна поесть.

Конечно же Дженна был прав, но Дубэ казалось, что все вокруг пахнет кровью. Несмотря на это, чувствовала она себя лучше.

Она провела ночь в окружении призраков, это была адская ночь, ее немного лихорадило, и все-таки ей стало лучше.

С большим трудом ей удалось повернуться и лечь на спину. Она взяла миску с молоком из рук Дженны. Стоило ей вдохнуть запах еды, как желудок отказался принимать ее. У нее во рту до сих пор оставался вкус крови того несчастного торговца. Дубэ закрыла глаза и, стараясь не вдыхать жирный запах молока, выпила все залпом.

— Ну вот, молодец, такой ты мне больше нравишься. Но я не понимаю, почему у тебя все время болит желудок... — сказал Дженна.

— Ты был у Тори?

Дженна кивнул и встал. Он вышел в другую комнату и вернулся, неся большой флакон, наполненный маслянистой зеленоватой жидкостью.

— Он мне дал вот это и сказал, что надо смазывать рану три раза в день.

Оливковое масло и сок фиолетовой травы. Она знала это зелье, если бы она вчера лучше себя чувствовала, то сама могла бы объяснить Дженне, как его готовить.

— Он сказал, сколько времени понадобится?

— Три-четыре дня, чтобы ты могла вставать, а потом около недели, чтобы затянулась рана. Я бы сказал, что за десять дней смогу поставить тебя на ноги.

Дубэ раздраженно махнула рукой: слишком долго. Самым главным для нее было понять: что произошло в лесу. Что случилось за эти несколько ужасных минут? Кто был тот дух, что вселился в нее? И почему?

Уже на третий день Дубэ начала вставать. Дженна, как мог, пытался отговорить ее, но девушка оставалась непреклонной. Было совершенно ясно, что ей тесно в стенах дома, что она только и думает о том, как бы уйти.

— Мне кажется, что я не так уж плохо с тобой обращаюсь... или нет? — немного обиженно сказал Дженна, но Дубэ не отвечала. Дело было не в этом. Она ни к кому не могла привязаться — из-за своего характера убийцы и из-за постоянного бегства. То, что случилось на поляне, еще больше углубило пропасть между ней и обычными людьми.

Однажды Дженна вернулся домой в странном настроении. Вопреки своим привычкам, войдя в дом, он не пошел сразу же к Дубэ, а остался заниматься своими делами в другой комнате. За ужином они оба молчали.

Дубэ не обратила на это внимания. Она уже решила, что на следующий день уйдет, и поведение Дженны только облегчало ее задачу.

Они отправились спать в таком же тягостном молчании. Несколько минут Дубэ оставалась в полной темноте и вдруг увидела силуэт Дженны в приоткрытом дверном проеме.

— Сегодня я слышал одну историю. О ней говорили все в городе.

Дубэ не пошевелилась.

— В лесу нашли четверых человек.

Дубэ не осмеливалась заговорить. Она вцепилась руками в одеяло. От ужаса у нее перехватило дыхание.

— Одному из них только всадили нож в горло, но трое других...

Дубэ продолжала молчать.

— Они лежали здесь, в нескольких шагах от моего дома. На расстоянии, которое мог пройти раненый человек.

— Замолчи, замолчи, замолчи! — Дубэ закричала, вставая с постели.

— Это была ты? Что произошло с тобой в тот день? Кто ранил тебя и откуда была вся эта кровь?

Забыв о боли, Дубэ вскочила на ноги, схватила Дженну за шею и прижала к стене.

— Я же сказала тебе — замолчи, — прошипела она.

Дженна окаменел от страха: кинжал был приставлен к его горлу. Но он все же проговорил еле слышно:

— Я только хочу понять, что с тобой случилось... на тебя напали?

Он увидел, как она краснеет и медленно отпускает его. Дженна медленно опустился на пол.

Дубэ провела рукой по глазам. Кошмар не кончился. Он никогда не кончится. Ее бегство было ни к чему — от судьбы не убежишь.

— Почему ты не доверилась мне? Чего ты боишься?

— Моя жизнь страшно отличается от твоей, настолько отличается, что ты даже и представить себе не можешь. Ты даже и отдаленно не представляешь, что происходит у меня внутри... Я... — Дубэ покачала головой. — Не задавай вопросов!

— Почему? Ты пришла к моему порогу вся в крови, и я ничего не спросил у тебя, я помог тебе, подобрал тебя и спас, черт возьми, спас! Но то, что произошло там... это...

Дубэ взяла свой плащ, аккуратно сложенный в углу комнаты.

— Что ты делаешь?

Она накинула плащ, взяла одежду и окровавленное оружие, сложенное в углу.

— Ты не хочешь сказать мне, что ты делаешь?

Она обернулась к нему:

— Если ты скажешь кому-нибудь хоть слово о том, что я была здесь, то можешь быть уверен — ты умрешь прежде, чем расскажешься в том, что сделал.

Дженна застыл на месте.

— Почему ты не хочешь сказать мне, что случилось? Я только хочу помочь тебе, неужели ты этого не понимаешь!

В его голосе звучала такая искренность, такая боль, которых Дубэ раньше не слыхала.

Она была почти тронута этим и поэтому еще быстрее направилась к двери.

— Никто не может помочь мне. Забудь о том, что случилось за эти дни, и не ищи меня.

Она снова осталась одна, во влажной темноте своего жилища, опустошенная после бегства из дома Дженны, она пришла сюда и неожиданно почувствовала, что здесь ей стало легче. Одиночество было ее наказанием и ее спасением.

Она расхаживала по своему гроту в темноте, преследуемая воспоминаниями о резне в лесу, ища успокоения в безмолвной тьме.

Она подумала о Дженне. Вопреки всему она признавала, что привязалась к нему. Это было серьезной проблемой, так как в глубине души она чувствовала, что хотела бы положиться на него, как раньше на своего отца, как долгое время это было с Учителем...

«Учитель, если бы ты был со мной, я не чувствовала бы себя такой потерянной, такой одинокой!»

Теперь у нее никого нет, только она и зверь, который поселился внутри нее.

Несколько последующих дней Дубэ отдыхала и лечила рану. Она приготовила мазь, не

без труда смазывала себе спину. Она приготавливала повязку, смоченную маслом: оборачивала ее вокруг туловища и связывала на груди. Именно во время перевязки Дубэ и увидела это в первый раз.

Она стояла раздетая, в полутьме, при свете свечи. Сняла повязку и протянула руку, чтобы взять флакон. Ее взгляд упал на темное пятно на руке. Дубэ вгляделась. На месте, куда попала игла убийцы из Гильдии, сейчас она отчетливо видела знак. Это были два наложенных друг на друга пятиконечных символа — черный и красный. Внутри размещался круг, составленный из двух змей — красной и черной. В центре, куда проникла игла, ярко краснела точка, словно набухшая свежей кровью. Дубэ провела по ней пальцем, но ни кровавая точка, ни знак не исчезли.

Ее все еще мучила рана, и все же она решила, что может выдержать недолгое путешествие. Если она сама не в состоянии распутать клубок событий последних дней, то ей следовало довериться кому-то. Дженна был прав: нужен жрец.

Утром она быстро собралась в дорогу: в легкий дорожный мешок уложила мазь, свежие повязки и немного еды, завернулась в плащ и отправилась в путь.

Вскоре она должна была, не выходя из лесу, пересечь границу. Место, куда она направлялась, находилось в Земле Моря, в двух днях пути от ее дома.

Она давно уже не возвращалась туда. Слишком много нежных и горьких воспоминаний — воспоминаний о прошлом, которое она, насколько возможно, пыталась забыть.

Когда Учитель умер, она отбросила все, что могло напоминать о нем, и порвала связи практически со всеми, кто знал его.

Даже с Магарой. Убийца всегда должен иметь надежного человека, который может его вылечить, во время работы всегда рискуешь быть раненым. Магара была чем-то вроде мага и жрицы, но ни те ни другие не признавали ее за свою. У магов она позаимствовала некоторые приемы и умение обращаться с духами природы, а от жрецов — знания о травах и лечебной практике. Странная еретичка, наделенная даром предвидения, как говорили о ней люди, жила отшельницей на своей родной земле. Учитель обращался к ней за лечением, когда ему было плохо, за ядами и за сведениями о магии, с которой приходилось сталкиваться.

Сейчас девушка надеялась, что Магара еще жива, она единственная, кто сейчас способен помочь Дубэ.

Близился закат. Дни становились все короче, приближалось зимнее солнцестояние. На небе проступила тонкая красная полоса из-за низких туч на горизонте. Похолодало, но Дубэ казалось, что здесь все же теплее, чем в Земле Солнца. Может быть, из-за пропитанного солью воздуха, летевшего с побережья в глубь территории, увлажняя дубовые и буковые рощи, вплоть до самого центра страны. Это был печальный запах — запах дома. Здесь родился и много лет прожил Учитель. Долгое время они с Дубэ оставались на этой земле, где, казалось, всегда слышен шум волн, бьющихся о скалы.

Перед ней стоял тот же одинокий шатер, который она хорошо помнила, с тех пор как два года назад была здесь в последний раз. Он был сделан из широкого куска кожи, натянутого на четыре столба, и установлен в центре идеального по форме круга из отполированных округлых камней.

Дубэ почувствовала рядом с собой присутствие Учителя, его надежную руку на плече, его грудной, всегда спокойный голос. Каждый раз, когда они оказывались на этой поляне, он говорил: «Мы пришли».

Когда она вошла в шатер, зазвенели трубочки амулета, отгоняющего духов, — это был привычный назойливый звук.

Магара сидела неподвижно внутри, как каменный истукан. Она сгорбилась под грузом лет, склонилась вниз. Лицо ее было скрыто длинными седыми волосами, заплетенными в косы, украшенными колокольчиками. Но ни один колокольчик не шевелился, как будто старуха не дышала.

Но она — живая.

Магара сидела на старом потертом ковре. В углу шатра — связка соломы, а рядом — скамья с ящиком эбенового дерева. На столбах висели разные амулеты, вперемешку с пучками сухих и свежих трав. Из жаровни шел дым благовоний.

— Я знала, что ты придешь.

Голос звучал так, будто ей много веков. И не понять — был ли это голос мужчины или женщины.

Дубэ кивнула, так всегда делал Учитель, приходя сюда.

Магара приподняла голову, волосы разметались по лицу. Ее темное, как кожа шатра, лицо было покрыто глубокими морщинами. Может быть, она всегда была старой и всегда такой останется. Она совсем не переменилась с того последнего раза, когда Дубэ ее видела. Те же живые голубые глаза, то же кроткое и загадочное выражение лица.

Она знаком предложила Дубэ сесть, и девушка повиновалась.

Старуха взяла бумажный веер и, помахивая им, стала направлять дым от жаровни в сторону Дубэ, бормоча непонятные слова. Какое-то старинное песнопение, которое Дубэ хорошо знала: в детстве оно почти гипнотизировало девочку. Учитель говорил, что это — нечто вроде обряда очищения.

Наконец старуха положила руку на голову Дубэ и долго держала.

— Ты встревожена и устала. Я видела это в своих снах. Сарнек предсказал мне твой приход.

Дубэ вздрогнула. Уже много лет она не слышала имени Учителя. Она знала, что мертвые являлись старухе в сновидениях, но Дубэ не верила ни в какой потусторонний мир. Учитель был мертв, превратился в пыль под землей, и то, что Магара так упоминает его, почти разозлило Дубэ.

— Не потому ли, что ты утратила веру, призраки перестают говорить со мной, — кротко улыбнулась старуха, как будто обо всем догадалась. Потом ее лицо стало серьезным. — Рассказывай.

Дубэ наклонилась, почти касаясь лбом земли. Таков был ритуал, которому следовал Учитель, когда хотел просить о чем-то старуху.

— Мне нужны ваши знания.

Сначала она попросила полечить спину. Старуха тут же принялась за дело. Она раздела Дубэ, долго разглядывала ее обнаженное, вздрагивающее тело, потом запела и стала прикасаться ко всем болезненным точкам. В это время шатер наполнился новым ароматом, напоминающим мяту.

Наконец Магара завершила все заклинанием на выздоровление. Таково было ее искусство: она переходила от магии к жреческим обрядам, но не пренебрегала и старинными народными обычаями.

— Но ты здесь не из-за этого. А по другой причине... — сказала старуха, закончив лечение.

Дубэ взяла одежду и завернулась в нее.

Она рассказала Магаре все во всех подробностях: о юном убийце, о его загадочной игле, на которой Тори не удалось найти никакого следа яда, а потом рассказала о своем первом приступе, во время кражи в доме Теворна.

Наконец дрожащим голосом она рассказала о резне в лесу.

— А потом появилось это...

Она закатала рукав и показала руку Магаре.

Старуха протянула свои скрюченные руки, потрогала пальцем знак. Потом взяла горячую головешку из жаровни и медленно провела ею над знаком. Жар был настолько силен, что у Дубэ напряглись все мускулы. Дым — сначала белый — вдруг начал принимать кроваво-красный оттенок. Старуха снова затянула свои непонятные песнопения и еще больше приблизила головешку к руке Дубэ. Девушка стиснула зубы, но, когда уголек прикоснулся к знаку, жар утих, и Дубэ не почувствовала никакой боли.

Она открыла глаза и увидела, как угли растворяются в облачке дыма между пальцами Магары.

В шатре установилась тишина. Дубэ задышала спокойнее, почти неслышно. Старуха отпустила ее руку.

— Это — проклятие, — произнесла она.

— Я ничего не знаю о магии. Что ты хочешь сказать? — спросила Дубэ.

— Какой-то маг проклял тебя, наложив на тебя этот знак.

Дубэ подалась вперед:

— В чем заключается проклятие?

— Хотя ты и перестала убивать, хотя после смерти Сарнека ты поклялась не использовать ничего из того, чему он тебя учил, желание убивать в тебе никогда не угасало.

Дубэ напряглась.

— Я не люблю убивать, мне не нужно это.

— Убийство, кровь — наркотики, опьяняющие человека. Если ты испробовала их вкус, то никогда не сможешь отвыкнуть. В тебе еще живет равнодушие наемного убийцы, ты была обучена этому ремеслу. Жажда крови и смерти — пища для беспощадного зверя, живущего в бездне, зверя, которому проклятие придает форму и плоть.

Дубэ содрогнулась: зверь. Такой она казалась и самой себе, когда укусила купца.

— Отныне зверь будет жить в тебе, каждую минуту готовый выйти наружу. Теперь у тебя нет сил возобладать над ним, он затаился в закоулках твоего разума и ждет момента, чтобы поглотить тебя. Он появится тогда, когда ты меньше всего будешь его ждать, с каждым разом он будет становиться все сильнее, будет принуждать тебя убивать, истреблять. Каждое последующее убийство будет более жестоким, более чудовищным, а твоя жажда крови станет все более ненасытной. В конце концов зверь полностью овладеет тобой.

Дубэ закрыла глаза, пытаясь прогнать животный страх, пронизывавший ее холодом с ног до головы.

— Ему можно сопротивляться?

Магара покачала головой:

— Печать может быть сломана только тем, кто ее наложил.

Юноша. Это, должно быть, он.

— А если тот, кто это сделал, умер?

— Тогда нет никакой надежды.

Ей показалось, что земля содрогнулась под ее ногами.

— Но я говорю не о том, о ком ты подумала.

Дубэ вздрогнула.

— Юноша был исполнителем, но заклятие наложил маг. Именно его ты должна отыскать.

Маг. Гильдия. Это — Гильдия.

— Значит, я должна найти его и заставить снять с меня заклятие.

Магара кивнула:

— Но он не должен умереть, помни об этом, или — ты пропала.

10

ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЙНЕ. ПРОШЛОЕ III

Первые дни Дубэ еще думала, что может спастись. Она не отказалась от мысли вернуться в Сельву, говорила себе, что это возможно, что она может это сделать, что она — хороший ходок. Она никогда не терялась в окрестностях селения, не заблудится и сейчас. И она бродила, стаптывая башмаки в этом лесу. Пыталась ориентироваться по солнцу, как ее учил отец, но не могла понять, где находится. Ее везли три дня. Дубэ никогда еще не проделывала такого путешествия. Она была за много километров от дома. Дубэ пыталась не

думать об этом и шла дальше.

Она часто плакала, звала отца, как будто ее голос мог долететь до Сельвы. Он же говорил ей, что всегда защитит ее, что никогда не оставит ее одну, что с ней никогда ничего не случится. Так почему же ее голос не долетает до него, почему он так далеко? Но она найдет его, или он сам придет и заберет ее, отведет домой.

Дубэ питалась тем, что ей дал юноша, и старалась экономить пищу. Спала под деревьями, но мало и не выспалась потому, что ее мучили кошмары: ведь она в первый раз спала в лесу. По ночам все увеличивалось до невероятных размеров: деревья напоминали неприступные башни, тихие дневные шорохи и шелест превращались в страшный грохот.

Целых пять дней Дубэ только блуждала по лесу, но не прошла и половины. Она продолжала идти, пока ее несли ноги. Надежда постепенно исчезала, еды почти не было, но Дубэ не хотела сдаваться, продолжала думать, что сможет вернуться, что она храбрая и сможет продержаться.

Но в один прекрасный день она поняла, что есть больше нечего, а усталость парализовала ее ноги. Неожиданно желание увидеть отца и вернуться домой уступило место гораздо более прозаическим чувствам. Ее терзал голод. Времени на отчаяние не было, оставалось только искать, чем прокормиться. Все ее существование свелось к поиску пищи, воды, ночлега и преодолению бесконечного пути.

Дубэ попыталась ловить рыбу. Ей удалось выйти к воде. Это получилось инстинктивно. Да и идти вдоль побережья было легче, чем среди деревьев. Ее одежда уже износилась, а башмаки не были предназначены для такого долгого пути. Она сбила и исцарапала ноги. Но голод заглушал все чувства, даже боль от порезов. А рыба, плескавшаяся в реке, была такой притягательной добычей.

Она ловила рыбу с яростью, окунаясь в прозрачный водный поток. Рыбки плавали быстро, а она — медленно, слишком медленно. В конце концов Дубэ преодолела свою усталость. Она стала играть, как раньше в Сельве. Окунала руки в ледяную воду, ощущая, как рыбы проскальзывают между пальцами. Но она была настойчива. Она пыталась, снова и снова. Наконец, вечером, ей удалось схватить руками первую добычу. Дубэ вспомнила вкус жирной и сочной рыбы, зажаренной на костре. Но сейчас ей понадобилось бы слишком много времени, чтобы найти все необходимое и разжечь костер. Правда, ей много раз приходилось видеть, как это делается, но сама она ни разу не пыталась. Ее манила переливающаяся серебристая чешуя рыбы, желудок болел от голода. Тогда она вцепилась зубами в еще живую рыбу. Во рту был неприятный вкус, Дубэ выплюнула кусок. Но ее желудок протестовал, он нуждался в еде. По лицу Дубэ медленно катились слезы, смешиваясь с речной водой. Она закрыла глаза и снова откусила, стала жевать, сдерживая тошноту, проглатывать куски, один за другим, со страшными усилиями, пока не съела всю рыбу.

Еще один день, еще один. После бесчисленного количества дней Дубэ неожиданно дошла до конца леса. Деревья постепенно стали редеть, но Дубэ не сразу это поняла. Стало очень светло, некоторое время Дубэ не могла даже видеть, где находится. Потом перед ее глазами медленно стали возникать контуры: перед ней расстилалась широкая равнина. Высокая трава яркого зеленого цвета. Все напоминало один из лугов, рядом с ее Сельвой. Наверное, Дубэ какое-то мгновение на это надеялась. Потом она увидела вдали дымок. Дым — значит, селение. Дым — значит, какие-то люди. А люди — значит, помощь и еда.

И она снова пустилась в путь, теперь уже под солнцем, ничем не укрываясь от жары, и опять без пищи. Но Дубэ шла вперед, чувствуя жар, пульсирующую боль в ногах и голодные спазмы в желудке.

Иногда земля ритмично вибрировала, а в небе появлялось нечто, похожее на темные точки: две, максимум три, а еще чаще — одна птица. Странные птицы, имевшие удлинённые формы, извивались на головокружительной высоте. Дубэ недоумевала и жалела, что не было лука, чтобы убить и съесть птиц. У Матона был великолепный лук, почти во весь его рост,

старая реликвия его отца. Он был слишком большим и тяжелым, чтобы ребенок мог из него стрелять, но Матон всегда говорил, что когда-нибудь он научится.

На закате тайна раскрылась. Внезапно одна из точек увеличилась, стала спускаться на землю широкими кругами. Приближаясь, она напоминала огромную змею, извивающуюся в воздухе.

От удивления Дубэ открыла рот, разглядывая огромное животное. Оно было голубым, как море. На его боках отражались брызги света. Небесно-голубой цвет живота переходил в темно-синий на спине, которая была усеяна большими и маленькими шипами. Бледно-голубые крылья были огромными и заостренными, казалось, что их пронизывают последние лучи солнца. На спине птицы сидел человек, одетый в сияющие доспехи.

Дубэ осталась стоять как вкопанная. В этот момент она вспомнила о легендах и сказках у камина, о тех историях, которые пересказывались долгими летними вечерами.

«Они родились еще до Большой Мавернии, когда Земли Воды, Моря и Солнца были одной землей. Они были главной опорой великого царства, они были самыми могущественными всадниками в войске: Всадники Моря. Они ездили верхом на огромных голубых драконах, поддерживали мир и спокойствие в Мавернии. Они сражались на Великой Войне и помогали Сеннару довести до конца его миссию».

Животное приземлилось в нескольких метрах от нее. Вблизи оно выглядело еще более величественным. От его дыхания по траве, словно по морю, шли круги. Животное взглянуло своими желтыми глазами в глаза девочки, и Дубэ почувствовала себя под этим взглядом голой, бесконечно одинокой и маленькой.

Всадник снял шлем, посмотрел на нее:

— Что ты тут делаешь?

Это был немолодой человек, со светлым лицом и светлыми волосами.

— Ты поняла меня? Кто ты?

Он говорил с акцентом, которого Дубэ никогда не слышала — жестким и резким. Его слова почти напоминали приказы — сухие и категоричные.

— Из какого селения ты пришла?

Дубэ покачала головой и обратила на него отчаянный взгляд.

Человек вздохнул. Слез с дракона и приблизился к ней.

Дубэ сделала шаг назад. Она вдруг вспомнила о кинжале и инстинктивно схватилась за его рукоять. Она и сама не знала зачем. Но знала, что так надо было сделать.

Всадник продолжал идти, но медленнее, Дубэ чувствовала, как подступает страх. И тогда она выхватила кинжал и с криком стала размахивать им перед собой. Она описывала им большие круги, закрыв глаза и продолжая кричать.

— Не делай так, я не причиню тебе зла. Вот, я остановился, успокойся.

Дубэ тоже замерла.

Всадник сел на траву, в одном шаге от нее. На боку, в ножнах, у него был меч. Дубэ мечтала иметь такой, и чтобы он безраздельно принадлежал только ей, у всех ее друзей была такая мечта. Она сравнила этот сверкающий рыцарский меч с заржавевшим, который хранился в пещере рядом с ручьем, где она и ее компания устраивали свои игры.

Всадник улыбнулся ей:

— Положи на землю кинжал. Трудно говорить с оружием в руках, правда?

Дубэ испугалась. Она не была уверена, что ему можно доверять, но улыбка всадника показала ей искренней. Она положила оружие.

— Молодец. Ты не хочешь сказать мне, как тебя зовут?

Она хотела бы, но не могла. Ей не удавалось. У нее пропал голос.

— Ты немая?

«Наверное, немая».

— Опасно оставаться так, на равнине. Войска Дохора иногда появляются здесь, страшно сказать, что они могут сделать, если возьмут тебя в плен.

Страшно сказать... Дубэ удавалось думать только о том, что с ней случилось раньше. И

ничто не казалось ей таким страшным, как то время, что она провела в лесу в одиночестве.

— Давай поступим так: ты сделаешь мне знак головой — да или нет. Договорились?

Дубэ кивнула. Она больше не могла говорить, но все понимала.

— Ты из деревушки неподалеку?

Она сама хотела бы знать. Где Сельва? Очень далеко за горизонтом или, может быть, тут, рядом, в двух шагах. Но она этого не знала. Покачала головой.

Человек какое-то время молчал, смотря в землю.

— Хорошо, — наконец вымолвил он. — Ничего, пусть мы и не знаем. Но скоро наступит ночь, и лучше тебе отправиться со мной.

Человек встал и протянул ей руку.

Дубэ, раздумывая, смотрела на него. Был ли у нее другой выбор? Ей, наконец, дадут поесть, она будет в безопасности, может быть, ее отвезут домой. Она сжала протянутую руку, грубую, сухую, всю покрытую мозолями.

Всадник снова улыбнулся и повел ее к дракону. Дубэ забеспокоилась. Это животное было очень красиво, но внушало ей непреодолимый страх: в его глазах как будто тлели непогасшие угольки. Она попыталась вырваться.

— Он не обидит тебя! Он слушается меня беспрекословно, и он добрый!

Всадник взял ее на руки, не без некоторого усилия, поднес ее поближе к голове дракона. Зверь повернулся, и Дубэ увидела свое отражение в его зрачках.

Всадник погладил дракона по голове, а тот зажмурил глаза с выражением, похожим одновременно на удовольствие и обиду.

Дубэ перестала вырываться.

— А теперь ты.

Всадник взял ее руку и положил на голову дракона. Она была холодной и влажной, но живой. Кожа толстая, а чешуя напоминала кору деревьев. Животное выпустило маленькое облачко пара из ноздрей.

— Ну вот, видела? Теперь вы подружились.

С этими словами всадник посадил ее на спину дракона. Седло было довольно широким и вполне удобным. Потом он сел и сам, и Дубэ инстинктивно крепко прижалась к нему. Когда они взлетели, она почувствовала страшную пустоту в животе и все время испуганно дрожала. За все время полета она ни разу не открыла глаз.

— Не бойся, — сказал ей всадник.

«Не бойся».

Лагерь был недалеко, они прилетели туда еще засветло. Там было много шатров и один маленький деревянный домик, окруженный густым частоколом. Все было окружено крепостными стенами. Здесь они и приземлились. Всадник осторожно поставил ее на землю. Их уже ждали люди.

— Кто это? — спросил один юноша.

— Эту маленькую бродяжку я нашел посреди равнины.

— Ты кто? — спросил другой.

— Бесполезно — она не говорит. Думаю, она немая. Так часто случается с детьми во время войны. Отведите ее в трапезную и дайте ей поесть, мне кажется, она голодна.

Дубэ действительно умирала от голода.

Ей дали ржаного хлеба и овощного супа, и она с жадностью набросилась на еду. Хлеб она ела большими кусками, а суп, забыв про ложку, пила прямо из миски. Как будто из прошлой жизни она смутно вспоминала ворчанье матери.

«Сколько раз говорить тебе, что за столом надо держать себя достойно? Это — первое правило для девушки».

— Налей ей еще и дай еще чего-нибудь. Она, должно быть, много дней не ела, — произнес всадник.

Ей принесли сыра, а потом и хлеба, и супа, и так — до бесконечности, но Дубэ

судорожно съела все. Люди смотрели на нее, сочувственно улыбались и вполголоса обсуждали ее появление.

— Наверное, это девочка из какого-нибудь поселка неподалеку. Да к тому же граница не слишком далеко.

— Ты считаешь? Да ты посмотри, какая она грязная и оборванная. И вся в ссадинах...

— Может, она сбежала во время очередного погрома, ведь солдаты Дохора никого не щадят.

— Так она совсем не говорит?

— В старом лагере, я видел, бегали целые стаи таких детишек. Они бегали по полю, как призраки, некоторые умирали от голода.

— Ну, сдастся мне, ей такой конец не грозит...

— Кто знает, чего она навидалась, бедняжка...

Наконец, Дубэ наелась до отвала, и это было великолепно. Она никогда не думала, что так хорошо наедаться до тошноты после столь долгого голодания.

Всадник вернулся за ней. Он уже снял доспехи и казался не таким внушительным. Он взял ее за руку и отвел в деревянный домик. Внутри жилище было совсем маленьким, но уютным. Дубэ просто не верила, что может оказаться в доме. Запах дерева наполнил ноздри, она вспомнила свою комнатку на верхнем этаже, рядом с сеновалом. И на глаза ее навернулись слезы.

— Ну, ну, не плачь, — сказал всадник, вытирая ей слезы. — Теперь ты в безопасности. Я буду защищать тебя.

«Не в том дело», — хотела сказать Дубэ. Здесь — не ее земля, и она даже не знает, где ее дом. Этот дом красивый, а рыцарь — добрый человек, но он — не ее отец.

Всадник уложил ее на постель. Он приготовил ей соломенную подстилку рядом со своей койкой.

— А теперь не думай ни о чем, кроме отдыха, хорошо?

Дубэ отвернулась. Она слышала, как человек стелит себе постель, как койка скрипит под его тяжестью. Потом свеча погасла и все погрузилось во тьму.

Дубэ оставалась в лагере много дней. Это было странное место, каких она никогда в жизни не видала. Здесь были только мужчины, и почти все были вооружены. Рыцаря звали Рин, и Дубэ находила его очень симпатичным. Других людей она боялась, а он единственный, кто мог утешить ее. К тому же он спас ей жизнь. Дубэ не могла забыть этого.

В лагере, казалось, все желали ей добра, все смотрели на нее с сочувствием. Когда рядом был Рин, Дубэ отваживалась приближаться к другим солдатам. Иногда они спрашивали, как ее зовут, но Дубэ так и не заговорила, продолжая оставаться немой. На самом деле она очень хотела бы все им рассказать, но пока это было невозможно.

Когда у Рина не было других дел, он брал ее с собой в соседние селения. Показывал ее многим женщинам и спрашивал, не знают ли они эту девочку. Дубэ внимательно рассматривала всех, надеясь, что найдет кого-то из своих, но все напрасно, все лица были чужими.

Вечером они всегда возвращались в лагерь, так ничего и не узнав, но Рин не унывал.

Он дал ей поддержать меч, показал, как кормить дракона, которого звали Ливад.

Все было бы просто чудесно, если бы Дубэ не чувствовала себя такой непоправимо потерянной.

Однажды вечером она услышала, как Рин разговаривает с поваром.

— Я думал оставить ее у себя.

— Мы готовимся к войне...

— Все может быть... но у короля не хватает смелости, и мы так и останемся здесь — смотреть и ждать. Я следил за ними и знаю, что они затевают...

— Именно поэтому и разразится война. Как и ты, многие нарушают договор и следят за врагом. Рано или поздно Дохор воспользуется этим.

— Тем более она должна оставаться со мной.
— А я думаю, что лагерь — не самое лучшее место для девочки.
— А в лесу — лучше? Или в полях, на море?
— Ей нужны отец и мать. Ей плохо, ты же видишь? Ее надо отдать кому-нибудь в деревне.

— Деревни тоже не слишком подходящее место. Солдаты Дохора по-прежнему любят совершать набеги, мы же это видели!

— Ты отлично знаешь, что это творится только у границы, ближе к морю пока еще царит мир. Можно послать ее туда.

Рин неуверенно замолчал.

— Рин, это не твоя дочь.

— Я знаю.

— Ты не можешь заменить ее этой девочкой.

— Я и не пытаюсь.

— Ты отдал ей одежду дочери...

— У нее не было другой. Во всяком случае, может, это — знак богов. Болезнь отняла у меня жену и дочь, а у нее нет родителей. Боги дали нам встретиться, чтобы мы утешили друг друга. Скажи, что тут неправильно?

— То, что здесь скоро начнется конец света.

— Я защищу ее.

Повар фыркнул, встал и пошел к себе, в соседнюю комнату.

Дубэ перестала есть.

Знак богов. Может быть, это боги захотели, чтобы все так случилось? Это они захотели превратить ее жизнь в кошмар?

Приближалось лето. Дубэ поняла, что находится в Земле Моря. Она точно не помнила, откуда она, но знала только, что Сельва находится в Земле Солнца. Она думала, что, может быть, дом не так далеко, но Сельва была всего лишь деревней, и совершенно очевидно, что тут никто не знал, где она находится.

Потом она полюбила спокойствие лагеря, иногда она даже улыбалась, по крайней мере, когда рядом был Рин. Все было не так, как дома, но теперь она уже не чувствовала себя такой одинокой. По вечерам она все еще плакала, иногда спрашивала себя, почему ее не ищут, почему ее отец не приходит за ней, но по прошествии времени она стала думать об этом реже.

Наступило время, когда Рин стал меньше времени проводить с ней. И однажды лагерь пришел в движение. Дубэ всегда остро чувствовала любые перемены, и ей снова стало страшно.

Вдруг Рин исчез, а вместе с ним и многие другие мужчины. Дубэ оставалась одна всю неделю. На равнине, за крепостными стенами, одно за другим появлялись облака дыма, они подступали все ближе и становились плотнее.

— В окрестностях горят деревни. Дела плохи, — услышала она слова одного солдата.

Дубэ испугалась. С минуты на минуту ожидалось что-то страшное.

И вот наконец это случилось. Ее внезапно разбудили ночью. Дубэ с криком кинулась на вошедшего, но увидела полное, лоснящееся лицо повара.

— Вставай и одевайся, скорее.

Дубэ хотела спросить, узнать, но не смогла.

— Поторопись!

Повар был страшно испуган, и его волнение передалось девочке. Дубэ в спешке оделась, без колебаний взяла свой кинжал.

— Это тебе не поможет... — сказал повар.

Дубэ еще сильнее сжала рукоять. Она почувствовала, как слезы подступают к горлу.

Повар обхватил ее за плечи, посмотрел ей в глаза:

— Неподалеку начинается густой лес. Спрячься там и не возвращайся, пока я за тобой не приду. Ты поняла меня? Если я не приду за тобой, ты должна бежать, так быстро, как только сможешь. Иди на север, там наша территория, там еще есть мирные деревни.

Дубэ принялась плакать. Она не хотела бежать, не хотела.

Совсем рядом с шатром раздавался громкий топот, звон мечей.

Дубэ застыла на месте.

«Не оставляй меня одну, не оставляй меня одну...»

— Ты идешь или нет? — прокричал повар, лицо которого исказилось от гнева и страха.

Дубэ вздрогнула и выбежала из шатра.

Она вдохнула удушливое тепло ночи и попыталась бежать, но в этот момент ее слух поразили звуки: звон мечей, ругань и крики раненых. Какие-то страшные призывы. Дубэ знала, что не хочет оборачиваться, знала, что совсем рядом, за ее спиной, происходит что-то чудовищное. Солдаты Дохора внушали ей ужас. Если она обернется, то увидит их. Но она не могла не попытаться сделать это.

Дубэ остановилась за шатром и обернулась. На одно мгновение обернулась. В нескольких шагах позади нее был ад. При слабом свете луны люди убивали друг друга. По небу летал огромный зеленый дракон, а по полю, с дикими криками, бежали люди, окутанные пламенем. Тот, кто не убежал, был сражен копьем или мечом, повсюду лилась кровь. На земле лежали раненые: люди из лагеря, люди, которых она знала. И повсюду она видела широко распахнутые глаза Горнара.

Потом Дубэ подняла глаза к небу. Зеленый дракон пролетал прямо над ее головой... и что-то держал во рту. Она слишком хорошо разглядела: это было крыло Ливада.

Дубэ хотела закричать во все горло, но не могла набрать воздуха. Она окаменела.

— Беги прочь! — услышала она голос. Дубэ едва успела увидеть повара, пронзенного копьем.

Его голос стряхнул с нее оцепенение. Ноги Дубэ сами побежали, унося ее прочь от этого страшного места.

Она бежала без передышки, бежала в направлении, указанном поваром, но все ее существо было еще там, в потерянном месте, где она была только что, а там больше не было ничего, только белые глаза мертвых.

Чудом Дубэ удалось добежать до леса, о котором говорил повар, там она остановилась и, обессиленная, упала на землю. Страшно болели ноги, руки не шевелились. Она больше не могла встать. Не было сил. Весь мир был освещен мертвым светом, первыми лучами зари. А для Дубэ ночь не кончилась. Ее открытые глаза уставились на лесные заросли, но она не видела их. Она все еще находилась в лагере, а вокруг нее падали тела. И тогда она закричала и кричала, пока совсем не обессилела...

Дубэ осталась в лесу, она лежала растянувшись на земле, в ожидании.

Шло время, но Дубэ не замечала. Закатилось солнце, потом восход, полдень, закат, снова ночь. Дубэ не вставала. Потом снова — ветреный закат, утренняя звезда. И наконец туман в ее мозгу начал рассеиваться.

«Повар не придет. Рин не придет. Все умерли. Одна только я выжила».

И вот она снова одна. Она чувствовала себя сломленной.

Она не могла плакать. Ее охватило полное безразличие. Никакой боли, никакой радости, никакой тоски. Снова, как в Сельве, жизнь простая и свободная.

Ее подталкивала жажда. Она встала и спустилась к реке, напилась.

Ее начал мучить голод. Дубэ пошла на север, куда указал ей повар.

Внезапно ей показалось, что не прошло и минуты после ее одинокого путешествия по лесу. Жизнь в лагере, Рин и его дракон — все исчезло. Может быть, все это и было только сном.

О близости деревни возвестили завитки дыма. Деревушка была маленькая, как ее

Сельва. Несколько деревянных домишек с соломенными крышами, узкие переулочки между домами, небольшая площадь с фонтанчиком. Половина домов сожжена. На земле лежали мертвецы. Дубэ видела все, но это ее не пугало. Что-то случилось с ней вчера вечером, во время резни в лагере, что-то, совсем лишившее ее сострадания.

«Хочу есть».

В отчаянии она побрела дальше.

Она заходила в дома, в те, которые уцелели и не были сожжены. Мертвые лежали в домах, но Дубэ не испытывала страха. У всех было лицо Горнара, но она хотела есть, а голод сильнее страха.

Она подошла к буфету. Увидела красный бок яблока.

Полка была слишком высоко, Дубэ привстала на цыпочки и вытянула руку, как могла. Ничего не получилось. Она снова попыталась, но яблоко лежало слишком высоко. Неожиданно откуда-то возникла рука и взяла яблоко.

Дубэ в испуге обернулась.

— Это то, что ты хотела? — Человек, появившийся за ее спиной, был неестественно худым и высоким. Он насмешливо улыбнулся. Должно быть, это — солдат. На нем были легкие доспехи, закрывавшие грудь, и высокие кожаные сапоги. На черном поясе, в ножнах, висел большой меч. В нем и в его лице было что-то тревожное.

— Так что же, ты этого хотела?

Дубэ протянула руку, но человек поднял яблоко так, что ей было не дотянуться.

Тогда Дубэ попыталась убежать, но ей не удалось. Человек подтолкнул ее к буфету. Он отрезал ей пути к отступлению. Потом приблизился, по-прежнему неестественно улыбаясь.

— Милая маленькая девочка не должна находиться в таком месте, рядом со всеми этими мертвецами. Иначе придет кто-нибудь вроде меня и утащит ее.

Человек подошел еще ближе, но потом резко остановился.

— А это еще какого черта...

— Закрой глаза, девочка, — услышала она спокойный уверенный голос, не похожий на голос врага.

Дубэ и не думала послушаться. Она крепко зажмурила глаза. Она уже достаточно нагляделась.

Она услышала сдавленный крик, а потом тихое падение.

— С тобой все в порядке? — спросили ее участливо.

Дубэ сначала осторожно открыла один глаз, потом и другой. Перед ней стоял человек, весь закутанный в длинный коричневый поношенный плащ. На голове у него был капюшон, полностью скрывавший лицо, а в руке — тонкий нож.

Напавший на нее человек лежал лицом в пол.

Странно, но Дубэ не ощущала страха, хотя в стоявшем перед ней человеке было что-то угрожающее.

— Так с тобой все в порядке или нет?

Дубэ попыталась ответить, но смогла только слабо кивнуть. Из-под плаща появилась рука, вынула кинжал, который Дубэ обычно засовывала за пояс. Человек взял кинжал. На лезвии ослепительно блеснул луч солнца.

— Этим не играют. В следующий раз используй его.

Так же быстро человек вернул Дубэ кинжал.

— В любом случае беги отсюда на север. За лесом — спокойно, там много деревень, где ты найдешь кого-нибудь, кто позаботится о тебе.

Потом, с такой же волшебной элегантностью, с какой появился, он повернулся и исчез в облаке дыма.

На следующий день Дубэ пустилась в путь. На рассвете, спешно, едва попрощавшись с Магарой. Она вернулась домой, несколько дней только лечилась и отдыхала. Из всех сил старалась не смотреть на знак на руке. Пока Дубэ не видела его, ей удавалось почти не задумываться о проклятии, но стоило ей только решить, что она, наконец, смогла преодолеть этот кошмар, как приподнимался рукав рубашки, и Дубэ открывалась правда.

Ей нужно было найти мага, который наложил на нее проклятие.

Путешествие должно было продлиться не более шести дней — пустяк для тренированных ног Дубэ. Но тем не менее она еще не выздоровела, и это усложняло дело.

Храм Гильдии находился в самой северной части Земли Ночи, на территории, которая, еще во времена Великой Войны, была захвачена Тиранно.

Дубэ никогда не бывала там. Она знала об этом месте только по рассказам Учителя. Пыльный храм, расположенный в забытом местечке, посвященный божеству, о котором никто ничего не знал. Черный Бог — так называли его люди. Тенаар — для адептов Гильдии. Говорили, что это было божество эльфийских времен. Храм почти всегда был безлюден, если не считать единственного священнослужителя, который провел всю жизнь в стенах храма, запершись в потайной комнате. Жрец был единственным служителем этого таинственного культа, к которому люди могли обратиться со своими проблемами. Время от времени какой-нибудь отчаявшийся человек приходил в храм просить милости у Тенаара через жреца. Обычно речь шла о людях, дошедших до последней черты, готовых на все, лишь бы снискать милость небес, даже прибегая к этому мрачному культу. Жрец периодически избирал какого-нибудь счастливчика среди просителей и брал его с собой в самые секретные закоулки храма. Оттуда никто никогда не возвращался назад, но находились люди, готовые поклясться, что добились желаемого только благодаря пожертвованию того, кто был выбран тайным жрецом.

Дубэ ничего не знала об обрядах культа Тенаара. В детстве она расспрашивала Учителя, но его рассказы всегда были неточны и туманны. Очевидно, что обряды были связаны с кровью, возможно, с убийствами, но тогда Дубэ ничего понять не смогла, кроме того, что, рассказывая о Гильдии, Учитель всегда приходил в смятение.

«Ритуалы Тенаара и Гильдии — не для нормальных людей, даже не для таких убийц, как я. Все это для злобных демонов, и тебе об этом знать не стоит».

Один только раз Учитель оказался более откровенным: ночью, которую Дубэ никогда не сможет забыть. Вот тогда-то она и поняла, почему Учитель покинул Гильдию: рассказ об этом единственном эпизоде заставлял кровь стынуть в ее жилах.

Дубэ шла неторопливо, часто останавливаясь, на случай если ей придется сражаться, поэтому она всегда должна быть в форме. Она пыталась не слишком задумываться о том, что ее ждало. Сейчас зверь спал, но он мог проснуться в любой момент, и мысль о том, что случилось в последний раз, была ей просто невыносима. Однако, как она ни старалась забыть тот ужас, все же вспоминала о мрачном дне по мере приближения к Земле Ночи. Над ней плыли черные облака, грозящие дождем, изредка вдали гремел гром. Стемнело, когда не было еще и полудня. То была земля для любителей заката: они могли наблюдать его в любое время, достаточно было только оказаться на границе. Если бы надо было выбирать место для непрерывных воспоминаний об Учителе, то оно находилось здесь, в багряном зареве последних солнечных лучей.

О наступлении ночи возвестили немногочисленные звезды, которым удавалось выглянуть сквозь тучи. Так всегда было в Земле Ночи. Чередование дня и ночи обозначалось только луной и звездами: днем стояла непроглядная тьма, прерываемая только неестественным и слабым свечением неба. Это было результатом магического заклятия, навлекшего на это царство вечную ночь.

Дубэ продолжила свой путь.

Еще через три дня пути она дошла до святилища. Оно находилось в безлюдном месте, едва покрытом странной растительностью, типичной для Земли Ночи. На земле, где никогда

не было света, обычные растения и вырасти-то не могли. Поэтому редкие, выжившие после наложения заклятия растения были странными. Им хватало слабого света дневного неба, и они даже быстрее росли при свете звезд. То были растения с большими, мясистыми, густо растущими листьями, напоминающими кактусы. Листья темная: преобладал черный цвет, но попадались деревья с темно-коричневой листвой, напоминавшей цвет запекшейся крови, встречались цветы с интенсивной темно-синей окраской. Очень часто плоды этих растений походили на странные нарывы, с мерцающим изнутри слабым светом.

Вот среди такой растительности и высилось высокое сооружение из черного кристалла, почти совсем простой архитектуры. Основанием его служил не слишком большой прямоугольник. Самое большое впечатление производила высота сооружения, с тремя высокими заостренными шпилями — два пониже по бокам и центральный — самый большой и высокий. Все в целом выглядело как порывистое устремление к небу. Дверь была изящной и узкой. В центре фасада находилось большое круглое резное окно в форме розы, светившееся ярким красным светом. Все стены были испещрены запутанными тонкими линиями и знаками, образовывавшими плотную сеть, заключавшую непонятный смысл.

Помимо красного света, лившегося из окна, свет шел из двух шаров, закрепленных в пасти статуй у входа — это были огромные чудовища. И вокруг — неяркое свечение плодов, растущих на этой земле.

Дубэ содрогнулась, глядя на ужасное сооружение.

Потратив столько времени на попытки убежать от секты, она в конце концов сама пришла сюда. Дубэ почувствовала ненависть, смешанную со страхом.

«Тебе мало было уничтожить моего Учителя... теперь и я...»

Но ее страх был вызван не только ненавистью к Гильдии и всему, связанному с нею, и не только кошмарами, навеянными в детстве рассказами Учителя. Что-то коварное и темное просачивалось из-за массивных каменных стен, струилось наружу вместе с красным светом из окна. От этого зрелища у Дубэ закружилась голова. Ей снова привиделась картина резни. Ей открылась беспощадная правда: все то зло, весь тот ужас, которые ей почти удалось изгнать из своего сознания, могли происходить только отсюда, из этого мрачного места.

Дубэ сделала над собой усилие, закрыла глаза, ей удалось взять себя в руки. Она вошла.

Внутри оказалось не менее мрачно, чем снаружи. Храм был разделен на три нефа с грубо отесанными колоннами, покрытыми сгустками запекшейся крови — крови просителей, касавшихся руками острых краев, высеченных резцами. Дубэ подняла глаза: можно было различить очертания трех шпилей, но ей не удавалось увидеть острия, так они были высоки.

В стенах находились ниши, и в каждой стояла какая-нибудь наводящая ужас статуя: там были огромные драконы устрашающего вида, циклопы, двуглавые уроды, разные гнусные монстры, которых только могло создать воображение последователей секты. В глубине стоял алтарь из черного блестящего мрамора, а позади — огромная, тоже черная статуя с красноватыми прожилками. Это было изображение человека с длинными волосами, развевавшимися на ветру. На его лице запечатлелась гордая, злая и одновременно наводящая ужас усмешка. В одной руке он держал стрелу, а в другой — длинный окровавленный кинжал. Стекавшая с него кровь казалась настоящей. Он был одет, как воин, и казался свирепым, охваченным внутренней злобой, не поддающейся описанию. Алтарь тоже был покрыт кровью, как и все внутри помещения.

В центральном нефе были установлены грубо отесанные скамьи красного дерева, все покрытые пылью, кроме одной, около которой на коленях стояла женщина. Она сгорбилась, молитвенно сложив руки, казалось, она сломлена непереносимым горем. Ее босые ноги были изранены, вероятно от долгого пути. Она бормотала что-то, похожее на молитву.

«Возьми мою жизнь и спаси его, возьми мою жизнь и спаси его...»

В голосе звучало отчаяние, а то, как она повторяла свое причитание, делало его почти бессмысленным. То была молитва человека, которому нечего терять, человека, порвавшего с жизнью и готового к смерти.

Дубэ отвела взгляд. Это зрелище тревожило ее и лишало спокойствия.

«Вы хотите от меня того, чего не сделал мой Учитель? Вы хотите, чтобы я бросилась к вашим ногам?»

Дубэ прошла вперед. Для большинства людей это место было только храмом, но Учитель объяснял ей, что на самом деле это — всего лишь вход. Под ним, на глубине в несколько метров под землей, скрывался Дом — жилище убийц, где действительно совершались обряды и где Гильдия подготавливала все свои дела. Все знали о существовании Дома, но немногие знали, где он находится и как туда проникнуть.

Дубэ принялась внимательно изучать ниши. Она рассмотрела чудовищных созданий и увидела среди них морского змея. Скользнула взглядом по его гладкой и блестящей поверхности из черного кристалла, разглядела шипы на спине. Нашла зверя с отметиной, с незаметным небольшим знаком, всего лишь зазубриной, которую менее тренированный взгляд никогда и не различил бы.

Дубэ решительно нажала на эту зазубрину. Шип слегка задрожал, а потом сам занял прежнее положение.

Дубэ приготовилась и стала ждать. Она завернулась в плащ и осталась стоять возле статуи. В тишине невыносимо зазвучал громкий, настойчивый женский голос. Долго ждать не пришлось. Из-за алтаря появился человек, одетый в огненно-красную, спадавшую до пят тунику, обшитую по краям черными знаками, похожими на те, что украшали храм снаружи. При виде его Дубэ содрогнулась.

Человек какое-то мгновение смотрел на нее, а потом знаком пригласил войти. Дубэ медленно пошла по черно-белому полу храма к алтарю. Она могла еще повернуться и уйти, но если бы она так поступила, то что бы с ней случилось? Она знала — в этом случае ожидал страшный конец.

Человек смотрел на нее с раздражающей улыбкой на лице. Иешоль — Верховный Страж Гильдии, ее глава и служитель культа, тот, кто руководил ее делами из своей подземной норы. Хотя ему было не меньше шестидесяти лет, его тело оставалось подвижным, как у тридцатилетнего, а туника не могла скрыть крепкую мускулатуру. Он был типичным представителем Земли Ночи: молочно-белая кожа, светлые и пронзительные голубые глаза, привыкшие различать в темноте любую мельчайшую деталь, короткие вьющиеся черные волосы. От внимательного наблюдателя не ускользнула бы ироническая усмешка, часто кривившая его губы. Лицемер, привыкший обманывать и интриговать, несомненный убийца, привыкший плести политические интриги.

— Я так и думал, что ты придешь, — сказал он, продолжая усмехаться.

Дубэ не дала возобладать в себе тому чувству робости, которое внушал ей этот человек. Она должна быть спокойной и уверенной в себе.

— Мне нужно поговорить с тобой.

— Следуй за мной.

Он повел ее к лестнице, находившейся сразу за алтарем, к скользкой винтовой лестнице с маленькими расшатанными ступеньками. Они спустились в узкий коридор, слабо освещенный факелами, и прошли, друг за другом, несколько метров. Их шаги отдавались под глухими сводами коридора.

Дубэ знала, куда они идут: Учитель рассказывал ей. Они направлялись в комнату, где Верховный Страж проводил большую часть своего времени, в его кабинет, туда, где великий старец планировал жизнь Гильдии и выносил смертные приговоры тем, кто этого заслуживал. Было что-то неправильное в том, что Дубэ оказалась здесь и спокойно шла за Иешолем, это было ненормально. Она попыталась вспомнить, зачем пришла сюда.

Наконец они подошли к двери красного дерева в глубине коридора. Иешоль открыл ее маленьким серебряным ключом и вошел первым.

Это было небольшое, круглое, как колодец, помещение, освещенное двумя массивными бронзовыми светильниками, вдоль стен тянулись набитые книгами полки. Воздух поступал сюда из окна под потолком, значит, они находились под полом храма. В центре комнаты стоял большой стол, а за ним — статуя Тенаара, совершенно такая же, как та, что в храме,

только меньшего размера. В комнате ощущался запах крови, и Дубэ почувствовала странную оробелость. На мгновение она закрыла глаза, подождала, когда услышит звук закрывающейся двери, и начала действовать.

Она молниеносно выхватила кинжал, заломила руку Иешоля и в мгновение ока приставила лезвие кинжала к его горлу.

— Я хочу знать имя того человека, — прошептала она ему на ухо.

Она уже давно не применяла на деле свои способности убийцы, но ее тело хорошо помнило тренировки, и все получилось само собой.

«Если здесь и есть человек, которого я могу убить, то это он!»

Иешоль вовсе не казался ни удивленным, ни испуганным. Он крепко стоял на ногах, и дыхание его было спокойным. Он даже позволил себе рассмеяться.

— Так вот каковы твои намерения? И что ты сейчас хочешь сделать? Убить всех, кто находится в Доме?

Дубэ почувствовала, как задыхается от гнева. Знак на руке пульсировал, она не вполне себя контролировала, о чем и предупредила Иешоля.

— Тут меня ничего не интересует. Я только хочу знать, кто наложил на меня заклятие.

— Знай, что я не открою тебе этого. Если Сарнек когда-нибудь рассказывал обо мне, то ты должна это знать.

— Не смей упоминать его имени!

— Это твоя проблема, Дубэ, — глупая привязанность к проигравшему. Просто ты не хочешь этого понять...

Дубэ прижала лезвие к горлу, почувствовала, как по ее запястью стекает струйка крови.

— Ты недооцениваешь меня.

Даже теперь Иешоль не волновался.

— Кровь не пугает меня, а смерть — тем более. Это — часть меня самого. Я не скажу, кто тот человек. Не стоит и напоминать тебе, что если ты убьешь меня, то не только не освободишься от заклятия, но тебя будет преследовать вся Гильдия. Поэтому я предлагаю тебе подумать, убрать оружие и поговорить со мной. Мне многое нужно тебе сказать. К тому же что ты можешь сделать? Тебе хватило легкого запаха крови, чтобы ты смутилась.

Это было правдой. Она старалась сдерживаться: зверь готов был проснуться.

Дубэ со злостью отпустила его. Иешоль едва успел уцепиться за стол, стоявший позади него.

Несколько секунд он стоял неподвижно, потом повернулся, и на его лице снова появилась язвительная ухмылка. Он жестом предложил Дубэ сесть.

— Ты храбрая, в этом нет никакого сомнения. Хотя ты много лет занималась воровством, но надо же... твоё тело, ловкость...

Дубэ сжала кулаки и опустила глаза.

— Садись, — сказал он ей.

Дубэ села. Ноги ее слегка дрожали.

— Зачем?

— А ты сама не понимаешь?

— Вы сделаете меня девушкой, несущей смерть, но у вас целые отряды убийц, и я вам не нужна.

Иешоль улыбнулся:

— Ты хочешь доказать мне, что мое восхищение тобой совсем не имеет оснований? Дубэ, посвященные не могут убежать от своей судьбы, а твоя судьба — под знаком Тенаара.

— Я — не убийца.

— Однако ты ею стала, ты рождена, чтобы ею быть.

— Я не убиваю! — прокричала она.

— Ты это сделала, и даже не так давно.

Дубэ почувствовала начинающееся головокружение.

— Ты — одна из нас, и стала одной из нас еще до рождения. Ты прошла нашу

подготовку. В глубине души ты осознаешь, что ничего другого ты не умеешь. То, что ты делаешь сейчас, чтобы выжить, презренная жизнь воровки, которую ты ведешь, — это страшное пренебрежение к своему таланту, ты унижаешься, но это — не твой путь. Ты принадлежишь нам, и сама понимаешь это.

Дубэ сжала кулаки. Она вспомнила появившегося в закатных лучах солнца черного человека. Он приходил спрашивать о ней, он разрушил ее мечту о спокойной жизни с Учителем.

Она еще больше разозлилась: слова Иешоля, к ее ужасу, совпадали с тем, что она долгие годы повторяла, они соответствовали тому отвращению, которое она испытывала к самой себе, той подавленности, которая сопровождала все дни ее существования. Она всегда верила в судьбу.

— Я не верю в ваши варварские обряды, в Тенаара или в другое дурацкое божество. Они не существуют.

На Иешоля богохульства не произвели никакого впечатления.

— Но Тенаар любит тебя.

Дубэ раздраженно махнула рукой.

— Все это бесполезная и смешная болтовня. Лучше говори по существу. Что ты хочешь получить за то, что расскажешь мне все?

— Я вижу, ты все еще не понимаешь. Я никогда об этом не скажу, ни сейчас, ни потом.

Дубэ вонзила свой кинжал в деревянный письменный стол.

— Если таковы твои намерения, то я — мертва, а мертвой женщине нечего бояться. Может быть, я не уничтожу вас, но, по крайней мере, убью многих твоих приспешников, и тебя — в первую очередь, вы все отправитесь вместе со мной на тот свет.

— Убийца хладнокровен, Дубэ, а ты сейчас говоришь не раздумывая. То, что я ничего не расскажу тебе, не означает, что я не хочу тебе помочь.

Дубэ озадаченно замолчала.

— Мы знаем способ контролировать заклятие.

— Ты лжешь. Мне сказали, что это невозможно.

— Тот, кто сказал такое, ничего не понял. Это — не знак, это — заклятие. А заклятие может быть снято и тем, кто его не накладывал.

— Так что же?

— Мы дадим тебе средство, которое спасет тебя, но не сразу. Понадобятся годы, чтобы ты излечилась. И все эти годы ты будешь служить нам.

Дубэ не смогла сдержать саркастической улыбки.

— Так вот зачем все это было...

— Вижу, ты начинаешь понимать.

— Проклятье!

— Ты неразумна. Твое место здесь: твоя постоянная боль, твоя вечно саднящая рана — смерть Сарнека — все это печалит тебя, потому что ты до сих пор не дома. А здесь ты обретишь спокойствие, которого ищешь, потому что ты создана для жизни в этих стенах, среди этой тьмы, создана с самого рождения.

Дубэ сурово посмотрела на него:

— Послушай, выродок, я действительно нашла прекрасный мир... но я ненавижу это место и предпочту умереть, лишь бы не служить тебе.

— Это — твой выбор. Но задумайся как следует. Мы говорим не о той смерти, которую ты всегда видела. Мы не говорим о старике, который отдает Богу душу в конце своих дней, в своей постели... даже, пожалуй, довольный своей никчемной жизнью. Мы не говорим о яде, который убивает после коротких мучений, или о лезвии, проникающем в твою плоть. Все это — вещи, понятные, известные тебе. Мы говорим о пропасти, о том месте, из которого нет исхода, о тьме, которой никто — могу заверить тебя, — никто не знает. День за днем ты будешь терять рассудок, будешь пытаться вновь стать прежней, ты будешь стремиться к этому изо всех сил. Но зверь, который живет внутри тебя, не знает покоя, он всегда голоден.

Он разорвет тебя на куски. Ты будешь ощущать, как он действует, находясь внутри тебя, ты увидишь это, как увидела в тот день, когда ты устроила резню в лесу. И так будет сотни раз. А потом не останется ничего, кроме убийств. Жажда мяса и крови станет твоим безумием. Зверь будет сгонять тебя с постели, настигать тебя в пути, когда ты ешь, в любое время суток. И так до тех пор, пока ты не станешь просто животным и не станешь существовать, как животное. До тех пор, пока твое безумие не убьет тебя. И не думай, что ты сможешь покончить с собой до того, как все это начнется, потому что зверь не позволит тебе. И продолжаться это будет долго. И будет это страшно.

Дубэ почувствовала, как холодный пот течет у нее по спине. Все, о чем рассказывал Иешоль, она видела, чувствовала и испытала в те ужасные дни, которые она недавно пережила.

Она подняла разгневанный взгляд на Иешоля, неподвижно стоявшего на месте.

— Как ты мог сделать такое... как ты смог такое замыслить...

Слова застревали у нее в горле.

— Во славу Тенаара. Когда ты будешь с нами, ты тоже это поймешь.

Дубэ смотрела в пол. Ей не хватало воздуха в этой конуре, она уже чувствовала себя погибшей.

— Комната тебе уже приготовлена, она здесь, за дверью. В первый день ты будешь испытывать боль, потому что смерть, которая живет здесь, — это пища зверя, но мы дадим тебе снадобье, и тебе сразу станет лучше. Между спасением и страшной смертью есть только одна дверь, Дубэ, и она — здесь. Дело за тобой: да или нет?

Взволнованная Дубэ снова опустила глаза. Потом она выпрямилась и закуталась в плащ.

— Сейчас я не могу решить.

— Как хочешь. Ты знаешь, где мы находимся, и знаешь, что тебя ждет, если ты скажешь «нет».

Дубэ вырвала кинжал из стола, подождала, пока Иешоль откроет дверь и выведет ее из комнаты.

— Подумай как следует, Дубэ, подумай, — повторил он в последний раз, как только они вошли в алтарь.

Молящаяся женщина оставалась на прежнем месте, все было как прежде, и все показалось ей невыносимым.

Дубэ повернулась, ускоряя шаг, пошла из святилища и, наконец, выбежала из него.

12

ЖИЗНЬ, ВЕДУЩАЯ ВО ТЬМУ

Первым побуждением было уйти отсюда далеко, снова убежать в Землю Солнца. В отчаянии Дубэ бежала, не останавливаясь ни на минуту, на пределе сил, пока не увидела розовеющую зарю впереди, пока не увидела, как исчезает Земля Ночи.

Она обессиленна, рана болела. Дубэ отлично понимала свою неосторожность, понимала, что таким образом она только навредила себе, но все эти дни над разумом преобладал страх — слепой и холодный. Именно поэтому ей следовало вернуться домой. Вернуться домой, чтобы все забыть.

За пять дней пройдя обратный путь, она пришла наконец домой.

Ей казалось, что она снова стала ребенком и все страхи ее детства снова вернулись к ней.

«Как будто бы Учителя и не было, как будто я все еще разыскиваю Сельву и своих родителей».

Она вбежала в пещеру, и ей показалось, что она почувствовала себя лучше, вдохнув запах плесени. Она глубоко вздохнула и закрыла глаза.

Снова оказавшись дома, в одиночестве, она постепенно взяла себя в руки. Несколько

дней Дубэ лечилась. Рана была красной, распухшей, воспаленной. Она использовала только мазь Тори. Пока организм выздоравливал, мускулы расслаблялись, а кожа на спине снова становилась розовой и эластичной, Дубэ размышляла.

Она провела долгие часы в размышлениях у Темного ручья. Однажды на рассвете Дубэ проснулась и почувствовала, что воздух стал другим, даже его плотность изменилась. Хотя светило солнце, его лучи не проходили сквозь толщу холода, опустившегося на землю. Наступила зима. Но Дубэ не боялась холода, напротив, искала его: она отправлялась ночью к источнику в одной рубашке, набросив сверху только плащ.

Она должна была вновь обрести связь с миром, почувствовать ладонями голую землю. Когда, после всех ее усилий, чувства уходили прочь, она могла действительно трезво размышлять.

Только у Гильдии было противоядие. Даже Магара ничего не могла поделать. Дубэ прекрасно знала, что магия Гильдии была особенной. Об этом ей рассказывал Учитель. Речь шла о запрещенных заклинаниях, о злой магии, в основе которой лежало извращение законов природы. Эта магия основывалась на смерти. Именно эти заклинания были взяты на вооружение, переделаны и возрождены теми, кто исповедовал веру в Тенаара. Ходили слухи (особенно в Земле Дней), что Гильдия, вероятно, была единственным настоящим хранилищем самой темной эльфийской магии.

Слова Иешоля все еще звучали в ее ушах, и по ночам она только и могла думать, что о бойне на лужайке. И так — без конца, что было хуже любой смерти. Она снова убивала, хотя изо всех сил старалась не попасть, бойня продолжалась в ее воображении, и от этого разум приходил в смятение. Все шло именно так, как предсказывал Иешоль, и она не могла этого перенести. Все чаще она думала, что у нее нет выбора.

Неужели придется принять предложение Иешоля? Но это означало продать себя своему худшему врагу, отъявленному злодею, против которого Учитель боролся до конца своих дней. За нее.

Она не могла забыть того, что они сделали с Учителем. Она не была обучена, чтобы стать машиной смерти, служащей культу Тенаара, не для того Учитель спас ее и оставил у себя. Именно Учитель дал ей жизнь, даже в большей степени, чем отец, которому не удалось защитить ее и найти, когда ее изгнали. Она не могла решиться на такое. К тому же она сошла с пути убийцы, поклялась в этом, когда умер Учитель.

Нет, это был неверный выбор. Чудовищная смерть или мрачная жизнь Гильдии, от которой она пыталась бежать целых два года.

Дубэ мучилась сомнениями, и лишь одно решение вырисовывалось на горизонте: выбор смерти, стремление ее найти. Выбор достойной смерти, избавлявшей от ужасной агонии, о которой рассказал Иешоль.

Она всегда отвергала идею самоубийства. Она прошла через бесконечную череду мучений, но никогда, никогда и не думала положить этому конец, уйти из жизни самым простым способом. Но в данном случае речь не шла о трусости. Или о малодушии. Речь шла о том, чтобы выбрать одну смерть вместо другой, так как она уже была осуждена, если откажется от предложения Иешоля.

Дубэ провела всю ночь в раздумьях. Оставался один путь, если она скажет «нет». Покончить с собой, и как можно быстрее.

Но она не могла. Дубэ никогда не считала, что она привязана к жизни. Жизнь была простой, жестокой, и ей трудно было представить ее как нечто приятное, красивое. Но теперь, когда один-единственный шаг отделял ее от конца, все существо Дубэ сопротивлялось этому. Оставалось еще что-то, призывавшее ее к жизни. Словно могло быть будущее, отличное от прошлого, словно будущее снова могло подарить ей Учителя или годы, проведенные ею в Сельве. Отчаянная надежда, непонятное желание идти дальше, до конца.

Нет, она не могла.

В эти ночи, проведенные у ручья, она поняла, что ее сущность, весь накопленный ею

опыт и, еще в большей степени, ее судьба сделали выбор за нее. Учителя больше не было, его тело навсегда поглотила земля, а ей оставалось только прислушиваться к внутреннему голосу, который яростно призывал ее к жизни. Но никакой радости, никакого утешения в этом выборе не было. Гильдия победила.

Ее жилище понемногу пустело, она прощалась со всем, что ее здесь окружало. Отныне ее домом должно было стать мрачное подземелье, где царил Иешоль.

Когда она окончательно была готова к отъезду, к ней неожиданно явился Дженна. Она увидела его, с потемневшим лицом, закутанного в странный плащ, на пороге своей пещеры, когда на улице посыпал мелкий снег.

— Я долго искал тебя.

Дубэ не могла скрыть, что ей приятно снова увидеть его. Поэтому она постаралась быть твердой.

— Мне казалось, что я тебе все ясно объяснила.

Дженна вошел, сел за стол. Он был собранным, не позволял себе обычных развязных жестов.

— Что ты делала?

Дубэ знала, что сейчас уклониться от вопросов нельзя.

— Я ухожу.

Дженна заволновался.

— Это из-за того, что произошло на лужайке? Там ведь что-то случилось, и ты была там. Но я действительно только хочу тебе помочь... потому что... проклятье, мы же товарищи по работе, ведь товарищи, в конце концов, желают друг другу добра, не так ли? — Он опустил глаза.

— И ты желаешь мне добра... правда? — Дубэ помолчала минуту. Ей было невыносимо тягостно, в большей степени, чем она ожидала. — То, о чем ты слышал, результат болезни. Я больна.

— Тогда нужно найти жреца, который поможет тебе...

Дубэ покачала головой:

— Есть только одно место, где меня могут вылечить, и тебе не стоит знать, где оно находится. Я отправлюсь туда. Мне назвали цену за лечение, как обычно, и я должна заплатить. Если я хочу жить, то должна выполнить условие.

— Когда ты уйдешь? И что говорить тем, кто будет тебя искать?

— Мы больше никогда не увидимся, Дженна. У нас не будет больше общих дел. Возвращайся к своей работе.

Дженна несколько мгновений молчал, потом, неожиданно, с силой ударил кулаком по столу, так, что Дубэ вздрогнула.

— Нет, нет! Мы столько работали вместе, я видел, как ты росла, я всегда был с тобой, когда дела шли плохо. Ты не можешь вот так бросить меня, не объяснив, почему ты покидаешь меня!

— Мы были связаны только по работе. И никогда не было ничего другого.

— Неправда, не только!

Он вскочил.

Дубэ почувствовала, как в глубине души что-то шевельнулось. Ей было тяжело порывать со всей своей жизнью, а Дженна был ее частью. И она когда-то давала себе слово, что больше ничего не случится, если она будет привязана к кому-то, подружится с кем-нибудь.

— Мне самой нелегко бросить все, чтобы начать новую жизнь, но я должна сделать это, иначе я умру.

— Тем более ты нуждаешься во мне.

Дубэ грустно улыбнулась:

— Уходи и забудь обо всем. Я уже сказала тебе тогда вечером: ты не можешь понять

меня, такие, как я, — конченные люди.

Дженна сжал кулаки так, что они побелели.

— Я не дам тебе так уйти.

Он быстро, с поспешностью неопытного юноши, положил руки ей на плечи, неловко прижался губами к ее губам. Это было так неожиданно, что Дубэ не смогла сопротивляться. Она ощутила дрожащие губы на своих губах, и ее охватили воспоминания. Перед ней проплывали нежные и страшные воспоминания — чьи-то лица, смущавшие ее. Она оттолкнула Дженну.

Они стояли друг перед другом, Дженна опустил глаза, покраснел, как никогда раньше, а побледневшая Дубэ смотрела на него, не в силах выделить его лицо из череды других воспоминаний.

— Я никогда тебя не любила, — только и сказала она с леденящей жестокостью.

— А я — любил...

Дубэ подошла к нему, положила руку на плечо. Она понимала. Слишком хорошо.

Дженна был ошеломлен, у него блеснули глаза. Дубэ вышла с ним из пещеры, и они пошли по дороге к лесу. Они шли рядом, ничего не говоря. Далеко в горах раздавался мрачный крик совы.

«Это кончается моя жизнь, как много раз случалось раньше».

Она остановилась.

— Прощай, Дженна.

У него не хватило смелости взглянуть на Дубэ.

— Я не могу так...

— Однако все кончено. Возвращайся домой.

И Дубэ оставила его одного в лесу. Время уже пришло. Эта ночь должна была стать последней в ее прошлой жизни.

Она ушла на рассвете, взяв с собой оружие, среди прочего — кинжал, которым очень дорожила, и немного вещей.

Дубэ посмотрела на кинжал совсем не так, как раньше, и похолодела.

«Мне снова придется использовать его».

Она так надеялась, что этот момент никогда не настанет.

Она взяла с собой сменную одежду и какое-то пропитание в дорогу. Но оставила все остальное в пещере. Дубэ не знала почему: может быть, надеялась, что однажды вернется в свое жилище? Она повернулась спиной к этому дому, который так любила, и больше не оглядывалась.

В пути провела пять дней, как в прошлый раз, когда шла в храм. Можно было бы поторопиться и прийти раньше, но думала, что, вероятно, это последняя возможность остаться на воле так долго, и хотела воспользоваться случаем. Она хотела унести с собой запахи зимы, до того как перестанет существовать время, а она сама окажется пленницей лабиринтов, выбитых в скале.

Ей хотелось стереть из памяти тяжкое и печальное воспоминание о Дженне, который поцеловал ее и хотел этим странным поступком привязать Дубэ к себе и к Земле Солнца — ее, не имевшую никаких привязанностей.

Она вошла в храм в полдень. Над Землей Ночи стояла густая тьма, царил пронизывающий холод. Ветер проникал в храм, свистел под сводами святилища, мрачно звенел вокруг статуи Тенаара. Сегодня на скамьях не было никого. Дубэ была одна. Но она знала, что Иешоль ждет ее. Она прикоснулась рукой к колонне, почувствовала острые края черного кристалла, впивающиеся в кожу. Капля крови потекла по колонне. Боль заставила ее прийти в себя, напомнила ей о неизбежности того, что она собиралась сделать.

Она сжала в кулак пораненную руку, и еще одна капля крови упала на землю.

Дубэ направилась к одинокой статуе, нажала на известный ей выступ, стала ждать.

Появился Иешоль, облаченный в красную тунику. Он улыбался с плохо скрываемым удовлетворением.

— Ты не должна была так долго раздумывать...

Дубэ не ответила. Она отдала бы все, что угодно, чтобы стереть эту мерзкую улыбку с его лица, но ее жизнь теперь была в руках этого ублюдка, она сделала свой выбор, а этот выбор не предусматривал смерти Иешоля. Иешоль, должно быть, о чем-то догадался, поэтому сразу приступил к делу:

— Я никогда не сомневался в тебе. Тенаар выбрал тебя, тебе ничего не оставалось, как прийти.

Он повел ее по прежнему пути, и они, как в прошлый раз, оказались в его кабинете. Сейчас, как только они вошли, Иешоль дернул за позолоченный шнур, висевший рядом со статуей Тенаара.

Он знаком предложил Дубэ сесть и сел сам.

— Прежде всего, тебе здесь не нужно твое оружие. Положи его на пол.

Дубэ колебалась.

— Ты все еще хочешь убить меня? Может, ты и перережешь мне горло, но мои люди убьют тебя, и тогда всему конец?

— Я привязана к своему оружию.

— Оно тебе не понадобится.

— Пообещай, что отдашь его мне, когда все кончится.

Иешоль посмотрел на нее почти разочарованно, но согласился:

— После посвящения тебе вернут оружие.

Дубэ положила на пол все: лук, ножи, стрелы. И, в последнюю очередь, кинжал. Ей казалось почти оскорбительным то, что она кладет на этот проклятый пол оружие Учителя.

— Условия твоего проживания здесь не позволяют тебе присутствовать на нашем Совете, на Совете Дома. Ты — нечиста, из-за жизни, проведенной в разврате и безверии за этими стенами. Кроме того, проклятие может подействовать, если ты переступишь порог, не обуздав зверя, дремлющего внутри тебя.

Дубэ прервала его:

— Это ты впустил зверя в мое сердце. В любом случае я хочу прояснить ситуацию. Я буду работать на вас, делать то, что вы пожелаете, но вы никогда не заставите меня уверовать. Я не верю ни в какое божество, тем более в такое, как Тенаар.

Иешоль улыбнулся:

— Это решает только Тенаар. Однако тебе придется жить с нами, а жизнь с нами — существами, служащими Гильдии, — означает соблюдение обрядов. И ты не можешь поступать иначе.

Дверь отворилась, вошел человек в длинном черном плаще из грубого полотна с низко надвинутым капюшоном. Он поклонился Иешолю, сложив руки на груди, затем снял капюшон. Человек оказался относительно молодым, короткие волосы были очень светлые, глаза тоже светлые, лишенные какого бы то ни было выражения, нос заостренный, а кожа совсем бледная. Человек посмотрел на Дубэ так, будто она была прозрачной.

— Он — страж будущих посвященных, его зовут Гаан. Он занимается молодежью, которая приходит к нам, нашими будущими адептами. Обычно речь идет о детях, но в редких случаях у нас появляются и те, кто постарше, вроде тебя. Он приобщит тебя к культу. С этого момента и вплоть до церемонии посвящения ты не будешь видеть никого, кроме стража будущих посвященных. Ты не достойна того, чтобы кто-то еще беседовал с тобой.

Иешоль сделал знак, и тогда заговорил Гаан:

— Вставай и следуй за мной.

Дубэ повиновалась. Теперь ее жизнь принадлежала этим людям.

Перед тем как Дубэ вышла, Иешоль окликнул ее.

— Я видел твою руку, — сказал он с улыбкой. — Еще одно подтверждение твоей принадлежности Тенаару, так как первое, что должен сделать новопосвященный, — отдать

свою кровь, а ты это уже сделала.

Дубэ с силой сжала кулак.

Они прошли по многочисленным коридорам, выбитым в скале, все они были погружены во тьму и зловоние. Однако запах крови, сильно ощущавшийся в норе Иешоля, почти что исчез, и Дубэ стало легче дышать. Человек молча продолжал идти, а Дубэ следовала за ним. Вскоре она потеряла счет всем закоулкам и галереям, которые они прошли.

Наконец они подошли к деревянной двери. Гаан открыл ее длинным проржавевшим ключом. Помещение было самым настоящим колодцем. Оно было крохотным, и в нем пахло плесенью. Оглядевшись, Дубэ поняла, что с трудом сможет тут улечься, разве только свернувшись клубком. На самом верху, под потолком виднелось маленькое отверстие, через которое едва проходил воздух.

— Это — келья очищения. — Голос человека был пронзительным, он говорил, не глядя в глаза. — Ты пробудешь тут шесть дней, шесть дней ты будешь поститься, чтобы очиститься. Тебе будут давать полкувшина воды в день. Я буду каждый день приходить и следить за тем, как ты исполняешь свой долг, я буду посвящать тебя.

— Я не верю в вашего бога, — прошептала Дубэ.

Внезапно все это показалось Дубэ безумием. Она подумала о том, зачем на это согласилась, и вспомнила тот ужас, с которым Учитель рассказывал ей о подземелье.

Гаан не обращал на нее внимания.

Дубэ вошла. Дверь резко захлопнулась за ней, раздался скрежет ключа в замочной скважине. Он эхом отдавался в стенах кельи, поднимался вверх, к крошечному отверстию под потолком. Шум этот казался оглушительным.

Дубэ знала о коварстве и иллюзиях тьмы. В самые худшие моменты жизни тьма принимала и окружала ее, уводила от реальности и утешала. Но в этом была и обратная сторона медали: уединение и темнота скрывали реальное положение вещей, поглощали все, что находилось снаружи, искажали очертания. Тьма защищала, но обманывала.

Так и происходило все эти шесть сумасшедших дней.

Разум пытался сопротивляться. Но появлялись видения. Прошрое и настоящее смешалось, то Дубэ казалось, что она все еще ребенок, дома с родителями, то она снова попадала в лес, изгнанная из Сельвы, иногда ей виделся Учитель, смотрящий на нее суровым взглядом. Ее преследовали Горнар и другие жертвы тех отчаянных лет, когда она пыталась скрыть от себя самой жестокость своей судьбы.

Дубэ мучила жажда, терзало чувство голода, воздух был гнилым, и его не хватало. Дубэ мужественно пыталась сохранить рассудок и память. Пока она их не утратила, оставалось нечто, не принадлежавшее Гильдии. Пока было живо сознание, сохранялся смысл жизни.

Гаан приходил по ночам, Дубэ понимала это, так как в момент его прихода в небе над темницей всегда вставала ярко-красная звезда.

В первый вечер он принес ей новую одежду: плащ, совершенно такой же, как и у него самого, — черный, из грубой колючей шерсти. Потом состриг ей волосы. Она подчинилась. Затем приказал ей протянуть ему здоровую руку. Дубэ сделала это, и он проколол ей ладонь ножом.

— Для меча, который убивает, — прошептал он и собрал вытекающую кровь в маленькую пробирку.

Наконец, он протянул ей чистую повязку, чтобы остановить кровь. Она была влажной, как будто ее чем-то пропитали.

Рана была маленькой, но глубокой, и вид крови взволновал Дубэ.

«Зверя мучит жажда».

Начиная со следующей ночи Гаан приступил к обучению. Он входил в келью, приносил странную пробирку, которую давал ей понюхать, и Дубэ на некоторое время приходила в себя, становилась похожей на себя саму.

Впоследствии она смутно вспоминала ночные часы, которые она проводила вместе с

этим человеком, мучаясь от голода и жажды, загипнотизированная голосом Гаана, превращавшимся почти в молитвенное пение, когда он рассказывал ей о Тенааре.

«Он — высшее божество, намного более могущественное, чем все те, что почитаются во Всплывшем Мире...

Тенаар — властелин ночи. Он восходит вместе с Рубирой, Кровавой звездой. Вот она, видишь? Над твоей головой. Она достигает своей высшей точки в полночь и тогда начинает властвовать над тенями. Рубира — служанка Тенаара, она предшествует ему и возвещает о нем.

Мы, его последователи, — победители. Люди, в просторечии, называют нас убийцами, но мы — избранные, избранное племя Тенаара...»

В конце каждого вечера Гаан наносил ей раны. Каждый вечер — раны в разных частях тела. После ладоней пришел черед запястий, потом — ног. В последний вечер он сделал ей надрез на лбу.

— Семь знаков — в честь семерых Великих Братьев, которые запечатлели нашу историю победителей. Семь — ибо семь дней в году, в течение которых Рубира закрыта луной. Семь — по числу оружия победителей: кинжал, меч, лук, аркан, духовое ружье, ножи и руки.

Раны быстро затягивались, вероятно благодаря повязкам, пропитанным лечебным составом. На их месте оставался только слабый белый знак. Когда Дубэ осмотрела ладонь, то вспомнила, что и у Учителя были такие же царапины.

«Запомни, Дубэ, это — знаки Гильдии. Когда увидишь их, то знай, что ты имеешь дело с одним из убийц».

«Я — убийца, как и должно было случиться», — подумала в отчаянии Дубэ.

На седьмой день дверь отворилась, на пороге появилась фигура, не похожая на истощенную фигуру Гаана. Дубэ с трудом подняла глаза. Красная звезда, Рубира, еще не взошла на небо.

— Период очищения завершился.

Спокойный и умиротворенный голос Иешоля.

— Сегодня ночью, когда взойдет Кровавая звезда, произойдет твое посвящение, и с этого момента ты будешь принадлежать Тенаару.

Ее вывели из кельи, как только стемнело. За ней пришли две женщины с бритыми головами, одетые в длинные черные рясы. Дубэ подумала, что они, вероятно, были помощницами гвардии посвященных. Они отвели ее в незнакомую комнату, где запах крови стал более ощутимым. Помещение было просторным, круглым, освещалось большими бронзовыми светильниками, излучавшими странный аромат и мрачный свет, плясавший на грубо обтесанных каменных стенах. Кроме двух приведших ее женщин, тут были двое мужчин тоже с обритыми головами, но без туник — их одежда состояла из широких льняных брюк. На груди у них виднелись белые царапины, составлявшие странные орнаменты, похожие на те, что покрывали стены храма. На ногах висели большие цепи. Один из них, сидевший на скамье, был Гаан. Женщины заставили Дубэ встать на колени.

— Что со мной будут делать? — попыталась спросить Дубэ.

— Увидишь, когда все произойдет.

Гаан встал и вышел из комнаты.

Мужчины неподвижно стояли, в то время как женщины хлопотали вокруг Дубэ. Ей дали кувшин с водой и кусок хлеба, на которые набросилась оголодавшая Дубэ. Она съела все в один присест. Потом ей протянули стаканчик, наполненный фиолетовой жидкостью с очень сильным запахом. Сначала ей дали вдохнуть аромат, а потом — выпить жидкость.

Жидкость оказалась крепкой, обожгла горло так, что на глазах выступили слезы. Дубэ усадили и на несколько мгновений оставили в покое.

Она чувствовала себя обессиленной, хотя хлеб и вода немного оживили ее и даже

странным образом опьянили. Все вокруг плыло у нее перед глазами в странном ритме, в котором колыхались языки пламени светильников.

— Что вы дали мне выпить? — прошептала она.

— Тс-с-с, — прошипела одна из женщин. — Посвящаемый не должен говорить. Это поможет тебе продержаться.

Женщины снова дали ей воды и вышли за дверь.

И только тогда мужчины стали двигаться. Дубэ увидела, как они берут цепи и приближаются к ней. Они заковали в цепи ее руки и ноги, что вызвало у нее смех. Она пришла сюда по собственной воле, уверенная в своем выборе, а теперь ее заковывали в цепи, будто она была пленницей.

— Я и так не сбегу... — попыталась сказать Дубэ.

— Это — не из-за тебя, а из-за заклятия.

Дубэ не совсем поняла смысл этих слов.

Они поставили ее на ноги, почти заботливо поддерживая, вывели из помещения.

Снова они шли по бесконечным, долгим, темным и влажным коридорам. Стены сильно колыхались, как будто это были внутренности живого существа, казалось, что они вот-вот упадут. Затем, постепенно, Дубэ начала различать что-то, похожее на дыхание. Создавалось впечатление, что где-то прячется и тяжело дышит животное. Чувствовался запах крови, все более и более сильный и острый. Дубэ начала потеть. Ее ноги окрепли, шаги стали более уверенными, но сердце билось все учащенное.

«Это он. Он выслеживает меня. Он ищет меня. Зверь!»

Мужчины крепко схватили ее за руки. В это время далекий шум стал постепенно перерастать в глухое песнопение, мрачную литанию, которой Дубэ прежде никогда не слышала.

Повороты, спуски, подъемы, лестницы. Путь все больше напоминал лабиринт, теперь стены пульсировали в ритме песнопения, содрогались в такт словам, которые шептали множество людей. Запах крови становился все сильнее и тошнотворнее.

— Нет, нет... — попыталась пролепетать Дубэ. Ее ноги и руки пронизывали судороги.

Пение превратилось в глухой шум, запах стал невыносимым. Наконец они вошли в зал.

Это был огромный природный грот, с потолка свисали заостренные сталактиты. Колеблющийся свет факелов, закрепленных под потолком, рисовал на стенах тени страшных созданий тьмы. В центре зала находились два огромных бассейна, наполненные кровью. Оттуда и шел запах. Там, с погруженными в жидкость ногами, стояла величественная статуя Тенаара, размером еще больше, чем в храме: она полностью была сделана из черного кристалла. Поза статуи повторяла позу ее копии в храме: в руках Тенаар держал кинжал и стрелу, но его лицо — если такое возможно — было еще более злобным.

У ног этой статуи находилась еще одна фигура из черного кристалла, меньше размером, еле доходившая до колен Тенаара. Глаза Дубэ устали, она с трудом видела и не могла рассмотреть маленькую статую, но Дубэ показалось, что это был мальчик в тунике, со странным, серьезным и печальным взглядом.

У ног статуй, вокруг бассейна, стояло множество мужчин и женщин в черном: победители, как назвал их Гаан, или убийцы. Это они пели и призывали Тенаара. Стены содрогались от их криков, дрожала земля.

Увидев кровь, Дубэ закричала, ей казалось, что зверь разрывает на куски ее внутренности. Ей хотелось пить. Напиться и убивать. Она дернулась, пытаясь освободиться, но мужчины, сопровождавшие Дубэ, крепко держали ее и подталкивали к бассейну.

Как и в тот вечер на поляне, Дубэ действовала помимо своей воли. Она видела свое тело, одержимое зверем, и была охвачена ужасом.

«Все будет, как тогда! Снова я буду рвать на части этих людей! И зверь сожрет меня!»

Когда ее ноги погрузили в кровь, она почувствовала, что теряет сознание.

Иешоль стоял рядом, его лицо было искажено в мистическом экстазе, его голос звучал громче всех остальных.

Двое мужчин прикрепили цепи на руках и ногах Дубэ к кольцам. Дубэ оказалась в бассейне, одна: вязкая кровь заливала ее ноги.

По знаку Иешоля в зале воцарилась тишина, были слышны только горестные вопли Дубэ. Ей самой собственный голос показался нечеловеческим.

«Это крик зверя! Освободите меня!»

Она кричала, но голос Иешоля заглушил ее вопли.

— Великий Тенаар, жертва, которая долго ускользала от тебя, сейчас находится перед тобой, она просит быть допущенной в число твоих избранных. Ради тебя она покинет ряды проигравших, отречется от своей греховной жизни и пойдет по пути победителей.

Иешоль достал флакон с красной жидкостью.

— Она очищена, она приносит тебе в дар свои мучения и свою кровь.

Собравшиеся снова запели странную молитву.

Иешоль вылил кровь в бассейн, и хор зазвучал еще громче.

— Кровь к крови, плоть к плоти, прими дар и возьми себе порождение смерти.

Дубэ упала на колени. Она начинала сходиться с ума. То, чего она пыталась избежать, случилось. Безумие. Боль. Смерть. Самое страшное. Они обманули ее.

Собравшиеся снова замолчали. Зазвучал голос Иешоля — звонкий и сильный:

— Пусть твоя кровь, могущественный Тенаар, очистит и отметит нашу новую сестру и запечатлеет на ней твой тайный знак.

Он взял большое бронзовое блюдо, окунул его в бассейн и вылил собранную кровь на голову Дубэ. Девушка почти обессилела.

«Я умираю, я, наконец, умираю», — подумала она, почувствовав раздирающие ее когти зверя. Словно в тумане она увидела рядом склоняющееся над ней лицо Иешоля, почувствовала его дыхание на своих губах. Его голос звучал как злобное бормотание:

— Запомни эти мучения, эту боль. Именно это ждет тебя, если ты ослушаешься. Но ты вела себя правильно, и поэтому тебя ждет награда.

Он поднес к ее губам флакон, и ей в рот полилась прохладная жидкость. Когти, которые до сих пор раздирали ее грудь, казалось, исчезли. Ее охватило странное умиротворение. Потом все заволкло черным.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

История Тиранно во многом еще остается таинственной. Источники утеряны, а многие лица, которые знали его, погибли во время Великой Зимней Битвы, положившей конец его царствованию. Поэтому история, которую я собираюсь восстановить, фрагментарна и не слишком ясна. Даже сорок лет его царствования остаются временем темным, о котором у нас нет точных сведений.

Точно известно, что он родился в Земле Ночи, кроме того, установлено, что в какой-то момент он смог вступить в Совет Магов, как сообщают об этом записи тех лет. С другой стороны, единственное, что бесспорно и определено, так это сведения о его физическом облике: он выглядел как ребенок, не старше двенадцати лет, это обличье он получил как наказание, о котором мы достоверно не знаем. Нам известно, что за сорок лет ему удалось захватить почти весь Всплывший Мир, но он был остановлен войсками свободных Земель под предводительством Ниал, когда собирался завоевать также и Землю Моря и Землю Солнца. Однако не слишком ясны его цели и то, какой режим он собирался установить в своем царстве. Некоторые говорили, что он желал только власти, как таковой, кто-то утверждал, что он хотел только разрушать. Но находились и те, кто выдвигал гипотезу, что скорее извращенная любовь к Всплывшему Миру привела его к

безумию. Я не могу выделить из этой вереницы гипотез ту, которая соответствует действительности. Приходится смириться с очевидным: правда умерла вместе с ним.

**Терия из Земли Солнца.
Рассказы о Смутном Времени**

13

УЧИТЕЛЬ. ПРОШЛОЕ IV

Дубэ увидела, как фигура человека медленно исчезает в дыму. Еще немного, и она исчезнет совсем, вот уже коричневый плащ стал подобен пятну на грязно-белом фоне деревушки. Ее спаситель. Дубэ побежала к двери. И последовала за ним, сама не зная почему. Она следовала за ним на расстоянии. Шла, выронив красное яблоко, из-за которого чуть не погибла.

За деревней дым рассеялся, воздух снова обрел обычный запах, теперь ставший почти естественным, — запах добра и чистоты. Запах этого человека.

Она боялась, этого отрицать было нельзя, поэтому не приближалась, по-прежнему оставаясь на расстоянии. Но человек, за которым она решила следовать, был не совсем обычным, она чувствовала это.

Закат окрасил землю в ярко-желтый цвет, низкие облака обозначили границу между солнцем и небом. Человек остановился, обернулся. Дубэ спряталась за дерево.

— Я знаю, что ты здесь.

Дубэ молчала, но тяжело дышала. Она больше не ощущала его присутствия, думала, что он ушел, что он оставил ее одну. Она вышла из-за дерева. Никого. Трава. Потом ей на плечо легла рука, девочка вздрогнула, быстро обернулась и схватилась за кинжал. Это был он.

— Я же сказал тебе, что надо идти на север, если у тебя нет дома.

Дубэ направила кинжал на него. В голове Дубэ не было никаких мыслей, кроме одной, самой главной, которая занимала ее.

«Не оставляй меня одну».

— Я не могу взять тебя с собой, и это, поверь мне, лучше для тебя. Не ходи за мной, или я убью тебя.

«Не оставляй меня одну».

Человек снова повернулся и пошел прочь. Дубэ смотрела на плащ, легко раздувавшийся у него за спиной, потом она снова направилась за ним.

Ночь. Человек остановился в лесу. Он не зажигал костра. Впрочем, было довольно жарко, и на небе светила луна. Дубэ быстро взглянула на нее, луна была полная, холодная и огромная.

Человек съел немного вяленого мяса, даже не снимая капюшона с головы. Он никогда не снимал его. Дубэ с воодушевлением смотрела на мясо, и ее желудок протестовал. Она забрела в деревню, чтобы найти еды, но ничего не удалось. И теперь она была ужасно голодна. Она хотела подойти к человеку и выпросить что-нибудь, но ей не хватало смелости, поэтому она осталась на своем месте и стала ждать, пока он заснет.

Даже во сне человек закрывал лицо. Но Дубэ не удавалось заснуть. Ее мучил голод.

«Пойду туда и возьму маленький кусочек, маленький-маленький. Я подойду так, что он не услышит. И ничего не заметит».

В ней боролись признательность к ее спасителю и терзавший ее голод. В конце концов победил голод. Она сделала так, как во времена своих игр с друзьями в Сельве, только на этот раз игра была всерьез опасной. Она легла и поползла по траве. Она старалась как можно меньше шуметь, не зная, что с этим человеком все уловки бесполезны.

Она подобралась к сумкам. Их было две: одна — вроде маленького деревянного ящика. Должно быть, человек обычно носил его на плече, под плащом, так как Дубэ его ни разу не

видела. Другая сумка была из полотна. Дубэ открыла ее, и от запахов, которые оттуда исходили, чуть не лишилась сознания. Там было вяленое мясо, орехи, маленький круг сыра, черствый хлеб, фляжка с вином. Она хотела было взять все, но удовольствовалась кусочком сыра, который отрезала кинжалом.

В темноте глаза человека оставались открытыми и все видели.

Она снова последовала за ним, когда он поднялся. И так целый день. В обеденное время мужчина остановился на берегу реки, ополоснул лицо ледяной водой, но и тут Дубэ не удалось его разглядеть, — это становилось любопытным.

Он спокойно ел свой хлеб, а потом, неожиданно, вытащил сыр, отрезал кусок и протянул его Дубэ сквозь листву.

— Это тебе.

Дубэ вздрогнула. Она не шевелилась. И не думала, что ее можно услышать.

Человек больше ничего не сказал. Он продолжал молча есть, даже не поднимая головы.

Дубэ набросилась на сыр и проглатывала его кусками.

Человек бросил ей кусок мяса, как обычно бросают животным. Дубэ съела и мясо.

Он не смотрел на нее. Продолжал вести себя так, как если бы ее не было, потом встал и снова пустился в путь.

Когда Дубэ жадно пила речную воду, ей удалось поймать его взгляд.

Внезапно она поняла, что никогда не сможет оставить его.

Она шла за ним три дня. Всегда на некотором расстоянии, но так, чтобы не терять его из виду. Она спала рядом с ним, ела вместе с ним.

Каждый раз во время еды казалось, что он не замечает ее, но, поев, он всегда давал ей что-нибудь. Нельзя было сказать, что он привязался к ней, но и не отталкивал ее. Он не ускорял шага, чтобы оторваться от нее, не прятался за деревьями, чтобы скрыть свои следы.

А Дубэ ни о чем не раздумывала. У нее не было повода для раздумий. Она должна была следовать за этим человеком, потому что это был именно он, потому что он ее спас.

На рассвете третьего дня они подошли к одному из лагерей. Он казался довольно большим. Виднелось только деревянное ограждение, но оно было намного больше, чем у лагеря Рина.

Дубэ устала. Живя у Рина, она немного восстановила силы, но сейчас снова выбилась из сил. Человек никогда не останавливался, шел не отдыхая. Дубэ только на мгновение задержалась, рассматривая траву, почти сожженную солнцем, а когда подняла глаза, человека уже не было. Она оглянулась, отыскивая его, ей хотелось плакать.

Этого не может быть.

И вдруг чья-то рука зажала ей рот, холодное лезвие прижалось к ее горлу. В этот момент она застыла.

Послышался шепот, горячее дыхание человека на ее щеке.

— Тут твое путешествие кончается. Ты знаешь, кто я? Знаешь? Я — убийца, и ты больше не можешь следовать за мной. Я отправляюсь умирать туда, где мне захочется. Если я снова увижу, что ты идешь за мной по пятам, я убью тебя, ясно?

Дубэ не знала, что отвечать, ее сердце было спокойно. Это был он. Она не потеряла его. Это — он. И она не боялась его сурового голоса, его твердой руки, зажимавшей ей рот, его кинжала. Это — он, и она опять не одинока.

— Уходи, — прошептал ей он и исчез. Действительно исчез.

Неподалеку от лагеря темнел лес. Дубэ, не раздумывая, отправилась туда. Она поняла, что в таком месте никогда нельзя оставаться на виду. Об этом ей рассказал Рин. Человека, угрожавшего ей, не было видно, но Дубэ не задумывалась об этом. Она неразрывно связана с ним. Она никогда не потеряет его. Он принадлежит ей.

Она пошла вдоль леса, среди деревьев. Ей хотелось есть, и она подумала, что этот человек должен был что-нибудь ей оставить. В кармане чувствовалась какая-то тяжесть, там

что-то было. Она сунула руку и вытащила остатки сыра. Дубэ улыбнулась. Уже долгое время ей не удавалось улыбаться.

«Он не бросил меня и никогда меня не бросит».

Ночь наступила не скоро, луна на небе была почти полной, недоставало только маленького черного серпа, поглощенного ночью. Дубэ какое-то время смотрела на луну и ощутила согревающее спокойствие.

Она услышала голоса. Из густого леса раздавались приглушенные голоса. Она осторожно стала двигаться в направлении звуков.

— Ты опоздал. Ты должен был прийти вчера.

— Главное, что я здесь, не так ли?

Дубэ спряталась за деревом, выглянула из-за него.

«Это он».

Это был он — его плащ. Рядом стоял солдат с длинным мечом на поясе.

— Так что? Где доказательства?

— Ты принес деньги?

Солдат что-то достал.

— Не думай, что я их отдам, не получив доказательств.

Теперь мужчина в плаще достал деревянный ящичек, открыл его. Стал ощутим невыносимый запах, и Дубэ увидела нечто ужасное. Голова человека с полузакрытыми глазами. Убийца — так сказал о себе этот человек. Вот о чем он говорил. Она в ужасе закрыла рот рукой.

Солдат тоже поднес руку ко рту, заглушая приступ рвоты.

— Вот — подтверждение, теперь твоя очередь, — произнес мужчина.

Солдат немного помолчал, задумчиво поглаживая подбородок.

— Это не он, — сказал солдат.

— Не надо со мной хитрить.

В голосе мужчины послышались угрожающие нотки, но солдат, казалось, этого не уловил.

— Это не он, я уверен. И ты свои деньги не получишь.

Мужчина не двигался с места.

— Ты играешь с огнем.

Солдат нервно усмехнулся.

Дубэ почувствовала: что-то не так. Взглянув вправо, она увидела за спиной мужчины неожиданный блеск: лезвие, освещенное луной.

Она закричала.

Громко, как только позволяли легкие, как могла. Немота прошла, она не могла говорить, но могла кричать.

Человек реагировал молниеносно. Он обернулся, упал на землю. Лезвие кинжала вырвало только клочок капюшона, который упал на плечи.

— Проклятая девчонка! — закричал солдат, но все произошло мгновенно.

Мужчина вытащил кинжал, вонзил его прямо в грудь второму нападавшему, схватившему его за плечи. И тот упал, не издав ни звука.

Мужчина обернулся, еще не вставая с земли, закрыл руками грудь. Солдат вытащил из ножен оружие, попытался сделать выпад. В темноте послышались два тихих звука, и солдат со стоном упал. Он хотел подняться, сделал безуспешную попытку прыгнуть в ее сторону.

Дубэ увидела его налитые кровью глаза. Меч летел в ее сторону, описывая полукруг. Дубэ закрыла глаза. Боль в плече. Она снова открыла глаза.

Мужчина стоял, прижав ногой к земле руку солдата, распростертого на земле.

Впервые она услышала его тяжелое дыхание.

— Зачем ты пытался убить ее?

Но он не дал солдату ответить, вонзив лезвие кинжала в его спину. Солдат был мертв.

Дубэ отвела глаза.

— Закрой глаза, — впервые сказал ей мужчина.

Она попыталась сесть. Что-то горячее текло по плечу. Чтобы не смотреть на мертвого солдата, она подняла глаза на мужчину.

После долгого пути вслед за ним она, наконец, увидела его лицо. Он был молод, моложе ее отца. Рыжеватые волосы крупными завитками обрамляли лицо, падая на плечи. Большие голубые глаза, суровое лицо, всклокоченная борода. Дубэ не могла оторвать от него глаз, хотя чувствовала, как постепенно слабеет от пронизывающей плечо боли.

Человек смотрел на нее. Девочка сидела прислонившись к дереву. Она — маленькая бездельница — помогла ему. Ее ранили в плечо, она смотрит на него, как собака. Но она видела его лицо, а этого убийца не может позволить. Никто из людей, видевших его лицо, никогда не оставался в живых. Так должно случиться и с ней, пусть она и ребенок.

Он взял один из кинжалов: такого хватит для нежной шеи девочки. Когда он приближался, Дубэ не боялась, он чувствовал это. Она почти теряла сознание, но не боялась. Она смотрела на него глазами, в которых можно было прочесть: помоги мне. Она просила об этом. Он занес было руку, но остановился. Девочка закрыла глаза. Она потеряла сознание.

«Проклятье, и для этого я ушел из Гильдии...»

Человек наклонился над девочкой, нащупал пульс. Она просила его о помощи, и он поможет ей.

Дубэ пришла в себя, когда солнце уже обжигало ей лицо. Может быть, именно это разбудило ее или же дрожь во всем теле. Привычный запах соли, сильные руки, обхватившие ее...

«Папа...»

Потом она ощутила приступ рвоты. Человек, поднимавший ее, держа за плечи, снова опустил ее на землю. Дубэ больше не могла терпеть, она обессилела.

Кто-то появился в поле ее зрения: это он — тот человек. Он смотрел на нее с непроницаемым выражением лица, но один только его вид согрел сердце Дубэ.

— Как ты себя чувствуешь?

Дубэ пожала плечами.

Человек дал ей воды. Сначала она смочила рот, потом жадно начала пить. У нее был страшный жар, мысли беспорядочно крутились в голове. Одно было ясно: он тут, теперь она ничего не боится.

Человек снова взял ее за плечи, их путь продолжился.

— Одну комнату, для меня и дочери.

— Мне проблемы не нужны...

— Их и не будет.

— Мы всегда были уважаемым заведением, никаких бродяг...

— Девочка плохо себя чувствует. Дай мне комнату, деньги у меня есть.

Звон металла на стойке.

— Мне тут умирающие не нужны...

Раздался скрежет кинжала, быстро вынимаемого из ножен, затем треск дерева, в которое вонзилось острие кинжала.

— Сдай мне комнату, и у тебя не будет проблем.

— Там... на... на... первом... этаже.

Скрипнула дверь. Дубэ удалось разглядеть уютную комнату: в вазочке даже были цветы. Она была смущена, поражена.

Мужчина положил ее на кровать. Свежесть льна и покрывал заставили ее улыбнуться. Запах чистоты, запах дома.

Дубэ отдалась новому для нее чувству благополучия. У нее страшно болело плечо, она

вся горела. Сквозь полузакрытые веки она видела хлопчущего над ней человека. Он пошарил в сумке, достал оттуда что-то, положил себе в рот, быстро разжевал.

Приблизился к ней, открыл поврежденное плечо, осторожно отодвинув покрывала. Дубэ увидела, что плечо перевязано красной от крови материей. Когда человек снял повязку, Дубэ взвизгнула. Ей было очень больно.

— Тс-с-с, т-с-с-с, потерпи, — произнес он.

Под повязкой была огромная рана. Покрытая недавно запекшейся кровью, рана оказалась глубокой. Дубэ расплакалась.

«Я умру... и мне так больно...»

Человек достал изо рта странную кашицу зеленого цвета, уверенными движениями начал наносить ее на рану. Сначала было больно, Дубэ снова закричала, но потом почувствовала прохладу и успокоение.

— Крепись, — прошептал мужчина. — Ты ведь смелая девочка, правда? Этот ублюдок ранил тебя мечом, но рана не страшная, ты увидишь, все пройдет.

Дубэ улыбнулась: если он так говорит, значит, это правда.

Мужчина крепко перебинтовал ее, от боли она снова вскрикнула и лишилась сил. Глаза сами закрывались, в голове бродили странные мысли. Сквозь сон она услышала успокаивающий голос: «Отдыхай».

Два дня Дубэ и мужчина оставались в гостинице. Его почти весь день не было, обычно он возвращался поздно ночью, но это не имело значения, так как Дубэ почти целый день спала. Возвращаясь, он первым делом менял повязку. С каждым разом боль становилась слабее. И рана заживала, кровь уже не шла.

Он мало разговаривал, спрашивал только о самочувствии.

— Ну как, сегодня лучше?

Его голос никогда не был нежным или растроганным: всегда холодный, сдержанный, как и все его движения. Уходил он всегда с низко опущенным на лицо капюшоном и снимал его только вечером, перед ней.

Дубэ смотрела, как он ходит по комнате, он напоминал ей кота, такой же независимый, ловкий, и так же бесшумно ступал. Он не делал ни одного лишнего движения, как будто исполнял давно выученный танец. И так — в каждом жесте.

У него было много оружия: ножи, лук, который он всегда носил под плащом, легкий колчан со стрелами и несколько игл, которыми стреляют из духового ружья. Почти весь вечер он его начищал.

Дубэ особенно восхищал кинжал: рукоятка черная, со спиралевидным рисунком, напоминавшим змею, с головой обращенной в сторону лезвия. Рисунок простой, белый, как лезвие — из сверкающей стали. Один только вид кинжала наводил страх, особенно когда человек держал его в руке. Он часто пользовался кинжалом по вечерам, когда упражнялся. Он совершал в центре комнаты какие-то странные упражнения, пронзая пустоту кинжалом. Его быстрые шаги были почти не слышны на деревянном полу.

Однажды вечером кинжал оказался покрыт кровью. Металлический, всепроникающий запах наполнил комнату, Дубэ почувствовала тошноту. Человек понял это и грустно улыбнулся ей.

— К убийствам привыкаешь, когда совершаешь их, как обычную работу, но ты не знаешь, что это значит.

Они отправились в дорогу вечером. Дубэ поняла, что им надо поскорее уходить, еще накануне, когда мужчина первый раз заставил ее подняться. Это было нелегко. Голова у нее сильно кружилась, ноги, казалось, не хотели идти, но он был неумолим. Он поддерживал ее, когда она почти падала на землю, но не прошептал ей ни одного утешительного слова, ни разу не ободрил ее. Он только заставлял ее вставать на ноги.

Человек собрал свои немногочисленные вещи и протянул ей один сверток. Дубэ

открыла его. В нем был плащ — коричневый, полинявший и старый.

— Меня не должны узнавать, и я не хочу, чтобы кто-то запомнил твое лицо. В дороге ты будешь носить плащ и никогда не станешь снимать капюшона, только если мы будем уверены, что совсем одни.

Дубэ кивнула и впервые натянула на себя плащ.

Они долго шли, как правило ночью, старались как можно реже ночевать в гостиницах. Ночевали по большей части в загонах для скота или под звездным небом. Впрочем, уже было в разгаре лето, Дубэ чувствовала тепло летнего воздуха.

Иногда, глядя в небо, она вспоминала вечера, которые проводила с отцом или друзьями. Все казалось ей невероятно далеким, вспоминая прошлое, она не испытывала никаких особых чувств. Все заволокло туманом. Она вспоминала о Матоне, как будто и не любила его. От этого чувства ничего не осталось.

Когда эти мысли приходили ей в голову, она смотрела на мужчину, наблюдала, как он дремлет, завернувшись в плащ. Дубэ чувствовала, что теперь этот человек — все, что у нее есть.

День за днем запах земли, по которой они шли, становился все сильнее, пока однажды не наполнил собой все вокруг, став теплым и почти родным.

— Мы пришли, — сказал ей тихо мужчина.

Они путешествовали десять дней, делая большие переходы, и Дубэ совсем выдохлась. Но ей очень хотелось узнать, где они находятся. Мужчина стал шагать медленнее.

«Это его дом. Мы у него дома», — подумала Дубэ.

Место было безлюдное. Стояло лето, но небо окрасилось в свинцовый цвет, все заволокло тучами, шел дождь. Навалилась духота, вокруг виднелись только песчаные дюны, нанесенные ветром. Повсюду кусты высокой травы блекло-зеленого цвета.

Затем перед ней открылся неожиданный вид: нечто огромное, страшное и величественное. Длинная и тонкая полоса песка цвета охры, уходящая в бесконечность. И вода — всюду, до горизонта и дальше. Вода, вздымаемая ветром, бьющаяся о песок белыми пенными волнами. На берегу, почти на границе песка и моря, стоял домик, крытый соломой, со стенами, сложенными из тесаных камней. Человек направился к дому, а Дубэ осталась.

И вдруг, забыв про усталость, Дубэ побежала к воде, подставляя лицо ветру. Она остановилась в нескольких метрах и смотрела, очарованная этим зрелищем. Запах, который она давно уже ощущала, теперь был повсюду. Это был запах бесконечной воды, этого ее сознание просто не могло вместить. Она никогда не видела ничего подобного. Волны высотой до двух метров. Дубэ смотрела на воду со страхом и восхищением.

Рука, легшая на ее плечо, испугала ее. Как всегда, мужчина подошел к ней бесшумно, она даже не почувствовала его присутствия.

— Что это? — прошептала Дубэ.

— Океан, мой дом, — ответил человек.

Вечером Дубэ неожиданно разговорилась. Казалось, что она хочет наверстать долгие дни молчания. Мужчина приготовил вкусное жареное мясо и мягкий сыр. За едой, расставленной на скромном столе, Дубэ начала рассказывать.

Все началось с того, что человек спросил, как ее зовут, и Дубэ вдруг заговорила. Она рассказала все, ни на минуту не останавливаясь: о своей жизни в Сельве, теперь такой далекой, и даже набралась смелости рассказать о Горнаре, о том, как убила его. А потом она вспомнила и о днях, проведенных в лесу, и о короткой передышке в лагере, о ночи, когда его разрушили, наконец, о том дне, когда они познакомились.

Ей показалось, что мужчина не слушает ее, но для Дубэ это не имело значения: главным было говорить.

Когда она, наконец, замолчала, была уже глубокая ночь. На столе стояли остатки ужина. Мужчина медленно курил трубку. Запах табака был новым для Дубэ, в Сельве она не

знала ни одного курильщика.

Через несколько секунд мужчина горько улыбнулся.

— Ну, ты и наговорила, — заметил он так, будто ему это надоело. Но вдруг его лицо сделалось серьезным. — Я как раз бежал из одного места, где выращивают таких, как ты, делая из них людей, подобных мне.

Дубэ не поняла.

Человек выпустил кольцо дыма, потом снова заговорил:

— Те, кто, как ты, убивают в юности, становятся предназначенными убивать. С того момента, как впервые проливается кровь, их дорога предопределена: им только и остается убивать. Это их неизбежная судьба. Но обычные люди не могут этого понять. Для нормальных людей такие, как мы с тобой, — угроза. Поэтому тебя и прогнали. Даже твои мать и отец испытывают к тебе отвращение, потому что сила, скрытая в тебе, та сила, что подтолкнула тебя к убийству твоего друга, пугает их.

Дубэ смотрела на него широко открытыми глазами. Она не знала, что и сказать. Но теперь она отлично понимала, что говорит этот человек. То были страшные слова. В глубине души она уже и сама об этом думала. Значит, она — плохая, поэтому ее и выгнали. Она родилась плохой, так захотели боги, и ничто не может изменить эту страшную правду.

«Так что же теперь?»

Она посмотрела на человека, надеясь, что он скажет что-нибудь и рассеет ее страх. Но он продолжал спокойно курить.

— Так говорят почитатели Тенаара, — добавил он, и в его голосе зазвучали нотки презрения. — Ты можешь верить или не верить этому.

— А ты веришь? — спросила она нерешительно.

— Я ни во что не верю.

Дым медленно, кольцами, обвивал стропила дома.

— Я — убийца. Убийца живет, совершая убийства и в одиночестве. Я помогу тебе, потому что ты спасла мне жизнь, и я благодарен тебе. Но я не могу таскать за собой глупую девчонку. Даю тебе время прийти в себя, а потом ты уйдешь. Каждый идет своей дорогой. Моя дорога — жизнь в одиночестве. А ты должна искать свой путь.

Человек почистил трубку. Потом встал и ушел в свою комнату, погасив светильник.

14

В ПОДЗЕМЕЛЬЯХ ДОМА

В сумерках Дубэ проснулась. Она лежала на животе, на не слишком удобной кровати, покрытой простыней из грубого льна и шерстяным одеялом, издававшим тошнотворный запах.

У нее страшно болела голова, она чувствовала себя растерянной и хорошо помнила то, что происходило до тех пор, пока не лишилась сознания: совершавшийся обряд и боль.

«И сейчас я опять жива».

Дубэ сделала усилие и повернулась. Она находилась в просторном помещении, выбитом прямо в скале. В нем было только одно отверстие для воздуха, вверху, под потолком, а на стенах — бронзовые факелы. Помещение едва освещалось. Она увидела и другие кровати, но у нее не было ни сил, ни желания посмотреть, были кровати пустыми или нет. Место, где она находилось, напоминало больницу.

— Доброе утро, — произнес неожиданно для нее молодой и свежий женский голос.

Дубэ повернула голову и увидела девушку, сидящую рядом с ее кроватью. Она была немного старше Дубэ и одета как все убийцы: черная рубаха с широкими рукавами и кожаный жилет, брюки тоже черного цвета и довольно узкие, заправленные в высокие замшевые сапоги. Из всей одежды яркими были только два предмета: серебряный пояс и кроваво-красные пуговицы на жилете.

Девушка была бледной, с густыми белокурыми волосами, нос усеян веснушками, руки

— длинные и тонкие.

— Кто ты? — спросила Дубэ.

— Страж, который должен рассказать тебе о жизни победителей. Меня зовут Рекла, но для тебя — просто твой страж.

«Значит, учитель. Такая молодая...»

— Где я нахожусь?

— В больнице. Тебя привели сюда после посвящения.

Девушка вытащила из кармана брюк сосуд и поднесла к носу Дубэ.

— Видишь?

Дубэ не только видела, но уже и узнавала. Это было последнее, что она видела перед тем, как погрузиться во тьму: Иешоль дал ей что-то выпить из этого сосуда.

— Это значит, что я — страж ядов.

Страж ядов — еще один высокий пост, даже слишком высокий для девушки, казавшейся моложе двадцати лет.

— Это — лекарство от твоего проклятия. Эта жидкость — тонкая грань, отделяющая тебя от безумия.

Она улыбнулась почти искренне. И Дубэ тут же почувствовала, что ненавидит ее.

— Здесь одна я знаю рецепт, и только я имею право владеть этой жидкостью. Лишь благодаря этому снадобью зверь не сможет тебя убить. Я буду давать тебе по одной ампуле в неделю, не больше, и только у меня ты всегда сможешь попросить следующую. Одна я могу принимать безоговорочное решение: дать тебе снадобье или нет.

Дубэ сжала зубы.

— Ты угрожаешь мне?

Рекла продолжала искренне улыбаться.

— Вовсе нет. Я просто сообщаю тебе об условиях твоего пребывания здесь, об условиях, о которых ты договорилась с Верховным Стражем, перед тем как посвятить свою жизнь Тенаару. Я напоминаю тебе, что ты ученица: тебе не позволено обращаться со мной так фамильярно.

Дубэ слишком устала, чтобы сопротивляться, к тому же ее сознание до сих пор было затуманено обрядом посвящения. Неожиданно всплывали обрывки воспоминаний.

— Так будет всегда? — спросила она. — Каждый раз, когда я буду принимать снадобье, мне будет плохо?

— Тебе плохо, потому что проклятие было разбужено, а не из-за моего снадобья. Не бойся, ты сможешь выполнять свои обязанности победительницы.

Рекла поставила пузырек, а потом взглянула на Дубэ:

— В течение многих дней я буду твоей тенью. Ты ничего не знаешь о культе Тенаара, только то немного, что рассказал тебе страж посвященных. Есть множество других вещей, которые тебе следует знать: ты должна, следуя методам победителей, тренировать свое тело, ослабленное из-за пороков проигравших. Но всему свое время.

Она снова улыбнулась. Она часто это делала.

— Сегодня — день, который ты можешь посвятить отдыху. Вечером я отведу тебя в твою комнату, и начнется твоя жизнь победительницы.

Она встала, потом склонилась над Дубэ.

— Отдыхай, — сказала она, но интонации ее голоса были странными. Дубэ заглянула ей в глаза и увидела в них проблеск злорадства.

Рекла вернулась вечером. Дубэ весь день спала. Но отдохнуло лишь ее тело, душевного покоя сон не принес.

Сон был поверхностным и тревожным, прерывался сновидениями.

Рекла приблизилась к кровати, продолжая улыбаться:

— Ты чувствуешь себя готовой?

Дубэ кивнула. Она хотела бы остаться тут еще ненадолго, но не могла сделать этого из-

за принятого ею решения. Она встала с кровати.

Рекла протянула ей сверток:

— Вот твоя одежда.

Дубэ взяла. Все было совершенно таким же, как у стража, за исключением пуговиц жилета: они были черными, а не красными.

— Иешоль...

Девушка немедленно знаком приказала ей замолчать.

— Не смей, — сказала она, и ее лицо вдруг стало суровым. — Никто из нас не достоин произносить имя Верховного Стража, а ты — менее других. Это случилось в первый раз, поэтому я прощу тебя, но если еще раз услышу из твоих уст это имя, то накажу тебя. Для всех нас он — его превосходительство.

Дубэ скорчила гримасу:

— Его превосходительство сказал мне, что я смогу получить назад свой кинжал.

— Ты получишь его в своей комнате. А сейчас — одежда.

Они снова прошли через туннель и узкие коридоры. Рекла уверенно проходила один коридор за другим, а Дубэ старалась запомнить все повороты, хотя это было очень трудно. Единственное, что помогало ей ориентироваться, — отвратительный запах крови. Ею пахло на каждом углу, но иногда запах был сильнее, иногда слабее. Конечно, это был слабый ориентир, но Дубэ всегда тренировала и обоняние, следуя наставлению Учителя. Ее удивило то, что этот запах только вызывал у нее тошноту, но не будил зверя. Конечно, она ощущала тревогу, как будто что-то в ней было готово взорваться, но была уверена в том, что сможет себя контролировать.

«Значит, твои яды работают, проклятая».

Наконец Рекла остановилась:

— Здесь живут победители.

Дубэ была поражена: она предполагала, что эти люди спят в общей спальне, а тут она обнаружила отдельные комнаты.

Рекла достала старый ржавый ключ и вставила его в замочную скважину. Дверь открылась. Стражница остановилась на пороге и показала Дубэ ключ.

— Это — твое жилище, а это — твой ключ. Но у стража комнат есть ключ, которым открываются все двери, поэтому он может войти в любое время.

Девушка вошла, Дубэ последовала за ней. Комната была совсем маленькой. В ней не было окна, только маленькое отверстие, выходившее наружу, со стеклянным окном, закрывавшим отверстие во время дождя или снега. В одном углу маленькая ниша, в ней — неизменная статуя Тенаара, из черного кристалла. У стены стояла старая, шаткая деревянная кровать. На ней немного соломы, подушка и простыни, уже приготовленные и сложенные. В ногах — скамья с ящиком красного дерева, а на ней Дубэ увидела сверкающий кинжал. Иешоль не обманул. Рядом с кинжалом — кувшин, красный глиняный стакан и большие водяные часы из темного дерева.

— Это — твоя комната. В ящике — сменная одежда.

Дубэ подошла к ящику, повесила кинжал на пояс.

«Ты здесь — гостя, помни об этом. Когда-нибудь ты уйдешь отсюда».

— Пойдем же скорей.

Рекла вышла из комнаты, Дубэ последовала за ней.

Они снова пошли по коридорам, пропитанным запахом крови. Через несколько минут они оказались в просторном зале.

— Здесь победители принимают пищу: в первый час после рассвета, в полдень и в первый час после захода солнца. Тебе полагаются три трапезы — ни больше ни меньше.

Зал был прямоугольным, он весь был заполнен темными скамьями, расставленными вокруг столов из эбенового дерева. Возле длинной стены стояло нечто вроде амвона, поддерживаемого уродливой статуей циклопа.

— Нам надо спешить, трапеза будет приблизительно через час.

Рекла ускорила шаг, Дубэ еле поспевала за ней. Дубэ шла и видела, как девушка быстро и уверенно идет по коридорам.

— Сегодня вечером, после ужина, я дам тебе карту этого места. Ты должна все запомнить в течение двух дней, поняла?

Дубэ не ответила, продолжая следовать за Реклой.

Они подошли к крутой лестнице и спустились по ней в совершенно пустой, просторный круглый зал. В него выходили двери, черные как смола.

— Здесь находятся классы для обучения. Я буду рассказывать тебе о культе, но обучать тебя станет другой страж.

Рекла быстро пошла по лабиринту залов. В некоторых стояли мишени в виде человеческих фигур, в других обычные мишени. Везде на стенах висело разнообразное оружие: луки, духовые ружья, кинжалы всех видов, разные мечи — оружие, с которым Дубэ была почти незнакома, так как Учитель всегда говорил, что меч убийце не нужен.

Они торопливо пошли обратно по тому же пути. Уже на лестнице услышали два зловещих удара колокола.

— Это сообщают об ужине. Колокол бьет четыре раза: после четвертого удара двери закрываются, и никто не может войти.

Зал был уже полон. Оглядевшись, Дубэ подсчитала, что тут находятся не менее двух сотен человек. Две сотни самых опасных убийц Всплывшего Мира, двести убийц, неожиданно ставших ее товарищами. Тут были мужчины и женщины и довольно большая группа детишек, сидевших за отдельным столом, в черных туниках. За ними следили десять женщин в красных одеждах.

— Следуй за мной.

Рекла и Дубэ сели за один из столов. Придя в себя, Дубэ увидела, что на нее уставилось несколько любопытных взглядов, она твердо выдержала их. Она не хотела, чтобы ее рассматривали, как местную достопримечательность. Сидевшие вскоре перестали настойчиво разглядывать ее.

— Я не должна сидеть тут, рядом с тобой, — прошептала Рекла. — Стражи сидят вместе, за тем столом. — И она указала на отдельную зону, где сидели мужчины и женщины, у которых, как и у Реклы, были цветные пуговицы на жилетах. — Но ты — новенькая, мне тебя поручили, надеюсь, Тенаар простит это маленькое отступление от правил.

Тихий шепот разнесся по залу и стих, как только красная фигура появилась на амвоне. Дубэ сразу же узнала: это был Иешоль.

Одновременно в глубине зала появились несколько человек, босых, плохо одетых, с кругами под глазами, осунувшимися лицами, какие бывают у людей голодающих и изнуренных тяжелой работой. В руках одни из них держали большие кастрюли, а другие несли тарелки и столовые приборы, которые они и начали раскладывать перед каждым ужином.

Рекла снова повернулась к Дубэ и зашептала ей на ухо:

— Это — просители, они приходят в храм просить за своих близких и ждут жертвоприношения. Тут дети, друзья или родственники принесенных в жертву, чтобы получить то, что они просят у Тенаара, есть и дети некоторых просителей, убитых нами.

«Рабы», — подумала Дубэ. Как и она сама. Единственная причина, по которой ее нет среди них, — защита Учителя и убийство, которое она совершила восемь лет назад. Оно сделало ее «предназначенной», с точки зрения Гильдии.

Рядом стоял исхудавший грустный мальчик, он поставил перед ней миску и положил ложку и нож. Дубэ на секунду встретила с ним взглядом, но мальчик быстро отвел глаза.

Потом прошли люди с кастрюльками. Они наливали каждому немного розоватого отвара, неаппетитно пахнущего капустой. Одновременно они подавали кусок хлеба с орехами каждому сидящему. У Дубэ появилось неприятное ощущение, что за столом прислуживают призраки. Она подумала о женщине, которую увидела, впервые войдя в

святылище. Наверное, она тоже была среди них.

Когда раздача пищи завершилась, в зале никто больше не произносил ни слова. Затем ясно слышались слова Иешоля: громкий голос человека, вдохновленного чем-то вроде еле сдерживаемого мистического ужаса, как это было и в день посвящения.

— Воздадим благодарение Тенаару за этот долгий день труда. И еще больше возблагодарим его за дар — эти сумерки, благоприятствующие убийству и столь дорогие детям Тенаара.

Слушающие ответили в едином порыве:

— Кровь к крови, плоть к плоти, восславим имя Тенаара.

Дубэ чувствовала, как у нее гудит в ушах.

Иешоль снова заговорил:

— Наступили радостные времена: к нам присоединилась новая последовательница, победительница, долгие годы бежавшая от своей судьбы, но вернувшаяся, наконец, к Тенаару. Сегодня вечером она сидит среди нас и своей собственной жизнью восполняет ту утрату, которую понесло наше сообщество после ухода Сарнека, решившего перейти на сторону проигравших.

Дубэ подняла горящие глаза на Иешоля. Она была уверена, что тот видит ее, так как все время смотрит в ее сторону, но Иешоль, как обычно, не смутился.

— Теперь Сарнек умер, его проступок стерт с лица земли. Дубэ пришла к нам и заплатит за все, что случилось в прошлом.

Аудитория заплодировала. Дубэ сидела опустив глаза в тарелку. Выбор, который она сделала, давил на нее все больше, но воспоминание о звере, разрывавшем ей грудь, чтобы выйти наружу, было живо, как никогда.

— Наконец-то благословенные времена приближаются. Долго мы томились вдали от нашего настоящего Дома, в этом месте — в изгнании. Но я поклялся, что не умру, пока не увижу торжества Тенаара, и это случится. Запомните: благословенные времена близятся.

Теперь по залу разнесся радостный крик. Дубэ продолжала смотреть в тарелку с похлебкой. Ее не интересовал этот бред. Она пыталась лишь, насколько возможно, не принимать участия в этом собрании.

— Теперь — вкушайте вашу пищу, в ожидании дня, посвященного Тенаару.

Все двести человек и разносчики еды начали стучать мисками. Среди этого шума не было слышно больше ничего.

Некоторое время Дубэ смотрела на похлебку. У нее не возникало никакого желания есть. Запах крови явственно ощущался и тут.

— Ты что делаешь, почему не ешь? — сурово спросила Рекла.

Только тогда Дубэ взяла ложку и принялась хлебать суп. Она делала это с отвращением, но заставляла себя. В который раз она подумала, что должна идти до конца.

Ужин вскоре закончился. Снова пришли слуги и забрали грязную посуду. У них были пустые глаза, двигались они как марионетки.

— Тебе не стоит смотреть на проигравших просителей, они не заслуживают твоего взгляда, — язвительно заметила ей Рекла.

Дубэ отвела взгляд. Она с удивлением чувствовала, как притягивают ее эти лица. На войне она видела много таких.

Лица жертв всегда и везде одинаковы.

Она вспомнила себя ребенком.

Рекла уже встала, и Дубэ была вынуждена ускорить шаг, чтобы догнать ее.

— Узнаешь дорогу?

— Двух раз мало, чтобы запомнить такой сложный переход.

На лице Реклы появилась издевательская усмешка.

— Победитель не нуждается в ничемных повторениях. Победитель запоминает путь, проделав его один-единственный раз. Да, девчонка, с тобой будет нелегко...

— Не стоит недооценивать меня: по крайней мере, во Всплывшем Мире я прославилась

как воровка, а твоего имени нигде не слыхала.

Дубэ не успела закончить фразу: девушка прижала ее к стене, заломив ей руку и мгновенно приставив нож к горлу. Дубэ была раздосадована, она задыхалась от боли в руке.

У этой девушки молниеносная реакция...

В темноте коридора разгневанный голос Реклы звучал оглушительно.

— Я — твой страж, не смей обращаться ко мне в таком тоне, иначе я тебя зарежу и отдам твою кровь Тенаару. То, что ты была избрана Иешолем, не дает тебе никаких привилегий.

Она отпустила Дубэ, отшвырнув ее на землю. Дубэ оказалась на холодном полу коридора.

— Запомни, я — страж ядов, твоя жизнь в моих руках. Нет пузырька — и проклятие убьет тебя. Все, вставай.

Дубэ уперлась пальцами в неровности пола. Она была разъярена, но ничего не могла поделать. Она встала и пошла вслед за девушкой, опустив голову. Они очень быстро дошли до комнаты, Рекла открыла дверь и отдала ей ключи, вместе с картой.

— Завтра утром я приду разбудить тебя. К тому времени ты должна будешь выучить наизусть половину ходов Дома.

Она свирепо рассмеялась, а Дубэ вырвала у нее из рук карту.

— Не сомневайся... — прошипела Дубэ.

— Не сомневаюсь. Страх может многое, и уверяю тебя, если ты не будешь следовать моим приказам, то познаешь страх во всех его обличьях.

Она повернулась и ушла, не дожидаясь ответа.

Дубэ осталась одна на пороге своего обиталища.

Она вошла в комнату и закрыла за собой дверь. Затхлый воздух не давал ей вдохнуть полной грудью. Из этого места, спрятанного в глубинах земли, не было никакого выхода, не было и окна, через которое можно было бы видеть небо и мечтать о свободе.

«Они не получают мою душу», — повторяла про себя Дубэ, и это придавало ей сил. Здесь, при дрожащем свете единственной свечи, которую было позволено иметь в комнате, даже эти слова, казалось, имели смысл.

«Я потеряла свою душу много лет назад».

В ярости Дубэ села на кровать и развернула карту, испещренную надписями и черными значками. Вверху карты холодным светом сияла красная звезда ее темницы.

15

ПОД ВЗГЛЯДОМ ТЕНААРА

Дубэ внезапно проснулась. Кто-то громко стучал в дверь. Дубэ не сразу поняла, где находится. Открыв глаза, увидела отверстие под потолком и все вспомнила. Гильдия. Она вспомнила, кто мог стучать: Рекла, пришедшая на утренние занятия.

— Я сейчас, — пробормотала Дубэ, вставая с кровати.

Она оделась и открыла дверь. Лезвие сверкнуло в темноте и уперлось ей в грудь. Дубэ быстро вытащила свой кинжал.

— Ты что, сумасшедшая? — прокричала она.

Девушка приставила оружие к ее горлу. Это был меч.

— Ты должна быть пунктуальной. Я же сказала тебе, что ты будешь наказана, если не станешь делать того, что я тебе говорю.

Дубэ молча стояла с кинжалом, вынутым из ножен.

— Вложи кинжал в ножны, — прошипела страж ядов.

Дубэ повиновалась.

Девушка бросила на нее сердитый взгляд:

— Ты должна умыться. Следуй за мной.

И они двинулись по пустынному извилистому коридору, но на этот раз Дубэ знала

маршрут. Ночное изучение карты пригодились ей, теперь она узнавала подземные ходы, хотя ни разу тут не бывала. Рекла отметила это и усмехнулась.

— Ты всего лишь выполнила свой долг.

Она вела Дубэ в сторону терм: Дубэ запомнила расположение на карте. Они находились рядом с гимнастическими залами, вода подавалась туда из горячего подземного источника. Это место находилось не слишком далеко от Земли Огня, изобилующей многочисленными вулканами. Вероятно, сюда доносилось дыхание Тала — самого большого вулкана этой земли, которое и согревало подземные источники.

Термы располагались в большом круглом зале, похожем на все остальные помещения этого подземелья, грубо вытесанные в скале. Большая статуя Тенаара из черного кристалла высилась в углу.

И опять, как и в Большом зале, где происходило посвящение, у ног Тенаара стояла другая фигура — маленькая. На этот раз Дубэ удалось лучше рассмотреть ее. Это действительно был мальчик с серьезным, даже печальным выражением лица, слишком взрослым для ребенка. Он был удивительно красив, а выющиеся волосы, высеченные с необыкновенным мастерством, казались мягкими и блестящими. Вокруг головы, под волосами, выступал какой-то заостренный предмет, который Дубэ не смогла разглядеть. На ребенке была туника и широкая куртка, спускавшаяся до пят, а руки разведены в стороны, как будто он хотел обнять весь зал.

Дубэ молча застыла: она спрашивала себя, кого изображает эта статуя.

Почти весь зал занимал большой бассейн с горячей водой, испарения от которого наполняли все помещение. Из нескольких громадных отверстий в стенах водопадами стекала вода. В зале было много людей — мужчин и женщин.

— Сегодня я сама привела тебя сюда, но с завтрашнего дня перед тем, как явиться ко мне, ты будешь приходить сюда одна. Увидимся в трапезной, после первого удара колокола, — сказала Рекла, уходя.

Дубэ смотрела на бассейн, в котором копошились тела, и ей показалось, что это — призраки, питающиеся темнотой. Все люди были физически хорошо развитыми благодаря упражнениям, но бледными, и все казались одинаковыми.

Дубэ поспешно разделась, положила свою одежду в одну из ниш, специально выбитых в стене, потом нырнула в бассейн и долго оставалась под водой. Теплая вода заставила ее расслабиться. Она вдруг вспомнила то утро в Земле Солнца, ледяные воды Темного ручья. В нем она обретала силу и ощущение чистоты.

Дубэ немного поплавала, хотя это было трудно из-за слишком теплой воды, а потом встала под один из каскадов. Рядом с ней стоял мужчина, он посмотрел на нее, и в его взгляде не было лукавства, но было любопытство. Дубэ поняла, что это всего лишь интерес к новобранцу Гильдии. И все же смутилась. Она поплыла обратно, вышла и вытерлась. Когда Дубэ застегнула последнюю пуговицу жилета, раздался первый удар колокола.

Если бы Дубэ не изучила карту со всей добросовестностью, то и тогда она без труда нашла бы дорогу к трапезной: все шли в одном направлении, достаточно было устремиться за ними, чтобы найти этот просторный зал.

На этот раз на столах уже все было разложено: каждому полагался кусок черного хлеба и миска с молоком.

Все заняли свои места, и наступила полная тишина. Дубэ догадалась, чего ожидают собравшиеся, и в самом деле — на амвоне появился Иешоль.

— Помолимся Тенаару, чтобы он даровал нам долгий день труда, по окончании которого мы сможем насладиться даром сумерек, благоприятствующих убийствам и столь дорогих детям Тенаара...

Он произнес ту же молитву, что и накануне вечером, и снова вся братия хором ответила ему:

— Кровь к крови, плоть к плоти, да прославится имя Тенаара.

Иешоль казался удовлетворенным.

— Ешьте, пейте, подкрепляйте свои силы.

И все решительно приступили к своей пище. Дубэ быстро выпила молоко и проглотила хлеб.

— Что дальше? — спросила она, покончив с едой.

Рекла выпила свое молоко только наполовину.

— Ты не очень-то похожа на убийцу. Тебя никогда не учили быть терпеливой?

— Но я же воровка.

Рекла издевательски усмехнулась:

— Ты — девочка-смерть, это — твоя судьба. — Она сделала небольшую паузу, чтобы подразнить Дубэ. — Научись понимать, когда надо ждать, а когда — действовать.

После завтрака они отправились в храм. Там было тихо и темно, как всегда. Только ветер завывал да дождь шумел — за стенами бушевала гроза. Дубэ вслушивалась в эти звуки. Чуть больше недели она жила в подземельях, но уже тосковала по всему, что осталось за этими стенами. В какой-то момент она почти решила выйти, чтобы насладиться дождем и ветром, бьющими по лицу, но тут же выкинула из головы эту мысль. Рекла подошла к алтарю и встала на колени.

— Становись на колени.

— Я не верю в Тенаара.

Дубэ не понимала, почему так поступает. Иешоль ясно объяснил: жить в Гильдии значит исповедовать культ, а жизнь в Гильдии — единственный способ избежать страшной смерти. Однако она не хотела подчиняться. Она считала, что Учитель запретил ей.

Рекла медленно обернулась:

— Любое твое ненужное непослушание, любое твое лишнее слово ведет к мучениям. Сейчас ты этого не чувствуешь, потому что напилась снадобья, но вспомни вечер своего посвящения, вспомни свои нечеловеческие крики. Ты снова испытасшь это, Дубэ, если не преклонишь колени.

Дубэ сжала кулаки, но встала на колени. Воспоминание о звере терзало ее, лишало сил и решимости отказаться.

— Я вовсе не заинтересована в том, чтобы ты оставалась с нами. Для меня ты была и будешь одной из проигравших, потому что ведешь себя как они. Но его превосходительство верит в тебя, а он — подобие Тенаара на земле, во всяком случае, пока не вернется Избранный Сын Бога. Если я сейчас не перерезала тебе глотку, так только из-за моей веры, так и знай.

— А я не убиваю тебя только благодаря принятому снадобью, — ответила Дубэ.

Рекла ухмыльнулась и стала учить Дубэ молитве.

— Могущественный Тенаар, бог молний и клинков, повелитель крови, освети мой путь, чтобы я могла совершить убийство и принести тебе в дар кровь проигравшего.

Рекла объяснила, что эту молитву читают убийцы перед выполнением своей миссии, и потребовала от Дубэ повторить молитву.

Дубэ надо было перевести дух. Что-то внутри мешало ей повторить эту отвратительную молитву. Дубэ сделала над собой усилие, ей удалось произнести эти слова, но таким озлобленным и переполненным ненавистью голосом, что Рекла тут же нахмурилась. В отличие от Иешоля эта девушка болезненно реагировала на святотатство, однако ее горящий взгляд ничего не мог изменить.

Дубэ начинала понимать границы дозволенного: только один человек мог решить ее участь — Иешоль, завлекший ее в свои сети. Раз так — с Реклой она не всегда будет церемониться.

Кончив молитву, они встали и уселись на одну из скамеек. Рекла начала просвещать Дубэ. О многом Дубэ уже знала от Учителя, что-то рассказывал Гаан, пока тянулись долгие дни очищения. Да и о слухах нельзя забывать, как ни страшно было, а все же люди обсуждали Гильдию. Рекла начала издалека. Тенаар — жестокое божество, обожающее смерть. Но прежде всего это бог, совершающий выбор: по одну сторону — избранные,

победители, по другую — проигравшие. Проигравшие — обычные люди, те, кто никогда не убивают или же делают это на войне, по чужой воле. Это — существа, недостойные Тенаара. Он ненавидит их и жаждет уничтожить, потому что отвратительной ошибкой других богов было создание людей со слишком нежным сердцем. Победители — носители смерти, убийцы Гильдии.

— Мы не похожи на солдат, которые убивают других из ненависти. Тем более мы — не какие-нибудь наемные убийцы, убивающие за деньги и продающие благородное искусство убийства за кусок хлеба, — сказала Рекла, и ее глаза заблестели. — Мы убиваем во славу Тенаара, освобождаем мир от проигравших, чтобы настало время Тенаара: это будет мир, лучший мир, в котором будут жить только обожаемые им создания, это мы — победители.

Дубэ едва сдержала усмешку. Гильдия, убивающая во имя лучшего мира... Но Иешоль получал деньги за то, что спускал с цепи своих победителей. Гильдия управляла огромными денежными потоками!

Правдой было лишь то, что жизнь в этом мире ничего не стоила. Дубэ поняла это, когда ее выгнали из родной деревни, а отец ее не спас.

Рекла продолжала рассказывать: победители отмечены судьбой, они убивают еще в детские годы. Это дети, родившиеся от женщин, умерших во время родов, или такие, как Дубэ, кто во время игр убивает своего товарища, или дети, намеренно убивающие, просто так, без всякой причины.

Дубэ лишь покачала головой. Это не было сделано для Тенаара. Она понимала. Горнар умер не во имя Тенаара. Так произошло потому, что такова была судьба, вот и все. Дубэ молча слушала, но ничему не верила. Она слушала свою наставницу день за днем, но оставалась верна самой себе.

«Я — не такая, как они, и никогда такой не стану».

После обеда у Дубэ был один свободный час.

Рекла протянула ей толстую книгу в черном кожаном переплете, с увесистыми ржавыми накладками.

— Я хочу, чтобы к завтрашнему дню ты прочитала не меньше половины, — сказала она и удалилась, скрывшись в темном коридоре.

Дубэ заперлась в своей комнате, где в унынии целый час перелистывала книгу. Это был тайный текст для посвященных, описывавший социальное устройство Дома. Дубэ и представить себе не могла, что у Гильдии такая сложная организация. Она предполагала, что должны быть какие-то подразделения воспитанников, но даже не догадывалась, сколько каст и классов существует в этой сложной организации, насчитывавшей несколько сотен людей.

Она узнала, как много в секте стражей уровня Реклы: ответственный по кухне, ответственный за жертвоприношения, ответственные за новичков, за гимнастический зал, за чистоту в храме, есть и другие.

Дубэ открыла для себя, что Гильдия имеет подразделения и вне Дома, благодаря людям, которые, не будучи посвященными, каким-то образом позволяли Гильдии простираť свои щупальца по всему Всплывшему Миру. По большей части это были жрецы, которые тайно совершали обряды, и множество магов. Существовал и тайный список этих людей. Дубэ многих знала, некоторые служили советниками у королей, другие у графов. Ей было известно, что Гильдия могущественна, но даже не предполагала насколько.

О том, что час истек, Дубэ узнала по водяным часам. Она почувствовала себя так, будто наступило освобождение, теперь, наконец, она может отправиться в гимнастический зал.

Войдя, она с трудом узнала помещение, накануне вечером пустое и полутемное, сейчас оно было освещено, словно солнечным светом, большими бронзовыми треножниками, источавшими легкий фруктовый запах. Правда, и запах пота, который смешивался с запахом крови, сильно ощущался. Дубэ почувствовала легкое головокружение, но быстро пришла в себя. Она нашла Реклу, уже ожидавшую ее.

В залах собралось множество людей. Больше всего — детей и подростков, девочек и

мальчиков. Были тут и совсем маленькие дети — все они делали самые разные упражнения, развивавшие и укреплявшие мускулатуру, улучшавшие чувство равновесия или способность концентрироваться. Некоторые упражнялись с оружием, кто-то сходил в рукопашном бою, отрабатывая приемы и изучая наиболее уязвимые точки человеческого тела. Кто-то суеился у мишеней. Но ни в ком из них не было ничего детского. Напряженным лицам не хватало той живости, которая (Дубэ знала это) свойственна детям. Это были взрослые в детском обличье. Дубэ вдруг вспомнила статую, стоявшую рядом с Тенааром, — странного мальчика с лицом взрослого человека.

Вместе с Реклой она прошла несколько залов, переполненных детьми и подростками.

— На мой взгляд, твое место здесь, вместе с детьми твоего возраста, но его превосходительство убежден, что ты заслуживаешь большего.

Наконец, они пришли в залы, где упражнялись взрослые. Тренировались они самостоятельно. Дубэ подумала, что это, конечно, не Темный ручей, где было так приятно упражняться, но она, по крайней мере, попытается сконцентрироваться и обрести саму себя, обрести хотя бы немного спокойствия.

Однако Рекла уверенно направилась к человеку, стоявшему в стороне. Он прислонился к стене, держа в руке хлыстик, в его позе было что-то чрезвычайно дерзкое. Он был высоким и худощавым, даже чрезмерно худым. Его лысая голова блестела от яркого света факелов. Лицо было плоским, с крючковатым носом, выдающимся подбородком, большим ртом и тонкими губами.

Как только Рекла приблизилась к нему, человек мгновенно выпрямился и вытянул неестественно длинные руки по швам. Человек не смотрел подошедшим женщинам в глаза, стоял опустив голову, разглядывая исподтишка. Его голос очень соответствовал его облику: умильный, тонкий, почти пронзительный.

— Приветствую тебя, Рекла. А это — новое приобретение, как я полагаю. — И он бросил взгляд на Дубэ. Его глаза были совершенно черными, как два темных колодца, взгляд уклончивый, ускользающий.

Рекла ответила только кивком. Казалось, что она относится к нему с некоторым пренебрежением и плохо скрываемым отвращением.

— Его превосходительство хочет, чтобы ты сегодня проверил ее способности и доложил ему.

— Как будет угодно его превосходительству, — ответил человек, не без иронии отвесив поклон. Он не выглядел таким фанатом, как Рекла. Им двигало нечто иное, а не фанатизм.

Страж ядов развернулась и ушла. Новый наставник Дубэ долго разглядывал ее. Девушка с трудом терпела этот взгляд, думая о том, как ей пригодился бы плащ, скрывавший лицо и фигуру.

— Я — Шерва, страж гимнастического зала. А как тебя зовут?

— А ты не знаешь? — спросила Дубэ.

Человек криво усмехнулся:

— Я хочу услышать от тебя самой.

Дубэ удовлетворила его просьбу.

— Тело убийцы много говорит о нем. Видно, что твое тело натренировано, это хорошо. Однако тебе неизвестна техника убийств голыми руками, да и обращаться со шпагой ты почти не умеешь. Ты хорошо стреляешь из лука, но только одной рукой, и предпочитаешь кинжал. Это тоже хорошо, так как победители хотят крови, а кинжал — оружие, избранное Тенааром.

— Ты меня не удивил.

— Я и не собирался. Ты давно не практиковалась?

— Я никогда не практиковалась. Меня только тренировали.

Шерва погладил подбородок, критически оглядывая Дубэ.

— Верно... ты ведь воровка, так?

Дубэ почти с гордостью подтвердила это.

— Когда завершилось твое обучение?

— Два года назад.

— И до сих пор ты только помогала Сарнеку, верно? Нет, не только. За эти два года ты продолжала совершенствовать ту технику, которой он тебя обучил. Бескровное убийство, наемное убийство без жертвоприношения.

Дубэ не знала, что сказать. После суровой Реклы разговор с этим человеком был намного интереснее. В нем было что-то болезненное, как все в этом месте, но было и нечто притягательное.

— В любом случае, — сказал он, — разумеется, недостаточно просто посмотреть на тебя, чтобы как следует понять, что ты умеешь. Нужна практика.

Он повернулся и пошел, Дубэ отправилась за ним. Он шел абсолютно бесшумно, его движения были гибкими и точными, такой поразительной пластики Дубэ никогда не видела даже у животных. Казалось, что воздух расступается, когда он идет, и осторожно смыкается за его спиной.

— Не удивляйся, — сказал Шерва, не оборачиваясь, будто прочитав ее мысли. — Моя ловкость — результат многолетних тренировок, теперь это стало моей специальностью.

Дубэ начинала испытывать странную симпатию к этому человеку.

Они оказались в пыльной и темной комнате, вдали от шума гимнастического зала. Помещение было небольшим, но здесь было все: мишени и оружие всех видов. Шерва залил масла в лампу, а потом зажег ее при помощи уголька.

— Обычно я занимаюсь детьми, как ты могла видеть, но Иешоль хочет, чтобы я обучал тебя, и так будет в дальнейшем.

Дубэ удивилась той естественности, с которой человек произнес имя Верховного Стража.

— Мы обучаемся всю жизнь. Есть приемы, которыми ты не владеешь. Будем работать над ними.

Дубэ почему-то показалось, что она вернулась в детство. А ей всегда очень нравилось обучаться, изучать новые приемы.

— Ты убивала, как наемный убийца? — неожиданно спросил он.

— Нет, — сухо ответила Дубэ. И мысленно перенеслась к своему первому убийству.

Шерва, улыбаясь, исподтишка наблюдал за ней. Его улыбка была асимметричной и лукавой.

— А может быть, и да. В любом случае меня это не интересует. Если я это и сделала, то только ради денег. Не стоит убивать ради убийства как такового.

— Рекла так не думает. Иешоль тоже. Убивают ради Тенаара — так они говорят.

Беседа принимала занятный оборот, и Дубэ хотела угадать какой.

— Я совершенствую технику. Наверное, таков мой способ служения Тенаару. А теперь перейдем к делу: покажи мне, на что ты способна.

Все как в детстве. Ей надо было показать, как она обращается с разными видами оружия, изображая засады, показывая свою ловкость в упражнениях. Шерва был скуп на комментарии и за все время экзамена не проронил ни слова, но Дубэ поняла, что произвела хорошее впечатление, как в упражнениях с луком, так и с кинжалом. Казалось, что Шерва удовлетворен и ее подвижностью. Но с мечом дела пошли хуже. Дубэ помнила, что Шерва, лишь поглядев на нее, все точно сказал о ее возможностях. Впрочем, ее мускулатура говорила сама за себя, и Дубэ это знала.

Когда пришлось демонстрировать способность убивать голыми руками, Шерва удивил ее.

— А теперь — никаких манекенов. Схватись со мной.

Дубэ на какое-то мгновение чуть не потеряла сознание.

— Я могу сделать тебе очень больно. Учитель обучал меня разным приемам.

— Делай то, что я тебе говорю, и все!

Дубэ вздохнула и решила бороться всерьез.

Она показала все: как ломают шейные позвонки, душат руками и ногами, бьются на кулаках. Но этот человек был сверхъестественно подвижен. Он выскальзывал из рук подобно ужу. Не успевала Дубэ решить, что держит его мертвой хваткой, как он без усилий высвобождался. Он складывал руки и ноги под невероятными углами, словно весь был на шарнирах. Дубэ ни разу не удалось захватить его, даже как следует стукнуть. В конце испытания она начала задыхаться, Шерва при этом дышал спокойно и ровно.

— Это — волшебство... — прошептала Дубэ.

Шерва хитро улыбнулся:

— И это тоже, но не только. Это — запрещенная медицина и упражнения. Спустя годы ты тоже так сможешь. Хочешь?

Дубэ не знала. Она пришла сюда не для того, чтобы усовершенствоваться и стать отличным убийцей. Она предпочитала не думать о том, что ей придется убивать и сделать это профессией. Она пришла сюда, чтобы выжить, она продала свое тело, чтобы не стать добычей зверя.

— Тебе решать, ты — учитель, — ответила она.

Шерва, казалось, некоторое время раздумывал, потом заговорил:

— Я могу подтвердить то, что сказал сначала. Тебе нужно научиться владеть шпагой, а твоя ловкость хотя и превосходна, но может быть улучшена. Тебе следует изучить технику рукопашной борьбы. И конечно же то, чего хочет Иешоль: ты должна обучиться обряду убийства Гильдии!

Они оставались в зале еще около часа. Шерва показывал ей болезненные упражнения для разработки суставов. Учитель тоже их показывал. Дубэ подумала, что, вероятно, Учителя тоже обучал Шерва, и хотела было спросить об этом. Однако упражнения Учителя не были такими рискованными и мучительными. Шерва заставлял ее предельно напрягаться, чуть ли не разрываться, а потом возвращаться в прежнее положение. В каком-то смысле это было приятно. Тело двигалось, работала мускулатура, суставы хрустели. С усталостью тела, с болью уходила тоска, пропадало чувство подавленности, и Дубэ снова становилась свободной. После упражнений у Дубэ болел каждый мускул, но ей казалось, что она хотя бы немного обрела душевный покой.

16

ДА, УЧИТЕЛЬ! ПРОШЛОЕ V

Дом этого человека был невелик, как и все дома, которые Дубэ до сих пор видела. Дом стоял почти на линии берегового прибоя. В первой из двух комнат — камин и стол, а вторую девочка едва разглядела за дверью. В той комнате спал мужчина, Дубэ она напоминала комнату папы и мамы в Сельве — странное и таинственное место, куда нельзя входить.

Мужчина постелил немного соломы на полу и дал Дубэ простыню. Девочка заснула не сразу. Она долго сидела за столом, в темноте. Из соседней комнаты не доносилось ни единого звука. Как будто его там не было, но слова этого человека продолжали звучать где-то рядом с ней.

«Тот, кто убивает в юности, — избранный, предназначенный для убийства».

Было холодно, несмотря на лето. За окном бушевал ветер, раскачивая крышу, будто желая снести ее. Но больше всего удивлял Дубэ нескончаемый глухой шум моря.

Она дрожала, ей хотелось плакать. В такие моменты она звала отца, а он, полусонный, всегда находил способ утешить ее. Какие бы слова он ей ни говорил, все кончалось тем, что она успокаивалась и отправлялась спать.

Наконец она встала со скамейки.

«Пойду к нему, разбужу его, и он скажет мне, что все хорошо. Одна только минутка, и я успокоюсь».

Но она не пошла к нему, а машинально взяла плащ, надела его и открыла дверь. Для этого ей пришлось собрать все силы, дул сильный ветер, словно не желал выпускать ее из дому.

Ветер плеснул ей в глаза песком, и она почувствовала себя совершенно ослепшей.

Вокруг было темно, но на небе, над ее головой, светила ущербная луна, окруженная быстро бегущими облаками. Подгоняемая ветром, тяжело переставляя ноги по песку, она пошла к океану, который так сильно пугал и притягивал ее.

Дубэ почувствовала, что слишком долго бежала от самой себя и, прежде всего, от Горнара. Она устала бежать. Она шла в сторону прибоя и остановилась там, где уже была несколько часов назад, когда они сюда добрались. Высокие волны яростно набрасывались на песчаный берег, вода набегала, заливая его далеко вглубь. Откатываясь назад, волны напоминали руки падающего с обрыва человека, погибающего и хватающегося за придорожные камешки в надежде выжить. Вода была черной, мутной, и Дубэ подумала, что она похожа на кровь. На фоне этой чернильной темноты Дубэ восхитил блеск пены. Казалось, что пена заколдована и блестит во мраке. Дубэ смотрела как зачарованная.

Море грохочет, оно сильное, но приносит такую нежную пену...

Девочка села на песок. Страх прошел.

Мужчина проснулся и сразу почувствовал: что-то изменилось.

Девчонка...

Годы обучения в недрах земли обострили его чувства. Ему достаточно было маленькой детали, чтобы сразу понять — что-то не так. Эта особенность много раз спасала ему жизнь. Эту свою способность он не любил. Он связывал ее с Гильдией, с теми годами, которые хотел стереть из своей памяти.

Он встал и обнаружил, что на подстилке никого нет. Он почти надеялся, что девчонка ушла. К тому же вчера вечером он, конечно, был не слишком ласков с ней. Но что было делать, он просто сказал ей правду. Сейчас не те времена, чтобы дети могли долго оставаться в неведении. Он подумал, что, в конце концов, он поступил правильно. Чем быстрее она соприкоснется с реальностью, тем будет лучше.

Казалось бы, радуясь тому, что не нашел девчонку на подстилке, он, почти бессознательно, искал ее следы. Плаща нет, порог занесен песком.

«Какого черта я ищу? Если она убралась отсюда, то это — самое лучшее, что она могла сделать. Одной проблемой меньше».

Он вышел. Сказал сам себе, что хочет подышать немного воздухом, но в глубине души знал, что это не так.

Он вдохнул густой запах йода. Прекрасный день, воздух, очищенный сильным ветром. Небо было прозрачным, солнце жарким. Настоящее лето, однако без летней духоты. Вот причина, по которой его дом стоит на берегу моря.

Он рассеянно огляделся вокруг и увидел ее: точка на песке.

Он медленно приближался. Девочка завернулась в плащ, капюшон закрывал почти все лицо. Она сидела обхватив колени руками. Подойдя поближе, он увидел, что девочка спит. Мужчина спросил себя: что она делает здесь, почему провела ночь под открытым небом, под устрашающими порывами ветра, в нескольких шагах от бурно пенящихся волн. На самом деле он знал — этот ребенок похож на него больше, чем он думал.

Он хотел было разбудить ее пинком, но по какой-то необъяснимой причине предпочел лечь рядом с ней. У нее был нахмуренный лоб, выражение лица серьезное и сосредоточенное.

Он грубовато потрепал ее за плечо, и она тут же проснулась. Едва придя в себя, она уже сжала в руке кинжал.

«Прирожденный убийца...» — подумал мужчина.

В первый момент в глазах девочки читался страх, быстро сменившийся чувством облегчения.

— Ты провела всю ночь здесь?

Она покраснела.

— Я хотела увидеть океан, а потом заснула...

Мужчина встал.

— Если хочешь, я приготовлю завтрак.

Он повернулся и не стал ее ждать. Он знал, что в этом нет необходимости. Внезапно его охватила странная тоска, когда он услышал шарканье детских ног по песку. Что-то произошло этой ночью, что не принесет ничего хорошего ни ему, ни ей. В первый раз в жизни он, кажется, поверил в судьбу.

Он был человеком слова. Он сказал Дубэ, что даст ей время прийти в себя, и так и было. Он не выгонял ее в спешке, а дал пожить в его доме. Иногда он осматривал ее рану, теперь уже почти зажившую, и кормил ее. Все было, как будто она по-прежнему в Сельве, если бы не оглушительное молчание, царившее в доме.

Человек почти никогда не говорил. Несколько дней он казался еще более угрюмым. У него больше не было того уверенного выражения лица, которое она наблюдала во время их путешествия. Казалось, что он болеет от бездействия: долгие часы он проводил, лежа в кровати и куря трубку. Он забросил свои упражнения, и это озадачивало Дубэ. Ей всегда казалось, что упражнения важны для него, к тому же ей нравилось видеть, как изящно он их выполняет. Особенно ее восхищал его танец с кинжалом. Она думала про себя, что ей хотелось бы научиться этому.

— Ты не тренируешься? — спросила она однажды, найдя, наконец, смелость снова заговорить с ним.

Он сидел за столом, с трубкой во рту.

— Можно подумать — ты не знаешь.

— Когда мы путешествовали, ты тренировался.

— Я жду.

Ну вот. И она ждала, но сама еще не знала чего. Он — не ее отец, он — нечто особенное, и понять это она не могла.

— Чего ты ждешь?

— Работы. А пока я отдыхаю. Но в любом случае это тебя не касается.

Дубэ замолчала. Они не так давно существовали вместе, но она училась понимать его. Когда он становился таким странным, она предпочитала молчать и наблюдать за ним, забиваясь в угол.

Однажды в дверь постучали. Дубэ вздохнула. Она уже почти начинала верить в то, что они вдвоем живут в одиночестве, вдали от всего мира, того самого мира, о котором она и ее друзья так мало знали.

— Всплывший Мир стоит на чем-то вроде стола, а вокруг восьми Земель находятся границы — края, — говорил Горнар.

— Это детская глупость, — отвечала обычно Пат. — Мама сказала мне, что на западе протекает большая река, а на востоке находится пустыня.

Горнар качал головой:

— Тебе говорят так, чтобы не пугать тебя. На самом деле вокруг ничего нет, там только границы, там живут отшельники и маги, живут просто так, подвешенные над пропастью.

— А Ниал и Сеннар, которые перелетели за Саар?

— Они ушли в пустоту — место, куда отправляются уставшие герои.

Дубэ не могла сказать, верила ли она в это на самом деле, но это место ей и вправду казалось таким, как описывал Горнар. Иногда она фантазировала, представляя, что других людей вообще не существует, что в этом месте отныне будут жить только она и этот человек, чьего имени она даже не знала.

Едва услышав стук в дверь, мужчина накинул плащ, и Дубэ воспользовалась этим, чтобы пойти открыть. Он грубо оттолкнул ее.

— Это не твое дело, — сказал он.

Он открыл, и на пороге появился тот, чье лицо сразу же испугало Дубэ: плоское лицо с огромным носом и толстыми губами, потрескавшимися от жары. У вошедшего были длинные иссиня-черные волосы, очень длинные борода и усы, высокий морщинистый лоб, маленькие глазки, как у борова. Эта страшная голова была посажена на не менее уродливое тело: вошедший был почти вполтину ниже хозяина дома, туловище у него было довольно длинное, а ноги кривые и короткие. Инстинктивно Дубэ спряталась за мужчину. А он и сам крепко прижал ее к себе.

— Кто ты?

— Это ты — убийца?

Голос гостя был хриплый, густой, злой. Дубэ вцепилась в плащ хозяина руками.

— Входи.

Хозяин повернулся, вытолкнул Дубэ за дверь и строго сказал:

— Ты не должна слушать.

— Но этот человек...

— Это — не человек, это — гном.

Дубэ слышала о них. Она знала только, что они живут на юге, в совершенно черных горах, рядом с вулканами. Прежде всего, она слышала про Идо — предателя, страшного гнома, который много раз пытался убить их доброго короля. Теперь она испугалась еще больше.

— Иди к морю, — сказал мужчина, — и не возвращайся, пока я сам тебя не позову.

Потом он повернулся и оставил ее за дверью.

Дубэ снова оказалась одна. Нехотя и со слезами, побежавшими из глаз, она повиновалась и снова отправилась сидеть на берегу моря. Она чувствовала себя покинутой и боялась за мужчину.

Вечером он снова оживился. После ужина вынул все свое оружие и начал его начищать. Дубэ сидела и смотрела на него. Ей всегда нравилось наблюдать за людьми, которые изготавливают стрелы. Прежде всего — из-за перьев, а их сейчас на столе было множество: мужчина обреза́л их острым ножом.

— Можно я возьму одно?

Человек разрешил.

— Кто был этот гном?

— Тот, кого я ждал.

— Чего ты ждал?

— Работу, Дубэ. Гном живет в Рандаре, недалеко отсюда. Его дочь была убита. Он хочет, чтобы я убил того, кто это сделал.

Дубэ несколько минут молчала. Потом она решилась:

— Ты делаешь это, чтобы заработать на жизнь? Убиваешь?

Человек кивнул, не отрываясь от своей работы.

— Почти как солдат...

— Солдат убивает на войне. Вместе с другими людьми, которые тоже убивают. Ты понимаешь разницу?

Дубэ покачала головой.

— Я крадусь за людьми, проникаю в их дома, в их постели, когда они уверены, что с ними ничего не может произойти.

Дубэ содрогнулась.

— Мне сказали, что убивать — плохо. Поэтому меня и выгнали.

— Это в самом деле так.

— Так зачем же ты убиваешь?

Человек саркастически усмехнулся:

— Это — моя работа. Я ничего другого не умею. Меня этому обучили, когда я был еще

ребенком вроде тебя. Я родился среди убийц.

Дубэ постукивала пальцами по перу.

— И сколько заплатит тебе гном на этот раз?

Человек оторвался от работы, посмотрел на нее:

— Зачем ты спрашиваешь?

Дубэ опустила глаза и покраснела.

— Так просто...

Человек снова взялся за работу, но казался раздраженным.

— Двести наугили.

Этой монеты Дубэ никогда не видела.

— Это много?

Человек фыркнул:

— Приблизительно триста каролов.

Дубэ удивилась:

— Действительно, много...

Она продолжала крутить в руках перо.

— И когда ты его убьешь?

Человек в ярости бросил кинжал на стол, так, что Дубэ вздрогнула.

— Прекрати свои вопросы. Моя работа ни в коем случае не должна тебя интересовать. Вбей это себе как следует в голову. Ты останешься здесь, пока полностью не поправишься. Когда мне предложат серьезную работу и я уйду отсюда, ты тоже уйдешь.

Он вырвал перо у нее из рук и начал обрезать его. Они оба молчали, но Дубэ продолжала смотреть исподлобья на мужчину, следя за его движениями.

«Когда-нибудь я стану такой, как он».

Он ушел. Сказал, что его не будет два или три дня.

— Мне хочется пойти с тобой.

— Я отправляюсь выполнять работу, а не в приятное путешествие.

— Я уже была с тобой, когда ты работал, и даже помогла тебе.

— Ты остаешься здесь, и все.

Дубэ надулась. Ей вовсе не хотелось оставаться одной. Она и так уже долго была одна, а теперь, когда она его нашла, она ни за что на свете не даст ему уйти. Однако человек был непреклонен.

— Скоро мой день рождения...

Это была правда. Первый день рождения в ее новой жизни.

— А почему меня должно это интересовать?

Мужчина ушел ночью, а Дубэ осталась в лачуге. Он оставил ей все необходимое: хлеб и сыр, а еще немного вяленого мяса и фрукты, ничего, что нужно было бы готовить, потому что он не доверял ей пользоваться камином.

Он оставил еще снадобья для почти затянувшейся раны — небольшого красного следа на плече.

Ей действительно хватало всего. Но без него дом был пустым. Без мужчины, курящего трубку, без его оружия, без его вечерних упражнений этот дом был мертвым и заброшенным.

Три дня она, волнуясь, ждала его, и к ней возвращались ее прежние страхи. Ночью снова снились кошмары, лицо Горнара, его глаза. Снова стали являться лица множества умерших, которых она видела в последнее время.

Днем она шла к морю, смотрела и даже два раза искупалась. Вода страшно притягивала ее, и ей нравилось качаться на волнах. Ей хотелось бы, чтобы он был тут и смотрел на нее.

Но на закате одиночество тяготило Дубэ. Снова тишина — единственная спутница ее дней, которые становились долгими и тоскливыми. Снова все лишено смысла, сведено к выживанию, как в лесу.

Дубэ все знала, еще не понимая. Ее убивало это знание. Ее дом — дом этого человека,

ее дорога — любая, по какой бы он ни пошел. Он принадлежит ей, и она никогда не позволит ему прогнать ее. Хорошо, теперь она знает это, и, когда он вернется, если когда-нибудь вернется, возможно, он прикажет ей уходить. Но она не сделает этого. Если он уйдет, она будет следовать за ним.

После столь долгого времени у нее снова было место, где она могла остаться.

Он вернулся ночью, тихо открыл дверь, но Дубэ мгновенно услышала и так же мгновенно поняла, что это мог быть только он.

Она встала со своей подстилки, подошла к двери.

Он остановился на пороге — всего лишь черная фигура на фоне слабого света луны. Но Дубэ ни с кем не могла его спутать.

— Уже поздно, спи.

— Не оставляй меня больше одну.

Чего ей стоило сказать это! И это были слова, на которые она ждала ответа. Но его не было. Человек вошел и закрыл дверь, потом отправился в свою комнату, оставив Дубэ у входа. Дубэ была довольна и этим. Он вернулся, теперь она знает, что делать.

Несколько дней все шло, как раньше. Человек казался более спокойным, чем раньше, но продолжал оставаться отстраненным и молчаливым, как обычно, даже, казалось, избегал Дубэ. Она пыталась быть ему полезной, хотя мало что могла: когда она жила в Сельве, ее мать часто сердилась на нее за то, что девочка не помогала ей по дому.

Она поправляла подстилку, немного прибирала в комнате, пыталась помочь мужчине, когда он готовил еду. Однако он как будто не замечал ее усилий и продолжал вести свою обычную жизнь.

Несколько раз он исчезал и не говорил ей, куда уходит. Однажды вернулся и принес что-то поесть. Каждый раз, когда он уходил, Дубэ боялась, что он больше не вернется.

Беда разразилась вечером, в то время, когда не говорить было невозможно. Мужчина держал трубку во рту и сидел, задумавшись, за столом. Дубэ успела домыть посуду, аккуратно поставила тарелки, затем села рядом, смотря вдаль, на спокойное море.

— Мне кажется, что ты уже здорова...

Дубэ тут же поняла, к чему приведет этот разговор.

— Не знаю, иногда мне еще бывает плохо.

Мужчина вытряхнул трубку. Он не был рассержен, как бывало иногда, скорее казался усталым.

— Я оставил тебя здесь, чтобы ты поправилась, я помог тебе, в ту ночь и потом, потому что ты спасла мне жизнь. Ты ведь знаешь это, правда?

Дубэ кивнула и почувствовала, что на этот раз не сможет удержаться от слез.

— Работу я выполнил хорошо, но я не могу оставаться здесь долго. Лучшее место — Земля Скал. Там плетется множество интриг, ветер меняется.

Дубэ не понимала, о чем он говорит, не хотела ничего знать о войне и других мерзких делах. Но она поняла, что теперь все кончено.

— Сейчас Земля Скал — опасное место. Ты не можешь идти туда со мной.

Дубэ проводила пальцем по прожилкам деревянного стола. Молчание становилось тягостным.

— Завтра я соберу свои вещи, и покончим с этим.

— Мне некуда идти.

— Ты жила одна в лесу. Увидишь, ты найдешь, куда пойти, или, может быть, я найду тебе какое-то место. Но ты должна забыть меня, как будто мы никогда не были знакомы. Никто из живых, кроме тебя, никогда не видел моего лица. Ты — единственная, и я должен был бы убить тебя за это, но не могу... Забудь обо мне и о нашей встрече. Это будет лучше и для тебя.

— Не будет лучше! Как ты можешь говорить, что так будет лучше? Меня выгнали из

дома, я видела войну, я совершила убийство! Я никогда не найду себе места!

Дубэ встала и кричала со слезами на глазах. Человек не поднимал глаз и смотрел в пол.

— Убийца ни с кем не может быть связан. У меня нет ни чувств, ни друзей, в крайнем случае — союзники или ученики, но у меня их нет. Ты мне ни к чему.

— Я могу помогать тебе, как делала все эти дни. Разве ты не видел, что я стараюсь? Я могу обучиться всему, что тебе нужно, помогать тебе во всем...

Мужчина покачал головой:

— Мне никто не нужен, а девочка — тем более.

— Я уже не ребенок...

Дубэ умоляла. Настало время доказать, насколько сильна ее решимость, насколько глубока ее привязанность и уважение к этому человеку.

— Рядом со мной — только смерть, почему ты не хочешь понять? Разве ты не видела, чем я зарабатываю на жизнь? И так будет всегда, если ты останешься со мной. В конце концов ты тоже будешь убивать, а это — неправильно.

— Но я уже однажды убила, и ты сказал мне, что даже мои родители ненавидят меня. В самом деле, меня бросили здесь, а мой отец не стал искать меня. Ты — единственный, кто у меня есть, если ты покинешь меня, я умру, я это знаю.

Мужчина встал. Он продолжал избегать взгляда Дубэ.

— Почему ты не смотришь на меня, почему? Я не буду тебе в тягость, клянусь тебе! Я буду хорошей и послушной, и тебе никогда не придется сожалеть!

Человек повернулся и пошел в свою комнату.

— Завтра мы распрощаемся, мне нечего больше добавить.

Мужчине не удавалось заснуть. Он уже приготовил вещи, которые возьмет с собой в путешествие, он чувствовал себя уставшим, хотел заснуть. Но сон не шел. Он слышал там, за дверью, эту девчонку и проклинал свой натренированный слух. Она рыдала. Это не было плачем ребенка, но она не капризничала. Ее плач был злым, она задыхалась от рыданий, как взрослый человек.

Мужчина со злостью бросился на кровать. Ему хотелось бы не думать об этом, но он не мог. Он слышал ее, ощущал, как боль в виске, чувствовал ее страх, настоящий страх потерять все, а вместе со всем и саму себя. Он слишком хорошо понимал, что это он вернул ей способность говорить, он спас ее не только от того человека и от смерти, но и от безумия. Поэтому она не могла отпустить его. Может быть, он сможет терпеть ее присутствие, может быть, станет радоваться, постоянно видя ее рядом — прыгающую, счастливую. Это была радость, которой он не мог себе позволить. К тому же он мог продолжать убивать, только если никто другой этого не видит, никто другой не должен делить с ним тяжесть его грехов. Если она будет рядом, то у него перед глазами всегда будет стоять его сломанная жизнь, или, хуже того, годы, проведенные в Гильдии, и она, она, которую он должен был оставить и которая теперь мертва.

Он не может, не может. Думая об этом, он ворочался, и на какое-то мгновение скрип кровати заглушил плач Дубэ.

Дубэ приготовила ему завтрак: горячее молоко и черный хлеб. Как всегда по утрам. Но когда человек вышел из своей комнаты, он уже оделся в дорогу — в свой единственный старый плащ, в котором она впервые его увидела. При нем был деревянный баул и дорожный мешок. А лицо — снова под капюшоном.

— Я не буду есть. Я уйду прямо сейчас.

— Тогда я тоже не буду есть.

Дубэ взяла свой плащ со стула и надела его, закрыв капюшоном лицо.

— Мы уже обо всем вчера поговорили.

— Ты сказал, что у убийцы не бывает друзей. Я — не твоя подруга и никогда ею не стану, и знаю, что не могу быть твоим помощником, так как еще мала. Тогда я стану твоей

ученицей.

Человек покачал головой:

— Я не хочу никого обучать.

— А я хочу учиться. В тот день, когда я впервые заговорила с тобой, ты рассказал мне историю про детей, которые убивают. Я спросила у тебя, веришь ли ты в это, а ты ответил, что не веришь ни во что. А я верю. И хочу, чтобы ты научил меня быть убийцей.

Человек сел, открыл лицо, и девочка почти ужаснулась. Он был бледен. Он опустил голову на стол. В нем не было ничего от того сильного, надежного мужчины, которого привыкла видеть Дубэ. Он поднял голову и посмотрел на нее глазами, в которых читалась глубокая печаль. Девочка почти пожалела о том, что сказала.

— Я не оставляю тебя здесь не потому, что мне не жаль тебя, я прогоняю тебя, чтобы ты избежала страшного пути. Почему ты не можешь этого понять?

Дубэ подошла к нему и, в первый раз за все время, прикоснулась к нему. Она положила руку ему на плечо и серьезно посмотрела на него.

— Ты спас мне жизнь, и я принадлежу тебе. Без тебя я не могу никуда идти. Я хочу следовать за тобой и учиться у тебя. Для меня нет ничего хуже, чем остаться одной. Одиночество хуже, чем убивать.

— Ты говоришь так, потому что не знаешь.

Дубэ облокотилась на стол, уронила голову на руки.

— Прошу тебя, Учитель, возьми меня к себе в ученицы.

Мужчина долго смотрел на нее, потом положил руку ей на голову. Когда он заговорил, его голос был низким и хриплым, полным грусти:

— Бери свои вещи, пойдем.

Дубэ подняла голову и счастливо улыбнулась. На какое-то мгновение к ней вернулась ее прежняя радостная и невинная улыбка.

— Да, Учитель!

17

РЕБЕНОК-ПРОРОК

Дубэ нелегко было привыкнуть к новой жизни. Это было сильнее ее. Все в Гильдии ее отталкивало. Она не переносила запаха крови, которым был пропитан весь Дом, не переносила победителей, так похожих друг на друга, их безжизненные глаза, оживлявшиеся только в экстазе молитвы. Она ненавидела саму молитву, такую монотонную и однообразную до одурения. Это было отрицанием всего того, чему когда-то обучил ее Учитель. Теперь она начинала понимать, почему он так старался держать ее подальше от этого места.

Дубэ думала о нем, оставаясь одна в своей комнате, в те немногие часы полного одиночества, которые были ей даны. Он тоже жил в этом месте и должен был переносить то, что сейчас переносила она. Однако он тут родился и сделал все возможное, чтобы бежать отсюда. А она? Она продала себя, чтобы выжить, отдала этим людям свое тело, вместе со своим оружием и способностями.

Она задыхалась в этом Доме и в такие моменты мечтала о возможном бегстве.

«Я попытаюсь понять, как изготавливается лекарство, и тогда сбегу».

Но Рекла была твердым орешком, слишком твердым.

Это случилось в первую же неделю, когда Дубэ с трудом привыкала к влажному и темному подземелью и чувствовала себя не в своей тарелке, окруженная любопытными взглядами.

Все началось незаметно. Дубэ проснулась: ее охватило чувство смутной тревоги, но она не придала этому значения, вышла из комнаты, и у нее вдруг началось сильное головокружение. Запах крови показался Дубэ сильнее обычного. Она прислонилась к дверному косяку, и головокружение прошло.

В храме, во время утренней молитвы, Дубэ слушала бред Реклы, как обычно, без особого интереса. Однако на лице Реклы появилась плохо скрытая улыбка, и она иногда смотрела на Дубэ исподлобья.

Вечером дела пошли хуже. Дубэ все же удалось позаниматься с Шервой, и она, устав, отправилась в термы, чтобы принять укрепляющую ванну.

Она почувствовала это в воде. Неожиданное чувство тяжести в груди. Она замерла в испуге. Ощущение было неясное, скрытое, но Дубэ слишком хорошо это знала. В ее памяти сразу же всплыли еще яркие образы ее посвящения.

Ночь прошла мучительно. Хотя окно было прикрыто, Дубэ преследовал запах крови. Она чувствовала его везде, запах крови щекотал ее ноздри сильнее, чем обычно.

Она вытянулась на кровати, но ничего не могла с этим поделать. Постепенно ее охватывал страх.

Зверь возвращался. Проклятие не ослабело, снадобье переставало действовать.

Она, качаясь, встала с кровати, подошла к двери, открыла и вышла наружу. Стояла абсолютная тишина, в коридоре слышалось только ее приглушенное дыхание.

Рекла. Она знала. Совершенно очевидно, что это происходило по ее вине. Дубэ смутно припоминала еле сдерживаемый смех, испытующие взгляды Реклы.

Проклятая ведьма.

Рассудок помутился, Зверь нашептывал ей на ухо слова о смерти, внезапно Дубэ почувствовала себя потерянной среди лабиринта закоулков и коридоров Дома. Больница. Где она? А комната Реклы? Она туда ни разу не заходила.

Дубэ поспешно побежала по коридорам. Зверь все больше овладевал ею. Ей почти казалось, что он гонится за ней, ступая быстро и тяжело.

Не так, как в тот вечер, не так, как в тот вечер...

Знак на руке обозначился еще явственнее, чем обычно, и больно пульсировал.

Дубэ блуждала по коридорам, но не могла вспомнить дорогу, и тогда она по инерции пошла вперед, спотыкаясь, побежала. Запах крови стал еще сильнее, невыносимее, превратился в дикий призыв, которому нельзя было противостоять.

Дубэ, не задумываясь, бросилась в первую найденную дверь, застучала кулаками по дереву. Она почти не разглядела человека, вышедшего из комнаты. Она просто упала ему на руки, чувствуя, как силы покидают ее.

— Помогите, — прошептала Дубэ глухим, как будто не ей принадлежащим голосом.

Она не слышала, что говорит этот мужчина или женщина, она только почувствовала, как ее куда-то тащат, как рядом что-то тихо шепчут.

Дубэ положили на что-то мягкое. Из того немногого, что Дубэ удалось увидеть в бреду, она поняла, что находится в больнице.

Вдруг в поле ее зрения оказалось лицо Реклы.

— Что ты сделала со мной, проклятая? — спросила Дубэ измученным приглушенным голосом.

Рекла стояла в двух шагах от нее и спокойно улыбалась.

— Ты на самом деле дура. Ты даже попыталась равняться со мной... ты меня насмешила. — И она иронически усмехнулась. — Ты не считала дни? С момента твоего посвящения прошло уже восемь дней... а я говорила тебе...

Дубэ начала догадываться: снадобье.

Рекла покрутила перед ней пузырек, в котором плескалась голубоватая прозрачная жидкость, как будто во сне Дубэ инстинктивно протянула руку, но Рекла отодвинула пузырек подальше.

— Дай мне лекарство.

— Ты была со мной слишком непочтительна и продолжаешь себя вести так же... Я говорила тебе, правда? Такого наказания для плохих детишек, не выполняющих своих обязанностей...

— Дай! — прокричала Дубэ. — Мне плохо, черт возьми, если ты мне не дашь

лекарства, то я устрою тут резню, ты знаешь!

Рекла покачала головой:

— Не думаю.

Дубэ заворочалась на койке, больно упала и стала извиваться на полу. Рекла прижала ее ногой. Она обладала неестественной для своей комплекции силой.

— Будь умницей.

Она подозвала тех же великанов, которые были вечером на обряде посвящений, и они выволокли Дубэ прочь.

Дубэ кричала, боль пронизывала ее грудь, все сильнее и сильнее. Когда Дубэ повели по коридорам Дома, все больше удаляясь от его центра, разбуженные убийцы вылезали на пороги своих комнат. Дубэ смотрела на них умоляющими глазами, но не видела на их лицах ни малейшего признака сочувствия, лишь одно холодное любопытство.

Камера была та же, Дубэ узнала ее. Стояла полная тишина, нарушаемая лишь ее прерывистым дыханием.

Дубэ бросили в камеру, приковали к полу цепями и закрыли дверь. И она осталась там одна, со своими демонами.

Когда все было позади, поразмыслив, Дубэ решила, что Рекла была почти даже милосердна. Она оставила Дубэ на целый день ходить на цепи, но этот день был проведен в аду. Зверь топал копытами и в какие-то, казавшиеся бесконечными, моменты почти овладевал ее телом. Лица призраков заполнили густую тьму камеры, Дубэ просто молила о конце, который избавил бы ее от этих мучений.

Потом вошла Рекла. Она остановилась перед Дубэ, лежавшей на земле, властно встала над ней, широко расставив ноги.

— Ты запомнила урок, да или нет?

Обессиленная Дубэ смотрела на нее с ненавистью.

— Как ты можешь так наказывать меня? — прошептала она охрипшим от долгих криков голосом.

Рекла скривила свои красивые губы в улыбке.

— Это — не я, это — Тенаар. — Потом она снова сделалась серьезной. — Отныне ты будешь отвечать за молитвы во время трапез и будешь молиться со мной в храме каждое утро. Но прежде всего ты никогда больше не посмеешь быть со мной непочтительной. Скажи: «Да, мой страж», и это мучение кончится в одно мгновение.

Дубэ продолжала презрительно смотреть на нее. Она чувствовала себя униженной, но более всего — измученной усталостью и страхом. Ее бросили туда, где у нее не было защиты, туда, где она ощущала себя беззащитной и охваченной ужасом.

Дубэ закрыла глаза и сказала:

— Да, мой страж...

Едва придя в себя, Дубэ попыталась потребовать объяснений у Иешоля. Она попросила аудиенции через Шерву, который, до этого момента, был единственным, с которым удалось наладить контакт во время долгих молчаливых часов, проведенных на тренировках.

Как ни странно, Иешоль не стал откладывать и быстро принял ее.

Верховный Страж сидел за своим столом, склонившись над книгами. На носу у него были очки в золотой оправе. Дубэ поклонилась, прижав руки к груди (таково было приветствие убийц), а потом посмотрела ему в глаза.

Иешоль медленно поднял глаза от тома, который изучал.

— Что случилось?

— Все это не было оговорено.

— Что именно?

Он притворялся. Делал вид, что не знает, о чем речь. Он издевался над ней.

— Страж ядов отказалась дать мне снадобье и оставила меня на целый день запертой в камере.

Иешоль кивнул:

— Я знаю.

— Я отдала вам свое тело, а вы в обмен пообещали, что вылечите меня. Мне кажется, что вы не выполняете обязательства.

Иешоль покачал головой:

— Ты принадлежишь Дому, Дубэ. Полностью. Ты больше не тот человек, которым была раньше, ты не воровка, обученная предателем.

Дубэ вздрогнула, но промолчала. Она была не в состоянии спорить.

— Если ты до сих пор полагаешь, что не принадлежишь Дому и можешь следовать законам внешнего мира, то ошибаешься. Ты выбрала жизнь победителей, а это ко многому обязывает, в том числе к подчинению стражам и к исполнению обрядов. А в обмен на это ты будешь жить.

— Это именуется пыткой, — прошептала Дубэ.

Иешоль раздраженно махнул рукой:

— Тогда иди прочь, как это сделал Сарнек. Иди отсюда, и там твоя жизнь продлится не больше нескольких месяцев, по истечении которых тебя ждет смерть, о которой ты знаешь.

— Почему бы вам просто не довольствоваться моими услугами?

— Потому, что мы убиваем во имя Тенаара. И ты сделаешь все, когда мы скажем, не говоря ни слова, а если не сделаешь, то много ночей проведешь в камере, наедине со зверем.

Дубэ снова замолчала, переполнившись гневом. Как всегда, она снова была рабыней.

Однажды утром, по прошествии нескольких дней, Рекла вызвала ее к себе.

Страж ядов казалась странно напряженной и возбужденной. Для Дубэ это утро было таким же печальным, как и все остальные, проведенные вместе с презируемым ею человеком.

— Сегодня ты будешь допущена к одному из самых глубочайших и важнейших таинств нашего культа. Лишь немногие посвящены в подробности нашего культа. Большая часть людей не знает, кто такой Тенаар и что означает служить ему и почитать его. То, что я говорю сейчас, — истина, которую мы тщательно скрываем, одна из основ нашей веры.

Дубэ насторожилась. Не потому, что ее хоть как-то интересовали тайны секты, но оттого, что чем больше деталей она узнавала, тем больше вооружалась против Гильдии.

Рекла начала издали, заговорив о Рубире, Кровавой звезде. Дубэ догадалась, что речь идет о той самой звезде, что сопровождала ее во время дней очищения.

— Красная звезда затмевается семь раз в году, семь — как и у Тенаара есть семь видов оружия. Это Ночи Затмения, воспоминание о семи днях, за которые боги заложили основы мира проигравших, обесчестив совершенное творение Тенаара. Он создал победителей, от которых мы исходим, и создал мир, населенный только ими. Другие божества, поддельные, которым поклоняются проигравшие, завидовали совершенству этого творения и пытались хоть как-то испортить его. Тогда они заковали Тенаара в цепи на семь дней и дали жизнь проигравшим. Когда Тенаару удалось освободиться, он начал долгую войну против других богов. Это было в то время, которое называлось Хаосом, но ему не удалось победить, потому что он был один против всех. Тогда он снова был закован в цепи в лабиринтах земли, здесь, в бесчисленных лабиринтах под нашим древним Домом в Большой Земле, в который мы, наконец, возвращаемся. Но Тенаар заронил в сердце победителей семя насилия и дал им задание подготовить его приход, очистив мир от нечистых плодов, порожденных другими богами. В качестве знака своего расположения он послал каждому поколению детей смерти, таких детей, как ты, чтобы племя победителей росло здоровым. Тенаар оставил на небе Рубиру, чтобы напоминать победителям о той надежде, которая их поддерживает. Затмение Рубиры — момент печали, поэтому мы проводим ночь в молитве, чтобы способствовать возрождению Тенаара, а с ним и Рубиры. За возрождением Рубиры следуют пятьдесят два дня полного света и ожидания следующего затмения.

Рекла внимательно посмотрела на Дубэ, на минуту замолчав. Потом снова заговорила:

— Но, если бы все наследие Тенаара состояло только из одной Рубиры, если бы данная им надежда сводилась к одной лишь звезде, то этого было бы мало. Нет, обещание Тенаара намного возвышеннее, намного величественнее. Он послал семь человек, по одному в каждую из семи земель Всплывшего Мира, семь человек — по числу затмений Рубиры. Они пронесли через всю историю мира послание Тенаара земле.

Рекла быстро описала каждого из этих людей.

— Ты найдешь все в книге, которую я тебе дала, я хочу, чтобы ты хорошо изучила их биографию.

Не слишком убежденная Дубэ кивнула: действительно, разочаровывает великая тайна Гильдии...

— Но самый главный из них — восьмой.

Дубэ встряхнулась и сосредоточилась.

— Он пришел последним, чтобы завершить цикл. Он не соответствует ни одному из затмений Рубиры, он происходит из той земли, где все началось, — из Земли Ночи. И именно по этой причине с ним не связано ни одно из затмений: он не скрывается, он представляет собой триумф Тенаара, возрождение Тенаара и Рубиры, которая будет вечно, без затмений, сверкать в мире победителей.

Дубэ подумала о таинственной статуе ребенка. Кого из восьми великих людей изображал этот ребенок? Или это было нечто иное?

— Он — провозвестник Тенаара, его избранный посланник, посланец. Его имя — Астер.

Это имя прозвучало угрожающе, но Дубэ не знала почему.

— Это — ребенок? — спросила она тихим голосом.

Рекла кивнула:

— Если ты догадлива, то, может быть, уже поняла, о ком мы говорим.

Дубэ была смущена.

— Астер не только распространял слово Тенаара. Астер, единственный из великих людей нашего культа, по-настоящему пытался восстановить царство победителей. И не так, как это делаем мы, совершая множество отдельных убийств, а путем огромного освобождающего жертвоприношения. Он был нашим вождем в течение сорока лет, он был самым настоящим распространителем идей Тенаара на земле. Долгое время мы верили, что времена близки, что Тенаар сдержал свое обещание.

Дубэ почувствовала, как холодок пробежал по ее телу.

Рекла свирепо усмехнулась:

— Ты не поняла, да? Это ясно говорит о том, насколько ты далека от жизни победителей. Но в любом случае ты не можешь не чувствовать той мощи, которую излучает его личность, даже если мы только призываем его в молитвах, как это делаю я. Я чувствую, что тебе страшно, я чувствую, что ты осознаешь все его величие.

Дубэ почти лишилась дара речи.

— Кто он?

— Тиранно, или Тиран.

Это слово раздалось в храме как гром. Не было никого во Всплывшем Мире, кто бы не боялся этого имени больше всего на свете. Прошло сорок лет с момента его падения, сорок лет — столько же, сколько и ужасных лет его правления. Война, в результате которой его свергли с престола, — Великая Война, — вспоминалась как один из наиболее темных периодов истории Всплывшего Мира. Ниал и Сеннар, победившие его, стали мифом, их статуи стояли на всех перекрестках дорог и на площадях.

— Неграмотный народ называл его Тираном так настойчиво, что в конце концов он сам заменил этим прозвищем свое собственное имя. Теперь только мы, победители, можем осмеливаться произносить его.

— Не может быть, чтобы ты говорила это всерьез...

— Да. Его звали Астер, он был ребенком, таким, как статуя, которую ты видела. Один

его заклятый враг наложил на него это проклятие — оставаться всегда в детском теле. Дитя смерти. Ты понимаешь, Дубэ? Понимаешь?

Глаза Реклы блестели, как никогда, они горели от иступления.

— Много лет назад он сражался, убивал, истреблял, уничтожая одно за другим королевства, чтобы вновь создать на земле царство Тенаара. В подземельях его дворца жила и благоденствовала Гильдия. Иешоль был его правой рукой.

— Тиранно был самым худшим из того, что когда-либо существовало во Всплывшем Мире... — осмелилась сказать Дубэ.

— Замолчи! — прокричала Рекла. Черты ее лица исказились от ярости. — Что ты знаешь? Так говорит чернь, которая ничего не понимает, это сплетни, распущенные Ниал и Сеннаром, которые убили его, да будут они прокляты! На самом деле все не так.

Дубэ вцепилась в край скамейки так, что у нее побелели ногти.

— Нет... мы все знаем, знаем, что он делал... и как довел Всплывший Мир...

Рекла вlepила ей пощечину.

— Проси прощения! Проси прощения у Тенаара за это ужасное богохульство! Астер был святым.

Дубэ вздрогнула и вскочила на ноги.

— Однако Астеру не удалось довести до конца планы Тенаара. Иешоль был с ним в минуты его падения, когда Ниал победила, а башня Рока превратилась в осколки в наших руках. — Рекла справилась с волнением, вытерла слезы, которых не смогла сдержать. — Но он вернется, — заговорила она опять твердым голосом. — Его приход на нашу землю был только вступлением к тому, что будет. Он вернется, вместе с другими семьей Великими, и Тенаар победит. И тогда все станет как было.

Рекла умолкла, переводя дыхание.

Дубэ словно парализованная не могла пошевелиться.

— Это — великая тайна нашего культа. Сейчас мы должны скрывать ее от глупцов. Но времена меняются, наша власть, наша сила укрепляется день ото дня.

Рекла снова стала той хладнокровной и жестокой женщиной, которую знала Дубэ.

— Я хочу, чтобы ты знала все о жизни Семерых Великих, а также о жизни Астера. После обеда я дам тебе книгу, написанную собственноручно его превосходительством Иешолем. Приближается Ночь Затмения, одно из затмений Рубиры, и поэтому я хочу, чтобы ты все изучила.

Она встала, собралась идти к себе, а Дубэ осталась, будто пригвожденная к своему месту. Тогда Рекла подошла к ней, наклонила свое дерзкое лицо к уху Дубэ и зашептала:

— Теперь ты — наша, Дубэ, и другого выхода нет. Когда один из нас узнает эту истину, он уже не может уйти...

18

РАБОТА ПОБЕДИТЕЛЯ

Прошли недели, Дубэ пыталась забыть или, по крайней мере, делать вид, что не знает о рассказанном Реклой. Пока она не найдет способа уйти отсюда, следует делать хорошую мину при плохой игре.

Она пыталась думать, что ей удастся сбежать, что она найдет способ спастись, может быть, даже до того, как ей придется работать на этих людей. Тем временем она изо всех сил сопротивлялась их культу. Когда молитвы звучали в трапезной, она делала вид, что произносит их, но думала о другом. Когда Рекла преклоняла колена в храме, Дубэ мысленно проклинала и этого бога, и его зловредных последователей.

Она начала свое расследование. Стала изучать Дом, урывая время от посещения терм и трапезной. Нужно было обнаружить расположение лаборатории Реклы — это был первый шаг. И может быть, стоило попытаться проникнуть в ее комнату.

Но Рекла вцеплялась в нее как клещ даже в те моменты, когда они не были вместе,

Дубэ чувствовала ее взгляд за спиной, как будто Рекла постоянно за ней следила. Вероятно, так оно и было. Рекла была не глупа и, наверное, начала чувствовать, как Дубэ что-то замышляет.

Тем временем Дубэ, чтобы не вызывать подозрения, со всем соглашалась и демонстрировала усердие во всем, что страж ядов приказывала ей делать. Но ох как непросто было подчиняться человеку, которого она считала своим личным врагом.

«Я — не такая, как они, и никогда не буду такой».

Довольно долго Дубэ не вступала в контакты с другими убийцами. Годы одиночества научили ее избегать людей, к тому же она не испытывала интереса ни к одному из тех, кого ей доводилось встречать в коридорах Дома. Они были сотоварищами, и ничем более. У Дубэ даже появилась привычка считать их своими противниками.

Единственным человеком, который вызывал у нее некоторый интерес, был Шерва. Хотя они мало говорили во время тренировок, Дубэ находила, что он отличается от остальных. Редко из его уст она могла слышать имя Тенаара.

Можно сказать, что обучение шло успешно. Дубэ почувствовала первые признаки — появилась невероятная легкость в движениях. Она стала более ловкой, даже более спокойной, хотя ее возможности еще были далеки от того, что умел Шерва. Она обучилась технике удушения, которой не знала, и усовершенствовалась в фехтовании, чего ей так не хватало. В остальном теория занимала ее, но она надеялась использовать эти знания как можно позже, а может быть, и никогда. Дубэ знала, что это глупая надежда, но пока ей больше ничего не оставалось.

В то же время она испытывала постоянное напряжение. В любой момент ей могли дать задание, и это ожидание терзало Дубэ.

— Почему мне до сих пор не дали ни одного поручения? — однажды спросила она у Шервы.

— Для них ты еще — не победитель, пока они не почувствуют тебя одной из них, тебе не позволят убивать. Тебя взяли не только потому, что считают храброй, они действительно думают, что ты — дитя смерти.

— Почему ты говоришь «они»? — неожиданно задала вопрос Дубэ. — В Доме у тебя высокий статус, однако ты говоришь «они», как будто ты сам не победитель.

— Я уже сказал тебе, что каждый служит Тенаару по-своему. Я не являюсь полностью одним из них. Потому что мой способ славить убийства такой, особенный.

— Я не думаю, что Иешоль был бы доволен, если бы услышал такие рассуждения...

Шерва улыбнулся:

— Однако он держит меня тут. Мои услуги более важны, чем моя вера.

Дубэ набралась смелости и настойчиво продолжила:

— Почему я нахожусь здесь, совершенно ясно. Но я не понимаю, почему ты...

Шерва снова улыбнулся:

— Потому что высшая степень убийства — здесь. А я стремлюсь к вершине. Если для достижения ее нужно поклоняться богу и ребенку, умершему сорок лет назад, то я буду это делать. Иешоль сказал бы тебе, что Тенаар так действует через меня, хотя я сам и не отдаю себе в этом отчета. Повторяю, что только здесь я могу усовершенствовать свои способности, потому я здесь.

Тогда она сменила тему разговора, почти раскаиваясь в этом неожиданном приступе откровенности.

— В любом случае я не думаю, что тебе придется долго ждать. В последнее время Рекле не на что жаловаться, я даже думаю, что скоро у тебя появится задание.

Он не понял. Он не понял, что Дубэ вовсе не о том беспокоилась. Однако разговор был весьма полезен. Шерва был, как и она, далек от того фанатизма, которым были пропитаны все в Доме, он был трезв и расчетлив, он был одиноким существом, погруженным лишь в свои интересы, поэтому его дружба могла стать в будущем полезной Дубэ.

К сожалению, все случилось так, как говорил Шерва, и задание не заставило себя долго ждать.

Однажды вечером, за ужином, Иешоль добавил несколько слов к своей обычной проповеди:

— Завтра — Первая Ночь Затмения. Мы будем всю ночь молиться, собравшись в храме. Особенно мы будем молиться о будущих заданиях, которые выполняют наши новые ученики.

Дубэ сразу же поняла, что речь шла о ней. Она прикусила губу. Впрочем, для того она здесь и находилась, и она всегда знала об этом.

После ужина Рекла задержала ее.

— Его превосходительство хочет, чтобы попозже ты зашла к нему.

Дубэ вошла в кабинет и увидела, что Верховный Страж не один: небрежно прислонившись к стене, стоял какой-то человек. Девушка сразу же поняла, что он ее земляк: по янтарной коже, характерной для людей ее земли, по волосам цвета воронова крыла, как у всех из старейшего племени Земли Солнца. У человека были короткие усы. Весь облик производил скорее приятное впечатление. Он не смотрел Дубэ в глаза. Когда она вошла, мужчина остался стоять на месте, с вызывающей раздражение улыбкой на лице.

Дубэ рассмотрела его одежду: обычный убийца, как и она сама.

Иешоль почти любезно улыбнулся ей, но этой улыбке Дубэ не доверяла.

— Думаю, ты знаешь, почему тебя позвали сюда.

— Вы решили проверить мои способности убийцы, — констатировала она с легким вызовом, желая скрыть свою настороженность. Видимо, ей это удалось, потому что Иешоль довольно улыбнулся:

— Так оно и есть. Послезавтра ночью, под покровительством возрожденной Рубиры, ты получишь задание убить одного человека из этой земли. Речь идет о священнослужителе, ненавистном Дохору, который долгое время служил у него тайным агентом, а потом коварно предал. У тебя есть неделя, чтобы принести сюда голову этого человека, чтобы я мог показать ее заказчику. Его зовут Дунат, он живет в Нарбете и служит в храме Раксы.

Дубэ знала, что Ракса — один из малых богов, покровитель торговцев и воров. Дженна носил образ этого святого, всегда пряча его под одеждой. Медальон тоже был украден на улицах Макрата. Однажды он подарил Дубэ такой же, и образок этот остался где-то пылиться.

Священнослужитель...

Она сжала кулаки. Ей это совсем не нравилось.

— Как скажете, — ответила она и уже собралась уходить, когда Иешоль снова заговорил:

— Это поручение ты будешь выполнять не одна.

Дубэ застыла на месте.

Иешоль указал ей на мужчину, который, наконец, поднял голову.

У него были голубые глаза. Яркие голубые глаза, иронически смотревшие на Дубэ. Трудно было поверить, что он — один из представителей Гильдии.

— Тоф поможет тебе выполнить задание. Он — очень хорошо подготовленный убийца и сможет подсказать тебе, как лучше действовать.

Мужчина поприветствовал ее принятым у членов Гильдии знаком, но Дубэ не ответила на него.

— Меня уже обучили, и я знаю, как надо действовать.

— Теория — это одно, а практика — совсем другое. К тому же мы не должны забывать, что это, собственно, твое первое убийство.

— Как скажете, — повторила Дубэ, скрывая свою ярость.

Она скупно попрощалась и направилась к выходу. Услышав, что Тоф идет за ней, бросила ему через плечо:

— Тебе следовало бы двигаться бесшумно.
Он ответил ей сдержанной ухмылкой.
— Я не демонстрирую свои способности в подобных обстоятельствах.
Дубэ продолжила свой путь, Тоф невозмутимо следовал за ней.
— Ты не думаешь, что мы должны договориться о деле? — спросил он, наконец.
— Всеу свое время.
— Тогда завтра.
— Хорошо, завтра.
Он пожал плечами:
— Как хочешь, — и посторонился, пропуская ее. Он ушел, размахивая руками.

Тоф пришел за ней, когда она тренировалась. Дубэ боролась с Шервой, когда увидела стоящего на пороге человека. Он только смотрел на нее, но делал это с такой вызывающей откровенностью, что Дубэ разозлилась и тут же совершила промах.

— Иди к нему, Иешоль меня предупредил, — сказал ей Шерва.

Они вошли в пустую комнату у гимнастического зала, сели на пол. Тоф развернул перед ней бумаги, которые содержали расписание, скрупулезное описание привычек Дуната и план храма. Тоф хорошо проделал свою работу, собрав исчерпывающие сведения, тем самым избавив ее от расследования — той части работы, которая только и могла быть привлекательной для нее в этом страшном деле.

— Вижу, ты изучил все до мельчайших деталей.

Тоф улыбнулся. У него был по-дурацки гордый вид.

— Я стараюсь хорошо служить Тенаару.

— А в чем, по-твоему, будет заключаться моя роль? Ты оставишь что-нибудь мне или хочешь получить все почести после выполнения?

В ее словах прозвучала ирония, хотя она была бы счастлива уступить ему всю работу.

Тоф положил руки на пергамент.

— Верховный Страж говорит, что убить должна ты. А я буду только следовать за тобой и подсказывать тебе.

Вот это удача...

— Не слишком-то у тебя доблестное задание...

Тоф снова улыбнулся. Он постоянно улыбался.

— Если бы ты правильно вела себя с Реклой, то я бы не путался у тебя под ногами.

— А что тебе известно?

— Мне известно все. Ты ничего не видишь, но Дом тебя видит. Мы все знаем о тебе, наблюдаем за тобой, следим за тобой, чтобы понять — наша ты или нет.

— Так я — ваша?

Тоф пожал плечами:

— Посмотрим, когда ты убьешь. Мне это неинтересно. Я думаю только о Тенааре и хочу доказать, что я — великий убийца.

Тоф собрал свои бумаги и встал.

— Отправимся на рассвете, я подойду к твоей комнате. Приходи на молебен сегодня вечером.

Наступила Ночь Затмения. Это была первая всеобщая церемония Дома, в которой участвовала Дубэ. Ей дали черный плащ и кинжал. Рекла объяснила ей, что новые убийцы получают свое оружие во время Ночей Затмения. Дубэ спрятала свое оружие в сапог, но она уже знала, что не воспользуется им. Ее главным оружием был кинжал, который подарил ей Учитель: другим оружием она пользоваться не хотела.

Все собрались в храме незадолго до полуночи. Верхняя часть купола слева была раскрыта, и сквозь отверстие сияла кроваво-красная Рубира. Вскоре храм заполнился людьми. Иешоль с алтаря произносил молитву. В воздухе пахло ладаном. У Дубэ началось

жжение в глазах, голова кружилась. Заунывное, тягучее пение победителей действовало на Дубэ гипнотически. И вскоре она тоже начала повторять молитву вместе со всеми, медленно покачиваясь и поднимая руки к небу.

Потом Иешоль громко закричал, и все стали смотреть на небо через отверстие в куполе. Под вопли молящихся Рубира медленно исчезла. Теперь над ними было одно черное небо.

И тогда началась главная часть церемонии. Убийцы подходили к алтарю, сжимая в руке кинжал. Они делали себе надрез на руке и давали каплям крови стечь в небольшой таз, заполненный густой зеленоватой жидкостью. Затем Иешоль смешивал кровь несколькими торжественными движениями.

Наступил черед Дубэ. Она двинулась к алтарю, держа в руке кинжал, который ей дала Рекла. Подошла к Иешолю, подняла кинжал и поднесла его к руке. Неожиданно ее рука застыла: кинжал не прикоснулся к коже, словно кто-то удерживал ее. Она попыталась еще раз, пока еще звучала монотонная молитва. И снова ничего не вышло. Что-то не давало ей поранить себя, что-то, чего она не могла преодолеть. Чем больше Дубэ старалась приблизить острие кинжала к руке, тем больше ощущала глухую боль в желудке. Ее рука задрожала, и кинжал выпал.

Иешоль улыбался и вопросительно смотрел на Дубэ. Он нагнулся и поднял кинжал, сам проколол кожу на ее руке и дал стечь крови из раны в тазик.

— Проклятие не позволяет тебе ранить или убить себя. Проклятие желает крови, но не твоей, — сказал он ей.

Дубэ горько улыбнулась. Выхода нет, единственная возможность спастись — научиться изготавливать снадобье.

Когда, на следующий день, Тоф постучал в ее дверь, Дубэ уже была готова. Она перебросила через плечо узелок, закуталась в плащ: ее фигура стала чернее ночи. Дубэ не спала, с тоской думая о наступающем дне. В краткие моменты, когда ей удавалось задремать, она вспоминала Учителя. Он ничего ей не говорил. Только смотрел на нее, и этот страдающий взгляд стоил тысячи слов.

— Перед тем как уйти, надо выполнить ритуал, — сказал ей Тоф, когда они шли к храму.

Бессмысленная молитва. Дубэ нехотя согласилась. Храм был, как обычно, пуст, статуя Тенаара казалась еще больше, чем всегда. Тоф подобострастно опустил на колени. Дубэ молилась вместе с ним, но все ее мысли были обращены на дверь, на огромную дверь эбенового дерева за ее спиной. Каждый раз, когда Дубэ оказывалась здесь — и сейчас, и прежде, — она смотрела на дверь как на единственное, хрупкое, но недоступное препятствие, отделявшее ее от свободы.

Она оборвала последние слова молитвы.

— Идем, — сказала она и решительно встала.

— Настоящий убийца, — иронически усмехнулся Тоф. — Ты жаждешь убивать... Посмотрим, что выйдет на деле.

Однако Дубэ не обратила внимания на его болтовню. Она шла по пустому храму, и эхо шагов гремело под сводами.

Распахнув дверь, Дубэ толкнула ее и вышла. Дул ветер. В морозном воздухе ощущался запах дерева, мха, мокрых от снега листьев. Станный и загадочный запах светящихся растений, которые были способны цвести даже зимой.

«Наконец-то — жизнь».

Тоф обогнал Дубэ. Его кожаные сапоги закрипели по снегу.

— Дорогу знаешь? — спросил он, обернувшись.

Дубэ не ответила.

Положение Дубэ сразу намного усложнилось. Теперь, когда она официально стала ученицей, все пошло по-другому, она чувствовала это. Учитель изменился по отношению к ней: он уже не был к Дубэ снисходительным, казалось, он разозлен тем, что она навязалась ему в ученицы.

Раньше, когда они были в дороге, он ждал ее, давал ей время догнать его, даже старался идти с ней в ногу. Теперь все было иначе. Он быстро шел вперед, Дубэ не могла угнаться за ним, и ей приходилось переходить на бег.

К вечеру она всегда уставала и, обессилев, ложилась у костра. Он же всегда выглядел свежим и отдохнувшим. Он готовил еду, двигаясь, как обычно, элегантно и легко.

— А я думал, что ты привыкла к долгим путешествиям, — сказал он ей однажды вечером, увидев, как она, обессиленная, плюхнулась на валун.

Дубэ робко улыбнулась:

— Да, я много ходила до того, как встретила тебя, но никогда не носилась с такой скоростью.

— У тебя должны быть натренированные ноги, это важно для убийцы.

Дубэ наострила уши: то был первый урок.

— Убийца всегда должен быть бесшумным и стремительным.

Дубэ серьезно кивнула.

— Я больше не хочу слышать жалоб, ясно? Ты должна идти за мной, и все, и никаких разговоров. Это только вопрос тренировки.

— Да, Учитель.

Все их разговоры всегда кончались послушными Дубэ «Да, Учитель». Девочка часто повторяла это. Ей нравилось, как звучит это слово — Учитель. А особенно ей нравилась мысль о том, что она принадлежит ему.

В течение всего путешествия Учитель не научил ее ничему особенному. Они только и делали, что молча шагали целый день. Когда на закате они останавливались, Дубэ, обессилев, падала на землю и мгновенно засыпала, подложив под голову мешок с пожитками. Вместе с тем с каждым днем она уставала все меньше, ее ноги привыкали к ритму ходьбы.

Дубэ вновь шагала по той дороге, которой уже проходила одна, в первые дни изгнания из Сельвы. Они шли по местам, где по-прежнему бушевала война, поэтому чаще всего передвигались по ночам.

Однажды вечером Дубэ поняла, что они пришли туда, где должен был находиться лагерь Рина. Она отлично помнила это место и ту страшную последнюю ночь.

— Тут, рядом, был лагерь, — медленно проговорила она и вдруг рассказала о Рине, его людях, о том, как она жила здесь, и о том, как они были убиты.

— Повар так никогда и не пришел. Это случилось, когда ты нашел меня, Учитель.

— Что-то подобное я и предполагал, — коротко ответил он.

Они шли дальше, и оттого, что она погрузилась в воспоминания, или потому, что образы сегодняшнего дня смешивались с воспоминаниями о той ночи, когда все погибли, а может быть, из-за ветра, заглушавшего еле слышный шум шагов Учителя, но Дубэ внезапно почувствовала себя одинокой. Она остановилась и огляделась. Если бы не слабое свечение летнего неба, было бы уже совсем темно. Учителя рядом не было.

— Учитель?

Неожиданно в памяти всплыло все — ярко и страшно. Она снова увидела, как с равнины поднимаются печальные струйки дыма. Лагеря, солдаты — как те люди, что убили Рина, как тот человек, от которого ее спас Учитель.

— Учитель?

Внезапно ей показалось, что она слышит шаги, стук копыт, как той ночью, звон мечей, а вдали — предсмертные стоны.

— Учитель, ты где, ты где?

Она бежала как сумасшедшая среди деревьев, больно цепляясь за кустарники, обжигаясь хлеставшей по телу крапивой, пока чья-то рука не схватила ее грубо и не оттащила в сторону.

— Какого черта ты так кричишь?

Дубэ узнала его по запаху, прежде чем узнала голос. Она бросилась ему на грудь, обнимала его и плакала.

— Там солдаты, а я потеряла тебя!

Учитель не обнял ее. Не погладил по голове, не стал утешать.

— Поблизости нет солдат, я бы их услышал, — сказал он, помолчав, когда Дубэ перестала всхлипывать.

Она отошла от него, вытерла слезы.

— Мне показалось... все как той ночью...

Лицо Учителя сделалось серьезным.

— Ты допустила страшную неосторожность: нельзя кричать в таком месте, посреди ночи.

— Прости меня, но в темноте...

— Мне нужно было сосредоточиться. Если ты меня потеряла, то только потому, что предалась ненужным фантазиям.

Дубэ удрученно опустила глаза.

— Твое обучение уже началось, не забывай об этом. То, что ты решила следовать за мной, обязывает тебя быть внимательной и послушной, ты больше не ребенок, и прежде всего прошлое есть прошлое, оно осталось позади и не должно тебя трогать. Существует только настоящее, твое настоящее — это я. Я не хочу видеть, как ты плачешь и понапрасну жалуешься. Когда-нибудь ты станешь убийцей, а убийцы не позволяют себе таких слабостей.

На этот раз она грустно сказала: «Да, Учитель». Дубэ стерла из своей памяти все воспоминания об этом месте, образы Рина и величественного дракона Ливада. Но для того, чтобы преодолеть страх, она не пыталась ожесточиться, как этого хотел Учитель. Она просто думала так: «То время прошло, теперь мне нечего бояться, потому что он рядом».

Дубэ привыкала. Ей стало намного легче двигаться в темноте. Мир был наполнен звуками, и она училась различать их. Ночь больше не пугала ее, Дубэ начала различать запахи и звуки.

Теперь ее ноги могли ловко и почти бесшумно двигаться по подлеску. Ее больше не жалила крапива, и кусты не цеплялись за ее одежду. Она двигалась быстро, уверенно, спина Учителя всегда была перед ней, как предупреждение и цель, которой нужно было достичь.

Учитель почти всегда молчал, даже за едой, и никогда ничего не объяснял. Она сама поняла, как не слишком уставать во время ходьбы, и сама нашла способ ориентироваться ночью.

На самом деле она вовсе не хотела стать наемным убийцей, просто ей казалось, что учеба — единственный способ не умереть, не быть одной, продолжать оставаться вместе с Учителем.

— Когда ты научишь меня пользоваться оружием? — однажды спросила она.

Это был один из последних ночных переходов, когда они уже довольно далеко отошли от военной зоны.

Учитель изобразил что-то вроде улыбки, впервые с тех пор, как они ушли из дома.

— Первая добродетель убийцы — терпение. Убийца — это охотник. Ты когда-нибудь охотилась?

В памяти Дубэ ожили приятные воспоминания.

— Конечно! Я охотилась на светлячков и стреляла в птиц из рогатки. Я умею ловить жаб руками.

Учитель снова улыбнулся:

— Это не так много, но все же... В таком случае ты должна знать: во время охоты надо быть терпеливым, чтобы дожидаться удобного момента. И в обучении так же. Ты готовишься. Ты готовишься использовать первое и самое главное оружие убийцы.

Глаза Дубэ заблестели.

— Какое?

— Тело. Ты должна стать совершенной, неумолимой, как оружие, готовой нанести удар неожиданно и точно.

Дубэ подумала о кинжале Учителя, висевшем на поясе. Она станет оружием в его руках. Его личным кинжалом.

Потом леса стали редкими, и перед их глазами открылась огромная равнина, выжженная солнцем. Пустыня, состоявшая из земли и черного песка. На ней вздымались волнами небольшие холмы, будто сглаженные каким-то стихийным бедствием. И впереди — ничего, кроме горизонта.

Полное опустошение, полная тишина, прерываемая лишь криками ворона вдали.

— Что это за место? — спросила Дубэ у Учителя.

— Это — Большая Земля.

Дубэ вспомнила. Это название ей было хорошо знакомо. Она много слышала о нем от взрослых в Сельве. Много лет назад на двух живописных холмах, окруженный зеленью травы и лесов стоял знаменитый и богатый город Энаар. Когда война была только печальным воспоминанием, в этом городе располагалось правительство Золотого Века.

Энаар был стерт с лица земли, вместе со своей огромной библиотекой, часть книг уцелела и хранилась как реликвия в других библиотеках, во дворцах королей и вельмож. Уничтожены были правительственные дворцы-близнецы, черный и белый. В одном заседал Совет Магов, а в другом — Королевский совет. Уничтожены были и великолепные сады, с фонтанами и сказочными переливами струй.

Говорили, что так начались Темные годы Тиранно — с разрушения Энаара.

С наступлением Темных лет Большая Земля оказалась под власть Тиранно, который построил тут свой огромный дворец — Рока, высочайшую башню из черного кристалла. Построенная выше любого другого сооружения во Всплывшем Мире, она была видна во всех землях. Это был дерзкий вызов богам. К башне были пристроены восемь длиннейших строений: каждое крыло направлено к одной из земель, как пальцы Тиранно, собирающиеся обхватить весь Всплывший Мир. Рока, подобно раковой опухоли, высасывала все жизненные силы вокруг. Исчезли леса, трава, даже холмы, которые сровняли при строительстве. От Большой Земли осталась только огромная пустая равнина, посередине которой высилась Рока.

Потом началась Великая Война. Ниал и Сеннар уничтожили Тиранно. Рока была разрушена и рассеяна по равнине, с ее гибелью кончились сорок лет ужасного деспотического владычества.

С тех пор на Большой Земле происходили разные перемены. В те годы, когда Ниал и Сеннар еще не покинули Всплывший Мир, думали оставить эту землю такой, какой ее сделал Тиранно и война: пустынной, полной осколков башни Рока, чтобы мир помнил о происшедшем. Потом решили построить Новый Энаар, но ни первая, ни вторая идея не воплотились в жизнь. Тогда территория была поделена между разными землями, и свободной осталась только центральная часть, где построили два дворца — Королевского совета и Совета Магов. Вокруг расчистили и убрали обломки черной башни, остался только трон, его установили у входа во дворец Королевского совета, рядом с двумя гигантскими статуями Ниал и Сеннара.

Но те территории, которые были отданы разным землям, так и остались пустынными. Как ни старались люди, им ничего не удавалось вырастить. Казалось, что земля навсегда стала бесплодной. Ее и теперь называли Большой Землей, хотя она вся была разделена. Природа этих мест настолько отличалась от других земель, что здешние территории выглядели так, словно принадлежали другому времени и другому миру.

Учитель наклонился, набрал в пригоршню земли, чуть разжал пальцы, и она сухим песком вытекла из руки. То, что осталось, он показал Дубэ.

— Ты видишь эти черные стружки? Вот все, что осталось от башни Рока.

Дубэ смотрела со страхом и восхищением. Она тоже набрала в пригоршню земли и высыпала песок, чтобы в руке остались только частички черного кристалла, которые она положила в суму, висевшую у нее на поясе, под плащом.

— Зачем тебе это? Это никчемные осколки. Выбрось их.

Учитель казался почти разгневанным.

— Это не простые осколки... мне рассказывали столько историй про Тиранно... и вот я смогла прикоснуться к предмету, которого касался он.

— В Тиранно нет ничего, достойного восхищения, ничего! Он полагал, что бессмертен, и тешил себя иллюзиями, что может распоряжаться всем, что есть в мире. Такие несчастные безумцы, как он, вызывают только презрение. Выбрось их.

Дубэ молчала, тогда Учитель отобрал у нее мешок и со злостью выбросил из него осколки.

— Прости меня, Учитель, я не думала, что сделала что-то плохое...

Учитель не ответил и неторопливо пошел вперед.

Несколько дней они двигались по пустынной равнине, стояла почти невыносимая жара. Губы Дубэ растрескались от ветра и солнца и кровоточили. Вечером, когда Дубэ сбрасывала свой плащ у костра, она спрашивала себя, зачем в тот первый день хотела унести с собой осколки черного кристалла. Сейчас осколки сами забирались под одежду, кололи и раздражали кожу.

— Это еще ничего по сравнению с Великой Пустыней на востоке. Ты действительно еще глупая девчонка, — посмеивался Учитель.

Дубэ краснела, но ничего не отвечала.

Только на закате накатывалось отчаяние. Для Дубэ закаты не были связаны с приятными воспоминаниями. Все напоминало ей Горнара. Но в той серой пустыне, по которой они шли, закат имел совсем иной смысл. Это был единственный момент за весь день, когда все приобретало цвет и на равнине появлялись странные блики. Потом, внезапно, когда солнце уже, казалось, зашло за горизонт, зажигалась одна-единственная молния. Один мгновенный, переливающийся луч ярко-зеленого цвета. На один миг Большая Земля как будто снова зацветала, казалось, что трава вырастает на отравленной земле, а потом, через секунду, снова исчезает, как видение.

Учитель видел это и смотрел почти взволнованно на небо, безвозвратно погружающееся в ночную тьму.

— Ты видела зеленый луч, правда?

Дубэ вздрогнула:

— Ведь мне это не привиделось?

Учитель покачал головой:

— Нет. Говорят, что только дети могут видеть его, потому что они еще не погрязли в мерзости этого мира. Говорят, что луч несет послание эльфов, их последнее послание миру, передаваемое Солнцем тому, кто еще чист и не испачкал руки в крови.

Он тихо засмеялся, в его смехе слышалась ирония. Дубэ почувствовала, как ее охватывает печаль.

— Так почему же я...

— Я тоже вижу его, — отрезал Учитель. — Я видел его сотни раз, тут, в пустыне, и он никогда ничего мне не сказал. И сколько бы людей я ни убил, зеленый луч всегда здесь, ждет меня каждый раз, когда я прохожу через эту землю. Один мудрец сказал мне, луч виден здесь из-за прозрачного воздуха. В других местах воздух тяжелее и поглощает луч. Такое случается только здесь, и больше нигде.

В пустыне обучение стало иным. Теперь Учитель предлагал ей выполнять странные

упражнения.

— Я хочу, чтобы ты стояла на страже.

— Зачем? Мы ведь здесь одни...

— Не обсуждай мои приказы, делай это, и все. Стой здесь и не спи два часа, пока я не позову тебя, прислушивайся к звукам, ко всем. И смотри не засни!

Но в первый раз Дубэ заснула, и разбудила ее пощечина.

— Я не хотела, Учитель, прости меня...

— Сосредоточенность, Дубэ, сосредоточенность! Ты должна научиться управлять собою, чтобы рассудок преобладал над усталостью, над голодом, над любым сигналом, который посылает тебе тело. Поняла?

Сейчас, ночью, особенно в крошечной тьме, созерцать пустоту, когда мыслям не за что зацепиться, чтобы остановить свой бег, когда нет никакой опоры, за которую можно было бы ухватиться, чтобы не стать добычей сна.

— Все это потому, что ты невнимательно смотришь. Двух одинаковых мгновений не существует, окружающий тебя мир постоянно течет, изменяется, но ты слишком рассеянна, чтобы заметить это. Шум ветра — как песня, то медленная, то быстрая. Гром вдали. Легкие звуки шагов насекомых по земле. Осколки черного кристалла, катящиеся вдаль. Научись слушать это.

И так — ночь за ночью. Распознавать малейшую вибрацию, слышать мир лучше, чем видеть его, сливаться с ним.

— Сосредоточение покоится на терпении, на способности ждать. Речь идет о том, чтобы читать мир, как книгу, проникая в него. Слышать всем телом и понимать его сигналы, чтобы уловить тот единственный миг, когда можно нанести точный удар. Вот сущность убийства.

Дубэ пыталась, пробовала, хотела усовершенствоваться. А потом всегда падала и засыпала.

— Я буду внимательней обычного, клянусь!

— Я знаю, но пока ты не достигнешь цели, ты не должна чувствовать себя удовлетворенной.

А вот Учитель действительно никогда не спал, Дубэ могла это подтвердить. Он умел быть частичкой окружающего мира, даже во сне. Даже когда Учитель засыпал на несколько минут, его чувства всегда бодрствовали. Она тоже должна стать такой, у нее получится. Она начала понимать смысл обучения за эти дни.

Равнина кончалась: впервые за много дней взгляд наткнулся на препятствие, появившееся на горизонте. Вдали четко вырисовывался контур высоких гор.

— Мы почти пришли. Еще десять дней, и мы сможем отдохнуть.

Учитель объяснил: это — Даресс, северные горы. Земля Скал.

— Это земля гномов, кроме них тут почти никто и не живет.

Дубэ вспомнила низкорослое и злобное существо, постучавшее к ним какое-то время назад.

— Они все такие? — озабоченно спросила она.

— А что в этом плохого?

Дубэ наклонила голову. Ей стыдно было признаться, что они внушали ей страх.

Наконец они подошли к лесу. На горизонте высились горы, увенчанные снегом, торжественные, с заостренными верхушками, а у их подножия — бархатный зеленый ковер, в который Дубэ с радостью погрузилась.

Ей нравилось спать в тени деревьев, и те упражнения, которым обучал ее Учитель в лесу, давались ей легче.

Однажды ей удалось не спать два часа, — столько, сколько приказал Учитель. Когда он проснулся, она почти набросилась на него: «Я сделала это, я сделала это! Ты видишь? Я не

заснула!»

Учитель не рассыпался в комплиментах. Он ограничился лишь кивком.

Однажды утром Дубэ увидела, что он достает лук.

— Сегодня будем охотиться.

У Дубэ перехватило дыхание. На нее нахлынули воспоминания о Сельве, яркие и живые.

— Иди за мной.

Они побрели по лесу, и Учитель снова начал к ней придирааться:

— Ты слишком шумишь, так ты распугаешь всех животных.

Они остановились, подождали, прислушиваясь к звукам, которые не удавалось слышать Дубэ, разглядели детали, которые Дубэ не удалось сразу увидеть.

Ее отец никогда не охотился. Дичь покупала мать или иногда дарили друзья, у Дубэ не было опыта охоты. Поэтому она ничего в ней не понимала.

— Внимательно следи за мной, — сказал Учитель.

Она делала это, подражала ему, но смысл ускользал от нее.

— Что именно мы ищем? — прошептала она.

— Следы, — отрезал он и указал ей на что-то на земле.

Дубэ узнала их. Такие следы встречались рядом с лесами Сельвы: следы молодого оленя. Она даже один раз видела оленя.

— Он неподалеку.

Они пригнулись, легли на землю и поползли.

— Слышишь? — Голос Учителя был едва ли громче вздоха.

— Нет...

— Сосредоточься.

Дубэ закрыла глаза, в точности как делала это вечером, когда надо было выполнять упражнения. Тогда тишина заговорила с ней, и ритмичный звук шагов стал явственно слышен.

— Да!

Учитель грубо закрыл ей рот рукой.

— Не верещи, дура!

Они поползли вперед и увидели его. Это был молодой олень. Казалось, что он насторожен и оглядывается, прислушивается. Дубэ и не думала, что олени могут быть такими красивыми.

Учитель двигался совершенно бесшумно, и олень как будто успокоился, потому что снова начал жевать, опустив голову.

Дубэ повернулась и увидела, что Учитель приготовился. Выражение лица было сосредоточенное, лук натянут, стрела наложена на тетиву. Его руки были неподвижны, а тетива натянута.

— Учитель, но ты хочешь...

У нее не было времени договорить. Стрела вылетела из лука, тетива тихо вздохнула. В лесной тишине послышался громкий шум падающего оленя. Дубэ услышала, как он дергается, услышала его стон и в ужасе застыла на месте.

— Ну что? Шевелись. Это наш ужин.

Учитель пошел вперед, наклонился, но Дубэ за ним не пошла.

— Я же сказал — иди сюда! — приказал он, и Дубэ ускорила шаг, чтобы догнать его. Он склонился над оленем и выдернул кинжал.

— Если он еще не умер, ты должна прикончить его ножом. Поднесешь клинок к горлу и сделаешь ровный надрез, поняла?

Учитель показал все жестом, и Дубэ почувствовала, как по спине у нее пробежал холодок. Она кивнула.

— Сделай это сама.

— Как?

Учитель протянул ей кинжал:

— Убей его сама.

Олень зашевелился, задергал ногами, но движения его становились все медленнее. Он тяжело дышал, мучился и бился.

— Я никогда не пользовалась кинжалом...

— Но ты же убила, правда? И это было не животное, а мальчик.

Дубэ вздрогнула, как от пощечины.

— Да, но...

— И здесь то же самое. Ты разве не видишь, что он страдает? Он все равно умрет.

— Я...

— Сделай это!

Голос Учителя напоминал рев, Дубэ содрогнулась. Слезы выступили у нее из глаз, однако ее рука схватила кинжал. Рукоятка еще сохраняла тепло руки Учителя.

— Прекрати плакать и делай то, что должна. Ты сказала, что хочешь стать моей ученицей, так? Ну так вот, наемный убийца убивает. Убить или умереть, Дубэ! У таких, как мы, нет выбора. И ты начнешь с этого животного.

Дубэ шмыгнула носом, попыталась вытереть слезы, но делать было нечего. Олень смотрел на нее глазами полными боли и ужаса, он дергался, тщетно пытался подняться. Кинжал в руках Дубэ задрожал.

— Шевелись, или я уйду, и клянусь, больше ты меня не увидишь.

Дубэ всхлипнула, но приблизилась к оленю. Слезы застилали ей глаза, поэтому она почти не видела голову оленя. Она только чувствовала, что он дергается под ее руками. Она поднесла дрожащий клинок. Закрыла глаза.

— Открой свои чертовы глаза и вонзи клинок!

— Учитель, я прошу тебя...

— Подчиняйся!

С криком Дубэ выполнила то, что от нее требовалось, закрыв глаза. Как только она почувствовала, что ее руку заливают кровью, она отбежала в сторону.

Учитель схватил ее и прижал к себе, не говоря ни слова.

И хотя он заставил Дубэ совершить нечто ужасное, она не испытывала к нему ненависти. Она положила голову ему на грудь, его тепло, его спокойное дыхание успокаивали ее. Учитель все еще молчал, но он был тут и был с ней.

Дубэ не хотела смотреть на него, когда он готовил мясо оленя. Ей хотелось есть, но она осталась сидеть в стороне, когда к вечеру в воздухе разнесся чудесный аромат жареного мяса.

— Другой еды нет, а тебе стоит подкрепиться, — сказал Учитель.

Дубэ с ужасом посмотрела на кусок мяса.

— Я говорю это, потому что желаю тебе добра. — Учитель был спокоен. Он казался даже немного подавленным. — Тебе не надо было закрывать глаза.

— Прости меня, Учитель, но ты был жесток... Я вспомнила Горнара... мальчика... того... тот несчастный случай... тогда... он смотрел на меня, и его глаза...

Учитель вздохнул:

— Ты не создана для этой работы. Это — не твой путь.

Дубэ вскочила:

— Почему ты так говоришь? Это неправда! Я учусь, я многому научилась, и... мне это так нравится!

Учитель опечаленно посмотрел на нее:

— Это неправильно, когда ребенок учится подобным вещам, а то, что ты не хотела делать этого, что ты не хотела убивать оленя, — это нормально. Ненормально то, что ты остаешься со мной, идешь за мной.

— Я хочу стать наемным убийцей! Я хочу остаться с тобой!

— Зато я не хочу, чтобы ты оставалась со мной.

Учитель посмотрел на горящие угли. Дубэ смогла ощутить его боль, ее это испугало и тронуло.

— Нужна была еда, я знаю. Я видела, как резали свиней в моей деревне, все было точно так же. Когда-нибудь и мне пришлось бы это делать. Я глупо себя вела.

Учитель продолжал смотреть на огонь отсутствующим взглядом, но Дубэ поняла, что он ее слушает.

— Обещаю тебе, что теперь я буду сильнее, буду делать то, что ты мне говоришь. Тебе никогда не придется стыдиться меня.

Учитель улыбнулся:

— Я вовсе и не стыжусь.

Дубэ приободрилась. Дрожащей рукой она взяла кусок мяса, который ей предложил Учитель. Решительно поднесла ко рту и откусила большой кусок. Несмотря на отвращение, она попыталась проглотить мясо и посмотрела на Учителя. Но ничего не могла прочитать в его взгляде, пронизывавшем ее насквозь.

20 СТАРЫЙ ЖРЕЦ

Все было покрыто снегом, жгучий мороз проникал под одежду и яростно впивался в кожу. Куртка еле-еле согревала Дубэ, не давая ей заоченеть окончательно. Если бы не плащ, она не смогла бы идти дальше.

Они с Тофом весь день шли молча. Правда, Тоф все время пытался приставать к ней с разговорами.

— Сдается мне, ты не слишком-то говорлива? — в очередной раз начал он после обеда.

— Я никогда в жизни много не говорила, — отрезала Дубэ.

— Плохо. У тебя мрачный вид, а это не очень хорошо для девочки, тем более для такой привлекательной, как ты.

— Не ошибись в оценках. Я не девочка.

Тоф всплеснул руками.

Во время обеда они поделили между собой маленький круг сыра и булочку. Дубэ ничего не хотелось, и она съела совсем немного. Тоф проглотил все, обильно запивая еду вином. Насколько Дубэ было известно, Гильдия не приветствовала злоупотребление спиртным, и она сделала ему замечание.

Тоф пожал плечами:

— Первое убийство я совершил, будучи сильно навеселе. Мой учитель столько мне сказал по этому поводу, что я научился умерять себя. Зато когда я убил его, уверяю тебя, я был совершенно трезвым.

Он грубо рассмеялся. Дубэ опустила глаза: это было ей отвратительно. Она слышала, что победители убивают собственных учителей, когда те становятся слишком старыми, но ни Учитель, ни Рекла никогда прямо ей об этом не говорили.

— А ты? — невозмутимо спросил Тоф. — Ты пришла к нам, потому что убила еще ребенком, так ведь? Ты — дитя смерти... Расскажи мне.

— Об этом не особенно хочется рассказывать.

Тоф сделался странно серьезным.

— Что за глупость ты несешь? Ты должна гордиться этим, черт побери! Это делает тебя победительницей. Если бы не это, ты всю жизнь оставалась бы побежденной и сводила бы концы с концами, перебиваясь мелкими кражами.

Дубэ бросила на него ледяной взгляд:

— Ты знаешь Аманту?

— Этого, который впал в немилость? Старого придворного Дохора из Земли Солнца?

Дубэ кивнула:

— Его дом ограбила я, а после него настал и черед Теворна, которого ты наверняка

знаешь. Вот такие у меня «мелкие кражи».

Она небрежно пожала плечами.

— Ну а что там было с убийством в детстве? — снова пристал Тоф.

— Это был несчастный случай. Один мой друг. Мы дрались, и я разбила ему голову.

— Значит, какой-то мальчишка.

Тоф снова засмеялся.

Вскоре они снова пустились в путь и вечером уже увидели деревушку, неподалеку от Нарбета — столицы Земли Ночи. Они нашли там бедную, почти пустую гостиницу. И это было большим благом для них, потому что погода испортилась и началась самая настоящая буря.

Они ужинали, вполголоса разговаривая об ожидавшем их деле и о своей жертве. Дубэ делала это через силу. Она не представляла себе, когда эта проклятая история закончится. Тоф, с заговорщическим видом, наклонился к ней, чтобы его не услышал какой-нибудь враг или другие посетители гостиницы.

— Ты думаешь, кого слушается Нерла, этот бестолковый сын жреца Берлы?

Нерла был в это время регентом Земли Ночи. Настоящий король, Ревар, был казнен тридцать семь лет назад, в конце войны с Дохором. Он был молодым и безвольным, неудивительно, что за ним стоял Дохор. Впрочем, Дохору подчинялись почти все нынешние властители, за исключением правителей Земли Моря и Земли Воды, которые еще были свободны. Правление Дохора оказалось лишь немного менее драматичным, чем правление Тиранно: если последний наделал много шума и без особого труда завоевал одну за другой все Восемь Земель, то Дохор весьма своеобразно принялся защищать мир.

Первым его шагом была женитьба на Судане, царице Земли Солнца. Затем Дохор дождался удобного случая, когда Ревар захватил Землю Дней. За пять лет Дохор вправил мозги Ревару. Земля Ночи стала первым протекторатом Земли Солнца. Потом настал черед Земли Дней, которую Ревар собирался населить фамминами. Самой большой трудностью стала Земля Огня. Идо, его старый учитель, и королева Земли Огня Айрес обвинили Дохора в преследовании фамминов. Это было достаточно обоснованное обвинение. Благодаря коррупции и связям Дохору удалось убедить Совет, что Айрес и Идо затевают заговор против него и всего Всплывшего Мира. Королеву лишили престола, регентство было доверено единственному уступчивому королю, тогда как Идо с позором изгнали из Ордена, а Дохор стал Верховным Главнокомандующим. Так драматически завершилась вся эта история. Времена были тяжелыми, и нужна была твердая рука. А кто был лучше Дохора — героя, Верховного Главнокомандующего, спасшего Совет от хитроумных происков вероломного Идо? После пяти лет войны Земля Огня попала под совместный протекторат Земли Скал и Земли Солнца. Еще пять лет продолжалось сопротивление под предводительством Идо, но все завершилось после того, как в дело вмешался Фора. Говорили, что война закончилась безумной кровавой бойней. Последним актом стала война против Земли Скал, завершившаяся смертью Гахара, долгие годы бывшего верным союзником Дохора. Так, в сорок лет, самый молодой и честлюбивый Всадник Драконе захватил почти весь Всплывший Мир. Правда, он создавал видимость свободы на каждой земле: везде было независимое правительство и собственный регент. Последними трудностями были земли Союза Воды, который объединял бывшие территории Земли Воды и Земли Моря, пока еще полностью свободные.

— Я отлично знаю, что фактически они принадлежат Дохору, — ответила Дубэ.

— А значит, нам, — попыток Тоф.

Дубэ молчала. Ходили слухи, но все считали это только слухами. Конечно, Дохор был не слишком привлекательным правителем, но вот так, открыто, связаться с Гильдией... Даже Учитель скрыл это от нее, хотя во время уроков рассказывал ей об интригах, все эти сорок лет разжигавших междоусобную борьбу, последовавшую за Великой Войной.

— Что ты имеешь в виду?

— Мы оказали немало услуг его величеству, а он смог хорошо за них заплатить.

— Но... каким образом?

Тоф покачал головой:

— А об этом подробно знает только Иешоль.

Вскоре они покинули гостиницу. Погода стояла плохая, вчерашняя буря сменилась коварным влажным снегопадом, от которого намокали плащи.

Дубэ совершенно погрузилась в свои мысли. Дело было намечено на сегодняшний вечер, и ей было страшно. Она действительно никогда не убивала хладнокровно. Конечно, ее этому обучили: она все прекрасно помнила, но никогда не применяла на практике науки Учителя. К тому же она поклялась, и поклялась самым дорогим, что у нее было, что больше не будет. И вот снова должна нарушить клятву. Все таяло, как снег под солнцем, а ее угнетали печаль и тревога.

Около полудня Тоф встряхнул ее.

— Вот мы и дома, Дубэ, в Большой Астерии.

Дубэ посмотрела на него исподлобья. Никто больше не называл так этот город. Тиранно дал ему это имя, но после его падения городу вернули старое название — Нарбет. Под этим именем он и был известен Дубэ.

Она смотрела на старые, выщербленные стены, покрытые выющимися восковыми цветами, которые сейчас были припорошены снегом. Год за годом город все больше ветшал. В стенах становилось все больше выбоин, а сорняки, пробивающиеся между камней, становились все гуще. Да и два стража у ворот, ободранные и заброшенные, имели весьма жалкий вид.

— Вы кто? — спросил один из них, вскидывая копье.

— Два посланца из Земли Солнца, — быстро ответил Тоф и приподнял плащ, чтобы показать документ, который они взяли с собой специально на этот случай.

— Хорошо, хорошо, проходите.

Молчаливый город открылся перед ними. Он всегда был таким — Нарбет. Город с нищими на обочинах дорог, место самой невероятной торговли, где унылые торговцы в жалкой одежде торчали за прилавками своих лавочек, в которых почти ничего не было. Продуктов тут было мало: похоже, для плохо освещаемых солнцем земель требовалось волшебство, к тому же часть урожая приходилось отправлять на фронт или дворянам Земли Солнца, а часть оставлять для прокормления местной знати. Дома богатых жителей расцветали, а бедняцкие лачуги ветшали. Дворцы были окружены чудесными садами, наполнены скульптурами и разноцветными гипсовыми статуэтками. Богатством светился каждый камень. Но лучше и роскошнее всех был великолепный дворец короля — Нерлы, старинный королевский дворец, напоминавший о былых — лучших — временах. Нерла приказал построить новое крыло и прежде всего высокую башню, к огорчению жителей города так напоминавшую башню Рока.

Дубэ рассматривала эти дворцы, всю эту роскошь спокойным понимающим взглядом. Для нее каждый дворец был пощечиной беднякам этой земли. Как-то она поделилась своими мыслями с Учителем, горячо возмущаясь таким порядком вещей.

— Почему люди не протестуют?

— Мир поделен на сильных и слабых. В любом случае мы служим богатым, выполняя самую грязную работу этой системы, и, конечно, не боремся с ней.

Потом Дубэ увидела город бедняков. Он состоял из больших зданий, вероятно когда-то красивых, но теперь сильно обветшавших за долгие годы. Старые дворцы знати и чиновников превратились в приюты для бедных, приходивших из деревень попытать счастья в городе, но почти всегда понапрасну. Совсем рядом — деревянные лачуги недавней постройки, жалкие трактиры и больницы, где лежали люди, страдающие от истощения.

Они с Тофом поели в таверне, ничем не отличавшейся от остальных, а после еды Дубэ

захотела немного побыть одна.

— Зачем? — удивленно спросил Тоф.

— У каждого свои методы. Мне нужно сосредоточиться перед работой.

Тоф пожал плечами:

— Увидимся тут за ужином.

Дубэ искала одно определенное место, где она побывала вместе с Учителем. Это была другая таверна, сейчас совсем уже древняя. Да, она хотела пойти туда. Дубэ отыскиала ее, вошла, походила по разным помещениям, пока не нашла ту комнату, в которой несколько лет назад они останавливались с Учителем. Она села на пол и стала размышлять, как делала всегда. Она думала о тех словах, которые произнес тогда Учитель.

«Я сказал тебе это сразу, помнишь, когда мы встретились. Это не для тебя, Дубэ. Посмотри, что случилось со мной, и найди другую дорогу. Забудь меня и все, чему я тебя обучил, живи иначе. Если не хочешь сделать этого ради себя самой, сделай это для меня и ради моей жертвы».

Она закрыла глаза и снова увидела его: уже немолодого мужчину, с широкими плечами и хорошо натренированным телом.

Дубэ закрыла лицо руками.

«Что я делаю?»

Но выбора не было. Вероятно, все было решено много лет назад, когда на берегу реки она вцепилась руками в волосы Горнара и ударила его голову о камни. Тогда и был предначертан ей путь, и ничего другого делать не оставалось.

— Я вижу, ты не в лучшей форме... — заметил Тоф во время ужина в таверне. — У тебя красные глаза.

Дубэ быстро опустила взгляд.

— Холодно. В любом случае я останусь здесь, одна, в своей комнате, пока мы не встретимся перед храмом.

— Не советую тебе принимать противоядие перед делом. Рекла сказала мне, что лучше выпить его заранее, иначе противоядие не подействует.

— Дашь мне, когда мы все закончим, — решительно ответила Дубэ.

Когда колокол на знаменитой башне дворца пробил в последний раз, Дубэ была готова. Она глубоко вздохнула и попыталась выбросить из головы все мысли, но это было нелегко. Она бросила последний взгляд на свое оружие. Кинжал внезапно сделался не воспоминанием об Учителе, а оружием, которое вскоре придется использовать по назначению.

Она завернулась в плащ и отправилась в путь по улицам Нарбета. Перестал падать снег, и теперь по переулкам свистел ледяной ветер. Девушка шла тихо, мягко ступая по плотному снегу, с холодной решимостью в душе. И, только заведя вырисовывающийся на горизонте храм, она вздрогнула.

Прихожане Земли Ночи были скорее богатыми, но это был храм третьей категории, маленький, полуразрушенный. Дубэ покачала головой.

Тоф ждал ее в переулке.

— Ты точна. Это прекрасно.

Было видно, что он возбужден, но, как хороший профессионал, умело сдерживает себя.

— Ты сделаешь все сама, я только буду следовать за тобой.

Они вошли, тихонько приотворив дверь. Несколько мгновений ветер еще завывал в зале, потом дверь закрылась и снова воцарилась тишина.

Внутри храм полностью соответствовал своему наружному виду. Он состоял из одного прямоугольного помещения с низким потолком, десятью пыльными скамейками и выщербленным, но сверкающим алтарем. Вероятно, Дунаат совершал обряды даже в отсутствие верующих.

За алтарем возвышалась довольно грубо обтесанная деревянная статуя Раксы в образе человека, держащего в руках посох и кошелек. Местами она была покрыта выцветшим

лаком.

Дубэ подумала, что, вероятно, этот Дунат был просто несчастным человеком. И конечно же не из тех, кто заслуживает смерти.

— Давай. Тебе говорили, что времени мало? — тихим голосом проворчал Тоф.

Дубэ сосредоточилась, она была несколько заторможена и медленно двигалась. Она не хотела, не хотела делать этого, вот и все.

В храме царила полутьма, но она на ощупь нашла дверь, наполовину покрытую плесенью и отяжелевшую от влаги. Пришлось аккуратно открыть ее ножом. Дубэ удалось сделать это почти бесшумно. Она осторожно вошла, держа кинжал в руке.

За дверью оказалось маленькое помещение, освещенное одной свечой. На полу комнатухи лежал красный соломенный тюфяк, а в углу стоял небольшой алтарь. Это была миниатюрная статуя Раксы, перед которой стоял на коленях Дунат. Он читал молитву задыхающимся голосом. Он был в белоснежной ночной рубашке. На плечи старика небрежно ниспадали редкие седые волосы.

Страх, безумный страх. Дубэ ясно ощущала его. Этот человек знал, что с ним скоро произойдет, и искал утешения в отчаянной молитве, которую бормотал вполголоса.

«Я не могу, черт возьми, не могу!»

Кинжал задрожал в ее руках и упал.

— Чего ты ждешь? — в ярости зашипел Тоф.

Дунат, должно быть, что-то услышал, потому что он вдруг обернулся. Его глаза были полны ужаса, он дрожащим голосом прокричал «Нет», вскочил и попытался убежать.

— Убей его! — прорычал Тоф.

Откуда-то из глубины сердца голос зверя ответил таким же рычанием, и это придало Дубэ силы. Руки действовали сами, подчиняясь древнему зову, похороненному в ее сердце, извлеченному на свет зверем. Она направилась к Дунату, схватила его голову и мгновенно нанесла удар. Человек сразу затих, а Дубэ все не могла ослабить хватку. Ее глаза усталились на алтарь и статую, залитые кровью старика.

«Я сделала это. Все кончено».

Дубэ чувствовала, что окоченела.

Когда она смогла отпустить старика и поднять глаза, то, что она увидела, заставило ее вздрогнуть. На пороге неподвижно стояла девушка, поднеся руки к лицу, бледная, с открытым ртом, не в силах произнести ни слова. Она была в ночной рубашке. Кто знает, может быть, она вела хозяйство в храме, но Тоф о ней не знал и в своих донесениях ничего не сообщил. Девушка была в возрасте Дубэ и смотрела на нее, как на чудовище.

«Нет...»

Тоф мгновенно вскочил, девушка бросилась бежать. Тоф схватил ее за длинные волосы, растрепавшиеся по плечам, сильно дернул и швырнул на землю. Она закричала.

Дубэ очнулась, хотела встать между Тофом и девушкой, чтобы помешать... Но Тоф оказался проворнее. Он одним движением выхватил кинжал и нанес несчастной удар в горло.

— Адские ночи... ни одной удачной.

Белые, открытые глаза. Невидящие глаза. Обвиняющие глаза. На этот раз Дубэ заглянула в бездну. Ее жизнь была там, на дне.

Она схватила Тофа за горло, прижала его к стене.

— Почему ты ее убил?

Она вышла из себя, обезумев от ярости, и даже не понимала всей глупости вопроса.

— Убери свою поганую руку, или я убью тебя.

Дубэ ослабила хватку. Ей не хватало воздуха. Тоф дал ей звонкую пощечину.

Гнев прошел, теперь Дубэ чувствовала себя опустошенной.

Тоф успокоился, когда приступ ярости прошел, он посмотрел на Дубэ примиряюще.

— Это — тоже кровь для Тенаара, и сделано хорошо.

У Дубэ кружилась голова.

— Не пойму, что с тобой происходит? Ты должна быть довольна... к тому же тебе уже случилось убивать.

«Слишком много раз. Но никогда так, никогда так!»

— Теперь надо исполнять обряды, пошевелись! — сказал Тоф.

Дубэ закрыла глаза. Внезапно ей привиделось все произошедшее, и это было невыносимо.

Тоф подошел к трупку девушки, потом достал стеклянный сосуд с зеленой жидкостью.

— Сейчас я произнесу над ней заклинания, а ты повторишь их над своей жертвой.

Тоф вытащил кинжал и точным жестом вонзил в грудь девушки.

— Теперь собери кровь в сосуд... делай это аккуратно, потом повтори молитву: «Тенаару, отцу победителей, в ожидании дня его пришествия». А сейчас отпей немного.

Он поднес сосуд к губам, с жадностью отпил из него. Дубэ почувствовала тошноту, но одновременно и еще что-то зашевелилось внутри нее. Нечто, знакомое с этим жутким обрядом.

«Зверь».

Тоф протянул ей сосуд:

— Теперь ты.

Он улыбался чудовищной улыбкой.

Дубэ взяла сосуд, приблизилась к трупку старика. Вытащила кинжал.

Она вспоминала слова Учителя: «Прокалывать сердца мертвецов, вынимать внутренности — звериный поступок, противоречащий правилам убийства. Убийца наносит удар, и, когда жертва мертва, все кончено. Наносить удар трупку — значит давать выход своей ярости и своему садизму. Все это противоречит тому, что делает наемный убийца».

Но она не могла устоять. Голос зверя поднимался из глубин.

«Впрочем, теперь я тоже — зверь».

Дубэ повторила то, что сделал Тоф. Она наполнила сосуд кровью жреца.

— Выпей глоток, а потом наполни снова, — сказал Тоф.

Дубэ посмотрела на сосуд.

«Это — пища зверя, тебе должно нравиться, ведь ты сама — зверь».

Она поднесла сосуд к губам, и зверь закричал.

Она заколебалась.

«Я не могу...»

Она еще мгновение колебалась.

Потом, одним рывком, не выпив, протянула сосуд Тофу.

— Пойдем.

Она не стала ждать, пока Тоф ей ответит, завернулась в плащ и вышла. Побежала по храму, кинулась на улицу, где на нее обрушились порывы ледяного ветра. Перед глазами все еще мелькали комната, старик, склонившийся перед алтарем, девушка на полу, и оба они в луже крови. Девушка, чуть старше ее самой, невинная душа. Дубэ не видела больше ничего, ее оглушал вой ветра, она шла вперед. Где-то вдали слышался звавший ее голос, но разъяренная Дубэ почти не обращала на это внимания.

21

СМЕРТЕЛЬНОЕ ЗАДАНИЕ

Дверь Совета Земли Воды была заперта, и Лонерин смотрел на нее, нервно потирая руки. Не в первый раз он присутствовал на заседании Совета. К тому же быть учеником мага из Земли Моря означало, что он — и это подразумевалось — участвует в сопротивлении Дохору. На этот раз все было иначе, на этот раз в воздухе ощущалась напряженность.

— Слушай, а не слишком ли долго они находятся там?

Теана, хрупкая белокурая девушка, сидевшая рядом с ним, была озабочена этим куда больше самого Лонерина.

— Положение более чем драматическое.

— Но мы найдем выход, Лонерин? А если это — конец?

Лонерин сделал раздраженный жест. Он любил Теану.

Хотя в обучении она достигла больших успехов, чем он, часто она чувствовала себя неуверенно, и он успокаивал ее, но сейчас Лонерин просто не мог переносить ее тревоги.

— Сидеть здесь и беспокоиться не имеет никакого смысла, мы можем только ждать, — жестко сказал он.

Теана опечаленно умолкла, и в комнате снова воцарилась тишина. Их здесь было много: все, кто не входил в Совет, но в той или иной степени участвовал в сопротивлении.

Впрочем, повод для беспокойства был. Жизнь одного из лучших шпионов, проникших в круги, близкие к Гильдии, ужасным образом оборвалась, но он успел послать Совету страшный отчет, полный невеселых предсказаний.

Содержание отчета не разглашалось, но, разумеется, речь шла о чем-то очень серьезном, о том последнем ходе, который намеревался сделать Дохор.

Лонерин хорошо помнил этого шпиона. Это был молодой маг, он учился у того же преподавателя, что и Лонерин. Какое-то время они дружили. Его звали Арамон. Он часто помогал Лонерину в вопросах магии, которые не всегда были понятны. Пухленький мальчик с детским лицом, очень проницательный и прежде всего весьма сведущий в искусстве волшебства.

Его нашли в лесу неподалеку с перерезанным горлом.

Лонерин стиснул зубы. Конечно же это была Гильдия. Все знали, что Арамон следил за этой страшной организацией. Лонерин вспомнил, что несколько дней назад учитель Фольвар спрашивал его о Гильдии.

— Ты знаешь о ней больше, чем мы все.

Лонерин был потрясен.

— Это связано с моей матерью, учитель...

— Может быть, она тебе что-то рассказывала...

— Я был слишком мал.

— Я понимаю твою горе, Лонерин. Когда ты пришел ко мне, то сказал, что хочешь забыть о нем, быть чем-то полезным... момент наступил.

Лонерин сжал кулаки так, что ногти на руках побелели. Не без злости он понял, что воспоминание о матери до сих пор вызывало у него гнев.

— Смотри!

Голос Теаны прервал его размышления и заставил посмотреть на дверь зала Совета. Она медленно открывалась.

В освещенном зале он увидел царей и магов, сидящих вокруг большого каменного стола, своего учителя — сгорбленного, со страдальческим выражением лица.

Ординарец, открывший дверь, обратился к сидевшим в помещении: «Вы можете войти».

Присутствующие пытались вести себя сдержанно, но не могли не кинуться в зал заседаний.

Лонерин подошел к своему учителю Фольвару и наклонился к нему.

— Я вижу, вы плохо себя чувствуете.

Старик производил впечатление очень хрупкого человека. Его руки были костлявы, а кожа настолько прозрачна, что просвечивали жилы. На плечи падали редкие седые волосы. Он почти лежал в кресле, стоящем на деревянных колесах.

С большим усилием он повернулся к ученику, посмотрел на него своими голубыми глазами и нежно улыбнулся.

— Я немного устал, Лонерин, вот и все. Было тяжело, — произнес Фольвар.

Юноша положил руку ему на плечо, а старик сжал эту руку своей. Неожиданно Лонерин ощутил спокойствие. Сейчас он узнает правду.

Пока все занимали места в огромном круглом зале, Лонерин огляделся. Он быстро

нашел человека, которого искал, того, кто вызывал у него восхищение: Идо. Он сидел в углу, в обычной военной форме, которую надевал всегда, даже в мирной жизни: в старой выцветшей кирасе, с мечом на боку, в простом плаще с капюшоном, почти закрывающим лицо, правда, не настолько, чтобы скрыть прозрачную белизну шрама, рассекавшего добрую половину лица слева. Лонерин долго смотрел на него. Это был герой былых времен, «старый воин, не способный идти в ногу со временем», как он частенько говорил сам о себе, легендарная личность, родом из тех историй, которые Лонерин так любил слушать. Хотя ему и было больше ста лет — возраст солидный даже для гнома, — он вовсе не казался стариком. Если бы не множество морщинок, избороздивших его лицо, и не длинные седые волосы, то можно было бы сказать, что он в полном расцвете сил: физически крепкий, с пронизывающим собеседника взглядом. Он был учителем Ниал более сорока лет назад и одним из лучших воинов Тиранно, на стороне которого сражался в еще более давние времена, пока не встал на сторону свободных Земель. Он долго был Верховным Главнокомандующим — после Великой Войны, до того как Дохор занялся завоеванием Всплывшего Мира.

Наблюдения Лонерина были прерваны речью Дафне, нынешней повелительницы Пограничной Области Лесов и племянницы той самой Астреи, что начала Великую Войну. Лонерин какое-то время медлил, думая, что если что-то хорошее и могло получиться из очередной войны, так только новое объединение Земли Воды, разделенной сейчас на Пограничную Область Болот, где обитали люди, и Пограничную Область Лесов, где жили нимфы.

Нимфа подняла руку, чтобы добиться тишины.

Она была бледна и прозрачна, как чистая вода, хрупка, как воздух, однако красива неземной ошеломляющей красотой. Ее бледность дополнялась водяной прозрачностью волос, обрамлявших ее голову.

— Совет постановил, — голосом, напоминающим звуки флейты, произнесла она традиционную формулировку, — и выносит свое решение по поводу руководства Союза Воды. — Она сделала краткую паузу и снова заговорила: — Как вы уже знаете, наш брат Арамон погиб. Перед тем как его схватила Гильдия, он послал последний отчет о том, что он обнаружил на территории Земли Ночи. Его слова были написаны в спешке и не совсем ясны. Но он дал понять, что действительно существует союз между Гильдией и Дохором, о чем мы уже подозревали.

По залу пробежал шепот, в котором слышались изумление и озабоченность.

— Само по себе это уже тревожно, учитывая, что власть Гильдии теперь распространилась на большую часть Всплывшего Мира. Кроме того, Арамон сообщил, что узнал о грандиозном обряде, готовящемся в секте. Об этом ему сообщил знакомый ему убийца. Из последнего отчета Арамона стало известно, что убийца говорил о «конце времен» и о «приходе Тенаара»...

Почти все присутствующие были охвачены волнением. Лонерин отметил, что Идо не поддавался общему беспокойству. Он сидел на своем месте и единственным своим глазом пристально смотрел на Дафне.

— Мы знаем о путешествиях Дохора по Земле Ночи, но это может и ничего не значить. Одновременно мы получили сведения о странных волнениях на Большой Земле и о том, что доверенные люди Дохора ищут книги на рынках и в библиотеках. Они что-то готовят, а неожиданная гибель Арамона заставляет ожидать худшего.

Тяжелое молчание воцарилось в зале.

— Учитывая такие тревожные сигналы, Совет решил, что надо все внимательно расследовать. По указанию генерала Идо наша разведка в ближайшее время должна будет проникнуть в Гильдию.

Теперь Идо зашевелился и подал знак Дафне, которая тут же села. Тогда встал Идо. Его хриплый голос зазвучал в зале.

— Поскольку предложение исходило от меня, то и говорить буду я. Наша настоящая

проблема — это Гильдия.

— Но никто из нас не знает, где она находится, — слышался чей-то голос.

— Однако мы знаем ее лицо, обращенное к людям: это храм, затерянный в Земле Ночи, — быстро ответил Идо. — Из этого мы и должны исходить. И вести разведку там.

— Мы уже делали это, и ничего не добились, — заметил тот же голос.

— Скажем правду: мы недооценили Гильдию, — продолжил Идо. — Мы отсюда смотрели за их делами, а они разрастались, как проклятая раковая опухоль. Однако теперь настало время быть внимательнее.

— Так что же ты предлагаешь?

— Мой план состоит из двух частей: поиск базы Гильдии и способа проникнуть туда, внедриться в самый центр.

— При всем уважении к вам, генерал, — произнес из глубины зала один из командиров, — я полагаю, что проникнуть внутрь Гильдии совсем невозможно. Это закрытая секта, они не принимают пришлых.

— Там есть просители, — вмешался Лонерин.

Он заговорил неожиданно и почувствовал, как забилося сердце, когда Идо обратил на него свой взгляд.

— И что же? — спросил генерал.

Лонерин сделал паузу, почувствовав твердую руку учителя.

— Об этом знают немногие, в основном это люди из Земли Ночи да еще некоторые отчаявшиеся. Когда кто-то хочет о чем-нибудь просить у богов, а это со всеми случается, то человек обращается к Черному Богу, к Тенаару, насколько мне известно. Да вот только многие, ушедшие туда, никогда не возвращаются...

Тишина стала еще более напряженной.

— Так что же? Мы рискуем получить еще одного убитого шпиона? К тому же что мы узнаем, если Гильдия возьмет его к себе? — спросил все тот же командир, споривший с Идо.

— Генерал сказал, что храм — это лицо Гильдии, правильно? Так вот, я знаю, что это так и есть.

— Довольно интересно... — сказал Идо, и Лонерин почувствовал, что ему это польстило.

— Так что же ты предлагаешь... как зовут тебя? — спросил Идо.

— Лонерин, ученик Фольвара.

— Хорошо, Лонерин, что ты предлагаешь?

— Пусть человек отправится в качестве просителя в храм Черного Бога. Просители — это часть ритуала Гильдии, такие ходят слухи в моих землях. Они возьмут человека и отведут его в свое логово.

— Допустим, что Гильдия забирает просителей, — произнес Астей, советник из Земли Моря. — Но кто сказал, что их уводят в логово секты? И даже если это и так, то где гарантия, что их не убивают? А это уже самоубийство.

— Я знаю, что все не так. — Лонерин почувствовал, как холодный пот струится по его лбу.

— А как? Расскажи, пожалуйста.

— Я... я знал одного просителя, я видел его... труп... через... некоторое время, после того... как он вошел.

Лонерин замолчал, и все присутствовавшие тоже.

— Я незнаком с их обрядами и не хочу их знать. Но просители остаются живыми... по крайней мере в течение некоторого времени. Однако все они приблизительно через год после прихода в храм исчезают. В наших краях... иногда... мы находим их тела. — Он пытался не думать о том теле, которое видел, так как этот образ до сих пор вызывал у него скрытый ужас.

И тогда снова взял слово Идо:

— Это тоже будет самоубийством, но мы пребываем в отчаянии. Если такая миссия

будет добровольной, то я не вижу в этом ничего плохого. За последние годы я прошел столько полей сражений, что видел много более страшного. Все-таки стоит рискнуть.

Лонерин молчал. Он не хотел сейчас произнести неверное слово. Он помнил о своем горе... вот почему он решил заниматься магией... вот и подходящий случай.

Идо снова заговорил:

— Я мог бы пойти и сам, но мое лицо слишком хорошо известно, и Дохор отдал бы свою руку или ногу, чтобы разорвать меня собственными руками на куски. Тут я не пригожусь. Нужен тот, кого в Гильдии совсем не знают, новый человек и для Дохора, и для его приспешников. Доброволец.

Никто не шевельнулся, и Идо окинул зал взглядом.

— Это — нелегкое решение, я отлично это понимаю, для этого нужно время. В течение нынешней недели каждый, кто захочет возложить на себя тяжкий груз этой миссии, может прийти и сообщить кому-нибудь из членов Совета. Заседание закрыто.

Самым трудным было постучать в дверь. Лонерин много раз видел Идо, на всех Советах, на которых он присутствовал, но у него никогда не хватало смелости ни приблизиться к Идо, ни заговорить с ним. Сейчас он чувствовал, как у него дрожали ноги. Он замешкался на мгновение, а потом постучал.

— Думаю, ты ищешь меня.

Лонерин вздрогнул и тут же обернулся. За его спиной стоял Идо.

— Я...

— А я гулял. Я столько времени за свою жизнь провел под землей, что в этом проклятом дворце не могу дышать.

Он прошел вперед и отворил перед Лонерином дверь.

— Заходи. Я ждал, что придешь именно ты.

Комната была довольно чистой. Идо устроился за столом и жестом предложил Лонерину сесть.

— Ты пришел, чтобы предложить себя в качестве разведчика?

Лонерин кивнул:

— Я знаю Гильдию лучше, чем кто-нибудь другой.

Идо насторожился, положил локти на стол и подался вперед.

— Я чувствовал это. Расскажи мне все.

— Я знал одного просителя. Знаю, как это происходит. И я знаю храм. Хорошо. Я много раз там был.

— Зачем?

Лонерин смутился:

— Из-за просителя, которого я знал... Вот... он приводил меня с собой, пока его не забрали.

— Значит, просители умирают?

— Да.

— Как ты узнал об этом?

Лонерин какое-то время молчал, потом заговорил:

— Там есть общая могила... неподалеку от храма... там... тела... через какое-то время... это бывает по-разному...

Идо прислонился к спинке стула.

— Почему ты хочешь пойти туда?

— Чтобы быть полезным! Я до сих пор мало что сделал, а...

— Кто был тот проситель, которого ты знал? — неожиданно спросил Идо.

Лонерин вздрогнул.

— Моя мать, — прошептал он.

Идо встал и подошел к камину.

— Ты не кажешься мне самым подходящим для этого задания.

Лонерин обратился к Идо:

— Почему?

— Потому, что твоя мать умерла из-за Гильдии.

— Это не имеет никакого значения!

— Думаешь? А мне так не кажется. Тут не нужны ни жертва, ни мститель.

— Нет, я не...

Идо посмотрел на него с улыбкой:

— Послушай... Лонерин, ты молод, ты полон безумных мыслей о героизме, тем более что они связаны с этим несчастьем с твоей матерью. Но умирать не стоит.

Лонерин опустил голову.

— Да, все это связано с моей матерью, иначе и быть не может, но все совсем не так, как вы думаете. Действительно, во мне живет желание мести, но я пытаюсь его побороть, и так всегда, с тех пор, как это случилось. Я на самом деле выбрал путь мага, пошел на службу к учителю Фольвару и в Совет. Но теперь я думаю, что могу сделать больше, и то, что было страшным событием моей жизни, перерастет в нечто полезное. Я видел свою мать в том храме, я видел людей, уводивших ее оттуда, видел, как все происходило, и повторю это. Может быть, на это способны и другие, если я им объясню, но почему бы не использовать именно меня? Кто может действовать лучше человека, все видевшего своими глазами?

Идо снова улыбнулся:

— Ты напоминаешь мне былые прекрасные времена... Прошлое... людей, которых я любил...

Лонерин решил не отступать:

— Дайте мне возможность...

Идо вздохнул:

— Завтра пойдем в Совет. Не думаю, что там будут возражать, но попытайся быть таким же убедительным, как был со мной. — И Идо подмигнул.

Лонерин пришел. Он повторил перед Советом то, что сказал Идо, его учитель смотрел на него загадочным взглядом.

Когда Лонерин сел, Дафне некоторое время разглядывала его.

— Фольвар, что ты об этом думаешь? — спросила она, наконец.

Слабый голос старика звучал до странности твердо.

— Он уже стал магом, и у него хорошие магические способности. Кроме того, он много работает на Союз Воды, помогает мне и выполняет разные задания. Он вступал в контакт с Гильдией, а это многого стоит, к тому же он вполне решительный молодой человек. Я ничего не имею против этого выбора и испытываю к нему большое доверие.

Лонерин улыбнулся, а учитель печально сел на свое место.

— А ты, Идо?

Идо погладил бороду рукой.

— Думаю, что он сможет, учитывая его знакомство с Гильдией и те причины, которые им движут, а я нахожу их весьма возвышенными. Остается только надеяться, что его затея удастся и он вернется к нам живым.

— Хорошо, Лонерин, — медленно заговорила Дафне, — иди и дай Совету время освободить тебя от твоих обязанностей.

Лонерин вышел, закрыв за собой дверь. Перед ним стояла целая толпа, а в первых рядах — Теана.

— Это правда?

Она была взволнована, руки сложены на груди, в глазах стояли слезы.

Лонерин не знал, что и сказать. Они многое пережили вместе за годы обучения, и, может быть, Теана считала, что их связывает нечто большее, чем просто дружба. Но он ничего ей не сказал, только ласково обнял ее за плечи и отвел в сторону.

— Да, — прошептал он.

Теана заплакала:

— Как ты мог... и почему ты мне ничего не сказал? Почему?

Лонерин почувствовал комок в горле.

— Я...

— Ты подумал, что можешь не вернуться? Ты хоть задумался об этом? О том, что ты ненавидишь это место? Ты все хорошо обдумал?

— Ненависть тут ни при чем...

— А обо мне ты подумал? Ах, Лонерин...

Она, всхлипывая, прильнула к его груди. Лонерин никогда не видел ее плачущей. Она тихо рыдала, уткнувшись в его тунику.

«Это — боль, эту боль испытывал и я много лет».

Он нежно погладил ее по голове, поцеловал ее волосы, но она, казалось, не могла успокоиться.

— Я не хочу умирать, — прошептал Лонерин. — Не думай, что я хочу принести себя в жертву. Если я это делаю, то только потому, что верю в себя и в свои способности.

Дверь внезапно открылась, и те краткие мгновения, когда молодые люди могли побыть одни, истекли.

Дафне сделала ему знак войти.

— Лонерин... — жалобно позвала Теана.

Он поцеловал ее руки.

— Я вернусь. — И он пошел услышать решение Совета.

На следующий день Лонерин отправился в путь из Лаодамеи, столицы Земли Воды.

— Мы будем ожидать твоих магических посланий. Советую отсылать их чаще. Но прежде всего, Лонерин, будь стойким. Я все взвесил и думаю, что ты можешь вернуться живым, но тебе нельзя сдаваться, ты понимаешь меня?

Лонерин смущенно посмотрел на Фольвара.

— Я не буду, учитель, не буду. Вы указали мне путь.

В узелке за плечами было немного еды в дорогу, одежда. Все это придется оставить в окрестностях храма, чтобы лучше сыграть свою роль. Только маленький мешочек, пришитый к одежде изнутри, в нем — камни для магических сообщений и еще кое-что. Прядь волос.

— Возьми, — сказала плачущая Теана. Она остригла свои белокурые волосы. — Я дала обет.

Лонерин чувствовал себя растерянным. Он не был готов к такой сцене.

— Я...

— Возьми, и я буду больше уверена в твоём возвращении.

Лонерин крепко сжал прядь волос в ладони. Слишком много поставлено на карту — он не отдастся во власть желания отомстить.

— Я вернусь, — решительно сказал он.

«Вернусь, и, может быть, у нас все будет хорошо».

Она бросилась к нему на грудь, обливая его тунику слезами.

Лонерин прижал ее к себе.

Она поцеловала его в губы — это был целомудренный поцелуй. И отпустила его в полном смятении.

Он вспоминал об этом, когда ехал на лошади, начиная долгий путь к храму Черного Бога.

«Я вернусь, чего бы это ни стоило».

Дубэ и Учитель расположились неподалеку от Черных гор. Столица Земли Скал — Репта — была совсем рядом.

Учитель, по всей видимости, уже был в этих местах, потому что хорошо знал дорогу, и они сразу же нашли, где остановиться в пригороде Репты.

Их новый дом был выдолблен в скале, высоко в горах. Похоже, дом давно бросили, стены выпцвели, покрылись плесенью.

Дубэ внимательно все осмотрела. Этот дом не имел ничего общего с домами Сельвы.

— Я надеюсь, что ты наведешь тут порядок, — холодно сказал Учитель. — Ты женщина, и это твоя работа.

— Не беспокойся, доверься мне, — сказала Дубэ, хотя в глубине души проклинала себя, что не помогала матери и не научилась вести домашнее хозяйство. Но деваться некуда — надо было браться за дело.

Первое время было тяжело. Дубэ уставала от нового ритма жизни.

Закончив домашнюю уборку, она упражнялась до самой ночи. Учитель принялся за тренировки всерьез, был неумолим и строг и конечно же не давал себя разжалобить.

— Это не игра, ты должна стараться, — выговаривал он Дубэ.

Спали они мало, просыпаться утром было трагедией. Дубэ старалась сразу привести себя в чувство, умываясь холодной водой, как когда-то в Сельве. Но здесь климат был более суровым. В Земле Скал лето было коротким, и наступающий после нескольких сильных ливней пронизывающий холод предвещал приход осени. Очень скоро Дубэ простудилась и заболела.

Учитель самоотверженно, но без нежностей ухаживал за ней. Он ограничивался тем, что пунктуально выполнял все необходимое для выздоровления Дубэ, и не больше.

— Ты никогда не была в горах? — спросил он, готовя припарки из трав.

Дубэ покачала головой, и на лице Учителя мелькнула тень улыбки.

— Здесь все не так, как в твоей деревушке, высоко в горах зима приходит быстро. Ты должна закаляться, научиться укрываться от холода и не простужаться. Во всяком случае, ты должна привыкнуть.

Как только Дубэ смогла встать на ноги, Учитель возобновил обучение, и через некоторое время они отправились в Репту, в самый центр этой страны. Это было, по его мнению, наилучшее место, чтобы найти работу.

Уже год, как Дохор утратил доверие к Гахару, королю Земли Скал, и решил окончательно завладеть его королевством. В результате столица стала местом, где плелись интриги и велись темные игры, убийцам жилось здесь привольно.

Город находился не слишком далеко от их дома: полдня было достаточно, чтобы добраться туда. Он лежал в узкой долине, над которой резко уходил вверх горный перевал. Дубэ сразу обратила внимание на то, что почти все дома были выкрашены в ярко-розовый цвет, но на стенах некоторых зданий можно было увидеть прожилки из черного кристалла, который только тут — в единственной Земле Всплывшего Мира — встречался среди скал. Неподалеку от города был рудник, процветавший в годы правления Тиранно и до сих пор действующий. Когда задувал ветер, с земли поднималась черная пыль, засыпавшая все дороги города и проникавшая под одежду. В такие дни все закрывались в домах, спасаясь от вездесущей пыли. Город мрачнел и задыхался.

Дубэ понадобилось некоторое время, чтобы привыкнуть к снующим повсюду гномам. Увидев их в первый раз, она так испугалась, что вцепилась в плащ Учителя. А он грубо оттолкнул ее.

— Не веди себя, как маленькая девочка. Старайся преодолевать свои страхи.

В Репте жили и люди, но на дорогах встречались в основном эти низенькие и кривоногие человечки, покрытые волосами, с густыми бородами. Впрочем, женщины-гномы были не столь страшны. Дубэ еще не видела их, но она слышала, что они неплохо сложены, в отличие от мужчин, и не так убого выглядят, более того, некоторые из них очень красивы.

С первого взгляда Репта показалась Дубэ огромной и странной. Прежде она не видела

ничего, кроме лесов и деревень, и город она восприняла как бесконечный лес, в котором дома заменили деревья. Домов было так много, что они казались нагроможденными один на другой, а все дороги заканчивались узкими кривыми переулками.

Дубэ одновременно привлекало и путало все это. Она как будто чувствовала ветер заговоров и интриг, который гулял по переулкам, по дороге к дворцу. Репта была городом спокойным и трудолюбивым только на первый взгляд. А то, что Учитель запретил ей подходить к дворцу, означало, что для того была веская причина.

— Во дворце вершит свои дела Гильдия. Мы должны держаться подальше от него и довольствоваться мелкой работой.

Однажды Дубэ спросила у него о причинах такой таинственности, и Учитель рассказал ей о Гильдии, правда с большой неохотой. Дубэ заметила, что он говорил о ней не без страха, и это ее поразило. Гильдия являла собой сложную систему интриг и ритуалов, рассказ Учителя разбудил пылкое воображение Дубэ, особенно когда она узнала, что Гильдия располагается под землей.

— Я обучался там, — сказал в заключение Учитель почти небрежно.

Дубэ какое-то время со страхом смотрела на него.

— А как ты оттуда ушел?

— Это тебя не касается, — отрезал он. Несколько минут он молчал, потом снова заговорил: — Гильдия — это то, о чем лучше поменьше говорить и о чем я, разумеется, вспоминаю без всякого удовольствия. Там, под землей, затаились не люди, а звери. Если я и рассказал тебе об этом, то только затем, чтобы ты опасалась их. Жить вне Гильдии не так легко: лучшие заказы достаются им. Нужно находить лазейки. Поэтому нас — самостоятельно работающих наемных убийц — мало. Но самое главное, что мы не должны вмешиваться в их дела и не должны вставать на их пути. Вмешаться значит умереть, и это будет самая худшая смерть.

После первых путешествий в Репту началась настоящая работа, и для Дубэ все изменилось.

— Пока я обучаю тебя, ты будешь мне помогать, — сказал однажды вечером Учитель, и Дубэ почувствовала, как она переполняется гордостью.

— Ты будешь следовать за мной во время работы, будешь готовить мне оружие, а когда ты станешь более ловкой, будешь сопровождать меня. Ты станешь моей тенью.

С наступлением зимы началось обучение Дубэ владению оружием. Теперь уроки были в основном теоретические, и Дубэ находила их почти скучными: как сделан кинжал, как им защищаться, то же самое о луке, стрелах, духовом ружье и лассо. Ее же интересовали только яды. Большинство растений, о которых Учитель рассказывал на уроках, Дубэ не только знала, но и представляла, как их использовать.

Она была увлечена ботаникой и развлекалась составлением и смешиванием компонентов.

— Яд — это все же оружие начинающих, но если тебе это так нравится...

Дубэ покраснела.

— Это интересно...

— Тогда изучай сколько хочешь, хуже тебе от этого не будет.

Учитель даже подарил ей книгу, найденную в Репте, и девочка с жадностью читала ее по вечерам, при свете свечи.

После уроков об оружии Учитель начал показывать, как за ним ухаживать. И с тех пор Дубэ всегда начищала кинжалы, натягивала тетиву лука и даже подготавливала стрелы.

Она как губка впитывала все, что рассказывал ей Учитель. Она поняла важность спокойствия, хладнокровия, и постепенно тот узел, в который завязывались ее внутренности от страха, стал ослабевать. Время бесконечных странствий, страха, заброшенности, судя по всему, завершилось. Теперь у нее был дом, а вскоре появится и работа.

В разгар зимы Учитель в первый раз взял ее с собой на настоящее убийство.

Дубэ ужаснулась, когда это произошло. Она снова вспомнила белые глаза Горнара и обнаружила, что безумно боится. Но в глубине души она была и возбуждена. Она хотела показать Учителю, что выучила все его уроки, что желание идти с ним не было капризом. В каком-то смысле она хотела отблагодарить его за то странное и молчаливое внимание, которое он ей оказывал.

— Не делай такое лицо, — сказал Учитель, словно прочитал ее мысли. — Ты не должна никого убивать. Речь идет об охоте. Запомни, что человек и животное очень похожи, когда борются за выживание.

Так Дубэ начала привыкать к крови. Стояла середина зимы, на горах лежало снежное покрывало, а воздух был ледяным.

Сначала они выходили вместе, почти всегда на закате или ночью. Часто все сводилось к поиску следов или к установке бесконечных капканов на земле.

— Учитель, здесь слишком мало зверей...

— Если бы это было легко, то даже ты смогла бы все сделать. Это — обучение, Дубэ. Естественно, что поиск труден и утомителен.

Первой добычей Дубэ стал заяц. Девочка постепенно начала привыкать к луку. Она не слишком хорошо целилась, несмотря на то, что Учитель долгими часами тренировал ее, она стреляла по мишени за домом. Лук был тяжелым, и ей не удавалось крепко держать его.

— Тебе надо развивать мускулатуру, — сказал Учитель.

Дубэ стала смазывать стрелы ядом, чтобы сделать свои выстрелы смертельными и компенсировать неумение попадать точно в цель.

— Я разрешаю тебе это делать только потому, что ты — новичок. Понятно? Яд — искусство начинающих и трусов. Это способ, к которому прибегают только тогда, когда другими способами ничего сделать не удалось или их нельзя использовать.

Дубэ потратила некоторое время, чтобы прицелиться. Она путалась со стрелами, и ей пришлось сделать две попытки, чтобы наложить стрелу на тетиву. Заяц услышал и насторожился.

— Шевелись, или он убежит, — прошептал Учитель.

Дубэ напряглась, но ее рука дрожала, цель была маленькой, и в конце концов она не попала. Она только слегка задела зайца.

— Не переживай, достаточно даже царапины, — сказал ей Учитель.

Он пошел туда, где был заяц, Дубэ последовала за ним. Зверек лежал там. Стрела только задела его, шерстинки на левой лапке слегка порозовели, но было видно, что он мучается.

Впервые Дубэ увидела действие приготовленных ею ядов, и картина агонии этого животного навсегда осталась у нее в памяти.

Учитель, видимо, догадался о чувствах Дубэ и горько улыбнулся.

— Если ты научишься целиться, то не надо будет использовать яд, а животное умрет сразу.

Заяц был только первой добычей из многих последующих. Первый страх постепенно притупился и уступил место удовольствию от подстерегания и охоты, ужас перед кровью сменила привычка.

К концу зимы Учитель взял ее с собой на встречу с заказчиками.

— Ты моя помощница во всем, понятно? Теперь ты пойдешь со мной. Ремесло убийцы — не только в умении убивать, но и в том, чтобы научиться искать работу и вести переговоры с заказчиком.

Примерно раз в неделю Дубэ надевала свой плащ и направлялась в Репту вместе с Учителем. Заказчики приходили почти всегда из города, и, как правило, речь шла о человеке, тем или иным образом связанном с Дохором и его окружением.

Дубэ видела людей отчаявшихся или честолюбивых, испуганных или переполненных ненавистью. Она поняла, какими счастливыми и благополучными были ее детские годы в безопасной Сельве. Теперь же ей пришлось соприкоснуться с темными сторонами

Всплывшего Мира, с жизнью, которая показалась ей суетной, коварной и ненадежной. Многие из того, в чем она была уверена, поколебалось, добро и зло смешались, казалось, что все вращается в головокружительном водовороте.

Единственной оставшейся точкой опоры был Учитель.

— Наша работа не имеет ничего общего с нравственностью, Дубэ. Тут, безусловно, есть свои правила, но они не связаны с добром или злом. Только обычное, простое выживание, кинжал и человек, которого следует убить. Или это, или нищета и наша смерть...

Дубэ слушала и запоминала.

— Ты должна предстать перед заказчиком уверенной, решительной. Никогда не показывай своего лица. Наемный убийца — человек, которого не существует, никто не должен знать его лица, даже тот человек, которого ты должна убить. С заказчиком не следует колебаться и соглашаться на цену ниже той, которую ты установила. Цена такова, и уступать нельзя. Твоя личность должна внушать страх, ты понимаешь меня? Только тогда заказчик будет уверен в тебе.

Учитель обучал ее не только ремеслу, он учил ее жить.

Однако иногда Дубэ с трудом узнавала саму себя. Ей казалось, что она умерла, а потом воскресла и прожила две разные жизни. Единственной тоненькой ниточкой, соединяющей Дубэ с прошлым, был Горнар, которого убила девочка, ставшая потом убийцей.

Но настоящее перерождение Дубэ состоялось, когда Учитель в первый раз взял ее с собой на работу.

Однажды он неожиданно сообщил ей об этом:

— Завтра ты будешь сопровождать меня на работу. Теперь ты начнешь помогать мне.

Дубэ застыла с ложкой в руке. Ее сердце будто остановилось.

— Ну? Что с тобой?

Она попыталась казаться сдержанной.

— Ничего, Учитель. Все хорошо. Завтра.

Но она почувствовала, как сердце рвется из груди. Настал момент, когда она, наконец, увидит, как происходит работа, и Учитель действительно возьмет ее в помощники. Она испытывала одновременно страх и гордость.

Всю ночь Дубэ ни о чем больше не думала — только о том, что она должна будет делать, какую роль должна будет сыграть.

День она провела в напряженной работе, яростно начищала оружие, натягивала лук, подготавливала яды.

Обед, казалось, никогда не наступит. Когда же наконец пришло время, Дубэ не могла есть: она была взволнована.

— Ешь. Перед работой всегда нужно хорошо поесть, — сказал ей Учитель, наблюдая за ней.

Дубэ взяла ложку и съела немного похлебки. Потом набралась смелости и спросила:

— Что мы будем делать сегодня?

Учитель саркастически улыбнулся:

— Тебе так хочется убивать?

— Нет... просто... — Дубэ покраснела.

— Пойдешь со мной, будешь охранять меня. Мне кажется, ты уже достаточно подготовлена и преуспела в упражнениях на подвижность. Теперь ты увидишь, как происходит серьезная работа.

Дубэ кивнула. Она поняла, что возбуждена, пожалуй, даже чересчур, и не слишком уверенно спросила:

— А как все будет происходить?

— Это — засада. Речь идет о кортеже, о двух людях, они едут на юг. Их дорога будет пролегать через лес, и там-то мы и начнем действовать. Там есть глухой отрезок дороги, что

и сыграет нам на руку. Мы спрячемся под деревьями, я буду стрелять из лука, ты — просто наблюдать. Нужный человек проедет около полудня, так что нам пора.

Оставалось только проверить стрелы. Их подготовила Дубэ, но Учитель еще раз проверил. Он повертел их в руках, Дубэ ждала ответа. Наконец он вложил стрелы в колчан.

— Ты хорошо поработала, молодец.

Дубэ преисполнилась гордостью и почти забыла о страхе. Когда все было готово и разложено на столе, Учитель присел на землю и сказал Дубэ, чтобы она последовала его примеру.

— Следует сосредоточиться. Нужно освободить свой рассудок от всего: и прежде всего от жалости и страха. Все мысли должны исчезнуть, остается только решимость убийцы. Главное — превратить себя в оружие. Стать луком и стрелой и ни о чем больше не думать. Тот, которого нужно убить, не человек, ты поняла меня? Он — ничто. Ты должна смотреть на него как на животное, больше того, как на кусок дерева, на камень. Не думай о нем, о его близких, о чем-нибудь еще. Он уже мертв.

Дубэ попыталась. Она знала это упражнение, уже много раз делала это. Она видела сидящего Учителя и пыталась ему подражать, но ее захлестывали эмоции.

Наконец Учитель открыл глаза, посмотрел на нее. Он был спокоен. Даже улыбнулся ей.

— Это ничего, если в первый раз тебе не удалось. — Он сделался серьезным. — Но только в первый раз.

И она кивнула.

Они расположились под деревом. Учитель сидел рядом молча. Он еле слышно дышал, почти не шевелился.

Из колчана он достал три стрелы. Это — предосторожность. Дубэ знала об этом. На самом деле он может выстрелить только один раз. Если ошибется, то сможет выстрелить второй раз. Две стрелы он воткнул в дерево над собой, одну взял в руку. Сначала проверил натяжение тетивы. Она была хорошо натянута. Дубэ почувствовала гордость за свою работу.

Теперь они ждали. Она тоже дышала тихо, но ее сердце бешено колотилось. Может быть, Учитель даже слышал его.

Потом он неожиданно взял ее за руку и положил себе на грудь. Дубэ на какое-то мгновение покраснела.

— Ты слышишь? — спросил он, как будто ничего не произошло. — Ты слышишь, как бьется мое сердце?

— Да, Учитель.

— Оно бьется спокойно. Когда убиваешь, ты не должна испытывать никаких чувств. Это — работа. И все.

— Да, Учитель.

Но Дубэ все еще не могла сосредоточиться. Она была взволнована прикосновением Учителя. С момента их знакомства так бывало нечасто, он скорее избегал этого. Когда он отпустил руку Дубэ, она сразу же отдернула ее в смущении. Она думала о ровном биении этого сердца и сравнивала с безумным биением своего, которое она не могла сдержать.

— Сосредоточься, — прошептал ей Учитель. — Просто вслушивайся в лес, в его шорохи. Слушай.

Дубэ сосредоточилась. Наконец ей удалось. Биение сердца замедлилось, звуки вокруг стали четко различимы.

И тут она услышала вдали цокот лошадиных копыт. Она различала шаги, слышала голоса о чем-то рассеянно беседовавших людей. Поймала себя на мысли, что думает о них. Эти люди ни о чем не догадывались. Последние мгновения человеческой жизни, а они растрачиваются в бесполезной беседе. Смех, может быть последний...

Дубэ нахмурила лоб, посмотрела на Учителя. Его решимость не омрачалась подобными

мыслями. Его рука была твердой, а выражение лица сосредоточенным. Он ловко наложил стрелу и натянул тетиву.

Звуки усиливались, нарушая осеннее спокойствие леса.

— Вот если бы это продлилось дольше...

— Мой господин, вы можете вернуться, когда захотите.

— Дела на войне идут плохо, Балак, я даже не думаю, что смогу позволить себе эту роскошь в будущем.

— Ну, хотя бы на свадьбу вашей сестры.

«Мечты о будущем. Мечты, которые никогда не осуществляются», — подумала Дубэ.

Голоса продолжали звучать вдали, но для Дубэ они ослабевали, ее уши не слышали.

Сквозь листья был виден человек. Дубэ с трудом смогла различить его лицо. Теперь казалось, что время тянется бесконечно, одно мгновение будто бы вмещало в себя целую вечность. Казалось, что человек двигается замедленно, Дубэ удалось разглядеть все, что случилось. Пальцы правой руки Учителя внезапно шевельнулись.

Чары рассеялись от звука тетивы, вернувшейся в прежнее положение. Сухой щелчок лука слился с криком боли, с хрипом знающего о своей смерти человека.

Испуганная Дубэ увидела, как человек понапрасну подносит руку к горлу, как сквозь его пальцы течет кровь — алая, вязкая. Он повалился на бок, медленно упал, и Дубэ не могла оторвать взгляда от этой сцены. Она следила за линией его падения, присутствовала при его краткой агонии.

— Проклятье! — закричал один из двух солдат эскорта, потом послышался пронзительный звон вынутой из ножен шпаги.

На ее плечо легла рука.

— Мы должны бежать, шевелись.

Учитель. Они одним прыжком вылетели из-под дерева, в одно мгновение распрямились и побежали, как хорьки, по лесу. Никто не остановил их, и никто их не услышал.

Выйдя из леса, они закрылись плащами и спокойно двинулись к дому. Теперь опасаться было нечего.

Дело сделано. Учитель был спокоен, а Дубэ ошеломлена. Она понимала, что должна испытывать какие-то чувства, но не знала какие. Ей удалось вспомнить только голос того человека, разговор, который он вел перед смертью.

Вечером, в кровати, она вспомнила об этом. Она думала об Учителе, о том человеке, о Горнаре, обо всех мертвых, которых видела, о том, как ей не хочется убивать людей.

Она ворочалась в кровати и не могла уснуть. Снова чувствовала растерянность, боролась с противоречивыми чувствами и желаниями, которые терзали ее.

Дубэ зарылась лицом в подушку и безудержно зарыдала.

23

КРОВАВОЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ

Обратный путь был самым настоящим бегством. Дубэ шла быстрее, чем могла, оставляя Тофа позади. Когда он со злостью окликал ее, она не останавливалась. Темная ярость и глухое чувство вины душили и терзали. Ей доводилось чувствовать себя виноватой всякий раз, когда она убивала, однако сейчас все было иначе. Может быть, потому, что видела себя в той девушке, которую с такой легкостью убил Тоф, или потому, что зверь внутри нее радовался этому зрелищу.

— Ты перестанешь так бежать? Остановись, черт побери!

Ее тошнило от голоса Тофа, а может быть, от отвращения, которое она испытывала к себе и ко всему миру, к проклятой Гильдии, лишившей ее свободы и достоинства, которая день за днем подталкивала ее к бездне.

Тоф догнал ее и крепко схватил за руку.

— Я же сказал тебе — не беги.

Ей пришлось сделать над собой усилие, чтобы не вцепиться ему в горло.

— За нами следят, идиот.

Тоф больно сдвинул ей руку, Дубэ прикусила губу, чтобы не закричать.

— Не смей больше меня так называть и не беги как сумасшедшая.

Дубэ замедлила шаг, но по-прежнему шла с упрямо опущенной головой. Сейчас, как никогда, она осознавала свое рабское положение.

Они опять приблизились к Дому. Всю дорогу Дубэ молчала. Теперь она не бежала, а еле тащилась, долгий путь утомил ее. Снова пошел густой снег.

— Я никому ничего не скажу о том, что случилось, — пробормотал Тоф.

Дубэ изумленно обернулась и уставилась на него.

— Мне тоже было не легко убить в первый раз... хотя ты уже убивала, однако одно дело — убивать просто так, а другое — делать это на более высоком уровне, для Тенаара. К тому же Рекла может не дать тебе снадобья... я видел тебя на посвящении... в общем... наверное, это нелегко.

Дубэ смотрела на свои черные сапоги на фоне снега.

— Да.

— Рекла ужасная, я знаю, — снова заговорил Тоф. — Но она — гений, понимаешь? Она много сделала во имя Тенаара, во имя его славы.

Он вытащил сосуд, наполненный кровью, которую они собрали вечером, во время убийства.

— Посмотри сюда.

Дубэ сделала это с большой неохотой. У нее не было никакого желания вспоминать. Она посмотрела исподлобья, но сразу же все поняла. Кровь еще была жидкой.

— Ты видишь? — Тоф встряхнул сосуд, и в нем заплескалась кровь. — Это та зеленая жидкость, которая была вначале, та же, что мы используем во время Ночей Затмения или в бассейне у подножия статуи Тенаара. Это изобретенное Реклой снадобье, позволяющее крови не свертываться. Благодаря этому та кровь, что мы собрали, можно донести до бассейна. Это тоже страшный яд, так и знай. От него умирают из-за потери крови.

Дубэ на мгновение представила себе эту ужасную смерть и зябко закуталась в плащ. Она ведь увлекалась ботаникой и знала, какие растения не дают свертываться крови.

— И это еще не все. Ты думаешь, сколько лет Рекле?

Дубэ замерла. Она никогда об этом не думала.

— Может быть... немного старше меня.

Тоф улыбнулся:

— Она старше меня... и, сколько я помню ее, она всегда была такой... я даже не представляю, сколько ей лет, но она такая... не меняющаяся.

Дубэ не знала, что и сказать.

— Никто не знает, как она это делает, но ясно, что это — действие одного из ее снадобий. Я кое-что об этом знаю, когда-то она учила меня, как и тебя сейчас. И... мне кажется, я видел это снадобье. Оно голубое, и она его принимает время от времени. У него странное действие. Может, ты и не замечала, но иногда Рекла исчезает на несколько часов или, что бывает реже, на целый день. Думаю, что с ней творится что-то неладное. Однажды мне случилось видеть ее в такие моменты, и она была... неузнаваема...

Дубэ приняла к сведению это известие, которое могло быть полезно для задуманного ею побега, и с деланным равнодушием спросила:

— В каком смысле — неузнаваема?

— Я видел ее издали... но она была сгорблена, ее кожа... как будто внезапно состарилась. Да, я думаю, что-то такое происходит.

— Где ты ее видел?

— А зачем тебе это знать?

— Любопытно... К тому же она — мой учитель, правда?

— Неподалеку от зала, где находятся бассейны, она бежала в сторону, в угол. Значит, искать надо было там. Получить снадобье — первый шаг к бегству. Храм неожиданно появился перед ними, огромный и угрюмый, его бронзовые двери тускло мерцали во тьме. Они пришли.

Тяжелые двери отворились, а потом медленно закрылись за Дубэ. Она снова вдохнула спертый воздух, который стал для нее запахом Гильдии. Статуя угрюмо смотрела на нее из глубины храма. Но на этот раз тут был кто-то еще.

Рядом с одной из скамеек Дубэ увидела человека, как обычно, коленопреклоненного. Проситель. Дубэ сразу же вспомнила женщину, которую она видела, впервые придя сюда в надежде освободиться от проклятия, наложенного Иешолем.

Пока они шли по проходу между рядами скамеек, ей удалось рассмотреть склонившегося просителя. Его плечи были прямыми, как у молодого человека. Одной ногой он постукивал по черному полу храма. Сложенные руки были окроплены кровью — он выполнил обряд. Человек что-то говорил шепотом, но Дубэ не удалось его расслышать.

У него были жесткие черные волосы и лицо быстро повзрослевшего ребенка, он держался прямо, как человек, не утративший полностью надежды.

Проходя мимо него, Дубэ обернулась, а юноша поднял голову, и их взгляды встретились. У юноши были глубокие зеленые глаза и бледные веснушки на румяных щеках. У него был живой и решительный взгляд, в котором не было ни следа отчаяния.

«Что он делает здесь?» — подумала Дубэ.

Юноша быстро опустил глаза и снова предался молитве, на этот раз он произносил ее громче и довольно усердно. Дубэ продолжала смотреть на него, пока они с Тофом не скрылись за статуей Тенаара.

Тоф схватил ее за руку.

— Что случилось? Какое тебе дело? Это — проигравший, он не достоин твоего внимания. Лучше молись.

Дубэ смущенно кивнула, встала на колени и задумалась о другом, пока ее компаньон повторял обычную молитву.

Затем они встали.

Юноша все еще был в храме и продолжал молиться.

Снова началась обычная монотонная жизнь. Тоф сдержал свое слово, и Рекла ни о чем не узнала. В назначенный день, когда они встретились в храме во время урока, Рекла достала из кармана сосуд.

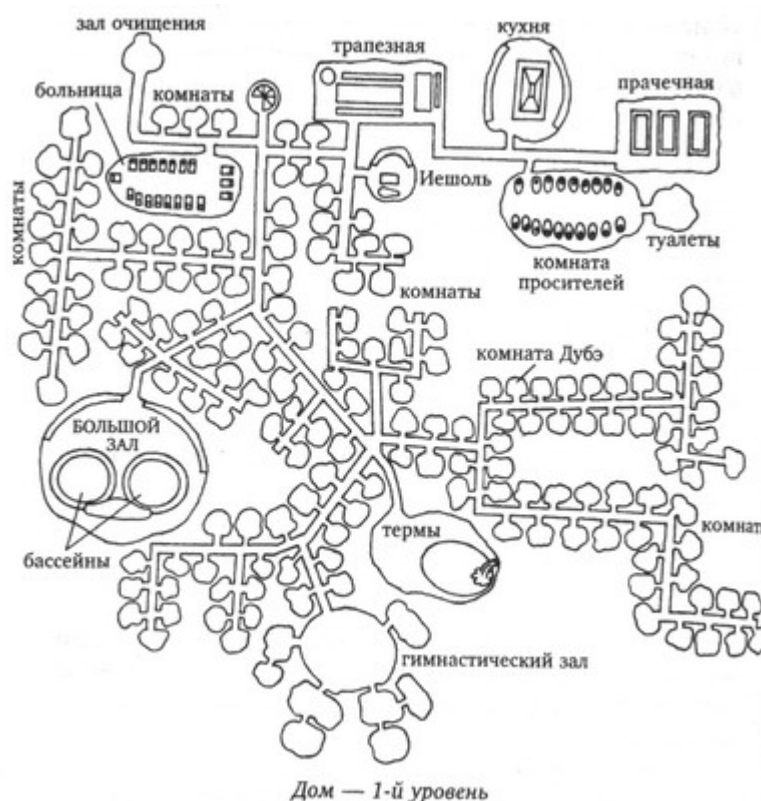
— Вот твоё снадобье.

Так Дубэ избежала мучений, испытанных в тот раз, когда она не повиновалась.

Теперь она знала место, где следовало искать. Она начала с того, что стала записывать все, известное ей о структуре Дома. До сих пор она действовала наугад, бродя ночью по зданию. Теперь настала пора использовать свои способности с большей отдачей.

Она взяла план, который вручила ей Рекла в первый день.

В углу Большого зала — зала с бассейнами — ничего не было обозначено. Дом начинался и кончался на единственном и бесконечном этаже, который находился перед глазами Дубэ. Однако тут должно было быть еще что-то: может быть, потайная дверь...

На плане не была указана лаборатория Реклы, что свидетельствовало о неточности карты.

Надо было сделать следующее: попытаться понять, что находится в углу Большого зала, куда побежала Рекла, и найти комнату Реклы. Вероятно, эти два места были связаны друг с другом.

Дубэ начала с Большого зала. В первый раз она отправилась туда днем, после обеда.

Там было мало народу. Кто-то смывал трудовой пот в бассейне, два человека ритмично двигались под звуки молитвы рядом с одним из бассейнов. Дубэ присела в углу.

Потолок был высотой не менее двадцати метров и весь покрыт сталактитами. Пол — гладкий и отполированный, но по краям грота виднелись искривленные сталагмиты, поднимавшиеся к своим собратьям, свисавшим с потолка. Вдоль стен стояли грубо обтесанные скамьи, где Дубэ и нашла себе место.

На нее никто не смотрел, но она решила быть в любом случае осторожнее, и притворилась молящейся, начала петь песнопения с полужакрытыми глазами. Но при этом она продолжала изучать помещение.

Почти весь зал занимали два овальных бассейна огромных размеров. Статуя Тенаара стояла, погрузив ноги в оба бассейна. Она была огромной и доставала до потолка. Статуя Астера, рядом с этим гигантом, казалась почти карликом, хотя и была по меньшей мере раза в три выше человеческого роста. Обе статуи стояли у стены.

Про какой именно угол зала говорил Тоф?

Череду мыслей Дубэ прервала Рекла:

— Отлично. Я рада, что застала тебя за молитвой.

Дубэ вздрогнула. Никакого повода не было, но она почувствовала, что ее обнаружили.

— Эй! Почему у тебя такое лицо?

Девушка попыталась спешно принять спокойный вид.

— Я была погружена в размышления, извини.

Рекла важно кивнула:

— Молодец. Времена приближаются, хорошо, что ты молишься.

— К чему приближаются?

— Ты узнаешь в нужный момент. А сейчас пойдем со мной.

Дубэ вышла из зала, окинув его последним пытливым взглядом.

Она вернулась туда ночью, когда везде установилась тишина. Почти все коридоры были темными, каждый шаг, казалось, отдается от стен многотысячным эхом. Она боялась, что все могут ее услышать.

«Не беспокойся, ты не делаешь ничего плохого... ты идешь молиться в зал, все считают, что это — хорошо...»

На этот раз Дубэ не ограничилась осмотром комнаты в углу. Теперь она обошла ее всю. Прощупала стены, прошла по краю бассейна. У нее сперло дыхание от невыносимого, тошнотворного запаха, от запаха крови. Ей пришлось прислониться к стене.

«Ты будешь двигаться или нет? Давай!»

Дубэ снова пошла, опять обошла бассейны, один за другим, хотя холодный пот уже начал струиться по ее спине. Ничего. Других ходов не было. Стены были совершенно гладкими. Только три коридора, и ничего больше. Может быть, Рекла не потому побежала сюда, что снадобье подошло к концу. Может быть, она, как настоящая фанатичка, побежала молиться. Может быть, лаборатория находится в другом месте.

Внезапно Дубэ пронзила резкая боль. Она поднесла руку к спине. У нее закружилась голова, потом — снова резкая боль, снова щупальцы впились в спину. Сердце, кажется, остановилось.

Она сделала это не раздумывая: машинально отошла от бассейна. Удушье немного уменьшилось. Но не безотчетный страх. Она принимала снадобье не больше трех дней назад, почему же зверь стал снова так силен? Может быть, Рекла дала ей порцию меньше, но не сказала об этом.

Дубэ закрыла глаза и попыталась успокоиться.

— Все идет хорошо.

Действительно, щупальцы разжались.

В этот вечер Дубэ медленно вернулась в свою комнату, соблюдая те же предосторожности, она легла, но сразу заснуть не смогла. Зверь спал, но ей казалось, что он совсем рядом.

Через некоторое время после этой ночи в Доме снова возникло оживление, оно проявлялось в общей суете, и Реклу явно лихорадило.

— Наступил момент жертвоприношения.

От одного этого слова у Дубэ побежал мороз по коже.

— Что это значит? — спросила она нерешительно.

— В бассейне осталось мало крови, думаю, ты видела в тот день, когда ходила молиться.

Дубэ кивнула.

— Настало время принести Тенаару в дар новую кровь, и для этого был выбран один из просителей. На этот раз совершать обряд будет Тоф. Это большая честь. Он сделает это впервые.

Руки Дубэ начали тихо дрожать. Она устала от этих ужасов, сейчас ей было бы трудно выполнить миссию вместе с Тофом.

— Ты дрожишь... — презрительно отметила Рекла. — Ты еще не стала победительницей, ты еще далека... несмотря на все старания, которые ты приложила к выполнению задания. Наверное, ты дрожишь от радости...

Дубэ опустила глаза.

— Через три дня взойдет новая луна, ночь будет абсолютно темной. Ты будешь присутствовать на жертвоприношении и поймешь.

Три дня тянулись бесконечно. Дубэ молилась, чтобы они никогда не кончились, чтобы время тянулось до бесконечности, но, чем больше она старалась удержать каждое мгновение,

заставить время продлиться, тем оно быстрее бежало.

— Ты не сосредоточилась, — сказал ей Шерва, нахмутив лоб.

— Извини... — прошептала Дубэ, но ее мысли витали в другом месте.

Шерва был единственным человеком, с которым она могла быть откровенной, единственным, которому, как она чувствовала, можно было довериться.

— Что случится в ночь новолуния?

Шерва горько улыбнулся:

— Так вот в чем дело? Вот почему ты так рассеянна?

Дубэ сжала кулаки.

— Ты должна узнать от меня, если все это для тебя настолько непереносимо. Выбрось все из головы, забудь об этом. Этот Дом и люди, живущие в нем, даже Тенаар, они — только средства для твоих целей.

Цели. Какие цели? Разве у нее когда-нибудь была цель? И какова она сейчас?

— Но если ты тоже ненавидишь все это, то почему ты находишься здесь? — печально спросила она.

— Потому что у меня есть цель, и нет такого, чего бы я не сделал, чтобы достичь этой цели. Я хочу превзойти свои возможности, стать лучше. Я отправился туда, где шла война, затем я учился у лучших преподавателей, пока не превзошел их настолько, что мог их убить. Когда я стал настолько могущественным, что равных мне здесь не было, я вступил в Гильдию, как дитя смерти. Здесь находятся лучшие, здесь есть люди, с которыми я могу помериться силами. И меня не интересует, какие зверства они совершают. Все это меня не касается, не имеет значения. А ты, Дубэ, ты дрожишь при виде любой повешенной вороны, ты ненавидишь это место. Так зачем же ты здесь?

Дубэ смотрела в пол. Она не знала, что и говорить. То, что сказал Шерва, было за пределами ее понимания и внезапно отдалило ее от него. Он не был фанатиком, но, может быть, он даже хуже.

— Так зачем же?

— Затем чтобы спасти свою жизнь, — вдруг выпалила она.

— Тогда думай только об этом и отбрось все остальное. Значит, ты действительно убеждена в том, что хочешь жить? Так?

Дубэ растерянно посмотрела на него:

— Да...

Шерва улыбнулся ей:

— Сегодня не имеет смысла продолжать. Ты можешь пойти к себе в комнату и подумать.

И он пошел к выходу.

— Но что же произойдет в ночь новолуния?

Но ее голос затерялся в тишине пустой комнаты.

Новолуние наступило слишком быстро.

— Сегодня мы молимся большую часть дня, вся работа приостановлена, в том числе и наши уроки, — сказала Рекла в трапезной.

Дубэ перемешивала молоко в чашке: ей вовсе не хотелось пить.

— Это случится сегодня вечером?

— Да.

День тянулся медленно, и Дубэ все время чувствовала себя погруженной в транс.

Утро они провели в храме — молились. Юноша, которого она встретила вечером, в день возвращения, исчез. Кто знает — был ли он принят в качестве просителя или изгнан? На лавках сидело множество людей, одетых в черное, закутанных в плащи. Двигались все ритмично, медленно покачивая головами в такт молитве. Море голов, подобных чешуе. Молитва заполняла все вокруг — вязкая, тягучая, искажающая очертания предметов. Дубэ, как обычно, заняла место рядом с Реклой.

— Молись, — приказала Рекла, и Дубэ покорно подчинилась.

Тофа вместе со всеми не было. Он сидел рядом с Иешолем, перед алтарем.

— Он возносит благодарения за высокую миссию, выпавшую ему, и молит, чтобы Тенаар дал ему сил, — прошептала Рекла.

В середине дня страж ядов дала Дубэ один сосуд, на этот раз наполненный снадобьем больше обычного.

Дубэ вопросительно посмотрела на Реклу, взяв сосуд в руки.

— Тебе это понадобится. Зверь любит наши ритуалы.

Рекла хитро улыбнулась.

Дубэ сжала сосуд в руках. Она откупорила его дрожащими руками, жадно выпила все до последней капли. В рот влилась ледяная жидкость.

— Следуй за мной, вперед.

Снова повторилось все, как утром: часы монотонной молитвы. В храме так же толпились люди, на том же месте, перед алтарем, стояли Иешоль и Тоф, как будто и не уходили отсюда.

Затем, неожиданно, масса людей пришла в движение.

— Скорей, пойдем в Большой зал, — холодно сказала Рекла.

Дубэ пошла вслед за людским потоком, двигавшимся в одном направлении, по влажным коридорам Дома.

Большой зал открылся перед нею — огромный, угрожающий. Он наполнился едким запахом фимиама, от которого у Дубэ сразу же закружилась голова. Она начала потеть от тепла сгрудившихся тел и огромных жаровен, установленных для освещения в каждом углу зала. Над каждой жаровней висела завеса из тонкой красной ткани, поэтому зал и все собравшиеся окрасились в цвет крови.

Рекла крепко держала ее за руку. Она вытащила Дубэ в первые ряды, откуда происходящее было лучше видно.

Перед бассейнами, на скамье из эбенового дерева, возвышался надо всеми Иешоль. Шум становился оглушающим. Звучали радостные, возбужденные голоса.

Потом Иешоль встал, и тут же установилась тишина.

— После долгих ночей ожидания снова наступил момент жертвоприношения. Прошедшие месяцы были удачными: возвращение давно пропавшей сестры, много новых дел для Гильдии, много крови. День за днем приближается час возвращения предвестника Тенаара, который укажет нам путь.

Он сделал театральную паузу, и все, даже Дубэ, затаили дыхание.

— Сегодня вечером мы совершаем жертвоприношение: благодарение Тенаару за то, что он не забыл о нас за долгие годы изгнанничества, за то, что он, наконец, дарует нам возрождение. Мы молимся ему потому, что он снова дарует нам свою милость, помогает сделать последний шаг, отделяющий нас от окончательной победы, потому что его слава наконец-то воссияет.

Он замолчал и снова сел.

Дубэ не удалось понять, откуда появились двое бесноватых, присутствовавших и на ее посвящении. Они волокли человека, ухватив за руки. Дубэ узнала его. Она видела его среди просителей. Он был одет в белоснежную тунику, его крепко держали эти двое. Ноги человека волочились по земле, а голова раскачивалась на ходу. Однако он еще был в сознании. Его губы медленно шевелились, будто целуя что-то, а глаза были полуприкрыты.

Вслед за ним шел Тоф, держа в руках длинный черный кинжал.

— Это — великий момент. Смотри и молись.

Так они шли, пока не приблизились к бассейнам. Тоф остановился, встал на колени перед Иешолем.

— Тебя благословляет Тенаар, избравший тебя для выполнения этой великой миссии, — сказал Верховный Страж торжественным голосом, — и направляет твою руку, приносящую жертву.

Тоф встал и повернулся спиной к толпе. Иешоль отошел в сторону и начал руководить молящимися.

На этот раз молитва отличалась от утренней и дневной. Голоса зазвучали громко, гулко, возбуждение собравшихся возрастало.

Две цепи свисали с руки статуи Тенаара. Двое бесноватых поволокли просителя к ногам статуи, погруженным в бассейн, и приковали цепями. Человек не сопротивлялся. Смирненно он давал делать все, что хотели эти двое. Его губы продолжали беспрестанно шевелиться, голова склонилась от величайшей усталости. Человек не смотрел по сторонам и по-прежнему был погружен в оцепенение.

Дубэ вспомнила молодого человека, которого видела в храме, его живые глаза, его уверенный вид. Она представила его на месте этого человека. Внезапно она увидела и себя прикованной к статуе, и зверя перед собой, готового растерзать ее.

У нее закружилась голова, но стальная рука Реклы не дала ей упасть.

— Отпусти меня, — прошептала Дубэ.

Страж больно сжала ее руку.

— Смотри, смотри на торжество Тенаара!

Молитва зазвучала еще громче, теперь она была подобна крику. Человек остался совсем один у ног статуи. Тоф начал медленными шагами приближаться к нему, с кинжалом в руках. Дерзкое выражение его лица сменилось безумной радостью, уверенностью, переходящей в исступление.

Он нанес удар в грудь. Мастерский удар, настоящий удар убийцы. Человек не издал ни единого стога. Он только поднял голову, на лице его было написано изумление. На мгновение все замерло: кровь на лезвии, кинжал, голоса. Когда Тоф вытащил кинжал, толпа взорвалась при виде крови, начавшей бить ключом, стекая в бассейн.

Это было исступление. Вокруг Дубэ все кричали от радости, Рекла ослабила свою хватку, чтобы присоединиться к ликованию собравшихся. И Дубэ ясно ощутила, как зверь двигается вместе с толпой. Она не могла оторвать взгляда от этого зрелища, которое отпугивало и притягивало ее. Дубэ одновременно жаждала крови и испытывала ужас от происходящего, сострадание к человеку, убитому безо всякой причины.

Вероятно, победил страх перед зверем, потому что Дубэ нашла в себе силы оторвать ноги от пола, повернуться спиной и побежать. Она спотыкалась о тела ликующих людей, в ярости и отчаянии отбрасывала их прочь от себя, пока наконец не нашла выход из зала. Она бежала и бежала, пока не уткнулась в глухой коридор и не натолкнулась на очередную статую Тенаара — одну из множества, разбросанных по Дому.

Его злобная физиономия уставилась на Дубэ. У статуи была наглая улыбка победителя.

Дубэ бросилась на колени и безудержно зарыдала.

24

ОДИН ДЕНЬ ПРОСИТЕЛЯ

Когда Лонерин предложил Идо использовать себя для выполнения миссии, он был уверен в том, что делает.

Теперь этой уверенности не было. Моментами ему казалось, что желание мести, которое ему долгие годы удавалось сдерживать, стало непреодолимым и отбрасывает темную тень на его миссию. Иногда он думал, что прежнего никогда не будет, потому что прошло много лет, учитель Фольвар хорошо учил его и потому что теперь у него была Теана. И еще временами у него возникала мысль о смерти, с которой он и сам не знал, что делать. Неумолимо в памяти Лонерина вставал тот образ, связанный со смертью: истерзанное тело, брошенное в канаву вместе с другими телами. Случится ли с ним то же самое? Может быть, он именно этого и хотел, неосознанно желал именно этого, с тех пор как его мать приняла решение, перевернувшее его жизнь?

Путешествие по Земле Воды с ее спящей природой, а потом по пустыне Большой Земли

и дальше, через вечную тьму Земли Ночи, — шаг за шагом его путь становился дорогой во времени, идущей вспять. Он как будто возвращался в детство, вспоминал те вещи, которые казались ему давно забытыми.

Когда он пришел в Землю Ночи, все стало ясно и невыносимо. Это была его земля, где он не был много лет. Вскоре после смерти матери Лонерина отослали к городским родственникам на север, в Землю Моря. Ему было тогда восемь лет, и с тех пор он никогда больше не ступал на родную землю.

Закат солнца оказался для него неожиданным. Он шел погруженный в свои мысли и, когда отвел глаза от дороги, увидел, как на равнине исчезает последний луч солнца.

Человек, которого Лонерин никогда не видел, двумя днями раньше представился его дядей и увез его в своей повозке. Лонерин никогда в своей жизни не видел солнца, а если и видел, то был слишком мал, чтобы помнить. Распухшими от слез глазами он увидел ослепительно-красный диск, медленно нависающий над печальной землей.

«Прекрати хныкать, ты что, действительно оплакиваешь эту проклятую темную землю? Ты увидишь, как красива Земля Моря! Море — самое красивое, что есть на свете».

Как было объяснить ему, что это — не ностальгия по дому, по вечной ночи. Скорее всего, это была ярость. И боль — потому что приходилось покидать то место, где умерла его мать, даже не сумев отомстить.

Тем временем солнце неумолимо поднималось ввысь, слепило глаза так, что пришлось закрыть их. Но даже сквозь веки проникал этот назойливый свет, все становилось кроваво-красным, а жар обжигал ему лицо.

Лонерин пытался не поддаваться ностальгии, скорее заставлял себя. А в это время темнота обволакивала его, как старое покрывало. Это даже успокаивало, как будто он наконец вернулся домой. Но настоящего дома больше не было, Лонерин знал об этом: вместо дома был сгусток ярости, медленно заполнявшей его сознание.

Дорогу к храму он хорошо помнил.

— Куда мы идем?

Вокруг Лонерина росли чахлые кустарники и фосфоресцирующие плоды его родной земли. Его держала за руку женщина — та женщина, которой мать оставила Лонерина много дней назад, не вдаваясь в объяснения.

— В храм Черного Бога.

Лонерин уже слышал о нем от своих товарищей по играм. Одно это имя наводило ужас.

— Зачем?

Женщина колебалась.

— Показать твоей матери, что ее жертва больше не нужна.

Лонерин не понял, но вопросов больше не задавал.

— Если только мы уже не опоздали, — добавила женщина дрожащим голосом.

В пути Лонерин думал о матери. Годы стерли из памяти ее лицо, и весь ее образ расплывался в тумане. Она была красивой женщиной, темноволосой, как и он сам... ничего другого он точно не помнил. И страдал от этого. Ему всегда ее не хватало, с того самого дня, когда она привела его, еще больного, в дом своей подруги. Отсутствие матери в его жизни навсегда образовало пустоту. Но он вырос, стал хорошим магом, человеком, одержимым великой идеей свободы, и необыкновенно смелым заговорщиком. Таким представляла его Теана, таким многие видели его. Но это был образ, в котором ему не удавалось узнать самого себя.

Лонерин представлял, как женщина, лица которой он не помнил, шла по этой же дороге, с решимостью гораздо большей, чем он сам. Одинокая женщина сознательно шла

среди этой тьмы, прямо к смерти.

Сначала он почти ненавидел ее. Зачем она пошла туда, зачем сделала ему этот страшный и жестокий подарок — свою жизнь обменяла на его жизнь? Не лучше ли было пусть даже увидеть, как Лонерин умрет, но зато никогда не оставлять его?

Но позже эти мысли отступили. Ненависть к Гильдии была сильнее и все возрастала, даже сейчас он чувствовал, как она пульсирует в нем.

Наконец, на горизонте стала вырисовываться громада храма. Храм стоял в уединенном и равнинном месте, поэтому увидеть его было легко. Лонерин мог бы поклясться, что он желал этого. Храм был виден издалека, но казался недостижимым. Проситель всеми силами должен был стремиться к этому месту смерти, как к источнику, должен был горячо желать добраться туда и напрягать все силы, чтобы это произошло. Но в конце пути все возможное сопротивление, любая тень сомнения должны были исчезнуть.

— Где мама?

Женщина, стоявшая рядом с ним, вытянула шею, оглядываясь. В храме было почти пусто, только двое стояли на коленях, раскачиваясь.

— Где она?

После долгого путешествия Лонерину сразу же захотелось увидеть ее. К тому же это место было темным, страшным, а статуя в глубине храма — злобной.

Они подошли ближе, женщина вгляделась в лица людей. Лонерин последовал ее примеру.

Они были погружены в себя, их лица казались странно похожи. Они стояли на коленях с закрытыми глазами, бормотали молитву, которой Лонерин не понимал, время от времени они поднимали руки, обгаренные кровью, и закрывали лица. Что-то было в этих людях, не поддававшееся объяснению, и это что-то потрясло Лонерина. И даже не столько кровь на руках, скорее их поза, их лишенные выразительности лица, они казались призраками, и мальчик испугался.

Женщина положила руку на плечо одному из них.

— Вы видели черноволосую худощавую женщину, уроженку этих земель? У нее зеленые глаза, ей двадцать пять лет, на ней была голубая одежда.

Человек не удостоил ее взглядом, и, хотя женщина продолжала трясти его, он невозмутимо оставался на своем месте, молясь, как будто кроме его молитвы ничего другого не существовало.

Женщина обратилась к другому человеку, потом начала кричать, но, к ее отчаянию, никто ее не услышал. Наконец, появились люди в черном.

— Здесь молятся, женщина, уходи отсюда.

Женщина повторила вопрос, который уже задала двум призракам. Люди засмеялись ей в лицо.

— Нет здесь никаких женщин в голубых одеждах.

— Не может быть, она сказала, что пойдет сюда, и я видела, как она сюда направлялась.

— Здесь молятся. Иди прочь. — Ее грубо прогнали. Лонерин продолжал плакать и звать свою мать. Может быть, она тут, рядом, может быть, она слышит его.

— Скажите ей, что с ее сыном все в порядке! Скажите ей, что приносить жертву не нужно!

Двери равнодушно закрылись, когда она прокричала эти слова.

Лонерин остановился неподалеку от двери храма, сел на землю, закрыл глаза и инстинктивно поднес руку к мешочку с волосами Теаны. Он много думал о ней в эти дни. Раньше с ним такого не случалось. Они учились вместе, очень дружили, Лонерин всегда знал, что девушка относится к нему с симпатией. Но, кажется, его это не особенно занимало. Он хотел учиться, стать хорошим магом, работать для Совета Воды — все это он считал намного более важным, чем девушка. Но после того поцелуя что-то в нем изменилось:

неожиданно Теана стала для него дорогим и единственным существом, больше у него никого не осталось.

Он сжал мешочек, почувствовав твердость камней, которые он использовал для магии, и ощутил нежность волос Теаны.

Был ли он готов?

Да. Может быть, не совсем, но к таким вещам никогда не бываешь готов абсолютно.

Был ли он готов и к смерти?

Образ изуродованного тела всплыл в его памяти.

Да, черт возьми, если это будет необходимо, — он готов и к смерти.

А готов ли он выжить? Был ли он готов выжить и вернуться к Теане?

Он встал, подошел к дверям. Ему казалось, что он слышит эхо тех слов, которые подруга его матери бросила вслед своим гонителям. И вдруг здесь, у этого храма он нашел ответ на вопрос, который искал. Он не осквернил давнюю жертву своей матери. Он сделал то, что должно, и при этом остался живым и здоровым.

С трудом Лонерин открыл дверцу, и его обволокла тьма, скрывавшаяся в храме, более глубокая и плотная, чем ночь.

Все было так, как он помнил: пыльные скамейки, статуя с невероятно злой усмешкой на губах и ряд других страшных статуй в боковых нишах.

Тенаар. Вот он — тот, кто поглотил жизнь его матери, а вместе с ней и жизни тысячи других людей.

Он решительно вошел в храм. Сердце рвалось у него из груди.

Он подошел к колонне, дотронулся до нее рукой. Неровности черного кристалла поранили его руку. Порезы были настолько тонкими, что вначале боли не чувствовалось. Она появилась немного позже, вместе с выступившей кровью.

Сжав зубы, Лонерин снова решительно провел поцарапанной рукой по колонне. Потом отвел руку и сжал ее. Несколько капель крови упали на пол храма.

Спокойно и с достоинством, с поднятой головой, он уселся на одну из скамеек, как раз под статуей, чтобы собраться с мыслями. Сейчас начиналась самая трудная часть дела. Надо было остаться тут, молиться, долго и бесцельно, забывая о себе. Ему надо было стать призраком, как те люди, которых он видел здесь много лет назад. И в то же время голова должна быть холодной и ясной, что бы ни случилось, он будет помнить о своей миссии и о своей цели.

Очень медленно он опустился на колени. Доска, на полу, рядом со скамьей, была жесткой, и вскоре у него заныли колени. Он не думал об этом, еще сильнее сжал все еще кровоточащие руки перед своим лицом и принялся бормотать свою просьбу. Таким было начало.

Ожидание было довольно долгим, более долгим, чем он себе представлял. В первый день никто не вышел. В храме слышалось только завывание ветра. В его сознании всплывали обрывочные, смутные воспоминания.

Белые простыни. Белизна, слепящая глаза. Бормотание, у которого была странная и тягостная особенность вызывать головокружение и тошноту. Голос.

— Давай, малыш, давай... не беспокойся... проходи, проходи...

Темнота, снова голос матери, озабоченный, взволнованный, и голос другой женщины.

— Не может быть, не может быть!

— Он затерялся среди детей... так и знай!..

— Только не мой сын!

Новый дом, больше размером, и симпатичная соседка по дому, озабоченно смотрящая на него. Снова темнота, снова голоса, в лихорадочном бреду.

— Я сойду с ума, если он умрет, Гадара! Он умирает, понимаешь? И я не могу этого перенести!

- Может быть, какой-нибудь другой маг или жрец...
- Его не вылечить, и ты это знаешь.
- Бывает, что излечиваются... надо надеяться...
- Надежды мало. Я отдам свою жизнь, и тогда Черный Бог его спасет.

На следующий день, утром, в храм вошли люди. Лонерин сразу же узнал в них убийц. Его сердце забилося, он надеялся, что все пройдет гладко, что после столь недолгого ожидания его уже выбрали. Однако оба человека прошли вперед, не останавливаясь. Лонерин украдкой посмотрел на них. Это были мужчина и молодая девушка, почти юная. Мужчина даже не посмотрел на Лонерина, девушка — напротив, задержала на нем взгляд, и Лонерин удивился, увидев в ее глазах неподдельное сострадание.

Девушка выглядела немного моложе Лонерина, но на ее юном лице было странно взрослое выражение. Она была грациозной, худощавой, не слишком высокого роста и печальной, Лонерин сразу это понял.

В своей жизни он видел не так много убийц, они легко меняли обличье, умели ускользать, убивали, а потом исчезали. Тем не менее из того, что Лонерин слышал и знал, он составил себе о них достаточно точное представление. И он мог поклясться — мужчина соответствовал образу убийцы, а девушка — нет.

После второго дня чувство времени стало утрачиваться. Лонерина томила жажда, мучил голод, колени онемели и сильно ныли. Он мало спал, уронив голову на скамейку, и часто просыпался, чтобы возобновить свой спектакль. Он чувствовал себя бесплотным, как будто бы растворяющимся в воздухе.

«Мама сделала это, и сделала ради меня. Я должен поступить так же».

Наконец, пришел мужчина, одетый в черное. Он подошел к Лонерину с осторожностью, брезгливо глядя на него.

— Вставай.

Приказ прозвучал для Лонерина как будто бы издалека, но он еще в силах был понять, насколько важен для него этот момент.

Он упал на скамейку. Казалось, что ноги не хотят больше распрямляться.

— Зачем ты здесь?

Только со второго раза Лонерину удалось ответить осмысленно и внятно:

— Просить милости у Черного Бога.

— Глупец, его зовут Тенаар.

— Тенаар, — повторил Лонерин.

— Богов много, почему ты пришел сюда?

Лонерин с трудом собрался с мыслями, поэтому для ответа ему понадобилось некоторое время.

— Потому что Тенаар — самый могущественный, только он один может... выполнить мою... мою просьбу.

Человек кивнул.

— Так какая у тебя просьба?

Лонерин снова сосредоточился. Ложь почти потонула в страданиях последних дней.

— Моя сестра...

— Что с твоей сестрой?

— Она больна... очень...

Это была та ложь, которую он заранее придумал.

— Что с ней?

Лонерину пришлось задуматься: он не помнил этого.

— У нее тропическая лихорадка.

Неудержимо нахлынули воспоминания.

Он лежал, вытянувшись на кровати. Тяжело дышал, но был в сознании и смотрел в потолок. В этот момент перед его глазами возникла какая-то старая женщина. Потом она отошла и заговорила:

— Это — тропическая лихорадка.

— Не может быть...

Его мать.

— Он заразился от кого-то. Ему плохо, он быстро истекает кровью.

— Она тяжело больна?

— Она умирает.

— Ему осталось жить меньше месяца.

Его мать изумлена и молчит.

— Безнадежный случай...

— Тенаар может... я это знаю... я его просил... я умолял его... он...

У него выступили слезы на глазах. Слезы из-за воспоминаний о прошлом и о матери. Наверное, она говорила то же самое.

Человек достал черную повязку.

— Утешься, потому что Тенаар ответил тебе. Ты пойдешь в Дом, будешь ждать, когда наступит черед твоего жертвоприношения. Тогда Тенаар даст тебе то, чего ты просишь.

— Спасибо... спасибо... — прошептал Лонерин, пока человек грубо натягивал на него повязку.

Как во сне, он почувствовал, что его подхватили под руки. Он не мог держаться на ногах, и мужчине пришлось помогать ему. Мужчина дважды повернул Лонерина, а потом повел в какое-то место, но Лонерин был слишком измучен, чтобы понять, в каком направлении они пошли.

Вначале он ориентировался по запахам и звукам: дым, влажность, запах еды, от которого у него кружилась голова и бурчало в животе, затем звяканье кастрюль, шепот и громкие голоса.

— Это — новенький. Успокойте его, как обычно.

Его вели по темным и влажным коридорам. Когда, наконец, повязку сняли, то ему не сразу удалось открыть глаза. Кто-то поддерживал его, но лица этого человека Лонерин увидеть не смог.

— Держись, мы уже почти пришли.

Наконец, они вошли в просторную комнату. На полу лежали подстилки. Они состояли из одной соломы, прикрытой лохмотьями. Сопровождавший Лонерина человек подтолкнул его к свободной подстилке и уложил на нее.

Лонерин облегченно вздохнул, потом поднял глаза на сопровождающего. Это был грязный старик, лицо которого украшал огромный шрам. Старик печально улыбнулся Лонерину. Затем он вложил ему в руку ломоть теплого душистого хлеба и большой кусок сыра. Лонерин жадно набросился на еду и быстро разделался с ней. Старик принес ему кувшин с водой, которую юноша тотчас выпил.

— А теперь отдыхай. Ты имеешь право два дня лежать в постели, а потом ты начнешь работать.

Лонерин кивнул.

Не успели затихнуть шаги удалявшегося старика, как Лонерин уснул.

Все было, как предупредил старик. Два дня Лонерин отдыхал в общей комнате, спал и

ел. Еда все время была довольно скудная, но достаточная, чтобы поддержать силы, ее всегда приносил старик. Они обменялись лишь несколькими словами и смущенными улыбками. Просители, казалось, не переговаривались между собой, они торопливо выходили из своих комнаток и возвращались довольно поздно, и их всегда сопровождал один и тот же человек, который пришел за Лонерином в храм.

Были и другие убийцы, которые ему помогали. Это были пятеро юношей, одетых в черное, похоже, они руководили просителями. Один из них часто приходил проверить, что делается в комнате, когда Лонерин оставался один. Очевидно, за просителями пристально следили, впрочем, Лонерин был к этому готов.

Когда он столкнулся лицом к лицу с одним из убийц в первый раз, ему пришлось сильно стиснуть кулаки, так, что ногти впились в кожу. Только почувствовав боль, Лонерин успокоился и смог смотреть на этих людей, подавив безумное желание убить их и, таким образом, погубить свою миссию.

В первый же вечер Лонерин потихоньку достал камни. Он сделал это среди ночи, когда в комнате все спали. Лонерин тихо прошептал магические слова, прикрывая рукой тот слабый свет, который шел от волшебных камней в момент произнесения заклинания.

Его первое послание состояло из двух слов: «Проник внутрь».

Вечером следующего дня — последнего дня отдыха — все тот же старик пришел к нему и принес узелок.

— Завтра снимешь свою одежду и наденешь эту.

Это было что-то вроде формы, похожей на ту, что носили все просители: простая куртка, довольно поношенная, пара штанов — явно не его размера.

Лонерин внимательно осмотрел одежду. На куртке он обнаружил два кармана: не слишком надежно, чтобы положить туда волшебные камни, но другого выхода не было.

— С завтрашнего дня ты должен будешь работать. И хорошо, если ты хоть что-то умеешь, иначе страж разозлится на тебя, — сказал старик усталым голосом.

Лонерин слушал, не перебивая.

— Пока наш черед не пришел, мы должны прислуживать победителям.

— Кто такие победители?

— Те, кто верит в Черного Бога, — убийцы.

Лонерин запомнил это.

— Страж скажет тебе, что делать, но скорее всего он поставит тебя в столовую. Никогда ни о чем не заговаривай с ним и не жалуйся, только выполняй свое задание, понял?

Лонерин кивнул:

— А когда придет мой черед?

Старик неопределенно пожал плечами:

— Не знаю. Кто раньше, а кто и позже. Я... я жду уже больше года, — сказал он печально.

Лонерин сглотнул слюну. Значит, это может случиться в любой момент, и нет способа узнать время.

— Никогда не обращай непосредственно к победителю: если он обращается к тебе — то ответь, но никогда не обращай сам, даже в почтительной форме. Мы — не достойны.

Лонерин снова кивнул.

— Вот и все. Желаю, чтобы тебя скоро избрали, и ты мог бы увидеть, как сбывается твоя молитва. Черный Бог ужасен и безжалостен, но выполняет свои обещания.

Лонерин не удержался и усмехнулся: ему нужно было время, лучше много времени.

На следующий день его разбудили почти на рассвете. Убийцы подходили к постелям и со злостью скидывали жалкие покрывала.

— Ну-ка, вставай, бездельник! — крикнул один из них Лонерину.

Лонерин вскочил как можно быстрее. Он должен примерно вести себя и ни в коем

случае не выделяться. Он постарался делать все так быстро, как только мог.

Всех выстроили в ряд, двое убийц начали, каждый со своего конца, обыскивать их.

Лонерин понял, что попался. Камешки лежали в кармане, на них были выгравированы магические знаки, их сразу же обнаружат, и всему придет конец. Он почувствовал, что обливается холодным потом, судорожно пытаюсь собраться с мыслями и найти какой-то выход. В это время один из двух убийц приблизился к нему. И тогда Лонерину пришло в голову одно решение.

Он нагнулся, как будто бы проверяя застёжки на той обуви, которую ему дали. Быстро вынул камешки и выкинул подальше, заглушив их стук приступом притворного кашля.

— Эй, ты!

Сердце Лонерина на мгновение остановилось.

— Ты!

Тяжелые шаги, неожиданный мощный удар по лицу рукой.

— Никогда, никогда не выходи из ряда!

Убийца стоял лицом к нему: юноша, не многим старше Лонерина. Лонерина захлестнул приступ ненависти к нему, ему остро захотелось вцепиться убийце в горло и задушить. Наивысшим удовольствием было бы увидеть, как он меняется в лице.

— Смотри больше не беспокой меня, понял?

Обыск возобновился, и, наконец, очередь дошла до Лонерина, убийца был с ним особенно суров.

— Ты отправишься в трапезную, и помни, что я не спущу с тебя глаз.

Когда Лонерин пришел в трапезную вслед за своей группой, он увидел еще один просторный зал, выбитый в камне, с множеством отверстий в потолке, выводящих наружу дым. В каждом из этих отверстий виднелся кусочек неба, черный как смола и беззвездный.

Лонерин вспомнил: под этим небом он играл, это небо он увидел в тот день, когда заболел.

Он неожиданно упал на землю, тяжело дыша. Ноги не слушались его. Минутой раньше он бежал по траве. А теперь лежал на земле и чувствовал, что задыхается. Над ним — одно только черное небо, на котором не было ни звезд, ни луны. Бесконечная тьма. Он подумал, что умирает.

— Лонерин? Лонерин, что с тобой?

Взволнованные голоса друзей, ощущение охватившего все тело жара. И так — пока небесная тьма не опустилась на него и не обволокла его.

— Ты будешь шевелиться?

Лонерин вздрогнул. Рядом с ним стояла очень худая девушка, она слегка толкнула его.

— Я приказала тебе идти к столам и нарезать фрукты, шевелись, — прошипела она, бросив наводящий ужас взгляд.

Лонерин побежал. Готовили пищу убийцы, а самую грязную работу выполняли просители. Они были точно такими, какими их запомнил Лонерин: они как будто отсутствовали. Худые, с ничего не выражающими глазами, они делали все, что требовалось, как рабы, без всякого протеста.

Телесные наказания, иногда налагаемые на тех, кто был недостаточно проворен, казались безболезненными для их тел. Лонерин не мог не думать о том, что и его мать стала такой же. Он помнил ее жизнерадостной женщиной с громким голосом, помнил ее нежность и ласку, уверенность и твердость, когда она делала замечания. Но видно, и она лишилась своей души в этой мрачной конуре.

День, казалось, никогда не кончится. На отдых не было и минуты. Приготовление обеда заняло все утро, а приготовление ужина — все оставшееся время. После приготовления еды и трапезы надо было все вымыть.

Они были рабами, а убийцы относились к ним хуже, чем к животным. Они были мясом

на скотобойне, Лонерин читал это в презрительных взглядах победителей. Они были кровью для Тенаара.

Вечером, когда уже опустилась ночь, они получили свою порцию еды. Спать отправились, как всегда, под конвоем, в это время Лонерин уже выбился из сил. Он никогда в жизни столько не работал.

Лонерин думал: возможно ли выжить в таких условиях, не умрут ли многие из этих людей прежде, чем будут принесены в жертву, не умрут ли они бесполезно, безо всякой надежды увидеть, как сбываются их желания, ради исполнения которых они пришли сюда?

Но он должен сопротивляться. В первые дни он будет примерно вести себя, никуда не будет отлучаться, но потом ему надо будет найти способ ускользнуть от наблюдения убийц и узнать, что тут происходит.

Комната была жаркой, пропитанной запахом множества тел, Лонерину от этого стало мучительно, он устал и хотел отдохнуть. Лонерин положил голову на подушку, завернулся в одеяло, но, несмотря на усталость, не смог уснуть и думал, что круг, наконец, замкнулся.

Прошло столько лет с тех пор, как его мать, уже мертвой, покинула это место. Теперь он вернулся сюда, чтобы жизнь, которая была ему дарована, обрела смысл.

25

ВЫБОР. ПРОШЛОЕ VIII

Для Дубэ эти годы прошли быстро. После первого убийства она все больше вовлекалась в работу Учителя, постепенно она стала его постоянным помощником. Она научилась пользоваться многими видами оружия, выучилась составлять яды, иногда Учитель посылал заключать договоры с заказчиками именно ее.

Дубэ быстро выросла. Детские игры, дружба, детские мысли остались позади. Ее тело изменилось, в результате тренировок оно стало нервным, быстрым, ловким, пружинистым.

За эти четыре года она немало повидала, они много путешествовали: сначала по Земле Скал, потом по Земле Огня. Учитель отправлялся туда, куда призывала его работа, менял места жительства каждую неделю, часто менял и заказчиков. Сначала это были восставшие, потом Фора и его люди, и так без конца он продавался тому, кто предложит больше.

— Разве мы не должны быть на стороне тех, кто восстает, на стороне бедных? — спросила однажды Дубэ. — Я считаю, что их дело — правое, к тому же Фора жестокий.

Учитель тогда рассердился.

— Наше дело — это наше ремесло. Удовольствие, идеализм — все это не имеет никакого отношения к делу, не имеет ничего общего с честностью, это — всего лишь убийство.

Дубэ больше не заговаривала с ним об этом, но не перестала думать, каждый час, проведенный ими на этой суровой и душной земле, на которой было мало деревьев, зато много вулканов.

Именно в Земле Огня ее детство бесповоротно осталось позади. Она повсюду видела кровь и смерть, страшную жестокость, на фоне которых работа Учителя уже не казалась ей такой ужасной, даже тогда, когда они работали на стороне сильных против слабых.

Зрелища, которые она наблюдала, напоминали ей рассказы стариков о Темных годах, о Тиранно и фамминах, когда те еще не были покорными неприкаянными животными, но были бесчеловечными убийцами.

Она много раз видела Фору: огромный властный человек с живым лицом, на котором добрейшая улыбка в одно мгновение сменялась самой жестокой гримасой.

Она видела его в деле. Видела его методы, его жестокость.

Это случилось в одной приграничной деревушке, затерянной среди убогих Мертвых полей, неподалеку от Земли Скал. Дубэ видела лица ее обитателей и спрашивала себя, откуда у них взялась смелость, чтобы восстать. Гномы в большинстве своем, женщины и дети, один старик и двое раненых мужчин. У них были исхудавшие и бледные лица людей, умирающих

от голода, с глазами, в которых читалось только вечное смирение. Такие лица Дубэ видела у жертв во многих землях Всплывшего Мира.

Однажды утром, под палящим солнцем, к которому поднимался дым из жерл вулканов, Фора выстроил их всех в ряд и заставил своих людей убивать этих несчастных. Всех, независимо от пола и возраста.

И Дубэ видела все это до самого конца, вместе с Учителем. Именно в этот день в ней зародилась ненависть к Форе, ненависть, которую она сохранит навсегда.

Но Фора был не один, Дубэ уже знала об этом. Дохор послал еще одного человека. Люди говорили о нем вполголоса, одни сочувствовали, другие яростно ненавидели его. Его звали Леарко, он был сыном Дохора. Дубэ слышала, что ему четырнадцать лет, он был старше Дубэ всего на два года, и это возбуждало ее любопытство.

В тот день она увидела рядом с Форой юношу с детским лицом и тощим телом подростка. У него были очень светлые, почти белые волосы и зеленые блестящие глаза. Он был бледным, с худым, красивым лицом. Одет в совсем простые доспехи, с красивым мечом на боку. Он сидел на черном коне, нервно сжимая в руках поводья и стараясь сохранять важный вид.

Дубэ долго смотрела на него. Она и Леарко были единственными подростками из всех, наблюдавших эту сцену. Остальные их ровесники или те, кто был еще моложе, лежали мертвыми на земле или плакали, ожидая исполнения казни.

Он не отводил взгляда, наблюдал за происходящим бесстрастно, но Дубэ удалось увидеть нечто в его спокойных глазах.

Потом все кончилось, почти внезапно.

— Это постигнет каждого, кто попытается восстать против нашего государя Дохора.

Фора стегнул коня и унесся прочь со своими людьми, вместе с Леарко.

Тишина, опустившаяся на равнину, была оглушительной, и тогда Дубэ показалось: она поняла, что такое смерть. Она много раз видела смерть, когда Учитель убивал людей, но здесь, на равнине, она действительно впервые увидела ее во всем неотвратимом трагизме.

После Земли Огня они быстро миновали Землю Воды, и, наконец, Дубэ оказалась в Земле Солнца, на своей родине, только теперь ей было уже двенадцать лет.

Когда Учитель сказал ей, куда они направляются, у Дубэ забилося сердце. Ее чувства, должно быть, читались на лице, потому что Учитель вопросительно посмотрел на нее.

— Что случилось?

— Ничего, — усмехнулась она, — ничего... просто... я возвращаюсь домой.

— Ну да, — бросил в ответ Учитель.

Для Дубэ Учитель был самым главным. Мир начинался и кончался на нем: Учитель, но еще и отец, спаситель. Она обожала его. Она не думала о том, что он убийца, что он выполнял работу, осуждаемую людьми. К тому же разве она сама не была убийцей? Учитель был безукоризненным, единственным ориентиром. Она обожала его широкие мужские плечи, быстрые ноги, отточенность движений, его упорное молчание, даже ту холодность, с которой он с ней обращался. Она зависела от всего, что бы он ни сказал, поэтому не обсуждала его решений и даже не просила о том, что ей было так важно: побывать в Сельве, теперь, когда все потеряно, только чтобы найти свои истоки.

Они остановились в доме на окраине Макрата, там, где лепились лачуги бедноты. Это был простой дом с камином. Учитель положил на пол две циновки, и они спали на них на полу, рядом с очагом. В углу, около стены, стоял маленький столик и два скрипучих плетеных стула.

В Земле Солнца Дубэ бывала только в Сельве, но, как только она вступила на свою родную землю, она почувствовала себя дома. Она не знала, как поняла это. Может быть, по запахам, цветам, но она поняла, что вернулась к истокам, и у нее перехватило дыхание от странного чувства ностальгии.

— Что со мной? — спросила она у Учителя, стараясь не заплакать.

— Ностальгия... дурацкая ностальгия.

Дубэ почувствовала, что он понял ее, и улыбнулась.

Наступила ночь, Дубэ была одна. Окраины Макрата приобрели мрачный, тревожный вид. На улицах свистел ветер, поднимал пыль, на улицах никого не было, кроме бродячих собак. Однако Дубэ не было страшно. С тех пор как Учитель стал посылать ее договариваться с заказчиками, она привыкла.

Девочка ждала. Человек, ожидавший ее, был стариком, так ей сказал тот, кто подошел к ней несколько дней назад, когда она бродила по рынку. Лысый старик, с седой бородой, она должна будет узнать его по красному цветку, приколотому к черному плащу. Он попросил о встрече ночью в той части города, которую Дубэ плохо знала. Она пришла сюда впервые и в точности следовала тем указаниям, которые ей дал Учитель.

Она завернулась в свой единственный, уже поношенный, черный плащ. Плащ уже стал ей мал, и Учитель пообещал, что если она будет хорошо работать, то он ей даст денег за работу и она сможет купить новый. Дубэ закрыла лицо, хорошо спрятав его под складками капюшона. Как и Учитель, она стала одержима манией таинственности.

Наконец старик появился. Он хромал, цветок хорошо был виден на его груди.

Дубэ не приближалась. Она ждала, пока старик подойдет к ней сам.

Старик был совсем дряхлым. Подойдя к Дубэ поближе, он стал разглядывать ее своим единственным глазом.

— Это ты?

Его голос был глухим, мрачным. Дубэ поймала себя на мысли, что этому человеку осталось жить недолго, что смерть уже наложила на него свой отпечаток.

— Да.

— Я ожидал встретить кого-то постарше...

— Пусть тебя не вводит в заблуждение мой небольшой рост.

Дубэ старалась, чтобы ее возраст не замечали, она всегда хотела выглядеть старше. Она надеялась, что скоро вырастет и станет взрослой женщиной, какой она себя ощущала.

— Твой хозяин послал тебя договариваться?

— Да. Расскажи о своем деле.

История была банальной: старик, уже чувствовавший свою болезнь и приближающуюся смерть, хотел насладиться убийством того, кто в молодости лишил его глаза и отнял у него любимую женщину. Дубэ испытывала смешанное чувство сострадания и презрения к этому человечку, который не успокоился даже перед лицом неминуемой смерти и до сих пор жаждет мести.

— Мой хозяин обычно не берется за такие мелкие и ничтожные работы.

Обычный ответ по поводу обычной работы.

— Это горе всей моей жизни, проклятая девчонка!

Дубэ не ожидала такого взрыва негодования.

— У вас есть деньги?

— Сколько ты хочешь?

— За такую работу мы берем семьсот каролов.

Она начала с чрезмерной для такой работы цены, но так нужно было поступать всегда, чтобы завоевать уважение клиента и установить хорошую цену.

Старик, как она и предвидела, вытаращил глаза.

— Это слишком большая цена...

— Я же сказала вам, что мой хозяин выполняет работу другого уровня и не берется вообще за частные дела, вроде вашего. Вы должны оплатить его услуги. Зато мы гарантируем вам отличную работу.

— Это слишком. Двухсот — и то будет многовато.

— Тогда поищите кого-нибудь другого, — сказала она и собралась уходить.

Старик преградил ей путь, схватив за руку:

— Подожди! Двести пятьдесят.

Началась утомительная торговля, которую Дубэ удалось завершить, сойдясь на нужной цене — четыреста каролов.

— В любом случае мне нужно переговорить с моим хозяином и узнать, согласится ли он на работу, тем более за такие деньги.

— А потом?

— А потом мы встретимся через два дня, здесь, в тот же час, если вас устроит.

Старик, казалось, раздумывал, потом кивнул:

— Хорошо.

Дубэ ушла.

Она была рада тому, как пошли дела. Она хорошо поторговалась, работа не слишком серьезная, но это — надежные деньги. Она уже думала о своем плаще и о рынке, куда она отправится за покупкой.

Она была рассеянна: в голову лезли мысли о договоре и другие бесполезные мысли. Она забыла, что находится в малознакомой части города и идет, куда ее несут ноги, не задумываясь, и только через некоторое время она поняла, что не знает, где находится.

Рассвет был не за горами, над домами уже появился слабый свет восходящего солнца.

По нему Дубэ сориентировалась и двинулась на юг, к дому, где ждал ее Учитель. Однако переулки Макрата образовывали запутанный, да к тому же извилистый лабиринт. Дубэ заблудилась, ее охватило беспокойство. Она никогда раньше не сбивалась с дороги.

Дубэ шла долго, по местам все менее знакомым. В городе мало-помалу становилось светлее, жизнь просыпалась. Первые торговцы заполняли улицы, пробуждение города сопровождалось нарастающим движением и шумом.

Когда взошло солнце, Дубэ немного приободрилась. Ее пугала мысль о том, что придется у кого-то спрашивать дорогу. По глупости она не послушалась указаний Учителя о том, как вернуться обратно, но домой нужно было вернуться во что бы то ни стало.

Город неожиданно изменился у нее на глазах, а времени уже не оставалось. К ней приближалась женщина, она несла на голове корзину с отрезами тканей и две корзины в руках. Дубэ сразу узнала женщину, хотя она состарилась и располнела. Она не могла не узнать ее.

Ее мать. В Макрате.

Ноги Дубэ приросли к земле, она замерла посреди дороги, и женщина, проходя мимо, толкнула ее одной из корзин.

— Извините, — поспешно произнесла мать, оборачиваясь к ней.

Окаменевшая Дубэ смотрела на нее.

— У вас все в порядке? — спросила женщина удивленно.

Дубэ пришла в себя. Она ничего не ответила, просто повернулась и побежала, скрываясь в закоулках города, это она научилась делать за прошедших четыре года.

Она вернулась в дом, где ждал ее Учитель, почти в полдень. Она была смущена. Ее мать. Как она мечтала увидеть ее снова, когда... Она с замиранием сердца вспомнила мучительное время до встречи с Учителем, как она хотела, чтобы ее родители нашли ее, спасли. И если здесь, в городе, мать, значит, наверняка и отец! Хотя они оказались рядом и был день, но она совсем не разглядела лица в полутьме.

— Где ты пропадала, черт возьми?

Учитель остановил ее этими словами на пороге. Смущение Дубэ ясно было написано на ее лице.

— Что-то произошло? — тревожно спросил он у Дубэ.

Дубэ покачала головой:

— Я просто потерялась...

Учитель успокоился:

— Мне кажется, я дал тебе четкие указания.

— Извини, Учитель, я забыла следовать им, когда возвращалась.

Дубэ хотела спрятаться. У нее не было желания разговаривать, но Учитель снова остановил ее:

— Ну, так что же? Что он сказал тебе?

Тревога, страх и радость примешивались к рассказу о вечерней встрече. Наконец, все встало на свои места, все стало таким, как обычно. Дубэ облегченно вздохнула.

Но вечером ее снова охватила тревога, и перед ней встал живой образ матери. Учитель спокойно дышал, лежа в нескольких шагах от нее, из угольков в камине шел дымок, Дубэ снова вспомнила о встрече. Она сопоставила воспоминание о своей матери с тем мимолетным образом женщины на рынке и поняла, что мать постарела, что на ее лице появились новые морщины. Дубэ испытывала непонятные чувства. Если бы это случилось четырьмя годами раньше, то она переживала бы только радость. А теперь — нет. Теперь она ничего не понимала. Она была обеспокоена и смущена.

В последующие дни Дубэ часто возвращалась в эту часть города. У нее была хорошая память, она давно уже с первого раза запоминала дорогу. Учителю она говорила, что идет за покупками, а сама часами ходила по улицам в поисках матери. Учитель особенно не расспрашивал Дубэ, но она знала, что тот догадывается, потому что странно смотрит на нее, и все же отпускал ее.

В конце концов Дубэ нашла мать. Она держала лавочку с тканями: приходила туда и начинала громким голосом зазывать покупателей. Дела, казалось, шли хорошо, и в лавочке все время толпились люди.

Дубэ следила за ней, как следили они с Учителем за своими жертвами. Дубэ узнала, где мать живет, и отправилась за ней. Она хотела побольше узнать о ее жизни и, главное, хотела увидеть отца. Она ясно понимала, что именно отец был ей нужен. Поэтому для нее стало ударом то, что она увидела другого мужчину.

Ее мать жила неподалеку от своей лавочки, в доме необычно опрятном для своего квартала. Ее жилище находилось над магазином одежды. Владелец магазина был господин, которого Дубэ никогда не видела, — немного постарше ее отца, полный, смуглый, с очень добродушным лицом.

Она увидела их — его и мать. Они целовали друг друга в губы, когда встречались по вечерам. У них был и ребенок — маленький мальчик, почти младенец.

Дубэ смотрела и не понимала. Действительно ли эта женщина ее мать? Где отец? Ей казалось, что она видела все в кривом зеркале, какие были на сельских ярмарках. В зеркалах люди отражались более тощими или более полными, чем на самом деле. Все казалось похожим на ее воспоминания, но одновременно все было бесконечно далеким. Спокойная жизнь, протекавшая в этом доме, была совершенно чужой, и Дубэ не понимала ее.

День за днем она следила за своей матерью, несколько раз пропустила утренние уроки с Учителем. Она продолжала испытывать противоречивые чувства: зависть и еще — досаду, любовь. Все эти чувства ее смущали, она переставала понимать себя.

Вечером, лежа в своей постели, она думала о загадке новой жизни своей матери. Без всякой причины она чувствовала, как на глаза наворачиваются слезы, и она закрывала глаза, чтобы не плакать. Она и сама изменилась за эти четыре года, разве она не знала об этом? Почему ее родители должны были остаться прежними? К тому же все это время они ее не искали, не пытались спасти. Это Учитель, а не они защитили ее, это он дал ей цель, научил ремеслу. И все равно она ощущала пустоту там, где хранилось не запятнанное ничем воспоминание об отце. Где же ее отец?

Она решила только после долгих размышлений. Она оценила происходящее, понимала, что поступает глупо, но чувствовала, что ей надо все узнать.

Она закуталась в плащ, постучала в дверь. Мальчик, который открыл дверь, не узнал ее.

— Кто там? — спросил он из-за двери.

— Это я, — прошептала Дубэ.

Мальчика звали Дженна. Раньше они с ним почти не разговаривали. К тому же он

только год работал на Учителя, в любом случае никогда не имел дела с Дубэ. Они лишь знали друг друга в лицо, потому что оба были связаны с Учителем. Иногда встречались, испытывая друг к другу симпатию, ведь они почти одного возраста.

Как только Дубэ заговорила, Дженна узнал ее. Вдохнул.

— Ты застала меня врасплох... заходи.

В его доме, скорее убогой лачуге, царил полный беспорядок: повсюду валялась одежда, какая-то наворованная добыча, везде разбросаны фрукты, еда. Когда Дженна не работал с Учителем, он занимался воровством.

Дубэ присела на стул рядом с красным деревянным столиком, сцепила руки. Она не осмеливалась глядеть ему в глаза.

— Тебя послал Учитель?

Дубэ покачала головой. Дженна язвительно усмехнулся:

— Однако! Значит, это — визит вежливости! Подожди, я что-нибудь предложу тебе...

Она схватила его за рукав, прежде чем он встал, и рассказала ему все. Дженна сосредоточенно слушал.

— Ты уверена, что это она?

Дубэ кивнула.

На какое-то время в доме воцарилось молчание.

— Ты хочешь к ней вернуться? — заикаясь, спросил Дженна.

И тогда Дубэ поняла. Она поняла, что за странное и тягостное чувство мучило ее в последние дни. Вернуться к матери или остаться с Учителем? Вот какое следовало принять решение, вот с чем были связаны угроза и обещание той мимолетной встречи среди толпы.

— Дело не только в этом... моего отца с ней нет.

Дженна откинулся на спинку стула.

— Так что же? Но, главное, что я могу сделать?

Дубэ объяснила ему. Она хотела, чтобы он разузнал, чтобы он попытался понять, что произошло после того, как ее изгнали из Сельвы, и куда девался ее отец.

— А почему ты сама этого не сделаешь?

— Я не хочу, чтобы она меня увидела...

— Она твоя мать, может, ты к ней хотя бы зайдешь?

Дубэ медлила.

— Не сейчас... сначала я хочу узнать, что произошло.

Дженна задумался.

— Ты сможешь оказать мне эту услугу? — спросила она, смущаясь.

— А что мне за это будет? Деньги у тебя есть?

Дубэ покачала головой и подумала о той мелочи, которую пообещал ей Учитель, если работа для старика будет сделана.

— Ты не можешь просто так оказать мне эту услугу?

Дженна вздохнул.

— Хорошо, хорошо. Трудно устоять перед прекрасными девичьими глазами, — ответил он. — Ты покажешь мне свою мать, и я посмотрю, что можно сделать.

Дубэ продолжала смущенно смотреть в пол, хотя в целом все оказалось неплохо.

— А я постою рядом и послушаю...

— Даже так?

Дубэ не ответила.

— Как скажешь, — заколебался Дженна.

Они условились встретиться на следующий день.

У Дубэ было время все обдумать. Она рассказала Дженне о Сельве, вспомнила одного дальнего родственника, приблизительно того же возраста, что Дженна. Она надеялась, что за это время с ним ничего не случилось. Дубэ рассказала Дженне о жизни в деревне, о той жизни, мельчайшие детали которой помнила.

— Ты спросишь у нее, как дела, что она тут делает, поговоришь о старых кумушках из

деревни.

— Но я же ей совсем чужой! Ты действительно думаешь, что она расскажет мне что-нибудь?

— Я надеюсь...

Дубэ вернулась домой поздним вечером, она поужинала с Дженной и чувствовала себя виноватой. Конечно, Учитель беспокоился, он ждал ее, наверное, он устроит ей взбучку, тем более суровую, что она ее заслужила.

Дубэ медленно приотворила дверь и сразу увидела яркий свет. Камин горел, Учитель в нетерпении сидел за столом.

— Кто эта женщина?

Для Дубэ этот вопрос прозвучал как яростная пощечина, и она чуть не расплакалась. Только теперь она поняла, насколько неустойчив ее мир, насколько важно то решение, на пороге которого она стояла. Ее мать и прежняя жизнь, может быть, Сельва и Учитель, которому она была обязана.

— Извини меня за опоздание...

— Я знаю, где ты была. Я только хочу знать — почему. Ты не думаешь, что должна мне сказать?

Дубэ дала волю своим чувствам, ее слова полились потоком.

Учитель слушал ее не моргнув глазом, дал ей все рассказать, не обрывал ее, даже когда по ее щекам покатались слезы.

— Чего ты хочешь таким образом добиться?

Его голос вовсе не был разгневанным, напротив, в нем слышалось понимание.

— Я хочу узнать об отце... где он... что случилось за это время...

— Его здесь нет, Дубэ. Это та данность, которую слова твоей матери никак не смогут смягчить. Тебе этого не достаточно?

Дубэ и сама точно не знала, чего хочет.

— Учитель... это моя прежняя жизнь... а мой отец... мой отец... не знаю, как объяснить тебе, он был для меня всем. Если он здесь, если он искал меня...

— То ты уйдешь к нему?

Еще один жестокий вопрос, который почти ранил ее.

— Ведь речь идет об этом, и ты это знаешь. Ты должна спросить у самой себя, не уйдешь ли ты. И это не зависит от твоего отца, ты понимаешь, о чем я говорю?

Впервые он с ней так говорил — не как учитель с ученицей, не как взрослый с ребенком, но как равный с равным.

— Тебя зовет обычная, нормальная жизнь. Этот зов, я не сомневаюсь, ты никогда не переставала слышать.

— Мне хорошо с тобой! Мне хорошо жить так, и я никогда не хотела другой жизни.

— Я знаю. Но в глубине души ты готова уйти? Неопределенных решений не бывает, Дубэ. Я не могу оставить тебя одновременно у себя на службе, ты не можешь ступить одной ногой в дом матери, а другой — в мой дом. Я всегда говорил тебе, чего требует жизнь убийцы. Сейчас ты вкусила этого сама, и ты должна выбирать.

— Ты выгоняешь меня?

Учитель сделал нетерпеливый жест рукой.

— Я говорю тебе, что если ты уйдешь, то это будет навсегда. Если завтра ты решишь, что хочешь остаться с матерью, то возврата не будет. Без всяких обид. Я не буду тебя останавливать, не буду пытаться тебя переубедить. И наоборот: если ты останешься, то это будет навсегда, и я хочу, чтобы ты никогда не видела эту женщину. Это будет окончательное прощание, поэтому хорошенько задумайся.

На следующий день Дубэ оставалась рядом с лавочкой, пока мать не подошла. Странное чувство — одновременно и удовольствия и печали — наблюдать за тем, кого ты

любишь, когда этот человек живет сам по себе. Дубэ видела, как мать бережно раскладывает шелка, и вспомнила, как она видела ее чистящей зелень за кухонным столом. Она вспомнила ее упреки, вспомнила ее ласку. Но прежде всего она думала об отце. Ей достаточно было бы знать, что он искал ее все эти годы, знать, что не предал ее, не бросил одну, и она была бы счастлива и могла бы жить дальше.

Потом, в конце дня, когда ее мать собралась уходить, пришел Дженна. Он был молодец, ему можно было доверять, как о нем и говорили.

Он беспечно прошелся рядом с лавочкой, остановился в нескольких шагах с задумчивым видом, потом вернулся назад. Человек, который теперь жил с матерью Дубэ, вышел и поцеловал мать в щеку.

— Мельна?

Женщина обернулась, а вместе с ней и стоявший рядом человек.

Дженна отлично начал играть свою роль.

— Я уверен, что вы — Мельна, как же было не узнать вас! Вы помните меня? Я — Септа, племянник Лоти! Я уехал из Сельвы, когда был еще вот таким малышом.

Дубэ увидела, что ее мать колебалась, растерянно оглядывалась вокруг, выражение ее лица мгновенно переменилось, как только она услышала это имя.

Дженна растерялся, так как был к такому не готов.

— Но это точно вы, я хорошо вас помню.

Мать Дубэ начала заикаться.

— Я... В Сельве...

Дубэ почувствовала, как у нее сжимается сердце. Еще несколько мгновений назад ее мать казалась такой спокойной, такой счастливой, а теперь...

— Вы ошиблись, черт возьми! Иди домой, Мельна.

— Сельва... я...

Мужчина ласково обнял ее за плечи и тихонько что-то шепнул ей на ухо.

— Все в порядке, это ошибка, иди домой, я скоро вернусь.

Дубэ видела, что ее мать не пошла, а побежала. Захватив какие-то ткани, она скрылась в переулках и быстро исчезла из вида. Мужчина остался стоять рядом с Дженной, выражение лица его стало угрожающим.

— Но это же она... вы называли ее Мельной...

— Послушай, какого черта тебе нужно от моей жены?

Дубэ почувствовала, как заколотилось у нее сердце от этих слов. Может быть, она ошиблась?

— Я хотел поздороваться со знакомой... но вы-то вроде не Горни...

Мужчина вздохнул, провел рукой по лицу.

— Я вижу, ты многих вещей не знаешь.

Дженна изобразил удивление, и Дубэ подумала, что он молодец, действительно молодец. Теперь ей даже не хотелось, чтобы он продолжал, потому что теперь она чувствовала, что не хочет знать правды, она поняла, что лучше было бы убежать подальше, вернуться к Учителю и не знать всего остального. Однако она стояла, будто пригвожденная к своему месту.

— А что...

— Четыре года назад произошла трагедия... дочь Мельны убила одного ребенка.

Этого Дженна не знал. Только Учитель был в курсе этой истории, Дженна знал только жалостливую выдумку.

Теперь его удивление не было наигранным, а Дубэ чувствовала, как ее стискивает железными клещами удручающая неправда.

— Девочку выгнали из деревни, и с тех пор о ней ничего не известно... она, наверное, умерла. Ее отослали в Землю Моря, рядом с границей Большой Земли, а там в то время шла необъявленная война.

— Но... вы говорите о Дубэ?

— Да. Но и это не все. Горни посадили в тюрьму, но он не хотел образумиться, сбежал, чтобы отправиться на поиски дочери, бросил Мельну на произвол судьбы. Он тоже пропал, и только год назад мы узнали, что он умер в бедности, неподалеку от нас.

Сердце Дубэ остановилось, казалось, весь мир обрушился на нее. Она слышала только глухой шум, но голос мужчины звучал все громче и сильнее.

— Она все забыла, она попыталась забыть обо всем вместе со мной. Если ты говоришь с ней, если спрашиваешь ее о Сельве... то у нее будто открывается только зажившая рана, понимаешь? Мельны из Сельвы больше нет, и если ты желаешь ей добра, то не ищи ее больше.

Дубэ зажмурила глаза, но на этот раз она не могла остановить слез. Она задыхалась от приглушенных рыданий, ее горе вырывалось наружу.

Дубэ выбежала из переулка, не думая о том, что ее увидят. Она успела лишь услышать последние слова, которые затерялись в звуках ее шагов по каменной мостовой.

— Как... как хотите... — произнес Дженна.

— Спасибо, — почти смущенно сказал мужчина. — Спа... но кто ты?

И это все: только красный закат и стук ее башмаков по камням. Но Дубэ уже знала, что бежать ей некуда.

Она бродила по разным кварталам, переходя от убогих трущоб на окраинах к памятникам в центре города, и чувствовала внутри себя пустоту. Дубэ рыдала. Кто-то остановился и окликнул ее:

— Девочка, что с тобой?

Она не ответила.

Наступила ночь, но для Дубэ это не имело значения. Учитель, наверное, ждал ее, а может быть, и нет.

На пустынных улицах гулко раздавались звуки ее шагов. Она не хотела возвращаться домой, не хотела проходить мимо лавки своей матери. У нее не было дома, и это было правдой. Когда кто-то тронул ее за плечо, она медленно обернулась.

— Какого черта ты бежишь?

Дженна задыхался.

Они остановились на маленькой площади, печальной и пустынной. Сели на край разбитого фонтана, заполненного илистой водой, издававшей запах гнили.

— Почему ты не рассказала мне всей правды? — спросил ее Дженна.

Она не знала, что и ответить.

— Мне было стыдно.

— Как это произошло?

— Случайно. Мы играли и...

— Не говори больше ничего, не надо. Мне... мне не хочется.

Дубэ не ответила. Есть вещи, которые не выразишь словами.

Она вернулась домой на рассвете. Учитель сидел за столом, на столе стояли две миски с молоком. Она не знала, что ему сказать, но один его вид Дубэ успокоил. Печаль сменилась надеждой на утешение.

— У нее нет для меня места, — произнесла Дубэ на одном дыхании.

Взгляд Учителя был теплым, понимающим.

— Мой отец умер, когда искал меня, она переменила свою жизнь. Все, что было раньше, теперь не существует, и я...

— Ты ничего не должна мне объяснять.

Он встал и обнял ее. Это был настолько необычный и неожиданный жест, что Дубэ была изумлена, она застыла. Потом она тоже горячо обняла его и заплакала, как ребенок. Это были ее последние детские слезы.

В тот день они не тренировались. Они просто были вместе, отправились за покупками в старый город. Учитель дал ей денег, как и обещал, и вместе они выбрали новый плащ.

— Ты держалась молодцом в тот вечер, — сказал он ей, и она улыбнулась ему, глядя опухшими от слез глазами.

В новом плаще, опустив капюшон на глаза, Дубэ с Учителем вернулась домой на закате. Она все еще думала об отце, и всегда будет о нем думать: эта боль, она знала, никогда не отпустит ее. Но Учитель с ней, рядом. Если они и погибнут, то вместе.

— Наконец и ты сделала свой выбор, — сказал он ей вдруг, — но без меня.

Дубэ почувствовала, как слезы подступают к горлу.

— Ты ошибаешься, Учитель. Я давно сделала свой выбор.

Медленно, стесняясь, она взяла его за руку, сжала ее.

Он не отдернул руки, но ласково взял ее тонкую руку в свою.

26

НЕВЫПОЛНИМОЕ ЗАДАНИЕ

Дубэ не стало лучше после нескольких дней отдыха. Дом весь был наполнен энергией действия, напоминал движущийся механизм, и она, как одно из его колесиков, не могла уклониться от всеобщего движения.

Дубэ провела всю ночь в безутешных рыданиях, одна в своей комнате. Наступило неумолимое утро, и Рекла постучала к ней в дверь.

— Пора, — просто сказала она.

Дубэ шла по коридорам, ничего не понимая, все здесь было жутким, неестественным. Она встречала тех же людей, которые накануне ликовали в момент принесения просителя в жертву. Лица у них были такие же, как обычно, казалось, что их ничто не трогает. Она же, напротив, не могла заставить себя забыть прошедшую ночь, ощущала себя нечистой оттого, что видела жуткое зрелище.

Придя в термы, Дубэ обессиленно бросилась в воду и поплыла, почти не прилагая усилий. Она снова надеялась, что вода может очистить ее, все смыть. Но забыть ужас было невозможно.

В трапезной она долго смотрела в свою миску и никак не могла взять в руку ложку.

— Ну что? Ты не ешь? — спросила у нее Рекла.

Дубэ проглотила две ложки молока и кусочек хлеба, чтобы Рекла осталась довольна. И снова ощутила запах крови.

В храме она не слышала ничего из того, что говорила Рекла. Она могла думать только о том, что зверь подступил ближе, чем обычно. Она в первый же вечер слышала издали его рычание, и внутри нее что-то отзывалось на этот крик, она не могла отрицать этого. Именно это волновало ее. Ей не становилось лучше, и не потому, что каждую неделю она должна была принимать снадобье, а оттого, что Гильдия делала все для слияния ее сознания со зверем. Оставаясь здесь, в конце концов она привыкнет. В конце концов между ней и зверем не будет никакой разницы.

Она снова увидела юношу из храма. Худой, изнуренный, с лицом человека, умирающего от голода. Она смотрела, как он наполняет ее миску обычной похлебкой, смотрела на его руки, и ее взгляд был полон ужаса и сострадания. И он не мог не заметить этот взгляд. Он тоже посмотрел на нее, в его взгляде она прочла изумление.

— Спасибо, — произнесла Дубэ и снова склонила голову над миской.

Она вдруг увидела его уже мертвым и почувствовала от этого боль. Она помнила его беглый взгляд в храме, он установил между ними какую-то связь. Они оба были узниками.

Дубэ выполняла то, что от нее требовалось, молилась, когда ей об этом говорили, упражнялась, когда приходило время, слушала Реклу, но внутри нее образовалась пустота, она чувствовала, что не сможет долго терпеть.

Шерва заметил это:

— Ты стала невнимательна.

Дубэ не стала отпираться, ограничилась тем, что растерянно посмотрела на него.

— Это из-за церемонии?

Она хотела бы довериться ему, но уже знала, что и Шерва не сможет ее понять. Конечно, он не был таким, как все, но разделял фанатизм Гильдии. Менялся только предмет культа. Шерва поклонялся не Тенаару, а самому себе и своим способностям.

— Ты подумала над моими словами?

— Здесь меня не спасают, это правда... напротив, мне становится день ото дня хуже...

— Если бы ты действительно хотела жить, то согласилась бы на все. Ты еще здесь, а это значит, что ты согласилась.

Последняя фраза обожгла ее. Она никогда не соглашалась, никогда, она не хотела соглашаться.

Через несколько дней Дубэ возобновила поиски, и с еще большим рвением. Она отчаялась, ей нужно было как можно скорее найти решение. Она медленно погибала.

Она снова попробовала вернуться в Большой зал, но даже при виде его издалека у нее начинался приступ тошноты. Прошло еще слишком мало времени.

Тогда она стала просматривать план Дома. Комнату за комнатой она обошла все коридоры в поисках тайных проходов, путей, о существовании которых она только догадывалась.

Она узнала, что комнат стражей высшей степени не существовало, во всяком случае, она не смогла их обнаружить, несмотря на довольно внимательный осмотр, несмотря на то что она самостоятельно изготовила отличный маленький план Дома. Этих комнат просто не было, а если так, то, вероятно, должен был существовать другой план. Все вело к тому проклятому залу, куда она до сих пор не решалась войти.

Наконец однажды Рекла неожиданно сообщила ей:

— Его превосходительство желает видеть тебя.

Дубэ сразу же подумала, что все дело в ее поисках. Иешоль часто хвастал тем, что у него повсюду есть глаза.

Преодолевая страх, она постучала в его дверь, в тот самый кабинет, где он принимал ее месяц назад, в то время, когда она была еще свободна и которое казалось ей бесконечно далеким.

Иешоль сидел на том же месте и писал, склонившись над книгами. Дубэ осталась у двери, будто остолбенела. Его превосходительство продолжал писать, не обращая внимания на ее присутствие. Прошло довольно много времени, когда он положил перо и посмотрел ей в глаза.

— Садись, — произнес он с ледяной улыбкой.

Дубэ повиновалась.

— Ты боишься? — хитро улыбаясь, спросил он.

У Дубэ не доставало сейчас сил даже на то, чтобы ответить.

— Вы держите в своих руках мою жизнь.

Иешоль довольно улыбнулся:

— Вижу, что ты, наконец, испытываешь ко мне уважение, как и полагается.

Дубэ замолчала.

— Как ты себя чувствуешь здесь?

Дубэ выдавила из себя горькую улыбку.

— Я выживаю.

— Ну вот... как мы тебе и обещали, не так ли?

Дубэ не ответила.

— Не пытайся изображать смирение, Дубэ, я читаю твои мысли. Я недоволен тобой, и твое усердное поведение не заставит меня думать иначе.

— Я сделала все, что вы хотели... я подчинилась, я смирилась, я убила ради вас... не понимаю, почему вы недовольны...

— Потому что ты не присоединилась к нашему культу. Рекла очень внимательно за тобой следит. Ни один твой жест, ни одно твое выражение лица не ускользает от нее, или, по

крайней мере, от меня.

— Я же сказала вам с самого начала, что я тут, чтобы работать на вас... а молитвы я оставлю тем, кто верит в богов.

— А я ясно объяснил тебе, что находиться в Гильдии значит славить Тенаара. Поначалу я оказывал тебе снисхождение потому, что ты была новенькой... но я был уверен, что ты примешь нашу веру, потому что она пустила в тебе корни с тех пор, как ты убила мальчишку, с тех пор, когда ты еще была во чреве матери. Уже тогда ты принадлежала Тенаару.

На этот раз Дубэ подняла глаза.

— Я сделала все, что вы от меня требовали, от начала до конца. Я провела целые часы в храме, я молилась, я исполняла обряды, делала все! Вы уже получили мою кровь, мои руки, мою душу вы взяли, чтобы дать мне взамен некое подобие жизни! Чего вы хотите еще?

Иешоль не удивился. Он не пошевелился, выражение его лица было жестким.

— Ты не хочешь подчиниться славе Тенаара, ты не хочешь, чтобы он сделал из тебя победительницу.

Обессилев, Дубэ откинулась на спинку стула.

— Может быть, мне надо сказать Рекле, чтобы она не давала тебе некоторое время снадобья...

Дубэ обхватила голову руками. Кошмар, от которого невозможно бежать, — вот что это такое. И ее тайные поиски были лишь иллюзией. В эту минуту, перед лицом страшного, хладнокровного человека, она поняла, что никакого выхода нет.

И она снова сделала свой выбор.

— Скажите мне, чего вы хотите, и я сделаю это.

— Проверить твою верность идеалу, и ничего больше. Для тебя это будет легкая работа, я знаю.

— Работа? — спросила она.

— Вот именно.

Дубэ почувствовала себя еще хуже.

— Ты должна сжечь мосты, Дубэ...

Иешоль встал и заходил широкими шагами по кабинету.

— Я хочу, чтобы ты убила этого юношу, Дженну.

Дубэ почувствовала, как она леденеет.

— Он начал расспрашивать о тебе, мне это не нравится, да к тому же я знаю, что он ждет тебя, он — твоя последняя связь с миром после смерти Сарнека. Ты помнишь своего учителя, предателя, он отдаляет тебя от твоей настоящей цели.

— Он ничего не знает...

— Он ищет тебя, а тот, кто так ищет, кто так любит, не уступит, пока не найдет. Поэтому я хочу его смерти.

Дубэ затрясла головой.

— Но это — не причина...

— Причина в том, что я хочу этого, Тенаар хочет этого. А когда Тенаар требует, победитель не отступает. И ты это сделаешь.

— Я не могу... не могу... вы просите меня о невыполнимом... я...

— Ты умрешь, если не сделаешь этого. Я не знаю, что мне делать с убийцей, который не хочет разделять наши идеалы.

Глаза Дубэ заблестели, она продолжала качать головой.

— Нет никакого смысла...

— Дубэ, не вынуждай меня быть жестоким... ты знаешь, что я умею быть таким...

Дубэ вскочила.

— Нет! — закричала она. — Это уже слишком и переходит всякие границы! Я никогда этого не сделаю!

Иешоль не разгневался и на этот раз.

— Тогда ты умрешь... и не так, как ты думаешь...

Неожиданно из-за двери появились люди и схватили Дубэ за руки. Казалось, что они возникли из пустоты. Видимо, Иешоль приказал им стоять наготове. Дубэ знала их, и вспоминала с ужасом.

— Прошу тебя, — молила она слабым голосом.

Ответом был лишь взмах руки. Кричащую Дубэ увели прочь.

Это были дни, проведенные в аду. Снова в той же темной комнате, снова в полном одиночестве. Зверь разрывал ее, пожирал, показывая свое ужасное обличье. Он казался сильнее прежнего, боль была невыносимой, запредельной. Ее поместили рядом с Большим залом, где запах крови был наиболее осязаемым. Сознание не покидало ее, и мучения казались нескончаемыми. Ей казалось, что она сделала бы все, лишь бы мучения прекратились. Все остальное — ужас перед предъявленным требованием, отвращение к жертвоприношению, все затмевалось страданием.

Каждый день Рекла появлялась на пороге комнаты, со снадобьем в руках.

— Нужна самая малость, ты знаешь... скажи только «да».

Но это «да» не срывалось с ее губ, она не хотела его произносить. Дженна помог ей, Дженна защитил ее, Дженна поцеловал ее, он ее любил. Если у нее и оставалось что-то человеческое, то это было воспоминание об этом юноше. Именно поэтому Иешоль и хотел, чтобы она навсегда отреклась от него.

Она сопротивлялась больше недели, а ей казалось, что прошли годы. Но у каждого есть свой предел, а ее предел был уже пройден.

Она прошептала это «да» со слезами на глазах, на десятый день, и снадобье, такое прохладное на вкус, просочилось изо рта в желудок, обжигая, как яд.

«Я найду способ, покончу с этим, найду способ и не умру...» — думала она, но испытывала отвращение к самой себе и к своей слабости.

Ее снова привели в комнату Иешоля. Верховный Страж стоял у книжного шкафа и довольно улыбался.

— Наконец, ты уступила... я всегда побеждаю, Дубэ, запомни это, Тенаар всегда побеждает. Мы страдали, мы могли исчезнуть с лица земли, но мы выжили, мы вернемся, мы вернемся во всем величии, ты понимаешь? И ты являешься частью этого огромного проекта, этого бесконечного плана, который придает смысл существованию мира.

Дубэ сжала кулаки, опустила голову.

— Назовите мне сроки, — прошептала она.

— У тебя месяц времени. Потом я требую его головы и сосуда его крови для нашего бога. Меня не интересует способ, поступай как знаешь. Если я не получу того, что желаю, я брошу тебя в самую глубокую камеру и оставлю тебя умирать. Тебя пожрет зверь. И ты не будешь одинока. Сколько дней ты будешь сопротивляться, столько умрет просителей. — Иешоль ухмыльнулся. — А теперь иди, иди молись.

Дубэ вышла из комнаты. Она не видела выхода. Его не было.

Она отправилась в путь утром. Быстро прошла по храму, не останавливаясь, не глядя на огромную статую за алтарем. Она поставила Реклу в известность, и та не стала возражать.

— Скажи и Шерве.

— Я позабочусь.

Дубэ встала, собралась уходить, но Рекла остановила ее:

— Желаю тебе ни пуха ни пера, Дубэ, ты увидишь, что после выполнения этой миссии тебе станет лучше, — и улыбнулась.

На этот раз Дубэ взяла лошадь. Она не хотела тратить время, и вообще хотела как можно быстрее уехать отсюда.

Она помчалась, пустив лошадь бешеным галопом. Не более трех дней — она все рассчитала.

Это напоминало бегство, а на самом деле было самым тяжелым из всех ее путешествий.

В действительности Дубэ еще не решила, что делать, но на всякий случай взяла с собой сосуд. Она спрятала его в потайном кармане, подальше от чужих глаз.

Солнце выглянуло в середине дня. Вот уже три месяца, как она его не видела. Солнце показалось ей теплым и нежным. В воздухе пахло весной. В Доме это не было заметно. Ночь заглушала даже представления о временах года, а запахам цветов и свежей травы не удавалось проникнуть в ее комнату. Вместо ароматов цветов — тоскливый запах крови, смерти, скал и земли.

Земля Солнца, родная земля, встретила ее яркой зеленью своих лугов. Деревья уже расцвели, воздух был ароматным. Дубэ плохо чувствовала себя из-за волнения.

К прежним воспоминаниям о любимом Учителе присоединились недавние — о двух с половиной годах, что она провела в одиночестве, став воровкой. Эти годы никогда не казались ей прекрасными, но они были годами свободы, а сейчас свобода была той роскошью, которую она не могла себе позволить.

Макрат остался прежним: беспорядочным, прекрасным и нищим одновременно, но прежде всего огромным и живым.

Она прошла по рынку, где пять лет назад увидела свою мать. Ее здесь больше не было, она давно это знала.

Дубэ и не думала, что при виде Макрата ей станет так плохо. Словно из тюрьмы, сквозь решетку она смотрела на мир. Она была дома и одновременно за тысячу верст отсюда. Она чувствовала цепи, которыми была прикована к Дому Гильдии.

Дубэ шла, сжимая рукой кинжал под плащом. Что она будет делать, когда увидит Дженну? Неужели она действительно подчинится приказу Иешоля? А если она этого не сделает? Другие невинные умрут, и гораздо худшим образом. Если она захочет, то сможет убить Дженну так, что он и не заметит, умрет без страданий. Это было бы чуть ли не актом милосердия.

Она в ужасе затрясла головой. Наконец, она решилась.

«Я только пойду туда. Посмотрю, и все, и ничего больше».

Она знала, где искать его, знала все места, где он воровал, места, куда ходил. Она знала о нем все. Теперь, когда Дубэ потеряла его, она поняла, что он был ее единственным другом. Она всегда старалась держать его подальше от себя, прогоняла его, но это не помогло.

Она увидела его издалека: худой, как всегда, в поношенном коричневом плаще. С первого же взгляда она поняла, как сильно он изменился и сколько вынес за эти месяцы.

«Кто так любит», — сказал Иешоль, и теперь Дубэ поняла. Она почувствовала, как сжимается ее сердце.

Он был бледнее, чем обычно, и не такой живой, как всегда. Он не работал, казалось — он просто прогуливается.

Дубэ последовала за ним. Она испытала прежнюю радость, как тогда, когда отыскивала свою мать: она смотрела со стороны на любимого человека. С волнением она шла за ним, наблюдала за его поведением, за жестами, которые ей были так хорошо знакомы. Она с волнением, с трепетом узнавала его: он бродил, как неприкаянная душа, ходил по тем местам, где раньше не бывал, она узнавала его манеру говорить, его печальное настроение. Все, что сказал Иешоль, было правдой. Он искал ее.

Она ходила за ним до ужина, вошла вместе с ним в таверну.

Дженна заказал себе скудную еду, ел в одиночестве, положив перед собой на столе какой-то листок. Когда хозяин принес ему заказанный суп, Дженна задержал его.

— Ты встречал эту девушку?

Дубэ закуталась в плащ, спрятав лицо в капюшон.

«Что мне делать?»

Ночь опустилась на город, когда-то ночь была царством Дженны. Вечером он всегда оживлялся и проворачивал свои дела, вечером он встречался с заказчиками, собирал сведения.

Теперь этого не было. Теперь он шатался по улицам, бесцельно, не зная, куда идти.

Дубэ шла за ним след в след, а над городом вставала ледяная, бесстрастная луна, освещала редющую толпу, извилистые переулки.

Наконец они остались на улице вдвоем. Он шел устало, громко ступая, а она двигалась, как кошка, как его тень. Она затаивалась в нишах домов, смотрела на него. Она и сама не знала, что делает.

«Уходи, или делай то, чего не хочешь. В любом случае выбирай свою судьбу, раз представляется случай...» — думала она и продолжала следовать за Дженной.

Может быть, она потеряла бдительность, погруженная в свои мысли, может быть, действительно хотела быть узнанной, но какой-то момент она ступила не туда, и Дженна, должно быть, услышал ее.

Юноша резко обернулся.

— Кто ты? — Его голос звучал неуверенно.

Он взгляделся в нее, и ему не понадобилось время, чтобы узнать ее.

— Дубэ!

Его лицо просияло, он бросился к ней.

Дубэ не знала, что делать. Она действовала инстинктивно, как делала это обычно при выполнении своей работы.

«Другого выбора нет».

Она достала кинжал, свободной рукой прижала Дженну к стене и схватила его за горло.

Он был изумлен и с недоверием посмотрел на Дубэ.

В ее руке, занесенной над его головой, был кинжал. Дубэ уже определила, куда нужно нанести удар, ей оставалось только опустить руку.

— Дубэ...

Это походило на мольбу, и на нее нельзя было ответить «нет».

Она видела безоружного Дженну в своих руках, ей казалось, что она впервые видит его лицо. В ужасе она отошла, и кинжал упал на землю.

— Я не могу этого сделать... не могу... — прошептала Дубэ, села на землю, обхватила голову руками и принялась плакать, как ребенок.

Дженна какое-то время остолбенело стоял перед ней, потом тоже опустился на землю и обнял девушку.

— Я искал тебя повсюду, не переставая, когда... — он покраснел, — с того раза, когда мы последний раз виделись.

Они пришли к нему домой. Казалось, дом не изменился, только стал еще запущенней. Они сели за стол, перед каждым стояла миска с молоком.

— Меня мучило то, что я не знаю, куда ты ушла.

Дубэ смотрела в свою миску. Она не знала, что сказать.

Она испытывала только чувство стыда за то, что могла поверить, хотя бы на одно мгновение, что способна его убить.

Дженна некоторое время молчал.

— Куда ты пропала, Дубэ?

Она опустила глаза, они все еще были опухшими от слез. Она и не могла уже припомнить, когда так долго и горько плакала.

— У тебя было такое лицо... и... почему ты набросилась на меня? Что случилось?

С чего начать? И что сказать ему, не подвергая его опасности? Хотя и сейчас его жизнь подвергалась опасности.

— Сейчас я вступила в Гильдию.

Дженна окаменел. Она сняла плащ и показала свою новую одежду: черные брюки, черную куртку, жилет.

— Невозможно, — прошептал он.

— Поверь, это так. Мне приказали убить тебя.

Дженна смотрел все с большим недоверием.

— И ты сделала бы это?

Дубэ какое-то мгновение молчала.

— Никогда, — прошептала она.

Дженна, казалось, немного пришел в себя.

— Я в самом деле не могу поверить... Сарнек ненавидел Гильдию, правда? Он, черт возьми, сбежал оттуда! Разве эти годы, когда он все время скрывался, бродяжничал, разве он не пытался убежать от этих безумцев? Что же теперь делаешь ты? Предаешь память Учителя, забываешь все и отправляешься, чтобы погубить себя, к этим проклятым убийцам?

Слезы снова покатались у Дубэ из глаз.

— Не плачь, — огорченно сказал Дженна.

— Я хотела бы объяснить тебе... но это сложно... к тому же... я не хочу, чтобы ты ломал голову над тем, что тебя не касается. Я...

— Тебя заставляют?

Она кивнула:

— Ты помнишь, что перед отъездом я заболела? Это была болезнь, которой заразили меня они и излечить от которой могут только они. Поэтому я и пришла в Гильдию.

— Но... есть жрецы-лекари. Неужели ты думаешь, что ни один из них не в состоянии...

Дубэ покачала головой, потом обнажила руку и показала ему знак.

— Это — проклятие. Это было сделано обманным путем, понимаешь? Меня ждет страшная смерть, если я не останусь с ними, смерть, которую я...

— Это как-то связано с той поляной?

Он по-прежнему был сообразительным.

— Да.

Дженна помолчал.

— Невероятно, чтобы такой человек, как ты, мог оставаться среди этих проклятых людей, после того как твой Учитель, которому ты так верила, рассказал тебе о них. К тому же все написано у тебя на лице. Ты... таешь на глазах...

Дубэ кивнула:

— Я не должна была тебе говорить об этом...

— Какие могут быть разговоры, о чем ты?

— Потому что у тебя мания спасать меня, но на этот раз ты не сможешь, и никогда не мог, понимаешь? Моя жизнь идет так, и нет никакого спасения, и я только продолжаю падать все ниже и ниже!

И она снова зарыдала.

— Они хотят, чтобы я тебя убила, потому что недовольны мной. Я недостаточно жестока, недостаточно верю в их проклятого бога. Поэтому они хотят, чтобы я убила тебя, а если я этого не сделаю, то они убьют меня, а вместе со мной и многих других.

Дженна побагровел и с силой ударил кулаком по столу.

— Проклятье! — закричал он.

— Я ничего не могу, — сказала она, — ничего не могу сделать...

Он снова горячо обнял ее, на этот раз Дубэ не хотела освобождаться из его объятий, только еще крепче прижалась к нему.

В эту ночь она осталась у Дженны, как раньше, когда он спас ей жизнь, после того случая в лесу. Дубэ проснулась рано, от лучей солнца. Их тепло было тем более приятно после месяцев, проведенных в подземелье.

Дженна уже был на ногах и готовил завтрак.

В первые утренние минуты Дубэ хотелось насладиться этой домашней атмосферой. Не вспоминая о событиях первого дня, она с удовольствием выпила чашку горячего молока, с аппетитом съела сухарик. Здесь шла обычная жизнь, которой Дубэ так не хватало. Это идиллическое состояние нарушил Дженна:

— Я хочу спасти тебя. Меня не интересует то, что ты считаешь меня неспособным на

это, и не интересует, что ты, может быть, не хочешь быть спасенной. Знаешь... в общем... я это делаю для себя.

Дубэ грустно улыбнулась:

— Если ты хочешь спасти меня, то уходи, чтобы я тебя не видела.

Он застыл, не говоря ни слова.

— Что...

— Спрячься, уйди из Макрата, исчезни. Поменяй свое имя, иди туда, где тебя никто не знает. Я скажу им, что искала тебя и не нашла, может быть, они дадут мне еще время.

Дженна посмотрел в свою пустую миску:

— Это ничего не даст... если они сказали — или ты, или я... не думаю, что они обманутся такой дурацкой выдумкой... я или ты, Дубэ, тогда... тогда — лучше я.

— Я не шутя говорю это, ты понял меня? Я вовсе не шучу.

— Почему? У тебя есть другие, разумные решения?

— Только то, что я сказала.

— Это не освободит тебя от твоего отвратительного задания.

— Я пытаюсь найти решение.

— Я не могу снова потерять тебя, я не могу просто смотреть, как ты снова возвращаешься в ад.

— Я сказала тебе, что пытаюсь найти решение, и я на правильном пути. Я найду, где они держат свои снадобья, похищу их и скроюсь. И тогда мы снова увидимся.

— Не думаю. Будет как в тот день, когда ты ушла. Ты скроешься за горизонтом, и я никогда больше тебя не увижу!

Она посмотрела ему в глаза:

— Ты — моя единственная связь с внешним миром, понимаешь? Единственная. Поэтому ты никогда не потеряешь меня.

— Позволь мне помочь тебе, прошу тебя...

— Сделай так, как я тебе сказала. Я не обманываю тебя, не пытаюсь освободиться от тебя. Если ты сделаешь, как я тебе сказала, то действительно pomoжешь мне.

Дженна почти рыдал.

— Ради тебя я даже перестал заниматься воровством... я только и делал, что искал тебя... все это время я...

— Перестань это делать. Ведь именно поэтому они нашли тебя и дали мне такое задание. Исчезни, прошу тебя... когда я выберусь оттуда, я найду способ вернуться к тебе, клянусь.

Дженна с подозрением посмотрел на нее. Он не верил, не мог поверить, и даже сама Дубэ думала, что этого никогда не случится. Она слишком далеко зашла, даже если ей удастся сбежать, она никогда не сможет вернуться к нему: это грозило бы им обоим смертью.

— Как хочешь, — сказал он. — Но я никогда не прощу тебя, если ты не вернешься.

Дубэ грустно улыбнулась.

Они распрощались вечером.

— Я уйду сегодня же ночью, — сказал он. — Я пойду...

— Не говори мне куда. Я предпочитаю не знать об этом. Когда я выберусь — найду тебя, ты знаешь, что я отлично умею искать.

— Да... — улыбнулся он.

Потом он сделался серьезным, посмотрел ей в глаза.

— С того дня, когда я поцеловал тебя, для меня ничто не изменилось. И никогда не изменится. Я люблю тебя.

Дубэ почувствовала комок в горле. Она хотела бы полюбить его, но не могла. Это было невозможно. Она любила один раз в жизни, и такого с ней больше никогда не случится, она знала это.

— Я тоже люблю тебя, — солгала она, потом поцеловала его в губы, невинно и быстро.

— Уходи, сделай это ради меня.
— Я сделаю это, — взволнованно ответил он.
Потом Дубэ отвернулась, как обычно, и быстро ушла.

27 ДОГОВОР

У Лонерина начались трудные времена, он терял силы.
В первые дни он прилежно работал, изучая только те места, куда ему позволено было заходить, и те, в которых не было охраны.

Мест, где можно было свободно перемещаться, было очень мало. Убийцы почти всегда дышали ему в затылок, да и работа была слишком тяжелой. Лишь ночью наблюдение ослабевало. Рядом с ними всегда находился один страж, и выполнял он свою работу очень старательно. Иногда он дремал, иногда удалялся. Впрочем, убийцы, должно быть, не считали их слишком опасными: они были людьми, лишенными жизненного стержня. Сначала они лишились сил из-за тех бед, которые привели их сюда, а потом ослабели от нескончаемой работы. Вероятно, убийцы даже не предполагали, что кто-нибудь мог просочиться к ним таким способом. Именно на это и рассчитывал Лонерин.

Первым делом он должен был отыскать свои камни. Они были ему совершенно необходимы. Иначе как он сможет рассказать Совету о своих поисках? Он мог бы бежать отсюда, но это решение казалось ему слишком сложным и ненадежным, чтобы можно было его выполнить. Конечно, рано или поздно ему придется бежать, но сначала он должен был выполнить свою миссию.

Лонерин искал камни у спящих, даже спрашивал у каждого проснувшегося. Никакого следа.

— Каждый день один из нас тут убирает, спроси у него, — ответил один из гномов, указав на своего соплеменника.

Лонерин обратился к нему и узнал, что тот имеет обыкновение выбрасывать все, что посчитает мусором, — так он и поступил с камнями.

Лонерин почувствовал, как у него пересохло в горле. Он один находился в цитадели противника, все связи с внешним миром отрезаны, для выполнения своей миссии он должен был выжить. Удар оказался страшным. Теперь у него не было выбора, он должен как можно скорее все узнать и живым выйти отсюда. Он яростно продолжал свои поиски, делая это в ночные, самые безопасные, часы.

Но так или иначе, даже такие действия могли оказаться опасными. Просители носили слишком легко узнаваемую одежду, а быть застигнутым во время прогулок по Дому, безусловно, означало неминуемую смерть. Следовало придумать нечто, чтобы замаскироваться.

Однажды ему улыбнулась судьба. Накануне вечером убийцы оживились, казалось, что весь Дом охвачен странным неистовством.

— Что произошло? — спросил Лонерин у одного просителя.

— Один из нас был выбран, и он увидит осуществление своей мечты, — ответил тот.

Его глаза блестели от зависти, что заставило Лонерина похолодеть. Прежде всего, он почувствовал прилив ненависти, до жжения в желудке. Жертва. Как и его мать. Он ненавидел их фанатизм, пахнущий смертью, то, как они радовались, потому что знал: их радость вызывала чужая кровь. Когда этот человек ушел, Лонерин стал кусать губы.

Ночью он думал, что лучше было бы не засыпать крепко. Наверняка все убийцы примут участие в жертвоприношении, а если повезет, то и стражи тоже.

Лонерин лежал, не засыпая, притворяясь, что глубоко дышит, наблюдая за входом в комнату, где стояли стражи.

Все было, как он и ожидал. Посреди ночи кто-то пришел.

— Я могу идти?

— Конечно, момент важный, и ты не можешь тратить свое время, следя за этими подонками.

— Ну что ж, я думал, что проведу остаток ночи, сидя тут.

Человек встал, накинул плащ и двинулся за своим товарищем.

Наступил долгожданный момент. Все убийцы, видимо, собрались в храме. У Лонерина появилась полная свобода передвижения.

Выйдя из комнаты, Лонерин отправился на поиски. Усталым взглядом он шарил по пустым комнатам, чувствуя себя как рыба, выброшенная из воды.

Перед ним лежал лабиринт коридоров, в котором было легко потеряться. К счастью, Лонерин вышел, подготовившись. Он взял с собой соломинку. Возвращаясь, он использует ее для несложного волшебства, чтобы найти нужное направление, и сможет вернуться в спальню, пока его не нашли.

Первые же поиски увенчались успехом. Он обнаружил, что крыло, предназначенное для просителей, было полностью отделено от тех помещений, которые часто посещали убийцы. Тут был целый этаж, предназначенный только для ухода за Домом, как это называли убийцы.

Кухонные помещения Лонерину были уже знакомы, но в прачечную он еще не заходил. Он случайно попал туда, и ему повезло: в помещении лежало множество черных одеяний.

Он взял самый изношенный плащ, лежавший поверх груды старой одежды. Возможно, плащ собирались выбросить, и его исчезновение не заметят.

Затем Лонерин вышел из прачечной и решительно направился к трапезной. Он знал эту дорогу, потому что один раз ему пришлось прислуживать за столом.

Дойдя до трапезной, он быстро пересек ее, плотно закрыв лицо капюшоном. В углу он нашел выход в коридор. В предыдущие дни он часто с беспокойством смотрел туда. Это было место, где таились секреты, которые ему предстояло разгадать.

Час был уже поздний. Он слишком долго пробыл в прачечной и в крыле, предназначенном для просителей. Оставалось совсем немного времени, чтобы осмотреть Дом, но надо идти. Случай представился удачный.

Он осторожно вышел в коридор, который был слабо освещен несколькими факелами. В коридоре было влажно. Зловонный воздух, пахнувший кровью, проникал в ноздри. По бокам коридора, на равных расстояниях, тянулись плотно закрытые деревянные двери — очевидно, жилье убийц. Лабиринт состоял из нескольких дополнительных коридоров, но Лонерин выбрал главный, самый большой. В глубине слышался грохот, глухой, казалось, исходящий из самой скалы, заставлявший ее вибрировать, как живое существо.

Лонерин двинулся вперед. По мере продвижения шум становился все более ясным и жутким. Это были сливавшиеся в единый крик голоса. Они выкрикивали слова, которые Лонерину не удавалось различить.

У него бешено забилося сердце. Скорее всего, он находился рядом с местом, где происходила церемония жертвоприношения. В памяти медленно всплывали мысли о матери, но Лонерин шел не останавливаясь.

Ему казалось, что коридор неестественно длинный, что цель слишком далека, может быть недостижима. В конце коридора, по которому он шел, появилась точка света, красная, как капля крови.

Он ускорил шаг. Тем временем вопли толпы уже заставляли дрожать стены, заполняли зал и коридор. Наконец он дошел, красный свет обволок, поглотил его. Лонерин остановился.

Он оказался у входа в огромную пещеру, освещенную кроваво-красным светом. Весь зал был заполнен убийцами. Они раскачивались, охваченные мистическим исступлением, кричали, обращаясь к какой-то точке зала.

Огромная статуя из черного кристалла — Тенаар. Черный Бог. И вдали, почти неразличимое, тело человека, прикованного цепями. По груди его текла кровь, медленно капая в бассейн, наполненный красной жидкостью.

Ужасные мысли вертелись в голове Лонерина, а желудок скручивал приступ дикой тошноты, которую Лонерин почти не мог побороть.

«Моя мать. Она сделала это для меня. На ее теле тоже была рана, на груди. Кровь моей матери. У подножия этой статуи».

Он обессилел, завыл, обхватив голову руками. Его вопль смешался с шумом толпы.

Лонерин широко открыл глаза от ужаса. Ему хотелось сбежать, но он был пригвожден к месту этим зрелищем.

Еще один крик толпы, и Лонерин пришел в себя.

«Прочь, прочь отсюда!»

В ужасе он сбежал, не думая, куда направляется. Все коридоры, по которым он бежал, казались абсолютно одинаковыми. Его преследовали глухой шум толпы, запах крови — крови этого человека. Лонерин пробежал еще два глухих коридора, растерялся, почувствовал, что умирает.

Лонерин прислонился к стене. Он был взволнован, воспоминания не давали ему покоя, но он должен прийти в себя.

Он не знал, как оказался тут. Он просто шел вместе со своими друзьями, и все.

— Это страшное место, оно внушает страх, здесь недалеко храм, — сказал один из них. И он решился пойти, чтобы увидеть, насколько он силен, чтобы убедить себя, что ничего не боится.

Лонерин шел впереди всех. Другие смотрели на него, как на слабого. Он переболел тропической лихорадкой, его мать исчезла. С тех пор с ним всегда обращались осторожно. А ему этого не хотелось.

Так, идя впереди всех, он и сам не знал, как оказался тут. Он шел. Знал только, что теперь его ноги уверенно и твердо ступают по земле.

— Мы пришли? — спросил один из них дрожащим голосом.

Никто не ответил, потому что все знали — это храм. То самое страшное место.

Здесь было множество костей, торчавших из земли. От запаха гниения перехватывало дыхание.

— Мне тут не нравится, — сказал кто-то.

Лонерин почувствовал, что должен идти вперед. Другого выхода нет. Он продолжал смотреть на кости, белевшие среди черноты ночи.

Он взобрался на холм и еле сдержал крик. Костей больше не было. Тут лежали настоящие мертвецы, трупы. И потом — этот труп. Черная льняная туника, покрытая кровью, волосы, разметавшиеся по земле, огромная рана, искаженное, белое лицо. Она.

Он кричал, кричал, кричал, пока не сорвал голос.

Через несколько дней, когда он снова смог говорить, ему объяснили, перед ее могилой: «Тот, кто хочет чего-нибудь просить у Черного Бога, идет в храм и отдает свою жизнь. Он получает то, о чем мечтает. Так и поступила твоя мать».

Лонерин встряхнул головой, пытаясь прийти в себя. Он попытался изгнать из памяти образ своей матери в общей могиле и успокоиться. Он покрылся холодным потом, дрожал как лист, сердце бешено билось в груди. Он чувствовал, что может убить. Если бы он сейчас встретил хоть одного убийцу, то убил бы его своими руками, не задумываясь о своей миссии.

«Я должен вернуться назад».

Но ненависть — старый друг, с которым очень трудно расставаться, и ненависть снова искала выхода, переполняла его.

Лонерин попытался заглушить гнев. Ему следовало произнести заклинание, или же он никогда не сможет вернуться в свою комнату.

Он взял в руки соломинку, но она дважды падала на землю, ее приходилось подбирать. И произнести заклинание ему было трудно. Он не мог вспомнить слова, а язык не повиновался ему.

Он не говорил. Лонерин несколько дней не мог говорить. После того отчаянного крика у него пропал голос. Теперь он кружил возле общего захоронения, или, может быть, возле маленькой могилы, над которой стояла деревянная плита с одним-единственным именем. Он потерялся и утратил дар речи.

«Почему ты не говоришь, а, Лони? Почему?»

Наконец ему удалось. Слабый голубой лучик появился в плотном воздухе. Лонерин побежал.

Добежав до трапезной, он начал дышать спокойнее. Когда он наконец вернулся в зону, предназначенную для просителей, почувствовал, что избавился от кошмара.

Лонерин прислонился спиной к стене. Из уголка глаза вытекла слеза. Слезка боли, ненависти и беспомощности.

Едва Дубэ вернулась, как ей встретила Рекла. Глаза у нее блестели.

— Ну что? Ты сделала это?

— Его не было в Макрате.

У Реклы тут же изменилось выражение лица.

— Еще неделю назад наши видели его там.

— Вероятно, он ушел.

Дубэ повернулась, чтобы уйти, но Рекла железной хваткой вцепилась ей в руку.

— Ты делаешь мне больно...

— Не пытайся обмануть меня... не пытайся... я думала, тебе понятно, что я могу быть жестокой и упорной...

Дубэ пыталась сохранять спокойствие.

— Я говорю тебе правду. Я вернулась, потому что в Макрате его не было, но нашла одного информатора, который будет искать.

— Если это неправда, то ты знаешь, что тебя ждет...

— Его превосходительство сказал мне, что у меня есть месяц. Почему ты требуешь этого от меня сейчас? У меня еще больше двадцати дней.

Рекла долго угрожающе смотрела на нее.

— Повторяю тебе: если ты лжешь, то через двадцать дней заплатишься.

Она отпустила Дубэ, и та пошла по коридору с напускным спокойствием. Однако в груди ее бушевала самая настоящая буря. Встреча с Дженной дала ей понять, что она дошла до предела. Она больше не могла тут оставаться, ни за что на свете. Она боялась утратить в себе все человеческое.

Посвящение, жертвоприношение, требование убить Дженну — вот все этапы печального пути, который вел ее к безумию.

И она приняла решение.

Она пришла к Шерве на урок, была послушной и согласной на все весь день, но Шерва был из тех людей, от которых нелегко скрыть тайну.

— Ты молодец, не отрицаю, даже больше, чем я ожидал, — сказал он ей под конец. — Я не думал, что ты столькому научишься, сможешь сосредоточиться и действовать, когда твои мысли совсем в другом месте.

Дубэ знала, что момент настал. И у нее нет другого выхода.

Она встала перед ним, выпрямилась, еще тяжело дыша после тех упражнений, которые выполняла весь день.

— Что случилось?

— Ты должен мне помочь.

Шерва молча застыл.

— Никакая игра не стоит той цены, которую я плачу, никакая, хотя я еще не готова к тому, чтобы умереть и согласиться без гнева на ту участь, которую мне уготовил Иешоль.

— Может, я чего-то не понял, — довольно осторожно начал Шерва. — Мое отношение к культу, вероятно, ввело тебя в заблуждение...

— Ты не такой, как все, ты любишь только самого себя.

Эти слова, казалось, произвели впечатление на Шерву.

— Да, наверное, это так...

— Я чувствую, что могу обратиться только к тебе. Поэтому ты поймешь, если я скажу тебе, что мне нужно покинуть это место.

Шерва покачал головой:

— Я уже столько лет в Гильдии, я многим обязан им...

— И ты остаешься здесь только потому, что не считаешь себя достигшим того уровня, который позволит тебе убить Иешоля, — прервала его Дубэ.

Шерва замолчал. Возможно, он не мог поверить, что эта девочка в состоянии так хорошо читать его мысли.

— Не заблуждайся. Я молода, но понимаю, потому что многое повидала.

— Причина, по которой я нахожусь здесь, связана только с моей верностью этому месту. Уверяю тебя, и не говори мне больше ни слова.

— Почему? Ты хочешь оттолкнуть меня? Я отчаялась. Медленному умиранию в этой каменной конуре я предпочту быструю смерть.

Шерва встал.

— Урок закончен. Я забуду все, что ты мне сказала, но сейчас уходи.

Дубэ неподвижно продолжала стоять на том же месте.

— Иди. Ты не знаешь о моей жестокости. Иди, так будет лучше для тебя.

Дубэ и не пошевелилась.

— В Большом зале есть ход, я знаю, но мне не удалось найти его. Скажи мне только, где он.

— Никакого хода нет, ты ошибаешься.

— Он есть, и ведет в комнату стражей.

Шерва угрожающе нахмурился.

— Ты вынуждаешь меня убить тебя?

— Ты — единственный, кому я здесь доверяю. Скажи мне только, где этот ход.

— Если кто-то выйдет, то это будет конец, поняла? Никто не может уйти отсюда, даже не пытайся.

— Ты боишься, что тебя убьют? Ты этого боишься?

— Не играй со мной... Ты хочешь получить снадобье, чтобы уйти.

Дубэ сжала кулаки, закусил губу.

— Ты не веришь в Тенаара, ты не веришь в проклятые обряды этого храма, ты хочешь только личной власти! Так что же тебе стоит сказать мне, что? Тебя интересует судьба этого места? Или, может быть, ты думаешь, что день, когда Иешоль окажется в твоей власти, никогда не придет?

Шерва оставался невозмутимым и холодным.

— Выйди.

Не удалось. Сказать больше было нечего. Дубэ, опустив голову, направилась к двери.

«Я сделаю это сама», — повторяла она. Но это означало потерю времени, а времени уже не оставалось.

— У подножия статуи, между бассейнами, стоит статуя, как в храме.

Голос Шервы был чуть громче шепота, но он заставил Дубэ вздрогнуть.

Девушка обернулась, благодарно посмотрела. Но лицо стража гимнастического зала было по-прежнему суровым.

— Иди, — просвистел он.

Дубэ не заставила повторять дважды.

Она решила действовать быстро, той же ночью.

Как только Дубэ убедилась, что все в Доме спят, она вышла из своей комнаты и быстро побежала.

Ей казалось, что ее ноги ступают слишком тяжело, что каждый ее шаг производит страшный грохот. Сердце билось слишком учащенно, ей казалось, что все ее движения сопровождаются оглушительным шумом. Она знала, что это только кажется. Шерва говорил ей об этом.

Все хорошо... все хорошо...

Она остановилась на пороге зала. Сердце стучало. В помещении все было спокойно. Статуя Тенаара омывала свои ноги в крови.

Дубэ оторвала взгляд от бассейнов. Они притягивали зверя, который уже бил копытами вдали.

Она осторожно вошла, долго смотрела на статую. Ей всегда казалось, что оба бассейна связаны, или, во всяком случае, под ногами Тенаара смыкались, не образуя прохода. Однако, взглядевшись внимательнее, она заметила маленькое темное пространство, которое трудно было различить. Оно было узким, и, вероятно, следовало прижаться к статуе, чтобы попасть туда. Но оно существовало.

Она мысленно поблагодарила Шерву и двинулась вперед.

Надо было найти статую, о которой ей сказал Шерва, а потом и ту точку, на которую нужно было нажать, чтобы привести в действие механизм двери. Упоминание Шервы о храме заставляло думать, что точка на этой статуе находится в том же месте.

Она внимательно оглядела ноги статуи. Но к счастью, заметила — рядом что-то происходит. Сначала было смутное ощущение опасности, потом шум, сильный и неожиданный. Тут кто-то был.

Ее тело моментально среагировало.

Лонерин возвращался сюда уже два вечера подряд после жертвоприношения.

Хотя он все еще чувствовал себя потрясенным, времени терять было нельзя. Его могли принести в жертву в любой момент, значит, следовало шевелиться.

И в этот вечер он тоже пришел. Надо было проникнуть в комнаты убийц, для этого он решил начертить подробнейший план этого места, а потом вернуться и посмотреть на эти комнаты днем, если такая возможность представится.

Сейчас, ночью, он находился в зале, где совершалось жертвоприношение. Он шел быстро. Его шаги шелестели по полу и отдавались под сводами. Но он не думал об этом. К тому же в этот час тут никого не было.

Поэтому, когда чья-то холодная рука схватила его, он окаменел. Рука прижала его к стене, и тогда он увидел блеск кинжала.

Все произошло невероятно быстро, так, что он даже не успел испугаться. Неудержимый страх пришел потом: у Лонерина ослабели ноги.

Прямо у его горла был кинжал, и рядом — лицо, которое Лонерин сразу же узнал. Девушка из храма — та, которую он заметил, ожидая, когда его допустят в Дом.

— Ты? — недоверчиво сказала она, и ее хватка несколько ослабла. Она узнала его.

Лонерин чувствовал, что все потеряно. Он хотел попросить девушку, чтобы она быстрее прикончила его.

Но неожиданно она опустила кинжал.

— Что ты тут делаешь?

Лонерин утратил дар речи. Он совсем не мог раскрыть рот, а руки и ноги его онемели. Он был изумлен и ничего не понимал.

Девушка некоторое время ждала его ответа, потом осмотрелась вокруг.

— Здесь нас могут увидеть, — заметила она.

Она оттолкнула его от стены, поставила перед собой и сжала ему горло рукой. Однако кинжал убрала.

— Иди.

Они торопливо прошли через зал. Девушка шла быстро, но совершенно бесшумно, а ноги Лонерина громко стучали по камню.

— Ты нарочно так шумишь? — проворчала она.

— Я... — пролепетал Лонерин, обретая дар речи.

— Быстрей, — отрезала она.

Они шли по коридорам, затем завернули в ближайший лабиринт, дошли до какой-то двери. Девушка не без труда открыла ее, подтолкнула Лонерина внутрь и закрыла дверь за собой.

Это была темная и холодная конура, в ней стояли кровать и скамейка. Комната убийцы. Лонерину потребовалось некоторое время, чтобы осознать невероятный результат. Его будто ударили обухом по голове.

Девушка зажгла свечу и встала перед ним.

— Говори тише, иначе нас услышат, — прошептала она. — И не пытайся играть со мной.

Лонерин некоторое время молчал. Он все еще не мог прийти в себя. Теперь он лучше разглядел девушку: она была грациозная, чуть моложе его. У нее была фигура девушки, почти женщины, и очень взрослое выражение лица, на котором читалась печать молчаливой муки, и это сразу же внушило Лонерину чувство одновременно сострадания и симпатии. Она похудела с того дня, когда он ее видел, и побледнела, хотя, возможно, в первый раз он ее не слишком хорошо рассмотрел.

— Ты проситель? — Нежный голос прервал цепь его мыслей.

— Зачем ты привела меня сюда? Я тебе все равно ничего не скажу!

Девушка разозлилась. Она вложила кинжал в ножны.

— Ну вот. Так тебе спокойнее?

Лонерин не знал, что и думать. Это могла быть ловушка. Однако девушка не звала на помощь, а привела его в свою комнату. В этом не было смысла.

— Почему ты привела меня сюда? — повторил он.

— Чтобы понять.

Лонерин думал, что, может быть, стоило перейти в наступление.

— А что ты сама делала там? Убийцы не гуляют в такие часы...

Он попал в цель. Девушка слегка покраснела.

— Поступим так: я отвечу на твои вопросы, а ты — на мои. Как ты себя чувствуешь?

Это был самый нелепый и опасный разговор в его жизни.

— Хорошо.

Он сказал это просто так, надеясь, что ответ покажется правильным.

— Ты — не обычный проситель, правда? Я поняла это, когда увидела тебя в храме.

Лонерин почувствовал досаду.

— На основании чего ты сделала такой вывод?

Девушка пожала плечами:

— У настоящих просителей нет никаких причин жить, ими движет только их мечта. В твоих глазах читалось иное.

Лонерин вспотел. Она была проницательной. На других его представление подействовало.

— Как тебя зовут?

— Лонерин. А тебя?

— Дубэ.

Быстрый ответ успокоил его. Может быть, это и не западня.

— Ну так что же? — настаивала она. — Что ты там делал? И кто ты?

— Сначала ответь ты.

Несколько мгновений Дубэ колебалась, но все-таки ответила:

— Я искала проход в комнаты стражей. Я знаю, что он находится в этом зале.

Лонерин ничего не понимал.

— Стражей?

— Это убийцы высшего разряда, те, что носят жилеты с цветными пуговицами. В его памяти сразу же всплыли образы стражей, контролирующих просителей.

— Значит, они спят в особом месте?

— Именно так.

— А зачем вся эта таинственность? И вообще: разве вы не можете перемещаться по Дому, как хотите?

— Не все. Я — не могу.

— А почему?

Дубэ улыбнулась:

— Я рассказала о себе. Перед тем как продолжить, расскажи и ты о себе.

Лонерин снова начал обливаться потом. Что теперь? Что он мог рассказать?

— Я пришел сюда на разведку.

Тишина, последовавшая за этим ответом, длилась довольно долго.

— Что ты хочешь узнать?

— Все о Гильдии.

— Для кого?

Лонерин заколебался. Он боялся выдать себя.

— Этого я не могу сказать.

— Хорошо... Не важно, по крайней мере сейчас. Ты искал то же, что и я?

Вот чего она хотела: обмена информацией.

— Я никогда не слышал о том проходе, о котором ты рассказала.

Девушка долго и испытующе смотрела на него.

— Послушай, я здесь не для поиска тайных проходов или чего-нибудь в этом роде...

И вдруг он неожиданно для самого себя стал говорить правду. Он не понимал почему, но доверился этой девушке, и это казалось ему неслыханным. Она была незнакомкой, застигнувшей его во время опасного занятия, кроме того, она была врагом. Однако он доверился ей.

— Я — маг, — сообщил он. — Я пытаюсь понять, что замышляет Гильдия. Знаю, что существует какой-то тайный план, нечто серьезное. Я собираю сведения.

Дубэ нахмурилась.

— И ты хочешь сделать это, притворившись просителем?

— Тебе известен другой способ?

Девушка прислонилась к стене, подняла глаза вверх.

— Нет, на самом деле, нет.

— А что ты будешь делать теперь?

Лонерин ждал.

— Я — не победительница. Я отпущу тебя, и покончим на этом. Меня не интересует, что случится с этим Домом: пусть он исчезнет, провалится, тем лучше.

В ее голосе звучала странная покорность, скрытая боль, то же, что Лонерин увидел в ее глазах в момент первой встречи. Нет, она не была убийцей, в том смысле, который имело это слово там, где они находились.

Внезапно девушка вздрогнула.

— Ты сказал — маг?

Лонерин кивнул.

Она какое-то время смотрела на него, потом закатала рукав куртки и показала ему что-то.

— Узнаешь?

Лонерин взял ее руку и поднес к свету. Чуть выше локтя на руке был черно-красный знак. Юноша внимательно осмотрел его, провел по нему пальцами. Не требовалось много времени, чтобы узнать. Он содрогнулся.

— Это — печать.

— Мне сказали, что это — проклятие.

Ее голос дрожал.

Лонерин посмотрел ей в глаза. Ему было страшно.

— Есть разница между проклятиями и печатями. Проклятия — это волшебство, не связанное навечно с тем магом, который произносит заклятие, это — простое волшебство низшего уровня. Проклятия действуют только один раз и могут быть сняты более могущественным волшебством. А печати — нет.

— Я знаю разницу, однако теория меня не интересует. Почему ты говоришь, что это — печать?

— Я знаю этот вид запретной магии: ни одно проклятие не оставляет на теле знаков. Только печати имеют такую форму.

Дубэ неловко убрала свою руку и опустила рукав.

— Если ты хочешь, чтобы я тебе помог, расскажи мне все.

Она молчала, опустив голову. Лонерин был поражен, когда Дубэ рассказала ему свою историю. Историю жестокого обмана, историю долгой агонии тут, в скале, историю зверя, жаждущего крови, который постепенно пожирал ее Душу.

— Я хочу уйти отсюда. Я умру, если тут останусь. Это переходит всякие границы, и я...

— Я знаю, — прошептал Лонерин, сжимая кулаки. — Я знаю.

— Мне нужно снадобье, — сказала она. — Поэтому я здесь. Я ищу комнату стража ядов, чтобы похитить снадобье и убежать отсюда. Ты можешь мне помочь?

Лонерин не знал ее, но испытывал к ней сострадание: еще одна жертва Гильдии...

— Тебя обманули.

Девушка резко подняла голову.

— Печать невозможно излечить. Снадобье, которое тебе дают, сдерживает симптомы, но печать продолжает действовать и развиваться. Ее не остановить.

Ему не хватало смелости смотреть Дубэ в лицо. Он чувствовал ее учащенное дыхание.

— Ты ошибаешься...

— Я — не знаток печатей, но... их не снимают... и прежде всего их нельзя излечить простым снадобьем.

Дубэ стояла перед ним будто окаменевшая. Она опустила руки и растерянно смотрела на него.

— Ты ошибаешься... — повторяла она.

— Очень редко их можно снять, — осторожно заметил он. — Печать, если она наложена не слишком могущественным магом, с большим трудом, но может быть снята. Например, Астер снял одну печать.

Казалось, что к щекам Дубэ прилила кровь.

— Однако это очень трудное дело, доступное только великим магам. Достигается огромными усилиями, но не всегда получается...

— Ты знаешь таких?

Лонерин помрачнел.

— Кого?

— Магов, которые умеют снимать печати.

Он не знал. Может быть, Фольвар?

— Может быть...

— Я все отдам тебе, лишь бы встретиться с ним, все отдам... отведи меня к нему, и я все для тебя сделаю.

Она была в отчаянии.

— У меня... у меня есть миссия... потом... бежать...

— Я буду следить за Гильдией вместо тебя.

Она сказала это решительно, он видел, она говорит правду. Дубэ не производила впечатления человека, бросающего слова на ветер.

— Хочешь, чтобы я сказала тебе, что происходит в этих стенах? Я сделаю это. У меня больше свободы передвижения, чем у тебя, к тому же я умею следить. По сути, отслеживание — это и есть мое ремесло. Я разужна обо всем, что тебе нужно, выведу тебя отсюда, а ты взамен отведешь меня к тому, кто сможет меня исцелить.

Лонерин вдруг почувствовал растерянность. Ее умоляющий взгляд, это предложение, этот обмен — жизнь на ту работу, которую он должен был выполнить, — казался ему почти безнравственным. Он не был уверен, что сможет спасти ее, но как отказаться?

— Я не уверен, что могу спасти тебя... — вынужден был признаться Лонерин.

— Это не важно. Мне достаточно отдаленной надежды и одной только мечты выбраться отсюда.

Бездна ее отчаяния, ее решимость пугали Лонерина.

— Хорошо, — прошептал он.

28

ПЕРВЫЙ РАЗ. ПРОШЛОЕ IX

Как только Дубэ решила, она почувствовала себя уверенней. Все связи с прошлым были окончательно отрезаны, теперь у нее была одна дорога. После встречи с матерью ей казалось, что она поняла: выбора больше нет. Она с удивлением обнаружила, что теперь все стало ясно. Судьба. Ее судьба — убивать, стать убийцей и жить вместе с Учителем. Это — единственная уверенность в мире хаоса.

— Я хотела бы уйти отсюда... — тихо сказала она.

Учитель посмотрел на нее:

— Ты не уверена в своем выборе?

Дубэ быстро кивнула:

— Нет, нет, не в этом дело... дело в том... это трудно... для меня началась новая жизнь, так почему же...

Они ушли в тот же вечер. И снова — дорога, новые дома и новые земли.

Сначала они блуждали по Земле Солнца, почти целый год путешествовали по разным местам, деревушкам. Но ни разу не проходили мимо Сельвы. Может быть, ее больше нет, может быть, ее и не существовало и она живет только в воспоминаниях Дубэ. Та жизнь казалась ей такой далекой, и сама она настолько была далека от себя прежней, что с трудом верила в свои воспоминания.

Потом они вернулись домой, в Землю Моря. Когда Дубэ снова увидела океан, она почувствовала, как бьется ее сердце. Она бежала по песку, по линии морского прибоя, как в первый раз, и как в тот раз море бушевало.

Ничего не изменилось, и дом стоял на прежнем месте. Это был мир Учителя, мир, который не меняется. Зато она меняется, она обнаружила это, когда снова легла в свою кровать.

Дубэ помнила широкую, удобную кровать, а теперь она стала тесной для нее, девочка умещалась на ней, только согнув ноги в коленях.

Она выросла, ее тело изменилось. Она видела, чувствовала это и с трудом понимала. Бедрa стали более мягкими, ноги — длиннее, выступили холмики грудей. Женщина, заключенная в ней, просилась наружу, каждый месяц проявлялась ее женская природа.

Иногда ей это нравилось. Она смотрелась в воду лохани, в которой умывалась, и находила себя милой: детское лицо и набухшие груди. Она, краснея, думала о том, есть ли у нее надежда понравиться Учителю, может ли эта ее проявляющаяся женственность его привлекать. Если бы она и решила выйти замуж или полюбить кого-нибудь, то это мог быть только он.

Она встряхивала головой, изгоняя эти мысли, и капли с ее волос слетали на поверхность воды и на пол. Иногда ей не хотелось быть женщиной. Ей хотелось бы быть бесполой — так она могла по-настоящему, полностью отдаться службе Учителю. Она хотела

стать такой, как он, измениться, чтобы стать его подобием. Несущей смерть, как он, элегантной, как он, — вот чего она хотела бы. А ее тело мешало ей, это была стена, отделявшая Дубэ от человека, которого она любила больше всех.

Пока же природа лепила ее тело, обучение шло успешно. Теперь Дубэ всегда сопровождала Учителя и видела, что он доверяет ей. Теперь только она готовила яды, и множество сделок совершала именно она. Только о работе в Земле Солнца, где они уже побывали, договаривался Дженна. Они с Учителем иногда приходили туда ради совершения какой-нибудь удачной сделки.

Дубэ чувствовала, что момент близок. Вскоре убивать придется и ей самой. Иногда она думала об этом: как это произойдет, что она будет испытывать. Она видела это много раз, так часто, что это событие перестало что-либо для нее значить. Но убивать самой — совсем иное, она это понимала, Горнар оставался для нее неизгладимым воспоминанием, раной, которая всегда кровоточила.

Ей приходилось присутствовать при убийствах, но она не могла смотреть в глаза мертвецу. Она была уверена, что если посмотрит в глаза умирающего, то увидит в них себя и Горнара.

Она думала об этом, и думала часто.

Но момент настал неожиданно, для нее и для Учителя.

Речь шла об обычной работе. Она, как всегда, должна была помогать Учителю и, как обычно, сама заключала договор.

Дубэ встретила с человеком из соседнего города. Шел затяжной дождь, ее плащ очень скоро промок. Она вошла в помещение, которое выбрала для переговоров, дрожа от холода, но ей пришлось накинуть мокрый капюшон. Может быть, это было начало болезни, может, привычный страх, который она испытывала каждый раз, когда шла договариваться о деле.

Человек, стоявший перед ней, был небольшого роста и тоже казался испуганным. У него была маленькая лысая голова и пухлое детское тело.

Он говорил быстро, волновался и все время озибался по сторонам.

— Не надо вести себя так подозрительно, — сказала ему Дубэ с обычной сдержанностью. — Вы привлекаете внимание.

Но после ее замечания он еще больше засуетился.

Он стал рассказывать Дубэ историю про месть, в которой Дубэ вскоре запуталась. Речь шла о склоках между мелкой знатью, о глупых людях, пытавшихся доносить друг на друга. Дело происходило на границе, где всегда шла война. Человек был посланцем мелкого наместника, который хотел расквитаться со своим соперником и устал ждать, когда война отомстит за него.

— Человек, которого твой хозяин должен убить, живуч, как кошка, к тому же он трус, все время отсиживается в тылу, никогда не появляется на передовой...

Дубэ ошалела от этого бессвязного бормотания, мелочности всех этих взаимных претензий, о склоках, о человечках, которые думают возвыситься в результате убийства.

«И из-за таких пустяков убивают?»

— Скажите, что нужно сделать?

Человечек назвал время и способы убийства.

— Шестьсот каролой.

Обычная тактика, на которую человечек поддался. Дубэ вышла, наконец, из помещения, держа в руках рисунок с портретом жертвы, с новой работой для Учителя.

Вечером она все рассказала Учителю: о встрече, о переговорах, о работе.

— Человек, о котором идет речь, находится в одном дне пути отсюда, ему дали отпуск, и он покинул место военных действий.

Учитель задумчиво потер подбородок.

— Я бы сказал, что первым делом нужно отправиться туда, где он находится. Узнаешь о его перемещениях, может быть, придется вступить в контакт с кем-то из его слуг.

— Надо отправляться завтра. Отпуск продлится неделю, времени мало, а от этого дела надо избавиться.

— Мне кажется, это неплохая мысль.

Дубэ улыбнулась. Теперь Учитель соглашается с ее предложениями и почти полностью доверяет ей слежку. Она гордилась таким доверием и радовалась, что может быть ему полезна: ведь он столько сделал для нее.

В последующие дни Дубэ полностью погрузилась в работу.

Они поселились в одной гостинице, представившись как отец и дочь, хотя хозяин принял их за парочку или что-то в этом роде. Учитель очень разозлился от такого предположения, а она, почти польщенная, покраснела. К тому же Учитель был не настолько старше ее, наверняка не настолько, чтобы быть ее отцом.

Целыми днями она занималась слежкой, проверяла дом жертвы, следила за его перемещениями. Все, что она узнавала, подробно пересказывала Учителю. И только когда все обстоятельства дела были ясны, он сделал последние приготовления.

Однажды вечером Учитель разъяснил ей план действий:

— Устрою ему засаду в лесу. Я договорился с кучером жертвы. Он привезет его сюда, в уединенное место. Когда все будет кончено, я убью и кучера.

Дубэ потеряла дар речи от этой новости. Она знала этого человека, разговаривала с ним несколько раз во время слежки.

— Но почему кучера? Разве он тебе не помог?

Дубэ тут же поняла глупость своего вопроса. Учитель несколько мгновений смотрел ей в глаза. Дубэ был знаком этот взгляд — немой упрек.

— О чем я говорил тебе?

Дубэ потупила глаза.

— Да... это — свидетель.

Они вышли вечером, в полной темноте. Дубэ посмотрела на небо. Луны не было. Для такого рода работы много света не нужно.

Она закуталась в плащ. Как всегда, сопровождая Учителя, она испытывала противоречивые чувства. Возбуждение, страх, угрызения совести. И каждый раз она чувствовала себя будто оглушенной.

Они устроились в зарослях.

Движения обоих были безупречны, они действовали ловко и бесшумно.

Ожидая жертву, Учитель был абсолютно спокоен. Дубэ передала ему стрелы.

Прошли минуты, а может быть, и часы. Дубэ и сама не знала. Поднялся ветер, зашумели листья. Это было им на руку: чем больше шума, тем меньше будет их слышно.

Наконец застучали копыта лошадей по сухой траве. Дубэ положила руку на кинжал. Простая предосторожность, предосторожность, к которой Дубэ уже привыкла, с тех пор как начала помогать Учителю.

Он уже был готов, держал руку на кинжале, извлеченном из ножен.

Стук копыт усиливался, карета ехала быстрее, послышался неясный голос вдали.

— Что это...

Карета появилась внезапно, Дубэ увидела тяжело дышащих лошадей, раздувающих ноздри. Было темно, но глаза Дубэ привыкли: в темноте она видела хорошо.

«Они слишком близко», — подумала она и инстинктивно застыла. Как раз в тот момент, когда ей показалось, что они проезжают мимо, карета повернула и затормозила.

Учитель вскочил, не произнося ни слова.

Дубэ увидела, как он резко открывает дверцу кареты. Ей удалось разглядеть человека, находившегося внутри, она увидела его глаза, их слабый блеск в ночи.

«Нет!» — хотела было закричать Дубэ, но Учитель действовал быстро, он стоял над

ней, и Дубэ больше ничего не увидела. Только какой-то шум, ноги, стучащие по дереву. Приступ тошноты скрутил ее внутренности. Она видела столько смертей, но ей не удавалось оставаться хладнокровной. Она злилась на саму себя и на свою слабость.

С кинжала Учителя капала кровь. Кучер все время оставался на своем месте, вглядываясь в пустоту перед собой.

Дубэ научилась чувствовать ужас, она поняла, что человеку страшно, жилы на его шее набухли, он сжал челюсти.

Учитель направился к нему, и было видно, как этот человек затрясся.

— Ты свое дело сделал, — сказал ему Учитель. Дубэ знала, что он делает так, чтобы успокоить кучера.

Все произошло в одну секунду. Человек прыгнул со своего места и кинулся в лес. Учитель бросился за ним, но не успел схватить его.

— Дубэ! — закричал он.

Ее тело отозвалось раньше, чем она это осознала. Дубэ побежала так быстро, как сама не ожидала. Страху и прочим чувствам места не оставалось. Все происходило слишком быстро.

Ее руки схватили нож, пальцы действовали легко, она сделала точный бросок. Человек перед ней был только неясным темным пятном. Дубэ не понимала, что делает, у нее не было времени думать.

Потом приглушенный крик, и она снова осознала реальность происходящего.

«Я попала в него, — подумала она, почти не веря самой себе. — Я убила его».

Учитель подбежал к человеку, сжимая в руке кинжал. Остановился. И больше — ни одного движения. Он повернулся к Дубэ:

— Ты убила его.

Эти слова странно прозвучали в тишине леса. Дубэ застыла на месте.

«Я убила его».

Она больше ни о чем не могла думать. В ее ушах звучал последний вопль этого человека, звон брошенного ножа.

Она встала, подошла к Учителю.

— Я убила его.

Кучер лежал лицом на ковре из листьев. Кровь вытекала на землю. Дубэ не могла видеть его лица, но как будто видела, у него были глаза Горнара.

— Твое первое убийство, Дубэ. Теперь ты — наемный убийца.

Дубэ застыла на месте, опустив руки. Она ничего не чувствовала. Она подняла глаза. На небе светились слабым светом мириады звезд.

«Сколько их...»

Она оторвала взгляд от этого человека. Почувствовала, как из глаз льются слезы. Потом посмотрела на Учителя и, кажется, успокоилась.

— Ты держалась молодцом.

Домой они вернулись за полночь. Все было кончено. Как будто ничего и не произошло.

— Я отдам тебе половину денег, ты это заслужила, — сказал ей Учитель.

Дубэ слушала его рассеянно. Теперь ничто уже не имело значения. Все происходило так, будто она смотрела сквозь стекло. Все было далеко и бесполезно.

Потом она осталась одна в своей комнате. Между ней и тем, что произошло, уже не стоял туман.

Это произошло неожиданно, совсем не так, как она ожидала.

Учитель похвалил ее. Она сделала то, для чего была рождена, она сделала это инстинктивно, и сделала хорошо. Однако она не чувствовала удовлетворения, только отчаяние. Судьба свершилась, отныне и впредь все всегда будет так: поиски работы, убийства, деньги и опять все сначала, спираль, от которой перехватывает дыхание.

Она вышла из дома, хотя дул сильный ветер и ветер нес песок. Она пошла к колодцу. Порывы ветра яростно били ей в лицо. Она вытащила ведро и погрузила руки в воду. Вода

была ледяной. Дубэ провела рукой по лицу, потом полила воды на руки, и снова, и снова, пока не утратила чувствительность, пока пальцы не онемели и лицо не стала колоть тысяча иголок.

— Горнар... Горнар...

Почувствовав, как чьи-то руки обхватили ее за плечи, она яростно оттолкнула их.

Позади стоял Учитель. Было темно, но Дубэ видела, что он печален. Она не могла подойти к нему.

— Я не хотела убивать Горнара... — прошептала она и почувствовала, что сходит с ума.

— Пойдем домой.

— Я не хотела его убивать!

Учитель сильно схватил ее за руку, прижал к себе.

— Пойдем домой, — повторил он сдавленным голосом.

И она расплакалась.

Учитель отвел ее домой, посадил перед камином, завернул в свой плащ. Но холод не отступал, обволакивал ее, и в эту первую ночь после убийства не было такого тепла, которое могло бы ее согреть.

Учитель терпеливо ждал, пока она даст волю чувствам, переживет ненависть, боль, чувство вины.

В конце концов все прошло. Может быть, это чувство снова вернется, но на какое-то время все прошло.

— Так всегда бывает, ты должна знать это.

Голос Учителя снова был таким же, как и в первую ночь: полным боли, понимания, почти нежным и теплым.

— Я жил в Гильдии. Ничего другого я и не знал, с самого своего рождения в тех проклятых стенах. С детства меня ни к чему не приучали, кроме смерти, меня учили, что убивать хорошо, что это делается во славу того проклятого бога, которого следовало бы стереть с лица земли. Я больше ничего не знал в жизни, ничего. В двенадцать лет от меня потребовали совершить первое убийство. Жертвой был один из наших, однажды совершивший слишком серьезную ошибку. Там так поступают. Тот, у кого недостает храбрости, умирает. И я думал, что поступаю правильно, выполняю священный долг, что мне оказали честь таким выбором.

Он негромко и горько засмеялся.

— Это было не трудно. Он был почти опьянен теми снадобьями, которые они используют. Мне надо было всего лишь убить его ударом ножа в сердце. Я хорошо знал, как это делается. В двенадцать лет я знал, как убить человека, как заставить его страдать и как убить его в одно мгновение.

Он замолчал, вздохнул. Дубэ слушала его.

— Мне показалось все это пустяком, когда я совершил убийство. Однако в последующие дни меня мучил образ покойника: каким он был при жизни, как он смотрел на меня, когда я ударил его кинжалом. Он преследовал меня. Я чувствовал себя грязным, но, сколько бы я ни мылся, на моих руках всегда оставалась кровь, всегда.

В какой-то момент Дубэ показалось, что он почти плачет, но потом он снова заговорил, уверенно и громко, как обычно:

— Потом я пришел в себя. Так всегда бывает. Но в первый раз я тоже хотел умереть, как и ты.

Дубэ снова заплакала.

— Я думала, что хочу этого, Учитель, думала, что просто победила Горнара, и все, но оказалось иначе... это никогда не забудется... никогда...

Учитель крепко прижал ее к себе.

— Теперь ты понимаешь, почему я не хотел оставлять тебя рядом с собой, понимаешь? Моя дорога такова, и я не хотел, чтобы ты тоже шла по ней.

Он крепко обнял ее, Дубэ прижалась к его груди.

— Поклянись мне, что больше не будешь этого делать, — выдохнул он.

Это были те слова, которые Дубэ с самого начала не хотела слышать. Слова, которые означали для нее одиночество и брошенность. Теперь они были желанными, почти вымоленными. Но она все еще боялась.

— Не бросай меня, Учитель, не бросай меня! Я научусь убивать без страха, стану безжалостной, как ты, сделаю все, что ты захочешь.

— Но я не хочу этого!

Голос его был громким, но в нем звучало отчаяние.

Он оттолкнул ее, потом взял в руки голову, посмотрел ей в лицо.

— Я не хочу, чтобы ты еще убивала, не хочу, чтобы ты оставалась со мной.

Дубэ не знала, что думать. Она любила только Учителя. Если для него нужно убивать и испытывать такой же ужас, который каждый раз будет ее мучить, то она сделает это.

— Посмотри на меня! Ты не хочешь убивать, и я знаю это! Если бы ты могла остаться со мной, не делая этого, что бы ты выбрала?

Она не знала, что ответить.

— Я хочу остаться с тобой... Ты всегда был со мной, и я всегда хочу быть рядом с тобой...

— Но хочешь ли ты убивать? Ты хочешь продолжать делать это день за днем, пока не умрешь вместе со мной?

Он смотрел на нее так внимательно, что Дубэ почувствовала себя беззащитной под его взглядом.

— Нет! Я не хочу этого! Я не хочу больше этого делать! — сказала она сквозь слезы, крепко обнимая его. — Но не бросай меня!

— Я не сделаю этого... никогда... ты останешься со мной, но, клянусь тебе, ты никогда не будешь больше делать подобное.

Дубэ крепко обняла его, прижалась к нему.

— Спасибо, Учитель, спасибо...

Учитель нежно отстранил ее и приблизил свои губы к ее лбу.

Дубэ, как будто что-то подтолкнуло ее, подняла голову, и их губы встретились. И если для него это был братский поцелуй, которым человек потерянный целовал существо, разделяющее с ним его мрачную судьбу, то для нее все было иначе. Для Дубэ это был результат долгого пути, обожания, которое росло вместе с ней, длилось бесконечно, это был тихий остров и нежность моря в слишком печальной ночи.

Но так было всего лишь мгновение: Учитель тут же отстранился. Он ограничился тем, что снова прижал ее к себе.

Дубэ почувствовала, как ее тело ослабевает, а сердце бешено бьется. Но не было больше ни страха, ни сожалений. Это было что-то новое, сладостное. Она ощутила, как тревога понемногу уходит. Потом она уснула.

29

ОБРЫВКИ ПРАВДЫ

Этим вечером Дубэ проводила Лонерина в его спальню. Впервые она увидела то место, где живут просители. От зловония, исходящего от массы людей, у нее перехватило дыхание. Она подумала, что этот худенький юноша должен действительно сильно ненавидеть Гильдию, чтобы рисковать жизнью и так унижаться ради ее уничтожения. Она посмотрела на него, когда он осторожно входил в зал, и подумала, что они с ним похожи. Она задержала его:

— Я сама приду за тобой. Один не выходи отсюда.

Лонерин сосредоточенно посмотрел на нее:

— Почему?

— Потому что ты — проситель, и ты не умеешь быстро двигаться. Во время прогулки по Дому тебя сразу же обнаружат. Предупреди меня только, если жертвоприношение станет неизбежным, но я думаю, что это не произойдет в ближайшие три или четыре месяца.

Лонерин не слишком убежденно кивнул:

— Как хочешь... а когда мы увидимся?

— В худшем случае — через неделю.

Она развернулась и как можно быстрее вернулась в свою комнату.

Снова она потушила единственную горящую свечу и бросилась на кровать прямо в одежде. Она попыталась контролировать свое дыхание, но чувствовала, что очень взволнована, если не сказать больше.

Она никогда по-настоящему не верила, что Гильдия может излечить от проклятия, была убеждена, что ее хотели только удержать в том состоянии, в котором она сейчас находилась, как можно дольше, потому что она по своей слабости поддалась на шантаж. Но в том, что лечение существовало и что это было снадобье, выдаваемое Реклой, Дубэ никогда не сомневалась.

Теперь все было иначе. Единственное решение, которое она нашла, оказалось неудачным.

Да, может быть, Лонерин и соврал, но у него не было причины на это, тогда как у Гильдии было множество доводов, чтобы скрывать правду. Нет, Лонерин сказал правду. Она знала это. Значит, ее состояние не улучшилось, зверь все чаще поднимал голову, он с каждым днем чувствовал себя все сильнее и сильнее. Мысль о бесполезности этих месяцев поразила ее, как удар кинжала в живот, и довела до рыданий. Боль последнего времени, то одичание, до которого она дошла, принесение в жертву того человека... все напрасно, все это было плодом ужасного обмана.

Но теперь она знала. Теперь у нее не было больше никаких сомнений. Она может найти способ...

Она могла бы разрушить это место, убить Иешоля и похоронить под обломками культа Тенаара и Астера.

Следующим вечером она решила, что уже нельзя медлить. Первым делом следовало найти комнаты стражей: если Гильдия что-то и замышляет (а Дубэ подозревала это), то все ответы могут быть только там.

Посреди ночи, накинув свой единственный плащ, она снова отправилась в Большой зал. Голова Дубэ продолжала кружиться, и зверь из бездны настойчиво нашептывал, но Дубэ ничто не смогло бы остановить.

Как и накануне вечером, она отправилась к бассейнам. Она нашла узкое пространство между двумя статуями. Темнота была кромешная. Дубэ наклонилась, чтобы войти в это подобие щели, пытаясь привыкнуть к темноте. Сначала перед ней был только мрак, потом она начала различать неясные очертания чего-то, стоявшего перед ней. Это была статуя, наверное, та самая, о которой говорил Шерва, но она отличалась от той, что стояла в храме. По бокам у нее были два крыла, у головы — нечто вроде клюва, а тело было тонкое, похожее на змеиное.

Дубэ провела пальцами по светлой и гладкой поверхности статуи, и сделала это крайне внимательно. Она ощупала каждый выступ, каждое маленькое углубление, дергала за большие шипы, но все было бесполезно. Казалось, ничто не может привести механизм в действие.

Часы проходили без всякого результата, пока она не заметила, что уже поздно. Послышалось тихое шарканье по лестнице. Она затаилась, но никто не появился. Дубэ вовремя поняла, что шум шел не из зала, а из-за спины статуи, как раз оттуда, куда она и хотела попасть. Это был шум шагов того, кто спускался по лестнице.

Дубэ отпрыгнула, вышла из ниши и спряталась в другом темном углу.

Она отчетливо увидела, как статуя василиска повернулась вокруг своей оси и

открылось небольшое освещенное пространство. Оттуда вышел человек. Это была одна из стражей, с пуговицами зеленого цвета. Дубэ чувствовала нарастающую ярость. Она была в одном шаге от своей цели, но не могла туда попасть.

Она вернулась на следующий день, и снова — то же самое. Она была уверена, что прошлой ночью ничего не упустила, но проверила все с самого начала. И ничего не обнаружила. Статуя стояла совершенно неподвижно и твердо.

Дубэ отошла от нее подальше, насколько было возможно, не выходя из ниши. Она чувствовала себя бесконечно разочарованной. К тому же из-за того, что она стояла в согнутом положении, у нее заныли колени и спина, и этот запах крови, через четыре дня после последнего приема снадобья, почти заставлял ее терять контроль над собой.

Тогда она решила проверить глаза статуи — с тем же результатом! Дубэ была в отчаянии: кажется, она уже испробовала все. Статуя издевательски смотрела на нее, ее клюв был открыт: видимо, скульптор хотел изобразить этим угрожающий крик, но сейчас это походило на насмешливую ухмылку... Клюв! Она не заглянула туда.

Дубэ сделала попытку. Клюв был открыт, из него выглядывал язык. Она попыталась дотронуться. Он не шевелился. Может быть, она снова ошиблась...

Она нажала еще раз, глубже, с ожесточением, пока не прикоснулась к горлу статуи, и... Щелчок.

Ей пришлось быстро отодвинуться, чтобы кончик плаща не застрял в двери.

Позади статуи открылась винтовая лестница, как она и предполагала. Помещение было тесным, слабо освещенным двумя факелами.

Дубэ ликовала, но недолго. Очень медленно она стала спускаться по ступенькам. Лестница напоминала ту, которая вела из храма в Дом, только тут она была более влажной и опасной. Единственным положительным моментом было то, что запах крови уменьшался при спуске вниз.

Она оказалась в овальном, не слишком большом зале. Сбоку стояла обычная статуя Тенаара с непременно сопровождавшей ее статуей Астера. Помещение было узким, Дубэ сразу же почувствовала себя неудобно. Ее в любое мгновение могли обнаружить, и тогда — неизбежный конец.

Она попыталась не думать об этом. Теперь ей нужно было сосредоточиться только на своей миссии, малейший неверный шаг мог поставить ее на грань жизни и смерти.

Дубэ огляделась вокруг. Перед ней были пять коридоров, ничем не отличавшихся от тех, что находились на верхнем этаже Дома. Все было так же, как и в жилищах убийц, но меньше размером.

Она решила, что следует обойти все коридоры.

От волнения у Дубэ кровь прилила к сердцу, когда она обнаружила, что один из коридоров прямоком ведет в комнату Иешоля. Она застыла, прочитав на двери: «Верховный Страж». У нее прервалось дыхание.

Разумеется, за этим порогом находились ответы на все вопросы Лонерина, но переступить его было бы безумием. Возможно, даже оставаться тут было опасно. Она пошла дальше.

Дубэ проходила один за другим все коридоры, наконец, остановилась в конце третьего у двери с надписью:

СТРАЖ ЯДОВ

Вот оно — место, которое она столько искала, комната, которая, как она прежде думала, могла спасти ее. Тут обитала Рекла, она спала здесь, или, может быть, даже в этот час все еще сидела в своей лаборатории. Но возможно, лаборатория располагалась в другом крыле, или, может быть, вход туда находился прямо в комнате Реклы.

Дубэ пошла дальше. Неожиданности ждали ее перед последним коридором. Он вел в

библиотеку. Дубэ даже не подозревала о ее существовании. Никто никогда не говорил ей об этом. Она задумалась: может быть, это тоже интересное место, которое следует посетить. Может быть, именно здесь скрывается тайна уверенности Иешоля в скором пришествии Тенаара.

Дубэ несколько секунд неуверенно стояла на пороге. Она могла бы попробовать заглянуть внутрь, но дверь была закрыта, и ее пришлось бы взламывать. А эта операция требовала специальных инструментов, которых у нее не было.

К тому же было далеко за полночь, и Дубэ должна возвращаться в свою комнату.

Она собралась идти, но услышала шум и спряталась за статуей Тенаара. Она задышалась, еще чуть-чуть — и она бы попалась.

Дубэ сделала глубокий вздох, высунулась из-за статуи и увидела Иешоля, выходящего из библиотеки, с осунувшимся, но освещенным радостью лицом, с книгой в руках. Дубэ попыталась разглядеть, что за книгу он держит, но ей удалось лишь понять, что она черная, с большими медными накладками на углах. И еще — красный пятиконечный знак.

Она увидела, как Иешоль удалился к себе в комнату. Он не заметил и не услышал Дубэ! Она не стала медлить и вернулась по той же дороге, по которой и пришла. Оказавшись перед кирпичной стеной в конце лестницы, Дубэ столкнулась с проблемой: что делать теперь?

Она почувствовала, как ей не хватает воздуха. На стене не было никаких царапин, все кирпичи были абсолютно одинаковыми. Она попала в ловушку, как крот. Однако время шло, и вскоре какой-нибудь страж мог проснуться и выйти.

Она провела руками по стене, постучала кулаками по каждому кирпичу, чтобы услышать необычный звук, приложила ухо к стене. Казалось, ничто не сдвинулось с места.

Отчаяние нарастало, но Дубэ пыталась сдерживать его. Она решила прибегнуть к силе и стала нажимать на все кирпичи по очереди.

Ничего. Тогда она перешла к стене, стоявшей за ее спиной. Ничего. Множество тайн, но она не разгадала их вовремя. Пройдет час, может, два, и кто-нибудь ее обнаружит.

Нет, проклятье, нет!

Если не в стене, то в каком-то другом месте? Она лихорадочно оглядывалась по сторонам. Не было выступов, кнопок — ничего. Только факел...

Она остановилась.

Потрогала крепление факела. Оно обжигало, но не настолько, чтобы его нельзя было трогать. Дубэ сжала ручку, дернула — и стена открылась. Дубэ бросилась в отверстие. Бегом она пробежала по тому же пути и вернулась к себе в комнату. Только оказавшись в кровати, она почувствовала себя в некоторой безопасности. Она вглядывалась во тьму, лежа с открытыми глазами.

Ей было о чем поразмыслить, о чем-то очень важном...

Значит, Иешоль ночью не спит и проводит часы в библиотеке. Зачем? И что за книга была у него в руке?

Следующим вечером она была вынуждена бездействовать. Ей надо было поговорить с Лонерином.

Глубокой ночью она нашла его в спальне, подошла тихо, так, что ее никто не заметил, даже сам юноша, продолжавший спать мертвым сном.

Когда Дубэ потрясла его за плечо, он вздрогнул и вскочил.

— Спокойно, — прошептала она.

— Это ты... а я думал, что призрак, и...

— Сейчас не до снов, — отрезала Дубэ и рассказала ему о своем ночном путешествии.

Лонерин выслушал все очень внимательно.

— Каков следующий шаг? — спросил он, наконец.

— Проникнуть в комнаты Иешоля.

Лонерин вытаращил глаза.

— А как ты думаешь это сделать?

— Днем он обычно работает в своем кабинете на первом уровне, и его не будет в комнате. В любом случае надо изучить его передвижения. Но у меня должен быть подходящий предлог, чтобы не прийти на ежедневные занятия. И тут в игру вступаешь ты.

Лонерин тут же насторожился.

— Ботанику я знаю, пожалуй, неплохо. И знаю, какие травы лежат в основе ваших снадобий. Мне достаточно, чтобы ты сказал мне, как приготовить лекарство, которое может изменить мой облик.

— Твой план мне не слишком понятен...

— Ты дашь мне рецепт, я выйду и найду ингредиенты. Я могу это сделать, так как мне поручено дело, которое я должна довести до конца в течение месяца. Я выйду отсюда, найду все, что тебе нужно, вернусь в другом обличье, не важно в каком, так как на голове у меня будет капюшон. Важно, чтобы мой облик сильно отличался от нынешнего. Пусть это будет, скажем, мужское лицо. Я вернусь в Дом, спущусь вниз и войду в комнату Иешоля.

Лонерин посмотрел на нее с восхищением и озабоченностью.

— Это слишком большой риск...

— Я приговорена к смерти. Поэтому мне можно рисковать.

Ее голос был ледяным, резким, уверенным.

Лонерин кивнул:

— Хорошо. Это я должен был бы рискнуть, но...

Дубэ подняла руку.

— Скажи мне, как приготовить снадобье.

— Мне нечем писать...

— Я запомню. У меня отличная память, это — составная часть моей подготовки.

Лонерин подробно рассказал ей об ингредиентах и количестве. Когда Лонерин закончил, она собралась уходить. Юноша остановил ее:

— Опиши книгу, которую нес Иешоль.

— Это был толстый старый фолиант черного цвета, с медными накладками и красным пятиконечным знаком.

Лонерин, казалось, задумался.

— Ты знаешь эту книгу?

— Не знаю, но по твоему описанию выходит, что это книга запретной магии. Это древняя книга, говорят, что в библиотеке Тиранно таких было много.

Дубэ почувствовала, как холодок пополз по ее спине.

— Насколько древней она тебе показалась?

— Не знаю... очень старая... и плохо сохранившаяся.

Наступила тишина. Дубэ знала, что ей пора идти, что риск быть обнаруженной здесь возрастает с каждой минутой. Но она понимала, что Лонерин должен о чем-то рассказать.

— Гильдия почитает Астера, как пророка.

Глаза Лонерина округлились от страха.

— Что это значит?

— Согласно их учению, Астер был провозвестником Тенаара, самого великого бога, и весь тот ужас, что он принес, был лишь попыткой приблизить времена прихода Тенаара. Поэтому в Доме повсюду стоят его статуи.

Лонерин сжал руку Дубэ.

— В тот вечер я не сказала тебе... мне не пришло в голову...

— Ничего... ничего...

Он растроганно посмотрел на нее.

— Торопись. Мне кажется, что дела намного хуже, чем представляет Совет.

На следующий день, с раннего утра, Дубэ предупредила Реклу, что не вернется весь день.

— Мне нужно повидаться с моим осведомителем. Я могу не вернуться и ночью.

Рекла с усмешкой пожала плечами:

— Ты тратишь слишком много времени на это дело, и сама это знаешь. Тут что-то не так, но я хочу верить в твое благоразумие. Остается десять дней, если ты не справишься, то знаешь, что тебя ждет.

Дубэ сжала кулаки, сдерживая ненависть.

— Не бойся, я о своем долге помню.

— Надеюсь.

Дубэ выбежала из храма, зная, что у нее почти нет времени. Один день на разгадку тайны. И ей нужно было еще приготовить снадобье.

Ей было бы удобнее иметь рядом Тори, но времени дойти до Земли Солнца, чтобы приготовить снадобье, не оставалось. Тогда она нашла маленький магазинчик, торгующий травами, в ближайшей деревушке. К тому же ей были нужны довольно обычные травы.

Труднее было найти тот странный камень, о котором говорил Лонерин: нечто вроде амулета, часто используемого магами. Но ей удалось найти его в лавочке, где торговали волшебными принадлежностями.

— Он уже освящен? — спросила Дубэ, по совету Лонерина.

Лавочник кивнул.

Наконец она остановилась на лужайке, недалеко от храма. Разожгла костер, приготовила разные ингредиенты. Она никогда не занималась магией и до сих пор только готовила яды. Для смешивания всех ингредиентов она использовала тот сосуд, что носила с собой: в нем должна была содержаться кровь жертв.

Снадобье имело бледно-зеленый цвет, было необычно густым. Дубэ вовсе не представляла себе, как она станет выглядеть, если все удастся. Лонерин ей ничего об этом не сказал. Дубэ положила камень, снадобье покипело несколько секунд, потом приняло розоватый оттенок и стало, наконец, совершенно прозрачным.

Одним глотком Дубэ выпила его, не раздумывая.

Она ничего не почувствовала. Ни мурашек по телу, ни плохого самочувствия. Ощутила только запах травы, идущий от этой настойки.

«Не подействовало... что теперь?»

Она взяла с собой маленький, хорошо начищенный кусочек стали — единственное зеркало, которое было в Доме. Со страхом посмотрелась в него и увидела мужчину, скорее молодого, с длинной бородой и рыжеватыми волосами. Дубэ вздрогнула. Впрочем, Лонерин предупреждал ее.

— Необходимо заклинание, чтобы принять нужный облик. При помощи камня из Ауле ты примешь обличье, предугадать которое я не могу. Может, это будет человек, которого ты знаешь, или воспоминание... не знаю. Это такая форма волшебства для самых начинающих. Опытный маг никогда не прибегает к необработанным снадобьям, действие которых так трудно проверить.

Рука Дубэ задрожала. Она спрятала зеркало.

Она не походила полностью на Учителя, но очень напоминала его. Она узнала его сразу, увидев свое лицо в кусочке стали. Хотя некоторые черты не совпадали, память восстановила их и создала образ человека, которого Дубэ так любила, который был для нее всем.

Войдя в храм, она почувствовала себя осквернительницей из-за того, что приняла облик, столь похожий на Учителя. Впрочем, сделала она это с добрыми намерениями.

Она небрежно прошла по храму, закутавшись в плащ. Углубилась в закоулки Дома.

Особого оживления не было. Утром все занимались своими делами. Выполнявшие свои миссии уже ушли, а те, у кого заданий не было, молились или упражнялись в гимнастическом зале. Кто-то размышлял в своих комнатах. Все это было к лучшему: чем меньше людей ей встретится, тем меньше объяснений придется давать.

Она подошла к кабинету Иешоля на первом уровне. Юный ординарец, которого

Верховный Страж приводил с собой, стоял у двери. Это означало, что старик в кабинете. Дубэ втайне ликовала.

Большой зал был наполовину пуст: кто-то молился, маячил только один страж. Дубэ быстро скрылась в темноте, между бассейнами, уверенным жестом открыла дверь и стала спускаться по лестнице.

Сердце билось все сильнее с того момента, как она очутилась на втором уровне. Она ступила на последнюю ступеньку винтовой лестницы. Не раздавалось ни единого звука. Возможно, тут никого не было, на это она и надеялась.

Она сделала несколько шагов по залу, стараясь вести себя естественно, свернула в коридор, ведущий к комнате Иешоля.

Дверь была перед ней — закрытая и неприступная. Тайна находилась за этой дверью.

Дубэ остановилась. Она подождала, чтобы услышать любой, самый незначительный шум. Ничего. Никаких вибраций пола, никаких шорохов. Ничего. Весь этаж казался пустым. Час настал.

Она наклонилась, вытащила маленькую полустертую отмычку — подарок Дженны. Воспоминания о нем — худеньком, уставшем, блуждающем по городу — ожили в ее памяти. Но она прогнала их и осторожно вставила отмычку в замочную скважину.

Холодный пот тек по ее лбу. Ее движения были выверенными, она аккуратно повернула отмычку. И еще раз. Щелчок. Один замок открылся.

Рукой она стряхнула каплю пота, нависшую над правой бровью. Никакого шума вокруг. Она снова принялась за дело. Щелчок. Еще один замок.

Она была в одном шаге от комнаты. Третий замок был самым сложным, но в конце концов и он уступил. Щелк.

И вот Дубэ внутри. В темноте она вынула принесенную с собой свечу и зажгла ее. Огляделась. Комната не отличалась от жилища любого другого убийцы. Обычная кровать. Единственная роскошь — матрас, набитый сухими листьями, лавочка, статуя Тенаара. Рядом — статуя Астера. Странность заключалась в том, что тут размеры обеих статуй были одинаковы. Вероятно, Иешоль испытывал особую привязанность к Тиранно.

Не считая этой детали, только две вещи отличали комнату Иешоля от других: большие шкафы, заполненные книгами, и письменный стол в углу.

Дубэ сразу же подошла к столу. На нем лежало множество разбросанных бумаг, перо и пергамент, весь исписанный мелким, затейливым почерком, среди строчек девушка разглядела какой-то странный рисунок. Она попыталась прочитать текст:

«Два тома об искусственных созданиях, библиотека Астера, от одного старьевщика из Земли Ночи.

Разрозненные листы „Тайной эльфийской магии“, трактат, написанный собственной рукой Астера, от Арлора.

Превращения душ, в двух переплетенных томах, библиотека Астера, от Арлора».

Следовательно, это — дары. Книги, принятые у кого-то, почти все — из библиотеки Астера, написанные им и внесенные в каталог. Зачастую они отдавались в обмен на какие-то работы, и тогда указывался тип выполненной работы и жертва.

Девушка перелистала страницы. Это были произведения, даритель которых указывался просто как «Он». Речь шла только о произведениях, отданных в обмен на какое-то убийство.

Дубэ прочитала:

**«Советник Фаранта
Суперинтендент Калер
Королева Айрес»**

Знаменитые убийства, известные Дубэ, страшные, заказчиком которых мог быть только один человек: Дохор. Никто другой не мог таинственно называться «Он». Значит, слова Тофа были справедливы: Дохор продал свою душу Гильдии.

На последней странице Дубэ увидела примечания, сделанные другим почерком. На самом деле почерк был тот же — скорее всего, почерк Иешоля. Но казалось, что рука пишущего дрожала, ощущались растерянность и крайнее волнение.

«Власть над Телами и Бессмертие, написано собственной рукой Астера,
получено от Него, Теворн».

Заголовок не предвещал ничего хорошего. Однако внимание Дубэ привлекло другое: Теворн! Она забиралась в его дом. Может быть, именно эти знаменитые документы она и должна была украсть? Но речь шла о пергаменте, а не о книге. Может быть, это были разрозненные страницы. Но прежде всего — какое отношение имела к этому Гильдия? Что за этим скрывалось?

Она задумалась. Кража в доме Теворна была связана с ее первой болезнью. Было ли это совпадением? Дохор, Дохор был как-то связан с наложенным на нее заклятием?

В голове у нее роились тысячи предположений, ее стал охватывать какой-то жутковатый страх. Она постаралась прийти в себя: не время было погружаться в размышления. Не сейчас. Ей следовало понять то, о чем просил Лонерин.

Она стала осматривать те книги, которые стояли в шкафах. Это была бесконечная вереница записей, сделанных Иешолем за долгие годы: вся жизнь Астера, собранная в пяти тяжеловесных томах.

Дубэ быстро перелистала страницы, прочитала несколько отрывков: ужасающее, величайшее, мистическое обожание, которое испытывал и до сих пор, вероятно, испытывает Иешоль к Астеру. Почти религиозный трепет, с которым он писал об Астере, восторг перед его интеллектом, величием, боль, любовь, с которой он рассказывал о его физическом состоянии.

Другие книги посвящались запретной магии и заклинаниям одного и того же содержания: бессмертию и воскрешению мертвых. Как достичь этого, если такое действительно возможно.

Тут были ссылки на книги из библиотеки. Часто рассматривалась еще одна тема: обладание чужими телами. Дубэ знала, что Астер создал фамминов, огненных птиц, черных драконов при помощи магии, но не знала, каким именно способом.

Может быть, речь шла о какой-то форме обладания телами, как знать?

Но ответа тут не было. Ответ крылся в тех томах, что находились в библиотеке, в той самой библиотеке, где Иешоль, с бесконечным терпением, собирал все книги из библиотеки Астера. Это была работа по восстановлению утерянного наследия. Тут и заключалась тайна бессмертия, которую, казалось, искал Иешоль, а также и решение новых загадок, таившихся в этой комнате.

Дубэ встала из-за стола. Она приложила ухо к двери. Стояла полная тишина. Она вышла, завернувшись в плащ, и снова заперла дверь на все замки.

Оставалось только пойти туда, где, скорее всего, и таилась истина.

30 ЛИЦО В ШАРЕ

Дубэ уверенно пошла по известной ей дороге. Коридор, ведущий к библиотеке, находился рядом с большой статуей Тенаара, в центральном зале второго уровня.

Она пошла по нему, прошла до конца и оказалась перед двумя большими дверями из инкрустированного эбенового дерева. Рассеянно посмотрела на рисунки. Казалось, что на них изображена некая история — множество изображений ребенка удивительной красоты;

она поняла, что это за история: на этих створках помещено описание жизни Астера, с любовью изображенное каким-то мастером. Тут был и Иешоль, представленный преданным и подобоострастным рабом, самым близким Астеру и во время его страданий.

На дверях висел большой бронзовый замок очень основательного вида. Дубэ наклонилась, искала в карманах. Вынула инструмент, которым уже пользовалась, снова поблагодарив мысленно Дженну и его заботу.

Сейчас работа была труднее, чем в первый раз, и ей понадобилось почти четверть часа труда и усилий. Звук защелки в замочной скважине показался ей оглушительным.

Наконец, последняя защелка поддалась, со скрипом повернулась, издав привычный щелчок. Дубэ встала, приложила руку к створкам и толкнула дверь. Дверь без труда отворилась, не издав ни малейшего скрипа, видимо, была отлично смазана.

Внутри — полная темнота. Свет из коридора освещал только небольшое пространство пола, сделанного из больших каменных плит. Дубэ закрыла за собой дверь и зажгла свечу. Помещение было довольно большим: в центре стоял огромный сверкающий стол из эбенового дерева. Дубэ сделала шаг и увидела, что небольшие короткие коридоры вели в другие комнаты. Между входами в них стояли обычные устрашающие статуи. Книг здесь не было, все помещение производило впечатление атриума, следовало проникнуть в боковые комнаты. Дубэ вздохнула: снова выбор.

Она проскользнула в первый коридор, находившийся справа, и оказалась в маленькой комнатке, где стоял один-единственный большой шкаф, полностью заполненный книгами. Они отличались от тех, что Дубэ видела в комнате Иешоля. Те книги все были в черных переплетах мрачного вида, здесь же они были разных цветов — кожаные, бархатные, были рукописи, пергаментные свитки и какие-то листы, сложенные несколько раз. Переплеты поблекли от времени, потрелились и наполовину истлели. И тут Дубэ поняла, что находится не в обычной библиотеке, но в некоем подобии старого, уже несуществующего здания, в мумифицированном трупе другой библиотеки, существовавшей до того, как Ниал разрушила башню Рока. Дубэ вспомнила о своем первом путешествии по Большой Земле много лет назад, вместе с Учителем, о черной пыли, засыпавшей эту равнину, и об Астере. Эти книги были оттуда, из башни Рока, из тайной библиотеки Астера.

И тут для Дубэ Дом приобрел неожиданно другой вид: он стал казаться ей огромным мавзолеем, посвященным безумному культу, склепом духа Астера.

Она пробежала глазами по названиям книг: история, почти все книги — исторические труды. Некоторые из них были ей известны, так как Учитель о них рассказывал. Некоторые из них Дубэ читала, например книги по эльфийской мифологии. Дубэ даже не могла представить, что у Астера были столь невинные интересы.

Она переходила из комнаты в комнату, пытаясь запомнить путь, по которому идет. Ей казалось, что она смутно вспоминает общий план сооружения. Между комнатами могло быть два, три или четыре коридора, каждый из которых вел в следующую комнату. Исходя из общего числа помещений, Дубэ вскоре вспомнила общую карту здания. Комнаты объединялись в несколько больших квадратов, почти полностью изолированных друг от друга. В каждом квадрате были два помещения, выходившие в основной зал, и каждая из двух комнат, за исключением внешних квадратов, выходила одновременно в соседний квадрат. Таким образом, каждый квадрат был соединен с другим только двумя способами: через общий зал и через одну комнату предыдущего квадрата. Схема была не слишком запутанной и даже имела свою железную логику.

Так, проходя один зал за другим, Дубэ перемещалась из одной области знания в другую: химия и алхимия, мертвые языки, физика, эльфийская магия; дойдя до комнаты, посвященной ботанике, она остановилась ненадолго, рассматривая книги, заполнявшие шкафы до потолка. Здесь были редкие издания, о которых она когда-то слышала, и искушение взять одну из книг и полистать ее было очень велико. Но не для того она пришла сюда. Надо было оставить как можно меньше следов и открывать только те книги, которые могли привести ее к разгадке тайны. Поэтому она устояла перед искушением и продолжила

осматривать шкафы, один за другим, почти с восхищением.

Она слышала рассказы о больших библиотеках и знала, что библиотека Макрата была самой большой библиотекой нынешней эпохи. Эта библиотека находилась в огромной башне. Кроме того, до Дубэ доходили слухи о библиотеке Энаара — древнего города, стертого с лица земли Астером. Однако та, которую она сейчас осматривала, казалась не меньше каждой из тех двух. Дубэ сомневалась, что где-нибудь еще можно найти столько древних книг или данных об исчезнувших книгах, столько редких изданий и даже автографов. Вероятно, Астер разграбил библиотеку Энаара и привез ее сюда, где он, и только он один, мог ею пользоваться.

Попадались и пустые шкафы: вероятно, тут должны были стоять те книги, которые Иешолу не удалось разыскать, эти шкафы походили на пустые глазницы и выделялись на фоне других, плотно заполненных.

Иногда Дубэ натыкалась на комнату, заполненную довольно разнообразными книгами, черными, как и те, что стояли в комнате Иешоля. Тут она задерживалась дольше, просматривая все названия — это были книги по запретной магии, написанные в разные эпохи и разными авторами: древнейшие книги, от которых осталось несколько полуистлевших страниц, и совершенно новые книги.

Некоторые из них, о которых несколько часов назад она прочитала в каталоге, Дубэ брала в руки. Дубэ садилась на пол и перелистывала их, пытаясь понять, что именно скрывает Иешоль. Она начинала уже догадываться, но открывавшаяся ей правда казалась абсурдной и чудовищной. Она даже не представляла, может ли быть действительно осуществимо то, о чем она догадалась, при помощи магии. Конечно, Астер использовал привидения во время Великой Войны. Дубэ много раз слышала об этом, но она знала, что те духи были просто пустыми оболочками, порожденными магом, заставлявшим их воевать. Дубэ думала совсем о другом. Она знала, что Астер был могущественным, что он внес существенный вклад в запретную магию, оставил невероятное и ужасное наследие, которое, к счастью, никто не использовал. Но оно все было теперь собрано здесь, в подземной библиотеке. Может быть, он нашел способ сделать то, о чем сейчас подумала Дубэ? Может быть, он сам указал своему любимому слуге Иешолу способ осуществления того, что было его самым тайным желанием?

Дубэ читала об овладении телами.

«Души тесно связаны с телом. Находились жрецы, утверждавшие обратное — душа не зависит от тела. Таким образом, они доказывали полную независимость между плотью и духом. Это всего лишь ложные учения, которые лживые жрецы используют, чтобы привлечь к себе доверчивый народ, опутав его цепью суеверий. Только изучая магию, только прилежно и систематически изучая сущность духа и материи, можно отыскать истину. Пусть ученики остерегаются лжерелигий, которые ставят препоны разуму и не дают достичь истины. Напротив того, пусть они скорее доверятся магической реальности.

Дух лисы никогда не сможет существовать в ином образе, отличном от той материальной оболочки, что именуется лисой. Материя — это та форма, которую оживляет душа, но и форма, в свою очередь, накладывает свой отпечаток на дух, и этот отпечаток остается навсегда. Таким образом, дух испытывает воздействие материи и остается с нею до самой смерти, которая искусственно разделяет то, что Тенаар создал как единое целое. Следовательно, дух лисы не может становиться духом волка и наоборот, иначе он рассеется и разрушится в несколько мгновений».

«Душа женщины сильно отличается от души мужчины, пол — это та материя, которая более любой другой оставляет свой отпечаток на духовных сущностях. Рехаста попытался отделять дух женщины от ее плоти (даже ученик знает, что это возможно) и попытался вложить его в пустое тело мертвого мужчины, но этот опыт не имел благополучного разрешения: душа обезумела и

навсегда оставила этот мир».

«Существуют различные степени несовместимости материи и духа. Женский дух не может выжить в теле мужчины, но дух ребенка может, в какой-то мере, выжить в теле старца. Однако союзы такого рода всегда неверны: вскоре дух утрачивает волю к жизни и тело быстро разрушается, поэтому смерть наступает через несколько часов.

Напротив того, различные расы нетерпимы друг к другу, и дух гнома никогда не сможет прожить даже несколько мгновений в теле человека или нимфы. Духи полуэльфов соединяют сущность эльфов и сущность людей, поэтому они могут, но недолгое время жить в человеческой оболочке. Но и это существование мимолетно и длится не более нескольких дней».

Дубэ почувствовала, как у нее задрожали руки. Чудовищный обряд все ярче вставал перед ее глазами, пока она читала рассказы магов о душах, переселенных в другие тела, и о других подобных мерзостях.

Дубэ перешла в другую комнату. Периодически она оказывалась в центральном зале, таким образом убеждаясь, что еще не потерялась. У нее начинало стираться чувство времени. Это место было не только пространственным лабиринтом, оно в каком-то смысле стирало обычное представление о часах и минутах. Рано или поздно Иешоль выйдет из своего кабинета на первом уровне и спустится сюда. Дубэ следовало спешить.

Она решила останавливаться только в комнатах с запрещенными книгами. В них толковалось о самых разных областях, какие только можно было себе представить, но Дубэ решила сузить область своих поисков и смотреть только те издания, где говорилось о воскрешении и перевоплощении.

Она торопясь читала, яростно перелистывая эти древние книги.

«Мои исследования привели меня к мысли о том, что смерть — не такое окончательное явление, как думают люди. Существуют способы оставить свой дух в этом мире, запретив ему переступать порог загробного мира. Некоторое время назад я открыл формулу, которая позволяет улавливать дух умершего, помещая его в какое-то место или в какой-то предмет...

...вызываемые таким образом духи подчиняются любому приказу, так как они лишены воли. Следовательно, речь не идет собственно о воскрешении, но, скорее, о заклинании, посредством которого магу удастся воспроизвести в нашем мире образ духа усопшего...»

Дубэ двинулась дальше. Она пока не нашла того, что хотела.

Она была погружена в свои мысли, но ей вдруг показалось, что она уже давно не возвращалась в центральный зал. Тогда она попыталась отыскать одну из боковых комнат того квадрата, где находилась, чтобы быстрее найти выход. И она нашла его, но не без некоторого затруднения. Что-то изменилось: структура квадратов стала иной.

Она прошла по разным комнатам, по-прежнему возвращаясь на прежнее место. Симметрия других комнат была нарушена. Наконец, Дубэ нашла центральный зал. Она запомнила дорогу и вернулась назад. Безусловно, в этой зоне было больше комнат.

Как никогда Дубэ оценила в этот момент выучку Учителя: она без труда запоминала комнаты, в которых уже побывала, и поэтому быстро выходила в другие. В одном из боковых залов она поняла, что близка к цели: она увидела темно-красную арку, выходящую в другое крыло.

«АСТЕР» — было написано над ней причудливыми буквами. Дубэ устремилась туда. На этот раз шкафы были заполнены пергаментными свитками. Повсюду лежали переплетенные книги. Все это были произведения, собственноручно написанные Астером. На папирусах не было никаких названий, очевидно, Иешоль знал их как свои пять пальцев.

Дубэ попыталась взять один из них наугад, но это было все равно что искать иголку в стоге сена. В документах трактовалось о самых разных вещах, как правило связанных с тайной магией или с другими областями знания: алхимией, географией, обычаях и одеждах народов Всплывшего Мира. Казалось, не было такой области знаний, которой бы не интересовался Астер.

Некоторых пергаментов не доставало, но пустые места не были запыленными, как в других шкафах. Однако Дубэ не видела их в кабинете Иешоля, а это значило, что нужно было найти еще одно место, куда уходил работать Верховный Страж, кроме своей комнаты. Может быть, это место и находилось где-то здесь.

Дубэ продолжала идти дальше, пока не обнаружила совершенно пустую комнату, в центре которой стоял только пьедестал из красного дерева. Это была подставка, а на ней — ничего. Здесь должна быть книга, и Дубэ подумала о той большой черной, которую видела у Иешоля под мышкой.

В глубине комнаты она обнаружила дверь. Дубэ подошла, старая деревянная дверь была заперта. Дубэ не стала терять время. Она несколько секунд покрутила отмычкой, и дверь послушно распахнулась перед ней.

В небольшой комнате было темно, и для освещения хватило свечи. Еще одна комната, еще шкафы, но многие книги лежали на полу или на большом письменном столе, заваленном пергаментами, рядом стояло кресло, подсвечник и больше ничего.

Дубэ жадно набросилась на документы. Наверняка эта комната и была вторым кабинетом Иешоля — самым тайным.

Пергаменты были исписаны тем же мелким почерком, который она видела в предыдущей комнате, но на этот раз заметки были намного более беспорядочными. Это были обрывки фраз, короткие заметки, повсюду подчеркивания и восклицательные знаки.

«Дух можно заставить уместаться в небольших пространствах.

Следует иметь нечто, принадлежавшее телу человека. Волосы. Ногти. Даже самые маленькие фрагменты. Очень редко — ткани.

Гибель навеки — наказание. И само по себе, и для той души, которая обитала в теле.

Провал, провал! Тенаар, сделай так, чтобы не все оказалось потерянным!»

Книга в голубом бархатном переплете оказалась чем-то вроде дневника. Дубэ внимательно начала читать и почувствовала, что холодеет.

«4 сентября

Я до сих пор ищу самую главную часть. Кажется, что все на своих местах, но последний том, тот, что содержит самую главную часть обряда, тот, который поможет соединить вместе части, с таким трудом найденные мною, до сих пор не обретен. Дохор разослал своих людей по всему Всплывшему Миру, но до сих пор ничего не нашел. Тенаар, почему наш великий замысел должен так зависеть от какого-то неверного?

18 сентября

Я не могу больше ждать. Тенаар простит мою торопливость, так как все это я делаю ради него. Я решился рискнуть, не зная обряда до конца. Я не совсем уверен, но не боюсь за свою жизнь. Она вполне может быть принесена в жертву великому замыслу. И только благодаря этой великой надежде я выживал все долгие годы изгнания. Я попытаюсь, это решено. Я должен. ДОЛЖЕН знать, напрасны ли мои надежды или у них есть основание.

3 октября.

Провал! ПРОВАЛ! Этому никчемному рабу не удалось прийти к своей цели. Тенаар, этот презренный раб разочаровал тебя, Господин мой. Я терзаюсь при мысли, что все потеряно, по моей вине и из-за моей поспешности! Я все время молюсь, потому что надежда все еще остается.

15 октября

Он продолжает странствовать между этим и иным, миром. Слышу, как он умоляет меня дать ему форму, вернуть его к нам, чтобы он мог завершить свое великое дело. Наконец-то я могу. Дохор принес мне оставшуюся часть — „Черную Книгу“. Она необыкновенна. Нет пределов гению Астера. Я забросил все дела, чтобы прочитать ее, не выхожу из своего кабинета. Наконец-то мне все ясно.

23 октября

Я приказал найти полуэльфа. У меня есть сведения, что они еще существуют, но никто не знает, где их найти. Однако мои убийцы выследят его, я в этом уверен. Без него, без его тела я не смогу начать обряд. Именно его — тела — не доставало. Я потерпел поражение, потому что не дал духу никакого вместилища для воплощения. Когда я думаю о мучениях истекших месяцев, о своем неверии, то стыжусь самого себя. Я должен был знать, Тенаар, что ты предусмотрел все, чтобы твои сыны одержали победу.

4 ноября

К сожалению, поиски пока бесплодны. Человек, которого мы ищем, не находится. Кажется, что он не оставил никаких следов своего существования. Однако о нем говорится в воспоминаниях королевы Айрес. Мы не остановимся, пока не найдем его. Каждый вечер я спускаюсь в подземную комнату, чтобы увидеть его, увидеть, как бьется его дух, чтобы насладиться его присутствием среди нас, пусть и в не телесном, ложном обличье. Скоро это произойдет».

Дубэ вздрогнула. Подземная комната. Там и находится окончательный ответ. Но где она может быть? Дубэ закрыла дневник, положила его на стол, стараясь поместить точно на то место, где нашла. Затем она принялась осматривать комнату.

Вероятно, о существовании этой подземной комнаты известно не одному Иешолю. Более чем вероятно, что в нее можно попасть из кабинета Иешоля. Дверей в кабинете не было, но была кирпичная стена, может быть какой-то потайной ход...

Дубэ тщательно все обыскала, но поиски были не долгими. Возможно, Иешоль чувствовал себя в безопасности в этом кабинете, в глубине библиотеки, потому что кнопка, которую искала Дубэ, находилась как раз под письменным прибором. Она была маленькой и круглой.

Она нажала на кнопку, и шкаф, стоящий позади стола, стремительно поехал по невидимым полозьям, открывая крутую узкую лестницу. Дубэ медленно пошла по ней, сдерживая дыхание. Комната была тут, у основания лестницы: чуть больше маленькой пещеры, пахнувшая влагой и плесенью. Стены были испещрены сложными пентаклями и кроваво-красными магическими знаками. В центре возвышался пьедестал и две зажженные свечи. Это был алтарь. На пьедестале стоял стеклянный сосуд, а внутри — бледно-голубой шар, вращавшийся, будто движимый изнутри.

Дубэ молча остановилась в этом месте, дышащем злой мистической силой, нечистым идолопоклонничеством. Это и был дух, вызываемый неизвестно откуда? Та душа, которая ожидала тела полуэльфа?

Дрожа, Дубэ приблизилась, посмотрела на шар, и вдруг он показался ей совершенно бесформенным — жидкая сфера молочного цвета. Однако, когда ее глаза привыкли к этому бледному свету, она разглядела секрет предмета. Это было лицо, вращавшееся в центре сосуда, лицо с неопределенными очертаниями, лицо, которое казалось почти страдающим. Оно было расплывчатым, но узнаваемым. То был ребенок необычайной красоты, с

большими глазами, легкими локонами, обрамлявшими почти правильный, по-детски пухлый овал лица. И два удлинённых изящных уха. Лицо в точности походило на те статуи, которые стояли повсюду в Доме.

Астер.

Дубэ поднесла руку к лицу и попятилась. Казалось, что ребенок смотрел на нее своими водянистыми глазами, и его взгляд не был злобным и не был властным. Всего лишь грустным — и только. Дубэ почувствовала, что этот взгляд ее затягивает.

Вдали хлопнула дверь. Кто-то вошел в библиотеку.

В ужасе Дубэ побежала по лестнице, вернулась в кабинет и закрыла за собой дверь, снова заперла ее.

Если она останется здесь, то окажется в ловушке.

Дубэ вышла за дверь, быстро закрыла ее, дрожащими руками попыталась повесить замок на место. Возблагодарила небо за то, что замок был настолько прост. Издали до нее уже доносились голоса.

— Неужели ты снова оставил эту проклятую дверь открытой? Сколько раз нужно говорить тебе: то, что находится внутри, — драгоценнее всего? Ничто во всем мире не стоит того, что хранится в библиотеке, и ты должен более всего заботиться о ней, понятно?

Совершенно ясно, что это был голос Иешоля.

Дубэ инстинктивно прижалась к стене, но она отлично знала, что это не поможет.

«Библиотека большая, он может пойти в другое место, успокойся».

Да, но в этой комнате стоит пьедестал, и здесь заповедная дверь. Если комната действительно предназначалась для «Черной Книги», то Иешоль должен направиться прямо сюда.

— Простите меня...

— Еще три дня наказания, и в следующий раз я уже не буду столь снисходительным, понятно?

Они действительно направлялись к ней. Иешоль и его юный ординарец.

Дубэ переместилась в соседнюю комнату и спряталась за углом шкафа, рядом с дверью. Она молилась о том, чтобы Иешоль не прошел тут. А он приближался большими шагами.

— Дохор спрашивал о вас.

— Мы недавно виделись.

— Он напоминает вам, что хочет всегда быть в курсе дел, а ему кажется, что вы об этом забываете.

— Хорошо, я встречу с ним. Проклятый неверующий... его заслуг нельзя отрицать, но его наглость действительно раздражает.

Они направлялись в сторону Дубэ.

Дубэ бегом перешла в другую комнату, пытаясь, однако, ступать совершенно бесшумно. Она услышала, что шаги замерли.

— Ваше превосходительство?

Далее последовало нескончаемое молчание.

— Ничего... мне показалось... ничего, ничего.

Снова раздались шаги. Дубэ прошла еще две комнаты, на этот раз медленнее. Голоса продолжали следовать за ней, но были глуше.

— Я хочу, чтобы меня весь вечер не беспокоили, понятно? Хочу, чтобы ты был отсюда как можно дальше.

Дубэ прошла еще немного, пока не приблизилась к центральной комнате. Она сдерживала дыхание. Потом побежала к двери. Та была до сих пор открыта — подарок судьбы. Дубэ осторожно приоткрыла ее и бросилась бежать.

Выйдя из отверстия между двух статуй бассейна, она почувствовала себя почти спасенной. Спасенной от Иешоля, но не от того, что сейчас узнала. Лицо в шаре. Дух Астера, готовый вернуться и снова повергнуть Всплывший Мир в ужас.

Она поднесла руку к лицу и под своими пальцами ощутила нежную кожу, очертания

своего лица — закончилось время действия снадобья. Должно быть, прошло много времени, зал бассейнов пуст, в коридорах поблизости стояла тишина.

Дубэ закрыла лицо капюшоном, из-за чего почти перестала видеть, и снова побежала, встретила какого-то убийцу, но пробежала так быстро, что никто ее не узнал. Она добралась до комнаты просителей и внезапно остановилась. Часовой был на месте. Он дремал и не слышал, как она подошла. Он сидел у входа в комнату. Дубэ оставалось только ждать, когда он крепко уснет или уйдет отсюда.

Она долго стояла за углом коридора, прислонившись к стене. Ее глаза все время следили за этим человеком, а мысли неслись во весь опор. Все самые мрачные рассказы ее детства о Тиранно и о Темных годах живо вставали в памяти, оживали воспоминания о смертях и побоищах. Конечно, и нынешнее время не было мирным. Она, за свои шестнадцать лет, не раз видела резню, но чувствовала, что все же это было не так страшно, как в те времена, когда Астер еще был неоспоримым властелином почти всего Всплывшего Мира. Те времена напоминали ад. Она подумала о том, насколько близко от нее был дух этого чудовища, вспомнила тот момент, когда их взгляды встретились. Он был всего лишь ребенком, но сколько же ужаса внушил ей своей невинностью, своим печальным обликом.

Наконец человек выпрямился, встал и пошел прочь приплясывающей походкой.

Дубэ проникла внутрь комнаты. Наклонилась над Лонерином, сильно встряхнула его.

На этот раз юноша не дал застигнуть себя врасплох. Видимо, он не был погружен в глубокий сон, потому что сразу открыл глаза, посмотрел на нее и с тревогой спросил, что случилось. Было видно, что он сильно обеспокоен.

— Они хотят оживить Астера, — выдохнула Дубэ.

Лонерин не находил слов. Он несколько мгновений смотрел на Дубэ, как будто пытаясь понять, что она сказала, потом оцепенел.

— Как?

— Они вызвали его дух, я видела его в потайной комнате, под нашими ногами. Теперь они ищут тело, в которое его можно поместить.

Лонерин с ужасом посмотрел на нее, затем взгляд его стал твердым, ему тоже было страшно, но он взял себя в руки.

— Нужно сообщить об этом в Совет.

Дубэ кивнула:

— Убежим сегодня же ночью. Быстрее. Лонерин, когда они найдут полуэльфа, все будет кончено, понимаешь?

— Да, я слишком хорошо понимаю, но как нам выйти отсюда? У тебя есть какие-то предложения?

— Ты выйдешь вместе со мной.

Лонерин вопросительно посмотрел на нее.

— Мы находимся недалеко от храма, может быть, нам повезет, и мы никого в Доме не встретим. Выйдем через главный вход.

Лонерин спокойно кивнул. Дубэ изумилась: сколько спокойствия и решимости в такой момент!

Он встал со своей постели, набросил на себя черный плащ, такой же как плащ победителя, только старый и поношенный. В такой одежде он почти мог сойти за убийцу.

— Пойдем, — прошептал он.

Выйти из комнаты оказалось просто. Все крепко спали, и никто не пошевелился. Однако за дверью они тут же почувствовали себя в опасности.

— Повторяй за мной то, что делаю я, — прошептала Дубэ.

Они оба прижались к стене. Коридор был слабо освещен. Никого не было видно. Они прошли по коридору и бросились бежать. Снова никого.

Оба тяжело дышали, но Лонерин держался спокойно.

Дубэ оглядела следующий коридор. Сердце бешено колотилось. Она покидала Гильдию. Она снова становилась свободной. В смятении она даже не подумала об этом.

Они снова побежали. Подошли к центральному коридору. Лестница в глубине вела наружу, в храм, Дубэ двинулась вперед, но вдруг замерла.

— Кто там? — прошептал Лонерин.

— Рекла, — ответила Дубэ.

— Кто?

— Одна из стражей, которая знает меня. — Она обернулась к Лонерину: — Набрось капюшон на лицо, иди решительно и опусти голову, понял?

Она тоже опустила капюшон, постаралась сгорбиться и завернулась в плащ. Глубоко вздохнула, и они двинулись в направлении, противоположном тому, куда собирались.

Она слышала позади себя размеренный шаг Лонерина, потом тишину, в которой были слышны бархатные шаги ее врага — Реклы.

«Лонерин шагает слишком громко», — подумала Дубэ.

Она услышала, как женщина ускорила шаг.

— Что вы тут делаете?

Дубэ остановилась. Выхода не было. Она медленно обернулась.

— Возвращаемся из храма, мы ходили молиться. — Голос Лонерина был твердым и уверенным.

Рекла кивнула:

— Понимаю. Намерение воистину похвальное. Только поэтому не буду вас наказывать за прогулку в столь поздний час.

Лонерин поклонился, и Дубэ поспешила вслед за ним.

Рекла пропустила их и двинулась своей дорогой.

— Иди за ней, — прошептала Дубэ.

Они двинулись медленным шагом за ней, потом свернули в другой коридор и остановились.

Лонерин прислонился к стене. Дубэ услышала его дыхание.

— Ты и в самом деле не теряешь присутствия духа, — сказала она ему.

Наверное, он улыбнулся, но девушка увидела в темноте только капюшон, закрывавший лицо.

Они вышли из коридора и скоро были уже в храме.

Быстро прошли по храму.

Вот и все. Дубэ решительно открыла дверь. Их приветствовало небо, полное звезд.

Она не обернулась. Не замешкалась. Вышла в дверь, услышала быстрые шаги Лонерина позади. Они ушли — навсегда.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Идо часто приходил и понапрасну взглядывался во второстепенный эпизод этой огромной фрески. Одни помнили его только как учителя Ниал, другие вспоминали схватку, когда он сражался, во время Великой Зимней Битвы, с Всадником Черного Дракона Деинофоро. Действительно, он был одним из основных персонажей борьбы против Тиранно. Может быть, он не был главным действующим лицом тех ярких событий, в которых принимали участие Ниал и Сеннар, но он был душой сопротивления, готовил войска, которые сражались в последних решающих битвах, только ему обязаны своим существованием свободные Земли в течение того долгого периода, когда Ниал и Сеннар искали восемь камней по всему Всплывшему Миру. То, что он был одно время наместником у Тиранно, только прибавляло ему веса, как человеку, который смог понять свою ошибку и прожил жизнь, пытаясь искупить ее.

Первое убийство оказалось чем-то вроде колдовства. С этого дня время стало бежать быстрее, и свеча жизни стала сгорать как по волшебству.

С того вечера она больше не убивала, как обещал ей Учитель, но все как-то переменялось. Она продолжала помогать ему, заключала договоры с заказчиками, подготавливала оружие и мучилась своей осведомленностью в делах убийств.

Дубэ взяла те деньги, которые ей дал Учитель. Она купила чудесную книгу по ботанике и с удовольствием прочитала ее от корки до корки. Иногда она испытывала странное отвращение, беря ее в руки. Образ убитого ею человека настойчиво всплывал в памяти, и на какое-то мгновение ее охватывал приступ тошноты. В эти моменты ей достаточно было подумать об Учителе, и все проходило. Дубэ постоянно думала о нем с того вечера. Долгое время она не могла подыскать название тому чувству, которое скручивало ей желудок при мысли об Учителе. Теперь она знала, что это такое. Она поняла все, когда поцеловала его. Это был первый поцелуй в ее жизни.

Воспитание Дубэ совершенно отличалось от воспитания других девочек ее возраста, и ее интересы не распространялись на кукол, игры или такие вещи, как любовь. Однако вечером, тайком от Учителя, она читала какие-то баллады и фантазировала. Чувства к Матону умерли вместе с прежней жизнью, но Дубэ часто, перед тем как заснуть, мечтала встретить кого-то, влюбиться. Может быть, в такого же наемного убийцу, как она сама.

Теперь она неожиданно поняла, что этим человеком был Учитель.

Иногда она чувствовала непреодолимое желание поцеловать его еще раз, сказать ему все, спросить, нравится ли она ему, любит ли он ее. Но она всегда сдерживала себя. Отчасти потому, что Учитель с того самого дня не позволял себе больше ни одного нежного жеста, а отчасти из страха. Пока она ему ничего не сказала, все остается неопределенным. Она может продолжать смотреть на него обожающими глазами, мечтать о том дне, когда станет его женой. А если бы она сказала ему, то он мог ответить «нет». И тогда все в одно мгновение кончилось бы. А она этого не хотела. Она хотела продолжать жить так, любить его, не требуя ничего взамен.

Учитель стал давать ей деньги за ее работу.

— Если ты хочешь стать независимой, то должна научиться распоряжаться своими деньгами.

— Я совершенно не уверена, что хочу по-настоящему быть самостоятельной, Учитель...

На самом деле она все еще боялась, что он может бросить ее, теперь, когда она уже не была на самом деле его ученицей.

Учитель раздраженно махнул рукой:

— Глупости, рано или поздно ты должна будешь и захочешь найти свою собственную дорогу.

Этот период был полностью омрачен и освещен любовью к Учителю. В ее жизни не было места ни для чего другого. Все сводилось только к одному, все чувства были поглощены этой безграничной страстью. Из-за этого Дубэ чувствовала себя отупевшей, контуры всего окружающего расплывались и стирались.

А он оставался таким, как всегда, может, даже более холодным, чем обычно, хотя Дубэ и не хотелось допускать этого. Он избегал смотреть на нее, его взгляд все чаще становился печальным. По вечерам, они редко занимались. Учитель оставался у окна и смотрел на крошечную тьму. Летом он проводил большую часть ночи на берегу, просто глядя на океан, который набрасывал свои волны на побережье, а потом забирал их, сохраняя свой неизменный ритм, которому никто не мог помешать. Учитель казался бесконечно уставшим

человеком.

Дубэ хотела бы взять на себя эту усталость, эту печаль, хотела бы, чтобы ее любовь оказалась способной вывести его из этой прострации и дать ему покой, потому что она чувствовала, как Учитель в этом нуждается. Но это было просто невозможно. Между ними все время что-то стояло, какой-то экран, разделявший их, нечто, чему Дубэ не могла подобрать названия, но что бесконечно мучило ее.

Так шли дни, один за другим, похожие один на другой. До того самого дня, когда на пороге их дома появился человек.

Был спокойный день, Дубэ тренировалась на песке. Она никогда не прекращала тренировок, даже зная, что никогда не станет наемным убийцей. Ей нравилось упражнять свое тело, к тому же она должна была поддерживать форму, чтобы достойно помогать Учителю.

Стояла осень, дул чудесный свежий ветер, хлеставший в лицо, что делало тренировку еще более приятной. Она размышляла, сидя на песке, скрестив ноги, когда услышала почти бесшумные, ритмичные шаги по песку. Инстинктивно она открыла глаза, ее медитация была прервана. На фоне серого неба вырисовывалась темная фигура. Это был худой человек, полностью одетый в черное. На нем была рубашка с довольно широкими рукавами, кожаный жилет с ярко-голубыми пуговицами, брюки из тяжелой материи и высокие сапоги. На поясе, на видном месте, висел длинный кинжал, который тоже был черного цвета.

Человек обратил свой назойливый взгляд на Дубэ, улыбнулся ей, но ей это не понравилось. В этой улыбке было нечто угрожающее. Человек не приближался и не удалялся, он просто смотрел, продолжая улыбаться. А потом ушел так же, как и появился.

Вечером Дубэ продолжала чувствовать себя встревоженной из-за этой встречи. Она не знала, что именно ее испугало, но она очень доверяла своему шестому чувству. Она хотела поговорить об этом с Учителем, но не знала, что сказать ему. Поэтому она молчала и надеялась, что тот человек больше не вернется, что это была случайная и ничего не значащая встреча.

Все последующие дни Дубэ продолжала волноваться. Упражняясь, она плохо сосредотачивалась, все время была напряженной и готовой вскочить. Учитель заметил это.

— Тебя что-то беспокоит?

Дубэ подняла глаза, скрывая оцепенение. На самом деле она давно ждала этого вопроса.

— Ничего.

— Скажи лучше, что ты не хочешь со мной разговаривать.

— Нет ничего, о чем бы я не могла с тобой говорить, и ты это знаешь.

Это была правда.

— Я уверен, есть вещи, о которых ты никогда мне не скажешь.

Дубэ покраснела. Она подумала: может, Учитель действительно знает о том, что она скрывает?

— У всех есть свои тайны, — заметил он, и она облегченно вздохнула.

Она надеялась, что тут все и кончится, но на следующий день она снова забеспокоилась, и сильнее, чем раньше. Она подумала, что причин нет, и она должна оставаться спокойной.

В середине дня в дверь постучали.

Это был период отдыха от работы, и Дубэ вместе с Учителем находились дома. Однако, как обычно, она открыла сама.

И оцепенела. Перед ней стоял тот самый человек, с той же злой улыбкой на лице.

— Здравствуй, Дубэ. Я пришел к Сарнеку.

Дубэ даже не подумала, каким образом этот человек узнал ее имя. Она сосредоточилась только на втором: Сарнек.

Человек улыбнулся еще шире.

— Мне кажется, я его нашел.

Дубэ повернулась и увидела позади себя Учителя. Его лицо было искажено злобой, он держал в руках кинжал, ногти на пальцах, сжимающих рукоять, побелели.

— Чего ты хочешь? — сквозь зубы спросил Учитель.

Человек продолжал улыбаться.

— Я вижу, что ты, пожалуй, напряжен... но не надо хвататься за кинжал. Как видишь, я свой даже и не вынимал.

Учитель, однако, продолжал сжимать оружие.

— Отойди, Дубэ.

Девушка повиновалась. Обстановка внезапно сделалась ледяной, ей стало страшно.

— Повторяю: положи свой кинжал на место. Я здесь не для того, чтобы причинить тебе зло.

— Позволь не поверить тебе.

— Это твое право, но мы с тобой когда-то много лет провели вместе. Неужели ты не можешь верить мне в память о наших былых годах?

— Гильдия коварна.

— Если бы я захотел убить тебя или девочку, то уже сделал бы это, ты не думаешь? А я, наоборот, постучал в твою дверь, мой кинжал и все оружие остаются на своих местах. Тебе не кажется, что это — проявление добрых намерений?

Учитель все еще продолжал смотреть на человека, не убирая кинжала. Он по-прежнему готов был применить свое оружие. Только через некоторое время он расслабился и опустил руку.

— Повторяю: что ты хочешь?

— Поговорить с тобой.

— Мне нечего тебе сказать.

— А мне — есть... Я принес тебе весть о прощении.

Учитель горько усмехнулся:

— В этом нет необходимости.

— Что ты говоришь? Однако ты только и делал, что бежал от нас все эти годы, а это значит, что ты боялся наказания.

Учитель скрипнул зубами.

— Давай покороче.

Человек почти добродушно улыбнулся:

— Я желаю того же самого.

Они вошли в дом. Дубэ со страхом посмотрела на человека. Он бросил на нее взгляд исподлобья, в котором содержался странный, непонятный ей намек.

— Дубэ, выйди.

Девочка резко повернулась к Учителю:

— Зачем?

— Потому что у меня дела! — со злостью ответил он. — Прекрати задавать вопросы в ответ на мои приказы, поняла? Я — учитель, а ты — глупая ученица. Делай, что тебе говорят и беспрекословно.

Дубэ почувствовала себя униженной из-за этой вспышки гнева, но не могла не подчиниться и ушла.

— Не показывайся раньше чем через два часа!

Она кивнула, постояла на пороге, а потом затворила за собой дверь.

Уже семь лет Дубэ провела вместе с Учителем. Все у них было поровну: семь лет они всегда спали в одном доме, ели вместе, жили в одной комнате в гостиницах, в пещерах и в самых невероятных домах. Она любила его, он был для нее центром вселенной. Но за семь лет она так и не узнала, как его зовут. Для нее он всегда оставался лишь Учителем.

Теперь, неожиданно, пришел странный человек, которого ненавидит Учитель, некто из

Гильдии (ей казалось, что она правильно поняла), и называет Учителя по имени. Значит, его имя — Сарнек. Дубэ чертила пальцем на песке и неотступно выводила это имя. Сарнек. Сарнек. Какой-то незнакомец знал его имя, а она — нет. Что он хочет от них? Кто он? Почему Учитель выгнал ее, чтобы поговорить с ним, и к тому же с такой резкостью? Нет, не Учитель. Сарнек.

Дубэ резко вскочила. Она почувствовала себя обозленной, преданной, испуганной. Она побежала к морю.

На песке осталась надпись.

«Я люблю Сарнека».

— Достаточно церемоний и ненужной болтовни.

Сарнек и пришедший пили какой-то напиток, усевшись друг перед другом. Человек, казалось, расслабился, а Сарнек продолжал чувствовать себя напряженным, озабоченным, рука его все время была рядом с кинжалом.

— Ты остался в одиночестве, Сарнек. Говорят, что годы и опыт меняют человека, но мне кажется, что к тебе это не относится.

— Говори, что ты хочешь, и уходи.

— Я уже сказал тебе. Гильдия хочет тебя простить.

— Я вам не верю.

— Мы не мстительны, запомни это.

— Вы охотились за мной все эти годы, думаешь, я этого не замечал? Мне приходилось голодать, только бы вы не схватили меня. Только небольшие работы, я всегда старался быть незамеченным...

— Когда ты покидал нас, должен был знать, что так и будет всегда.

— Я знаю, что для вас я остаюсь позором, грязным пятном на вашем белоснежном замысле. Я ошибаюсь или я пока единственный, кто ускользнул у вас из-под носа?

Сарнек со злостью улыбнулся, а человек, казалось, нимало не смутился.

— Прошное есть прошное, и оно нас не интересует. Теперь ты — проситель, со всеми вытекающими последствиями. Тенаар сможет ответить тебе на предательство. Место таких, как ты, в самой черной бездне преисподней.

— Не пытайся мне угрожать своими фанатическими выдумками.

Человек сбросил чашку со стола, и немного настойки пролилось на деревянный пол.

— Если ты будешь продолжать так, то я никогда не уйду, а ты этого не хочешь, правда?

— Уйдешь.

Человек взял себя в руки.

— Как я говорил тебе, мы больше тобой не интересуемся. Для нас ты окончательно потерян. Не будем скрывать: если мы тебя и искали все эти годы, то, конечно, не для того, чтобы убедить вернуться, а для того, чтобы убить.

— Ты действительно мне льстишь. А что могло измениться за это время?

— Девочка.

Выражение лица Сарнека неожиданно стало злобным. Улыбка с его лица исчезла, он рассвирепел.

— Не впутывай ее во все это.

Человек пропустил мимо ушей слова Сарнека.

— Она — дитя смерти, ты это знаешь. Она нерасторжимо связана с Тенааром. Мало того, ты обучил ее нашему делу. И ты гноишь ее здесь... семь лет, а она еще не начинала свою работу наемного убийцы.

— Оставь ее в покое, — прорычал Сарнек. — Она — не ваша, она — моя.

Человек усмехнулся:

— Я говорил, что ничего не изменилось. Женщины по-прежнему губят тебя...

Сарнек стремительно схватил его рукой за горло.

— Замолчи.

Человек не перестал усмехаться, но поднял руку в знак примирения. Сарнек отпустил его.

— Ты не можешь отрицать очевидного! Даже такой маловерующий, как ты, не может не видеть: Дубэ принадлежит Тенаару. Ты не признаешь судьбы? То, как она совершила убийство, то, что она встретила с тобой...

— Это чистая случайность. Я не хотел оставлять ее у себя.

Человек раздраженно махнул рукой:

— Ты совсем не хочешь думать. Согласен, я знаю, что ты давно отринул нашу веру, и нет никакого смысла в том, чтобы пытаться переубедить тебя. Давай заключим соглашение. Гильдия простит тебя, если ты отдашь Дубэ.

Сарнек горько усмехнулся:

— Ни за что на свете.

— У тебя нет выбора, Сарнек. Не отдашь — я приду сюда, убью тебя и заберу ее. Вот и все.

— Если тебе удастся... а я уверяю тебя, что это не так-то просто. Я всегда был лучшим убийцей, чем ты.

— Ты знаешь, что если Гильдия задумывает смерть кого-либо, то не остается никакой надежды. Если ты не отдашь нам Дубэ, мы сами возьмем ее, а ты кончишь свои дни так, как и представить себе не можешь...

— Нет! Я никогда не позволю вам наложить на нее руки и никогда не отдам ее на те мучения, которые перенес я сам.

Сарнек с ненавистью посмотрел на него, и человек казался почти испуганным.

— Даю тебе два дня на раздумья. Потом увидимся.

Человек встал.

— Подумай хорошенько, Сарнек. Ты был одним из победителей, тебе известно, сколько способов убить человека мы знаем.

Человек вышел, не попрощавшись, и оставил Сарнека одного. Тот сидел за столом и в ярости ломал руки.

— Проклятье... проклятье!

Учитель вышел из дому и решительно направился к Дубэ, она сразу же поняла, что случилось нечто серьезное.

— Собирай вещи, завтра утром мы уходим.

— Что случилось? — спросила она его со страхом.

— Делай, что я тебе говорю, и хватит. Ты получишь эти проклятые объяснения, когда настанет время.

Дубэ подчинилась. Вечером Учитель куда-то собрался.

— Если я не вернусь, беги. Никогда никому не называй ни своего имени, ни моего, поняла? Забудь все, чему я тебя учил, и начни новую жизнь. Но прежде всего, найди себе другое имя.

Дубэ испугалась.

— Почему ты мне это говоришь, что произошло?

— Успокойся, мне нужно выполнить одну работу.

Она бросилась ему на шею, крепко обняла его.

— Мне страшно, мне страшно! Не уходи!

Она заплакала.

Он обнял ее.

— Не беспокойся, все будет хорошо.

— Ты — единственное, что у меня есть, единственное, и ты говоришь мне: «Если я не вернусь».

Она всхлипывала, смотрела ему в глаза, стараясь сдержать слезы.

— Не бросай меня, умоляю тебя, не бросай меня, я... я тебя...

Он оборвал ее, прижав палец к ее губам:

— Не говори этого. Не говори этого... На рассвете я вернусь.

Ночь была ужасной. Дубэ не ложилась. Она не могла успокоиться, то плакала, то пыталась взять себя в руки, она не отходила от окна. Ее узелок и вещи Учителя были собраны, лежали на столе. Она завернулась в плащ.

— Учитель... Учитель... — шептала она в ночи.

Время шло медленно, звезды, казалось, застыли на месте. Когда наступил рассвет, солнце начало всходить с мучительной медлительностью, окрашивая в молочно-белый цвет небо. Вместе со светом пришел и страх. Учителя не было видно. Что она будет делать, если он не вернется? Что она будет делать, если он умер? Она даже не осмеливалась об этом думать, произносить это слово. Тогда она тоже умрет. Какой смысл ей жить?

Наконец, когда небо уже начало окрашиваться в бледно-розовый цвет, Дубэ увидела фигуру человека, которого она ни с кем не могла спутать.

Она бросилась из дома, позвала его, назвала тем именем, которого до вчерашнего дня не знала, бросилась с плачем ему на шею. Они оба упали на песок.

Он нежно погладил ее по голове.

— Все в порядке, все в порядке.

Когда они встали, Дубэ увидела на песке кровь.

— Что случилось?

Он покачал головой:

— Большей частью это — не моя кровь.

Однако он был ранен, Дубэ это сразу поняла.

— А это?

— Пустяки.

Но от боли Учитель побледнел и покрылся потом.

— Я вылечу тебя.

— Я же сказал тебе, что это пустяки.

— Может попасть инфекция. Я знаю травы... я вылечу тебя.

Учитель сдался, глядя в ее лучистые глаза.

Дубэ приготовила микстуру, заботливо смазала ею руку. Это была рваная и глубокая рана, почти до кости, он потерял много крови. Дубэ никогда не лечила подобные раны, но была уверена в своих знаниях и в том, что вычитала из книг. Она продезинфицировала рану, зашила ее ниткой, а сверху наложила лечебную повязку. Она никогда раньше этого не делала, но много об этом читала. Он не издал и стога. Просто устало смотрел в землю. Они не перемолвились ни словом, но Дубэ чувствовала, что так надо. Он вернулся к ней. Она уверена, что черный человек не будет больше их подстерегать, он умер. Только сидя за столом, перед чашками с молоком, они обменялись несколькими словами.

— С этим человеком из Гильдии больше не будет проблем, но нам все равно надо уходить.

Дубэ восхищенно посмотрела на него. После пережитого ночью ужаса она все еще не могла поверить, что он с ней.

— Как хочешь, Учитель.

— Я совершил одну большую ошибку... слишком большую...

— Все будет хорошо, пока ты со мной, — улыбнулась она.

Он тоже улыбнулся, но грустно.

— Уйдем ночью.

Они вышли, когда на небе зажглись звезды. На них смотрело немилосердное и холодное небо. Учитель ослабел, Дубэ видела это, но он настаивал на том, чтобы идти.

— Я убил одного из Гильдии. Они не оставят меня в покое. Мы должны уйти как можно дальше от них.

Дубэ кусала губы.

— Но что он хотел?

— Я ушел из Гильдии много лет назад, для них я — предатель. Он хотел убить меня и забрать тебя с собой.

Дубэ смотрела в землю. Значит, это ее они искали. Она и ее проклятая судьба. Она знала это, она — дитя смерти, поэтому они хотели ее забрать. Настанет ли конец ее бедам, которые с самого детства она несет в себе?

Путешествие было долгим, утомительным и нескончаемым. Они шли к Земле Солнца, в новый дом, как сказал Учитель. Учитель ослабел, его лихорадило, Дубэ умоляла его остановиться.

— Речь идет о нашей жизни, глупая девчонка, ты можешь понять?

Учитель нервничал, может быть, от боли, может, от лихорадки. Тогда Дубэ ускорила шаг, хотя изнемогала. Она понимала: единственное, что надо было сделать, — как можно скорее дойти.

Но она видела, что Учителю становится хуже, что рана открылась, и не знала, что делать. Она была в отчаянии.

— Учитель, рана открылась, попала инфекция, я не знаю, что делать! Нам надо остановиться!

Учитель не слушал ее, шел дальше, температура у него поднималась, а шаг становился неуверенным.

Ночь за ночью они шли вперед, пейзаж менялся, Дубэ с облегчением чувствовала, что цель близка. К тому же они недалеко от Макрата.

Учитель вел ее, хотя чувствовал себя все хуже. Они зашли в лес, наконец оказались в какой-то пещере. Внутри была только одна подстилка.

— Остановимся тут, — сказал Учитель уставшим голосом.

— Это — не наш дом! — сказала Дубэ. — Мы не можем оставаться тут.

— Все хорошо. Я устал, не говори ничего. Тут неподалеку должна быть река, сходи и принеси воды.

Дубэ побежала, набрала воды и принесла ее. Весь оставшийся вечер она искала пищу и готовила отвары.

Рана была не слишком серьезной, однако состояние ухудшалось.

— Учитель, почему, почему тебе так плохо?

Он только улыбался, но не отвечал. Он казался все более спокойным, гладил ее по голове.

— Я не знаю, что бы делал без тебя все эти годы.

Дубэ встала, ее глаза были полны слез.

— Я не могу жить без тебя, Учитель, понимаешь? Я очень люблю тебя, ты мне нужен!

Он продолжал улыбаться.

— Пустяки, пустяки... — пробормотал он.

После ужина он забылся легким, восстанавливающим силы сном. Дубэ присматривала за ним всю ночь.

Последующие дни Дубэ полностью отдалась уходу за Учителем. Она пошла в Макрат, который был уже недалеко, купить еды, потом приготовила ему чистую подстилку и не переставая лечила его.

— Уходя, как следует закутайся в плащ, убедись, что за тобой не следят, — все время приказывал Учитель, несмотря на мучившую его лихорадку.

— Этот человек умер, Учитель, нас никто не может преследовать.

— У Гильдии есть глаза и уши повсюду.

Дубэ все силы отдавала лечению, и через неделю Учителю стало, наконец, лучше. Наступил день, когда температура спала. Дубэ была доведена до крайности страхом и усталостью, но была счастлива и улыбалась своему Учителю.

— Ты и в самом деле хороший лекарь, — пошутил он, и она засмеялась — впервые

после появления в их жизни черного человека.

В последующие дни состояние Учителя стало постепенно улучшаться, он очень устал, но уже поправлялся. Вероятно, оружие, которым его ранили, было пропитано небольшим количеством яда, поэтому выздоровление и было таким медленным и трудным.

Наступили радостные дни. Для Дубэ это было возвращением к жизни. Вскоре все будет по-прежнему, даже лучше, потому что уже несколько дней Учитель был более нежен с нею. Она не знала, что изменилось. Может быть, оттого, что они были так близки в столь трудный момент, или оттого, что она призналась ему. Ведь Дубэ отлично помнила, что сказала ему о своей любви. Он ответил, что это — глупости, но, судя по его поведению, это было не так. Неожиданно она начала представлять себе их общее будущее, начала фантазировать.

Однако Учитель был не так спокоен. Он постоянно оглядывался, Дубэ часто видела, как он выходил и подозрительно осматривал окрестности.

— Тебе надо лежать, иначе ты никогда не поправишься.

— Я хорошо себя чувствую, не изображай, пожалуйста, мамашу.

Однажды она застала его пишущим, но, как только он ее увидел, поспешно все спрятал. Она ничего ему не сказала.

Учитель постоянно беспокоился, что за ними следят, что кто-то знает, где они находятся. У него была мания преследования.

— Ты уверена, что за тобой никто не шел?

— Я уверена.

— Я могу контролировать только окрестности, но в остальном...

— Тебе не надо контролировать окрестности, ты должен только поправляться.

Дубэ каждый вечер сама готовила мазь и продолжала накладывать ее на рану.

Однажды вечером, как обычно, она наносила мазь на его руку. Рана была странным образом открыта в одном месте.

— Учитель, что случилось, почему рана снова открыта, что ты делал? — спросила она с упреком.

Она ждала выговора, потому что Учитель не любил такого обращения. Однако он не разозлился. Просто ответил, что ничего не делал, что он отдыхал, а рана открылась сама.

Дубэ аккуратно лечила его, наносила более густой слой мази там, где рана открылась, потом все перебинтовывала. Но вскоре снова наступило ухудшение. Она чувствовала, что рука Учителя странно вздрагивает. Она посмотрела, подумав, что ей только кажется. Но нет, руку действительно сотрясали легкие судороги.

— Учитель, что с тобой?

Он продолжал улыбаться, но был странно бледен.

— Оставь меня здесь.

У Дубэ сильно заколотилось сердце.

— Ты плохо чувствуешь себя? Что с тобой?

Он не переставал улыбаться, хотя у него начали дрожать губы.

— Не беспокойся, еще немного, и все будет кончено.

Дубэ почувствовала, как в ней нарастает страх.

Учитель все сильнее дрожал, так что ему было трудно говорить.

— У меня нет времени. Я оставил для тебя письмо. Прочитай его и сделай то, о чем я тебя прошу.

— Что случилось, что случилось?

Дубэ начала плакать. Она узнавала эти симптомы. Они были описаны в той книге о растениях, которую она купила после своего первого убийства.

— Прости меня. — Голос Учителя прерывался. — Я должен был умереть, другого выхода у меня не было.

Бархатный листок. Один из ядов, которые он использовал для своих убийств. От ужаса у нее даже перестали течь слезы.

— Все в письме.

Слова его были еле различимы, еле слышны.

Дубэ осмелилась только назвать его по имени, она не переставала повторять: «Зачем?»

Учитель страдал, она видела это по его лицу.

Нет, нет, нет!

— Если я... меня стали бы искать... всегда... сделай... найти... тело...

Дубэ крепко обняла его, крича от отчаяния из-за того поступка, которого не понимала, с которым никак не могла смириться.

Тело Учителя вздрогнуло в ее руках. Она почувствовала, как оно холодеет и коченеет.

Учитель закрыл глаза, сжал губы, неловко попытался еще раз провести рукой по ее лицу, по волосам, приласкать ее. Она крепко обнимала его.

Нет, нет, нет!

Потом, как он сказал сам, все быстро было кончено. Его тело ослабло, дыхание стало бесшумным, раздался последний тихий вздох.

Дубэ осталась сидеть, обняв его, не находя в себе смелости пошевелиться. Она была безнадежно одинока.

32

НАЧАЛО ИСТОРИИ. ПРОШЛОЕ XI

«Дорогая Дубэ!

Я знаю, тебе будет трудно понять то, что я сделал. Я знаю тебя лучше, чем кто бы то ни было, и ты это знаешь, поэтому я понимаю, что ты чувствуешь, сколько боли и отчаяния доставил тебе мой поступок. Я написал это, чтобы все объяснить. Это было необходимо. Я прошу тебя закрыть эту главу твоей жизни, забудь обо мне, о моем обучении и начни снова жить так, как ты жила в Сельве.

Я устал, Дубэ, бесконечно устал. Мне не так много лет, но я чувствую, как и эти годы давят на меня. Я стар, как будто мне несколько веков, и обессилел. Я сделал все, что мог, если бы я еще прожил, то ничего не прибавил бы к истории своей жизни. Я просто влачил бы свое существование и тащил бы тебя за собой. Это — первая причина, по которой я решил умереть. Я больше не мог. Дубэ! Такова та цена, которую платим мы — убийцы. Такие, как мы, не знавшие другого существования, видя, как за нас все решают другие люди, заставляя вести ненавистный образ жизни, умирают понемногу после каждого убийства. Ты еще совсем молода, но я знаю, что ты уже открыла для себя эту истину. Убийства давят, в конце концов этот груз становится невыносимым.

Но я сделал это не только из-за усталости. Я сделал это из-за Гильдии. В тот вечер я убил своего старого товарища из Дома. Мы были знакомы с детства, может быть, я ненавидел его, а он ненавидел меня, но мы росли вместе. Я убил его, потому что он хотел увести тебя с собой, а ты не заслужила такой судьбы, как моя. Но убить кого-то из Гильдии нельзя безнаказанно. За мной пришли бы другие, они не оставили бы меня в покое, никогда и нигде. Я не в силах был перенести эту войну. Я не могу снова бороться за свою душу с Гильдией. Но если я уйду, то ты сможешь бежать, и я не буду для тебя лишним грузом. Конечно, тебя станут искать, но без меня будет легче скрыться. Потому что они хорошо знают меня, но не тебя. Если я уйду, ты освободишься.

Дубэ! Ты — самое лучшее, что было у меня за эти годы. Я нашел тебя, когда сам был в отчаянии. Только годом раньше я оставил Гильдию. Мне очень трудно было уйти. Я вырос среди них и знал только убийства и культ Тенаара. Я родился от одной из жриц Гильдии и никогда не знал своих родителей. Меня вырастили убийцы, с одной только целью — сделать меня оружием. Долгие годы, с детства и до зрелого возраста, я делал только то, что они мне приказывали, считая их указания правильными, священными.

Мне доставляло удовольствие убивать, я чувствовал себя сильным, не нуждался в нормальной человеческой жизни. В Гильдии у меня было все, что

нужно.

Это проклятие прекратилось из-за одной женщины. В Гильдии не признают любви, но род убийц должен продолжаться.

Она тоже была жрица. А жрицы существуют только для одного: рожать детей для Тенаара. Когда они достигают того возраста, когда становятся бесплодными, их убивают. Но до тех пор, каждые два года, они должны производить на свет ребенка. Если этого не происходит, их тоже убивают.

Она была обычной девушкой, ничего собой не представлявшей. В Гильдии полно женщин намного более красивых, более жестоких и более смелых. До меня у нее было два ребенка, которых отняли, как только они родились. Она не огорчалась, знала, что такова ее судьба. Вторые роды были очень трудными, жрец сказал ей, что только благодаря чуду она сможет иметь еще детей. Она не сказала об этом никому.

Не знаю почему, но я влюбился в нее. Она была простодушной — может быть, поэтому. Она была невинной, я никогда не был таким и даже не знал, что это такое. Она убила, будучи девочкой, до того как стала жрицей, но, несмотря на это, сохранила какую-то необъяснимую чистоту, которая очаровала меня. Мы сошлись с ней, и я все время ждал, когда увижу ее, идущую по Дому, рассеянную, погруженную в свои мысли. Она тоже любила меня, нежно и ласково, чем еще больше очаровывала.

В течение месяца она все еще не была беременна, потом прошел еще один месяц, затем другой. Четыре месяца она оставалась бесплодной, хотя мы встречались каждый вечер. Поначалу меня это не интересовало, я был счастлив. Чем дольше она оставалась бесплодной, тем больше времени мы могли проводить вместе. Однако вскоре Верховный Страж вызвал меня и сказал, что жрица, которая не рождает детей, бесполезна, и, если она в ближайшие два месяца не забеременеет, ее убьют.

Нас охватило отчаяние. Мы встречались, со страхом думая, что каждый раз — последний. Она так и не забеременела в два следующих месяца. Она призналась мне в том, что сказал ей жрец год назад, в слезах сказала, что она пропала и для нее все кончено. Я знал, что меня ждет: мне придется ее убить, так требовали правила.

Мы решили бежать. На самом деле это я решил за нас обоих. Она была привязана к этому месту из-за какой-то странной благодарности. Она была дитя смерти, ее мать умерла при родах, а Гильдия подобрала ее еще в младенческом возрасте, когда у нее никого на свете не осталось.

Я убедил ее, продумал все до мельчайших деталей. Любовь странным образом изменила мое будущее, практически избавив от убеждений, связанных с Гильдией и убийством. Я не хотел больше быть победителем, не хотел больше приносить дары Тенаару. Я хотел только мирно жить вместе с этой женщиной.

Мы убежали ночью. От Гильдии нелегко сбежать, но мы все-таки попытались. Однако она плохо себя чувствовала, не знаю точно, что с ней было. Когда мы бежали, она упала, и они быстро нас поймали. Не знаю, что со мной случилось. Каждый раз, когда вспоминаю об этом, мне становится плохо. Мои ноги оказались сильнее моего сердца. Я убежал. И не остановился, чтобы спасти ее. Мои проклятые ноги несли меня прочь от нее, вперед, к моему жалкому существованию.

Впоследствии я пытался найти ее, пытался спасти, но нашел только ее труп, среди других трупов, в той яме, куда Гильдия выбрасывает своих жертв. Я оставил ее умирать, понимаешь? Единственную женщину, которую когда-либо любил. Я оставил ее умирать от страха, из-за желания дурацкой свободы, которой никогда не воспользовался.

К тому моменту, когда я встретил тебя, с тех пор прошел год. Я не хотел никого видеть рядом с собой, ты хорошо знаешь это. Я уже начал умирать. То, что я был с тобой, дало мне силы дожить до сегодняшнего дня. Ты долгое время была смыслом моей жизни, ты была моей надеждой. Однако я еще один раз ошибся. Вся моя жизнь — ошибка, и расплачиваются за нее всегда те, которых я люблю. Я не должен был брать тебя с собой. Я должен был понять по тому взгляду, которым ты

смотрела на меня, когда я в первый раз спас тебя, и потом, когда ты смотрела на меня с восхищением. Я бесконечно нуждался в тебе, нестерпимо. Мне нужна была твоя жизнь, чтобы пробудить мою, мне нужно было твое обожание, чтобы чувствовать, что я еще на что-то способен.

Приручить тебя, воспользоваться твоей невинностью было бы непростительным грехом, тем, чего делать нельзя. Я вынудил тебя убивать, передал тебе свою судьбу, связанную со смертью, соединил тебя с ней только для того, чтобы не чувствовать себя одиноким в своем горе, только чтобы заставить призрак вернуться.

Каждый раз, когда я смотрел на тебя, я вспоминал ее. Когда ты была маленькой, то была той дочерью, которая у нас с ней не родилась, дочерью, с которой, быть может, нам позволено было бы жить вместе. Позже в твоих глазах я видел ее глаза, в моем сознании ты все больше становилась похожей на нее. Когда я увидел, что ты любишь меня, когда ты сама сказала мне об этом, я снова вспоминал ее, и ужасные мысли приходили мне в голову. Я думал, что люблю тебя. Люблю ее в твоём лице. И это — еще одна причина, по которой я должен был уйти.

Я связываю тебя цепями, Дубэ, я — твоя гибель. Но ты должна быть свободной, как была тогда, когда я встретил тебя, хотя ты и говоришь, что я для тебя все, что без меня ты погибнешь. Забудь ту любовь, которую ты испытываешь ко мне, будут другие мужчины, которых ты полюбишь и которые смогут полюбить тебя за то, что ты такая, какая есть, а не за то, что увидят в тебе свое воспоминание.

Теперь я умираю, и все возвращается на свои места. Я возвращаю тебе твою свободу, снова делаю тебя нормальным человеком. Именно поэтому я хотел, чтобы ты сама сделала это, поэтому я подложил бархатный листок в припарку. Я хотел умереть от твоей руки, чтобы это сделала ты, которую я так люблю. Запомни этот ужас навсегда. Я не хочу, чтобы ты становилась наемным убийцей. Сейчас ты подумалась, что у тебя нет выбора, что ты только и умеешь убивать, но это — неправда, неправда! Ты должна поклясться мне, Дубэ, ты должна поклясться мне, что никогда не будешь этого делать. Эта работа — не для тебя. Судьбы не существует, Дубэ, не существует вовсе. Все эти глупости о детях смерти, о Тенааре, который выбирает своих жертв и своих святых, все это — идиотизм. Выбирая свой путь, каждый может изменить свою историю. По крайней мере, ты можешь это сделать.

Дубэ, прошу тебя, и это — мое последнее желание. Если ты станешь наемным убийцей, то кончишь, как я: тебя будет пожирать усталость, смерть внутри тебя, и однажды ты тоже станешь искать ту траву, которая принесет тебе быструю и безболезненную смерть.

Сделай так, чтобы Гильдия нашла мой труп. Они должны знать, что я умер. А ты беги, измени свою жизнь и возьми себе другое имя. В первое время тебе придется приложить много сил, чтобы твои следы затерялись, но потом, через некоторое время, ты сможешь где-то поселиться и начать все сначала.

Я верю в тебя. Я ухожу спокойно, потому что знаю — ты это сделаешь. Если только ты захочешь, если сожжешь все мосты, то ты это сделаешь.

Забудь обо мне, Дубэ, забудь обо мне и прости меня, если сможешь.

Сарнек».

Дубэ сидела в пещере. Письмо лежало на ее коленях. Сначала она прочитала его на одном дыхании, глядя те листы, к которым Учитель прикасался своими руками, разглядывая его почерк — все, что осталось от него. Потом она снова и снова перечитала его.

У нее больше не оставалось слез, чтобы плакать. Она выплакала все над телом Учителя, выкрикивая в небо свои «почему», обращенные к нему. Небо не давало никакого ответа, не приносило успокоения, оставалось только нескончаемое одиночество.

Она не понимала. Теперь она знала наизусть все его слова, но ничего не понимала. Поступок, который отнял у нее единственное, что было, казался ей совершенно непонятным. Отчаяние, чувство вины — вот что она смутно ощущала. Только одно было ей ясно.

Недостаточно было стать его хорошей ученицей, недостаточно было любить его до обожания. Она не смогла стать тем, ради чего он мог остаться. Учитель предпочел умереть, а не остаться с ней, ей не удалось привязать его к себе.

Она вспоминала свою жизнь, умершего отца, мать, которая предпочла ее забыть, Горнара, ставшего отныне истлевшими в земле костями, Учителя. Бесконечный кровавый след тянулся за ней все годы. Только неудачи и боль приносила она тем, кто любил ее, учил ее, помогал ей. Даже Рин умер, а с ним и все остальные в лагере.

Учитель сказал, что судьбы не существует. Но тогда что же все это, как не судьба? Что это за бесконечная боль, эта невозможность предотвратить смерть?

«Сделай так, как он сказал».

Обезумевшая от боли, почти умершая вместе с ним, она выполнила то, что приказал Учитель. Она притащила его ближе к Макрату, ночью, закрывшись плащом, спрятав лицо под капюшоном, и оставила неподалеку от крепостной стены. Кто-нибудь пройдет, сжалится, возьмет и похоронит его. Распространится слух, и все узнают, что он умер. Об этом узнают и в Гильдии. А она исчезнет.

Она не знала, как ей жить. Вернулась в пещеру и долго оставалась там, не желая ничего делать.

Все осталось, как было в тот вечер, когда он умер. Мазь, которой она сама убила его, осталась на повязке, черная сухая смесь, которую ветер медленно разносил по полу пещеры. И все его вещи: стрелы, ножи, лук, кинжал. Весь его мир остался здесь. Все было настолько живо, что Дубэ не могла думать о том, что Учитель ушел навсегда, что она никогда больше не увидит его.

Она долго оставалась тут, время остановилось, настоящее и прошедшее — все перепуталось. Все вернулось к тому вечеру после убийства Горнара.

Много раз она пыталась подавить в себе ненависть к Учителю. Она понимала, что причина для этого есть. В конце концов, он оставил ее, но мало того, вынудил ее, в каком-то смысле, убить его. Но ей не удавалось. Любовь, которую она испытывала к нему, жила внутри нее, в ее сердце, в ее сознании. И ненависть оставалась, конечно. Но скорее всего, Дубэ ненавидела саму себя. Наверное, она могла что-то сделать, но не сделала этого.

Но, несмотря на крайнюю усталость и измученную душу, жизнь продолжала биться под толщей боли. Наверное, Дубэ хотела бы бороться с этим инстинктом, хотела бы лечь в этой пещере, где Учитель испустил свой последний вздох, и тоже уйти из жизни. Но она не смогла. Это настойчивое биение жизни было сильнее всего остального, и его было не остановить.

Поэтому однажды она протянула руку к узелку, валявшемуся на полу, в углу, который она не разворачивала. Дрожащими руками, чувствуя головокружение, она взяла кусок сыра и, обливая его слезами, съела.

Жизнь оказалась сильнее. Тяжело было согласиться жить. Дубэ знала, что будет еще боль: она будет, как сказал Учитель, понемногу умирать, но она не была создана для того, чтобы идти кратчайшим путем и легко утешаться. Она пойдет вперед, до конца.

Дубэ оставалась в пещере еще несколько дней. Учитель приказал ей уходить, но она не знала, что делать. Она будет жить, но как?

Учитель сказал, чтобы она ушла с этой дороги, сказал, чтобы она «помнила всегда этот ужас», и эти слова неожиданно стали для Дубэ приказом. Она будет помнить. К тому же способа забыть все не было. Она уйдет, будет скитаться. Никогда больше не прикоснется к своему кинжалу. Она выбросила его, а с собой взяла кинжал Учителя и на его крови поклялась, что больше никогда не использует его.

Но что она будет теперь делать? Она не знала. Она шла. Час за часом. Она покинула тот дом, где жила вместе с ним, шла по деревьям, направляясь на юг. Она не хотела возвращаться в Землю Солнца, которая принесла ей столько мучений.

Ее ботинки покрылись пылью, постепенно изнашивался ее дорожный мешок. Кончились

деньги, она шла от деревни к деревне, а чувство голода становилось все сильнее. Она смотрела на фрукты, продававшиеся в лавочках, смотрела на окна таверн. Она была голодна. И не знала, что делать.

Потом, однажды, когда в желудке бурчало больше обычного, звериная жажда выжить стала сильной, как никогда.

Ночью она проникла в кладовку какого-то дома. Прижимаясь к стене, влезла в окно, не произведя ни малейшего шума. Ее тело помнило выученное, и она применила на практике то, чему научил Учитель. Она залезла в кладовку, ела с жадностью, пока не насытилась, и захватила еды с собой. Вылезла из кладовки почти на рассвете.

Дорога, в каком-то смысле, была уже предначертана. Деревня за деревней, потом город. Дубэ поняла. Она ничего другого делать не умела. Ей надо было потихоньку залезать в дома, в таверны, дворцы и воровать. Ей не нравилось это, но другого способа добывать средства к существованию она не знала. У нее не было выбора. Она будет странствовать, изо всех сил стараться убежать от своей предназначенности Гильдии и будет воровать. Учитель был прав. Чтобы жить, надо помнить его обучение, применяя его на практике. Так и началась эта история.

33 БЕГСТВО В ПУСТЫНЮ

За ними с глухим стуком захлопнулась дверь храма.

Да, они были на свободе. На свободе!

Только на мгновение Дубэ прислонилась к стене.

И почувствовала, как к ее плечу прикоснулась рука.

— Как ты себя чувствуешь?

Лонерин был невероятно спокоен.

Дубэ кивнула:

— Бежим.

И они побежали по равнине, простиравшейся перед храмом. Они должны были спешить изо всех сил, чтобы расстояние между ними и Домом стало как можно больше, пока не рассвело.

Дубэ была подготовлена, поэтому почти час она бодро бежала, но вскоре заметила, что Лонерин стал уставать. Его дыхание становилось все более учащенным, а движения беспорядочными. Дубэ замедлила шаг.

— Иди шагом, иначе ты совсем устанешь. Иди помедленнее.

Лонерин согласился, хотя и неохотно. Он совсем обессилен.

— Нет... нет... я смогу...

— В котором часу просыпаются просители?

Лонерин покачал головой:

— Не знаю точно... там нет солнца... внизу... поэтому...

— Тогда — за сколько часов до того, как все собираются на завтрак в трапезной?

— Думаю... часа за два...

Дубэ посмотрела на небо. Значит, подъем в пять часов и приблизительно в шесть или в семь — начало погони. Всего шесть часов, чтобы скрыть свои следы. Пешком они этого не сделают, особенно учитывая состояние Лонера.

— Иди за мной.

Юноша не заставил себя уговаривать.

Дубэ поняла, что он не хотел быть ей в тягость. К тому же пока что большую часть работы выполнила она: обнаружив планы Иешоля и сумев выйти из Дома Гильдии.

— Извини, — произнес вдруг Лонерин. — Обучение магов не предусматривает бег. — В его голосе прозвучали горькие нотки.

— Не беспокойся. Ты умеешь ездить на лошади?

Лонерин с удивлением кивнул.

Довольно быстро они добрались до фермы. Дубэ проходила мимо нее несколько раз в течение последнего месяца, когда ходила искать Дженну. Эта ферма никогда не вызывала у нее особого интереса. К тому же она была всего лишь одиноко стоящим деревенским домом на границе с Землей Ночи. Однако, когда Дубэ увидела, как Лонерин задыхается, у нее в голове молниеносно мелькнула мысль о ферме.

— Двигайся как можно тише, — прошептала Дубэ, и он так же нерешительно кивнул, как и в первый раз.

Они осторожно поползли по земле. Двигались вперед, пока не доползли до конюшни. Там, свернувшись калачиком, спала собака. Не разбудив ее, трудно было сделать то, что они собирались.

Дубэ повернулась к Лонерину:

— Ты можешь, если захочешь, кого-то усыпить?

— Да.

Дубэ показала ему на собаку:

— И ее тоже?

— Да. — Лонерин произнес это со странной интонацией.

Дубэ посмотрела на него:

— Чего ты ждешь? Делай.

— Я не совсем уверен, что делать это — хорошая затея...

Дубэ фыркнула. После того, что она видела, у нее сложилось несколько иное мнение.

— Ты думаешь, у нас есть другой выбор?

— Нет... но эти люди живут разведением лошадей...

— Я хочу сказать, что когда мы останемся живы и здоровы, если такое случится, то мы вернем их назад, согласен?

Дубэ была разъярена, и Лонерин не осмелился более возражать. Он поднял два пальца, произнес странное заклинание на языке, которого Дубэ никогда не слышала.

— Пойдем, — сказал Лонерин.

Дубэ посмотрела на собаку. Казалось, что ее положение ничуть не изменилось.

— Ты уверен?

— Может быть, ты так не думаешь, но я — хороший волшебник.

Голос у него был несколько раздраженный. Видимо, он вспомнил прежний упрек.

Дубэ кивнула. Лонерин уже шел вперед, и она побрела за ним.

В стойле стояли четыре лошади. Не такая уж маленькая ферма. Дела шли не так уж плохо. Дубэ собиралась что-то сказать, но не стала. Лонерин не заслуживал такого. Он спас ее от Реклы, если бы не он, они не смогли бы унести оттуда ноги.

Лошади, конечно, были не ездовые, простые клячи, но этого было достаточно, чтобы ехать на них всю ночь. К тому же в Гильдии не могли знать, в каком направлении они бегут.

Дубэ подошла к той из лошадей, которая показалась крепче остальных. Погладила ее по морде, и животное медленно стало просыпаться. Девушка ощутила странное чувство в желудке, как будто внутренности сжимало тисками. Ей пришлось сделать глубокий вдох.

Лонерин обернулся:

— Ты уверена, что с тобой все хорошо?

— Да, это, должно быть, из-за бега.

Лонерин сделал хороший выбор: его лошадь казалась бодрой на вид.

— Нет времени седлать их, придется ехать без седел.

Лонерин инстинктивно уже вцепился в гриву лошади.

Вероятно, ему никогда прежде не доводилось ездить без седла.

— Хорошо.

— Однако сначала...

Дубэ принялась осматривать конюшню. Обязательно надо было взять какой-то еды.

Над конюшней находился какой-то чердак, и Дубэ поднялась туда. Это место напомнило ей домик в Сельве. Она нашла там яблоки, несколько кусков вяленого мяса и сыр.

«Дубэ, сходи принеси несколько яблок из кладовки».

Голос ее матери зазвучал, как живой, как будто она была тут, в одном шаге от Дубэ. Дубэ тряхнула головой, как делала всегда, желая отвязаться от назойливых мыслей, и стала собирать все, что могло пригодиться в пути.

Потом спустилась вниз, положила все в плащ, свернула его, и они собрались уезжать.

Они сели на лошадей, и тут Дубэ почувствовала странную усталость.

«Я слишком устала, это ненормально», — подумала она, но отогнала эту мысль. Даже если и так, время их подгоняло.

Они торопясь выехали из стойла. Собака лежала совершенно неподвижно.

Они отправились в долгий путь, ароматный весенний ветерок дул им в лицо.

— Как можно быстрее, или у нас ничего не получится, — прокричала Дубэ, и Лонерин пригнулся к шее лошади. Его ноги судорожно обхватывали бока лошади, а руки лихорадочно вцепились в ее гриву.

Они скакали во весь опор, почти загоняя лошадей, вначале по ложному пути. Конечно, так у них ушло больше времени, но Гильдия умела хорошо искать следы, а они следы оставили. Лучше увести преследователей на некоторое время в сторону.

Наконец занялся рассвет. Дубэ даже не надеялась, что сможет всего за несколько часов покинуть Землю Ночи. Поэтому она была почти полна надежд, когда увидела медленно появляющееся вдали небо.

Они подъехали близко к границе, вечная ночь стала уступать место первым лучам солнца. Перед ними расстилалась широкая равнина Большой Земли.

— Куда нам ехать?

Дубэ уже слышала о Совете Земли Воды, но место, где он собирался, держали в тайне.

— В Лаодамею, я работаю на Совет Земли Воды. Когда мы приедем туда, я скажу точно, куда идти.

Значит, нужно было пересечь всю Большую Землю, пустыню без воды. И тут Дубэ стала проклинать себя. Она должна была подумать об этом, но была настолько взволнована прошлым вечером, настолько возбуждена... Представив себе бесконечные равнины Большой Земли, она почувствовала, как во рту у нее пересохло, она стала задыхаться, словно от усталости.

— Нам придется свернуть и направиться к Луданию, к реке.

Они добрались до берега реки на рассвете. В других местах, наверное, уже взошло солнце. Там же, где находились они, почти на границе между Большой Землей и Землей Ночи, все еще было погружено в некий вечный полумрак.

Они остановились, слезли с лошадей. Лонерину потребовалось некоторое время, чтобы устойчиво стоять на ногах. Он растерянно улыбнулся Дубэ.

Она тоже ответила ему улыбкой. Она сошла с лошади, но, к ее большому удивлению, ноги отказали ей, и она упала на землю.

Лонерин подбежал к ней.

Дубэ оперлась на лошадь, наклонившуюся к воде. Потом ей удалось встать. От резкой боли у нее перехватило дыхание, в ушах звенело, и сквозь этот звон доносился далекий рев. Она поднесла руку к груди.

— Дубэ, что с тобой?

Лонерин крепко схватил ее за руку и тут же отдернул свою. Потом быстро засучил ее рукав.

— Проклятье... — пробормотала Дубэ сквозь зубы.

Ее рука была горячей, а на ней пульсировал ярко горящий знак.

— Когда ты принимала лекарство?

Дубэ попыталась вспомнить. Снова острая боль и сильнейшее чувство тревоги, которое

она попыталась успокоить.

— Примерно пять дней назад.

Прошло еще слишком мало времени, чтобы она почувствовала себя плохо.

— Лонерин, я не должна так чувствовать себя... это не может быть заклятие...

— Действительно, не только оно.

И он принялся наполнять сосуд, который передала ему Дубэ, не поднимая глаз.

— Что это означает?

Юноша продолжал наполнять фляжку.

— Ты скажешь мне, что это означает?

Лонерин повернулся к ней лицом:

— Это снадобья, которые дают определенную степень привыкания. Я не знаю точно, какой вид снадобья тебе давали, но я помню два случая, подобных твоему, и в обоих случаях возникали одни и те же проблемы.

Дубэ почувствовала, как у нее кружится голова, и, одновременно, приступ ярости заставил ее покраснеть.

— Так что это значит?

— Это значит, что, когда ты не принимаешь снадобье, твое тело не в состоянии бороться с заклятием. Ты привыкла к снадобью, и твое тело не может бороться с последствиями наложенного заклятия, как я уже говорил тебе. И эти последствия продолжают нарастать.

Дубэ закричала, подняв голову к небу, а потом упала на колени.

— Проклятые...

Она подняла голову, посмотрела на Лонерина:

— Но разве ты не умеешь готовить снадобье? Этого не может быть! Ты же маг, поэтому мы и заключили с тобой договор.

На лице Лонерина она не прочла никакой надежды.

— Я умею готовить это лекарство, но у меня нет ингредиентов.

Дубэ яростно набросилась на него, схватила его за горло и повалила на землю. Но вовремя остановилась. Зверь уже завел свою песню. Она упала рядом с Лонерином и растянулась на земле.

— Все кончено... — прошептала она. — Я чувствую это... я не могу себя контролировать...

Лонерин встал, пытаясь отдышаться. Видимо, она сделала ему больно.

— Мы скоро все сделаем. У нас есть лошади, мы поедем во весь опор и доедем, пока еще не поздно.

Дубэ покачала головой:

— Мы никогда этого не сделаем... лошади устали...

— Если ты будешь в опасности, я усыплю тебя, как ту собаку, но сон будет глубоким, и отвезу тебя в Лаодамею.

Дубэ обернулась к нему, посмотрела на него с грустью:

— Мне не нужны бесполезные утешения. Скажи мне правду, это подействует?

Лонерин не стал опускать взгляда.

— Я клянусь тебе. — Он был уверен. — Ты сделала то, о чем мы договорились. Теперь моя очередь.

Дубэ встала.

Зверь все еще бушевал внутри нее, грозил ей, но как же хорошо было осознавать, что есть человек, на которого она может положиться.

Перед их глазами пейзаж медленно менялся. Солнце ярко засияло перед ними, а рельеф земли становился все более ровным и все более пустынным. Это была Большая Земля. Если пришпорить немного лошадей, можно было за четыре-пять дней проехать всю территорию. Однако в это время они вынуждены будут оставаться без всякого прикрытия, открытые

любому нападению. Отыскать следы в этой пустыне, состоящей из камней и выжженной земли, было слишком легко.

Лонерин пытался выбросить из головы эти мысли. В его деле не должно быть места для нерешительности. Он должен был верить, и верить до последнего, или же все сорвется. Впрочем, он никогда не надеялся, что ему удастся выбраться живым и невредимым из Гильдии, однако удалось.

Он посмотрел на Дубэ. Это была ее заслуга. Ее заслуга была в раскрытии планов Иешоля, хотя на самом деле это была его задача, и ее заслугой было то, что они смогли сбежать. Он видел ее опущенную голову, ее сосредоточенность. Он долго изучал заклятия и другие формы запретной магии и знал действие некоторых снадобий. Дубэ страдала, и очень сильно. Она пыталась контролировать себя, но ей это стоило больших физических усилий. Она судорожно цеплялась руками за гриву лошади.

— Я умру? — спросила она вдруг, когда солнце начало медленно опускаться над равниной, которую они пересекали.

— Да нет же, что ты говоришь?

Она посмотрела на Лонерина. В глубине ее глаз читался ужас, гнездившийся внутри нее. Это зверь пытался овладеть ею.

— Что произойдет, если не принять снадобья, если мы не приедем вовремя?

— Тебе будет плохо, я этого не отрицаю... но мы доедем.

Ему не хотелось рассказывать ей все. Он чувствовал себя виноватым, еще с того вечера, когда они познакомились, когда она без обиняков рассказала о своей, почти неизбежной, смерти. Об ужасной смерти.

— Тебе трудно из-за меня, но я не нуждаюсь в твоей жалости. Мне нужно только, чтобы ты всегда был со мной искренним!

Лонерин незаметно вздохнул.

Взгляд Дубэ стал более суровым.

— Мне не нужна ничья жалость. Мне нужны твои знания, та проклятая настойка, которую только ты умеешь готовить, и один из самых могущественных магов, которого ты знаешь, чтобы он навсегда избавил меня от заклятия!

Она замолчала, стараясь успокоиться.

Лонерин затаил дыхание.

— Ты зависишь от снадобья, тебе всегда нужно принимать его, и со все больше сокращающимися интервалами. Это — правда! Если ты не примешь снадобья, то заклятие обрушится на тебя со всей своей мощью. Тогда ты умрешь.

Но Дубэ даже не вздрогнула.

— Сколько у нас осталось времени?

— Самое большее — неделя.

Дубэ не смогла сдержать горькой улыбки.

— Я сказал тебе, как мы поступим. Я могу замедлить действие, усыпив тебя, но ты будешь почти мертвой. Таким образом время замедлится хотя бы на два дня.

Дубэ пристально смотрела на него.

— А если кто-нибудь нападет на нас? Если Гильдия нападет, когда я буду спать?

— Они будут иметь дело со мной.

Дубэ горько засмеялась.

— Ты и в самом деле ничего о них не знаешь...

Внезапно Лонерин почувствовал себя взбешенным. Он испытывал странное расположение к этой девушке с лицом слишком рано повзрослевшего ребенка. Хотя Лонерин мало знал ее, он чувствовал — их нечто объединяет.

— Не надо недооценивать меня, я хороший маг, к тому же я у тебя в долгу и постараюсь отплатить тебе, чего бы это ни стоило.

Наступила ледяная ночь. Большая Земля была странным местом, с совершенно

необычным климатом. В старинных хрониках говорилось, что это было место необычайной красоты, пока Астер не наложил на эту землю своих лап. Раньше здесь стояла вечная, нежная весна. А теперь она превратилась в каменистую пустыню, холодную в любое время года.

Они остановились. Дубэ вытащила все, взятое ею из конюшни, где они украли лошадей, и аккуратно разделила еду.

— Нам должно хватить до конца путешествия.

Ее голос слегка охрип. Каждый мускул ее тела начал судорожно сокращаться, и Лонерин видел это.

Они молча ели. Юноша чувствовал себя подавленным из-за судьбы своей спутницы. Он всегда был человеком способным чувствовать чужую боль. Именно из-за этой обостренной чувствительности он стал учиться на мага. Он испытывал необходимость быть полезным, делать что-то для других. Бессилие разрушало его изнутри, а сейчас он был совершенно бессилён.

Они растянулись на земле, и Лонерин уступил свой плащ Дубэ.

— Ты больна, будет справедливо, если ты, по крайней мере, не станешь страдать от холода.

— Я же сказала тебе, что не нуждаюсь в твоём сострадании.

— Это — не сострадание, а благодарность.

Дубэ слегка покраснела, протянула руку:

— Все это я делала только для себя...

— Но никто не заставлял тебя брать меня с собой. Спасибо. Я найду способ отблагодарить тебя.

Ночь была тихой и спокойной, а небо над их головами — удивительно красивым. Только в пустыне можно увидеть столько звезд.

Лонерин поймал себя на том, что думает об Астере: ведь эту панораму он наблюдал каждый вечер из своей башни. Они находились в центре того, что когда-то было его империей, на земле еще валялись обломки его дворца, которые ветер разметал по всей Большой Земле. И вот он может вернуться вновь, разрушив все, что сделали Сеннар и Ниял, чтобы его победить. Сорок лет, прошедшие со дня его смерти, могут быть стерты, как будто их никогда и не было. Лонерин подумал: почему им приходится жить в такие смутные времена? Почему на долю Всплывшего Мира всегда приходились такие страдания? Лонерин вспомнил о смерти своей матери, о той ненависти, с которой он каждый день боролся. Он подумал о звере, которого Дубэ носила внутри себя: он был подобен его собственному демону, но намного страшнее. И в смятении этих мрачных мыслей, по непонятной причине, вдруг возник образ Теаны. На губах у Лонерина до сих пор оставался вкус ее поцелуя.

Она была единственной надеждой на счастье, на спокойствие, которых в его жизни никогда не было. Он провел руками по мешочку с волосами девушки, висевшему под его туникой. Проблеск надежды зажегся в его сердце.

Дни тянулись медленно и страшно, как и их путешествие. Рассвет поднимался над неровной каменистой пустыней, а закат опускался над тем же пейзажем, их дорога пролегла по безлюдной пустыне, и каждый последующий день напоминал предыдущий. Лошади совсем выбились из сил, их седоки тоже устали. Единственным признаком течения времени было постепенное изменение состояния Дубэ. Лонерин видел, как выражение ее лица менялось час за часом, как ее кожа покрывалась испариной, как ее брови хмурились оттого, что она силилась контролировать себя.

Но Лонерин думал и о том, что ждало его, о Совете, о том, как он расскажет о сообщении Дубэ. Дохор всегда был нависшей над ними опасностью, это знали все. Но он все же был человек, с которым хоть как-то можно было бороться. Но Астер — нет. Астер был призраком, порожденным прошлым. Астера нельзя было остановить. Как с ним справиться? А если Иешоль уже вызвал его призрак? Если их путешествие было безнадежным с самого начала?

— Ты чем-то озабочен?

Дубэ мало говорила, произнести что-то стоило ей огромных усилий. Лонерин понимал это и старался как можно реже к ней обращаться. Однако иногда они все же разговаривали. Это молчаливое и одинокое путешествие сближало их.

— Да.

— И я тоже, — сказала Дубэ с полуулыбкой.

— Извини, я понимаю, что у тебя совсем другие проблемы...

— Астер и меня тоже пугает, — перебила она Лонерина.

— Тиранно пугает даже таких, как я.

Вот то, о чем Лонерин все эти дни не задумывался. Дубэ была убийцей, наемным убийцей. Трудно было поверить в это, глядя на ее детское лицо и тело молодой, созревающей женщины.

— Ты давно выполняешь эту работу?

— Я начала обучаться в восемь лет. Но на самом деле, перед тем как вступить в Гильдию, я никогда не использовала на практике то, чему меня обучили. Я была скорее воровкой.

Он тоже начал заниматься магией в восемь лет. Сразу же после смерти матери. Он не смог найти другого пути, чтобы выжить. Вначале была только ненависть и обещание страшной мести в будущем. Потом появился Фольвар.

— А как ты училась быть убийцей? — Он боялся показаться навязчивым.

— Я убила, когда была маленькой девочкой. Случайно я убила своего товарища по играм. Гильдия называет таких, как я, дитя смерти.

В другой ситуации Лонерин, наверное, оцепенел бы от таких откровений. Но не теперь. Теперь такого рода вещи не приводили его в ужас. Ему показалась необычной та легкость, с которой, несмотря на боль из-за заклятия, Дубэ рассказала ему вкратце свою историю. Рассказав, она обернулась к нему с вымученной, страдальческой улыбкой.

— Странно, что я рассказывала тебе об этом. Я не люблю это вспоминать.

Он улыбнулся:

— Но мы же вместе стоим на грани жизни и смерти, правда?

Она улыбнулась ему, как вдруг острая боль заставила ее скорчиться.

Лонерин тут же остановил лошадь.

— Все в порядке?

Дубэ дышала чаще, чем обычно, ее лицо было искажено странной гримасой.

— Кто-то...

Она почувствовала это внезапно, когда рассказывала магу о том, о чем никому не говорила. Она почти что чувствовала себя спокойной в это мгновение, но потом ощутила сильный удар зверя, его животный, оглушающий крик в ушах.

Лонерин бросился к ней. Его голос доносился до Дубэ, как из пропасти, странный, будто лишенный материальности.

— С тобой все в порядке?

— Кто-то...

Она не успела ничего больше сказать. Это был враг, она совершенно точно его ощущала и одновременно слышала ту песню смерти, которую хорошо знала и которая так ужасала ее: зверь проснулся.

Она оттолкнула Лонерина рукой, почти сбив его с лошади. Ее голос был жалобный, как эхо на ветру:

— Уходи, или я не отвечаю за себя!

Она не взглянула на него, чтобы проверить: понял он или нет. Она чувствовала, что перестает себя контролировать, и теперь в ней жила только жажда крови.

Дубэ сжалась и закрыла глаза. Может быть, она еще сможет контролировать себя, прийти в себя. Она закрыла глаза, и в вихрях пыли ей явилась черная фигура с кинжалом в

руках. Весь мир исчез, остался только вооруженный человек перед ней. Ее телом овладел зверь, и началось побоище.

Лонерин отошел, но не слишком далеко: настолько, чтобы не навлечь на себя гнева Дубэ. Сначала он подумал о том, с чем это могло быть связано, потом увидел перед ними черную фигуру, совсем рядом. Он не так долго жил в Гильдии, но достаточно, чтобы узнать убийцу.

Это был молодой человек. Он дерзко улыбался. Дубэ же прищипывала свою лошадь, тяжело дышала, а ее мускулы, обычно казавшиеся слабыми и эластичными, сейчас напряглись.

— Я нашел вас. Куда вы надеялись уйти? У Тенаара глаза повсюду.

Дубэ оставалась верхом, не двигаясь. Убийца первым нанес удар.

Он прыгнул к девушке, настолько быстро, что это казалось неестественным. Дубэ спрыгнула с лошади одним прыжком и обрушилась прямо на убийцу. Она была более худой и ниже ростом, чем юноша, но создавалось впечатление, что она выше его. Лонерин отчетливо увидел, как лезвие кинжала задело бедро Дубэ, и густая черная кровь полилась из раны.

— Дубэ!

Они оба упали на землю в одно мгновение, потом она запрыгнула на него, как будто и не была ранена, и вытащила кинжал.

Юноша лежал под ней, а она прижимала его к земле рукой, не давая ему двигаться. Он был ошеломлен и слабо сопротивлялся. Она закричала. Ее крик не имел ничего общего с человеческим криком. Затем она с невероятной силой обрушила свой кинжал на противника. Кинжал вошел в грудь юноши по самую рукоятку, потом она вынула кинжал и снова вонзила, и снова, и снова. Кровь текла, умирающий юноша кричал. Дубэ держала его стальной хваткой, и убийца не мог пошевелиться.

Лонерин окаменел. Это была настоящая бойня, зверское убийство. Дубэ смеялась грубым смехом. Ее лицо было искажено безумной радостью.

Он хотел было бежать, но не способен был даже пошевелиться. Ведь Дубэ была тут, она скрывалась в этом теле, которое теперь не принадлежало ей, и он не мог оставить ее.

Дубэ оторвалась от трупа юноши, потом остановилась, чтобы втянуть ноздрями воздух.

Лонерин все сразу понял. Его природное хладнокровие пришло ему на помощь. Он сложил руки, закрыл глаза и начал произносить заклинание. Это была борьба со временем.

Он услышал приближение тяжелых шагов Дубэ, услышал ее вопль обезумевшего животного. Он продолжал читать заклинание громким голосом, а магическая энергия обволакивала его тело, шла через сложенные руки.

Потом — вспышка боли, какой он никогда не испытывал. Она. Кинжал... Она попала в него! У него перехватило дыхание, но он прочитал последнее слово заклинания, выкрикивая его в сторону Дубэ.

Он почувствовал, как ранившая его рука слабеет и выпускает кинжал, все еще пронзающий его плечо. С трудом Лонерин открыл глаза. На секунду он встретился со взглядом Дубэ. Этот взгляд стал наконец нормальным, переполнился несказанным ужасом.

— Спаси меня, — прошептала она ему из последних сил и, засыпая, упала ему под ноги.

Лонерин издал вздох облегчения. Потом осмотрел свою рану: удар кинжала чудом ушел вверх, и, хотя шла кровь, рана не была ни глубокой, ни опасной. Тогда Лонерин принялся осматривать Дубэ. Она была ранена в бедро, но и ее рана была скорее поверхностной. Лонерин двигался с трудом, внимательно осматривая рану. Никакие органы не были задеты, только на коже глубокий разрез.

Конечно, поводов для радости было мало. Они оба ранены, и до Лаодамеи оставалось два дня пути. Было бы глупо предполагать, что по их следам послали только одного убийцу. Вероятно, этот оказался самым первым.

Обе лошади во время схватки убежали.

Лонерин чувствовал себя растерянным, погибшим. Ужасный образ утратившей свое обличье Дубэ стоял у него перед глазами, раненое плечо пронзала боль. К тому же он потерял волшебные камни, при помощи которых связывался с Советом Воды.

Лонерин открыл глаза. На небе не было ни облачка, светило солнце. Над головой кружились черные грифы. Два черных грифа, высоко в небе. Наверное, их привлек запах крови.

Лонерин никогда не пробовал своего заклинания на грифах, но ничего другого ему не оставалось.

Он обратился к одному из них, произнес властно одно-единственное слово. Даже это простое заклинание его утомило. Он совсем устал.

Гриф приземлился перед ним, покорно глядел несколько мгновений Лонерину в глаза. Он ждал.

Лонерин произнес еще два слова и вскоре почувствовал, что теряет сознание. Если так будет продолжаться, то у него не останется сил лечить Дубэ.

Об этом подумаю после.

Гриф неподвижно застыл.

«Гильдия хочет воскресить Астера и вселить его дух в тело полуэльфа. Они будут использовать запретную магию. Мы находимся на Большой Земле, я и одна моя помощница, мы недалеко от границы с Землей Воды».

Лонерин завершил заклинание, указав место, куда гриф должен отнести известие и прощальное слово. Птица взмахнула крыльями и улетела.

«А что теперь? Надо идти».

«Спаси меня».

Дубэ сказала: «Спаси меня».

Не в его власти было избавить ее от рабства, но унести ее отсюда, пока она не истекла кровью или зверь, проснувшись, не овладел полностью ее разумом, — это он мог и должен был сделать.

Он опять осмотрел рану девушки. Теперь он был не в состоянии произнести даже самое простое заклинание для лечения.

Он снял с себя плащ и разорвал его на тонкие полоски. Снял флягу, которая еще висела у него на плече, и налил немного воды, чтобы промыть рану Дубэ, а затем принялся перевязывать ее.

После этой операции он немного передохнул, выпил воды. Он попытался перевязать и свою рану на плече, но это удалось ему только наполовину. К тому же главным было хотя бы частично остановить кровотечение.

Как только он почувствовал себя немного отдохнувшим, двинулся в путь. Он старался не смотреть на труп на земле, положил Дубэ себе на плечи и с трудом поднял ее.

Ему стоило нечеловеческих усилий идти, но он старался. Боль в плече была острой, а ноги подгибались от усталости. Но он все равно шел вперед. Он должен был доказать — себе и, прежде всего, Дубэ, — что теперь все зависит только от него.

Он думал о Теане, о том, увидит ли он ее когда-нибудь.

Лонерин шел по пустынной равнине до самого вечера, он совершенно исчерпал свои силы, еле волоча ноги.

Закат, когда солнце покидало землю, был великолепен: появился чудесный зеленый луч, такого цвета, о существовании которого Лонерин даже не догадывался.

Он улыбнулся. Дубэ рассказывала ему об этом как-то вечером.

«Я была там вместе с моим Учителем, когда еще только начинала учиться. Вечер был печальным, но я увидела самое поразительное зрелище в мире: зеленый луч на закате солнца. Ты никогда этого не видел?»

Лонерин остановился на ночлег. Он опустил Дубэ на землю, накрыл ее тем, что осталось от его плаща. Прикоснулся к ране. Как и можно было предположить, повязки

намокли. Кровотечение не останавливалось.

В этот момент он был уверен, что не увидит завтра восхода солнца.

34

СОВЕТ ВОДЫ

Кто-то настойчиво звал его. Наверное, его трясли, но он не мог понять. Он хотел заговорить или хотя бы открыть глаза. Но для этого надо было сделать нечеловеческие усилия.

— Черт возьми, Лонерин...

— Он умер?

— Да, я умер.

Однако он почувствовал биение сердца и звон в ушах.

С трудом он поднял руку.

— Нет, к счастью, нет.

Лонерин наконец открыл глаза. Светил яркий свет, который трудно было вынести.

— Эй, парень, все в порядке? Что скажешь, нет? Я уж было испугался. В любом случае мы уже движемся в Лаодамею, и быстро, пока нас никто не увидел.

Лонерин попытался подняться. Попытался заговорить.

— Что?

— Ду...бэ...

— Девушка? Она с нами, не бойся.

Его снова положили куда-то, потом он опять потерял сознание.

Дубэ проснулась на довольно жесткой кровати, в комнате, наполненной светом. У нее болела голова, и она не могла ничего вспомнить. Она закрыла глаза. Это снова случилось. Еще одна резня, снова истерзанные тела, которые она так хотела забыть.

Она попыталась повернуться на кровати, но ее остановила резкая боль в боку.

— Не шевелись, лежи спокойно.

Она повернулась, услышав голос.

Рядом сидела нимфа. Она не так много их видела за свою жизнь, и всегда издалека. Красота нимфы была просто ослепительной. Волосы напоминали чистую воду, кожа казалась прозрачной до невероятного. Она напоминала видение.

— Кто ты?

— Хлоэ — целительница из королевства Дафне.

Дубэ вздрогнула, услышав это имя. Дафне была королевой Пограничной Области Вод. Значит, она в Лаодамее? Ее воспоминания были смутными, после резни она почти ничего не помнила.

— Я в Лаодамее?

Нимфа торжественно кивнула. Все в ее движениях было элегантно.

— Ты прибыла сюда два дня назад и была заколдована очень сильным заклинанием. Ты спала глубоким сном. Мы разбудили тебя и позаботились о тебе.

«Может быть, снадобье?»

— Я и маг из Совета увидели твой знак и приняли необходимые меры.

«Наконец-то хорошая новость. Не слишком серьезная, но хорошая».

— У тебя на бедре рана. К счастью, не опасная. Завтра ты уже сможешь вставать, но сначала я должна буду еще тебя полечить.

О ране она совсем не помнила. Так случалось всегда, когда она теряла свой облик. Она не чувствовала боли, не видела ран, даже самых тяжелых.

— А Лонерин? — внезапно спросила она.

— Он был с тобой. Это благодаря ему мы вас обнаружили. Уже теряя силы, он произнес заклинание, которым известил нас о своем положении. Мы нашли вас неподалеку

от Пограничной Области, на самом краю Большой Земли. Оба вы были ранены.

— А теперь? Как он себя чувствует?

Последнее воспоминание о нем — лицо Лонерина, превратившееся из-за заклятия в лицо врага.

— Не очень хорошо. У него небольшая рана на плече, но он полностью израсходовал свою энергию на то, чтобы донести тебя, когда ты заснула, и сообщить нам о вашем местонахождении.

Ранен? Дубэ точно помнила, что у убийцы не было времени ранить еще кого-то, кроме нее. Так кто же ранил Лонерина? И тут ее озарило. Бледное лицо юноши перед ней, сложенные руки, лезвие ее кинжала, пронзающее плоть, тогда как сознание отчаянно пытается остановить движения тела.

Она ранила своего спасителя. Настолько далеко зашло действие заклятия, она перестала себя контролировать.

— Я хочу увидеть его.

— Не сейчас.

— Тогда скажи мне, что с ним, он выживет, умрет? Скажи мне!

— Он не умрет, но ему надо поправиться.

Это ее не слишком утешило. На лице Дубэ было видно ее страдание, нимфе пришлось успокоить ее.

— Понимаю, что сейчас ты хочешь остаться наедине со своими мыслями. Сегодня вечером я зайду и полечу тебя.

Нимфа медленно открыла дверь, вышла и очень тихо закрыла ее за собой.

Дубэ осталась одна и в одно мгновение осознала свою страшную иллюзию: она думала, что сможет освободиться. Бежать из Гильдии означало для нее освободиться из тюрьмы. Однако другие тюрьмы ждали ее, она по-прежнему оставалась заложницей своей собственной судьбы.

Лонерин чувствовал себя плохо. Ему никогда еще не приходилось использовать свои силы до конца, и теперь ему было трудно прийти в себя. У него болело плечо, но не сильно. Его мучила усталость — крайняя усталость, не дававшая ему возможности встать, затруднявшая даже самые простые движения.

Теана была рядом с ним, грациозная и беззащитная, какой он ее помнил. Подумать только: до сегодняшнего дня он был почти уверен, что никогда больше не увидит ее. Она держала его за руку и смотрела на него, как смотрят на умирающих. Лонерин находил это отчасти забавным, но и, в каком-то смысле, затруднительным. Несмотря на свое положение целительницы, девушка не переставала вовлекать его в разговор о том, что с ним произошло.

— Ты и в самом деле мало думал обо мне и о своей жизни, если так себя вел....

— Я выполнял свою миссию, я же сказал тебе.

— Но в твою миссию не входило рисковать своей жизнью ради незнакомого человека.

Вот что было основным в этих разговорах. Теана все время заводила об этом речь, когда Лонерину стало легче говорить. Проблемой была Дубэ.

— А что я должен был сделать? Бросить ее там?

— Ну, хотя бы не так рисковать.

— Если мы теперь знаем то, что знаем, то этим обязаны только ей. Как минимум я должен был спасти ей жизнь.

— Но не ценой своей.

Она уже спрашивала его об этом. Почему он так заботился об этой девушке? Лонерину вовсе не хотелось отвечать Теане на ее абсурдную ревность.

— У меня не было другого выбора, кроме побега вместе с ней.

— И отдать ей свой плащ, лишиться себя воды ради нее?

Лонерин досадливо махнул рукой, что вызвало у него острую боль в плече.

— Я не в состоянии спорить о таких ненужных вещах. Измени тему разговора.

Теана казалась уязвленной, она обиженно опустила глаза. Лонерин подумал, не был ли он слишком суров с ней, и почувствовал себя смущенным. Мысли о ней помогали ему переносить пребывание в Гильдии и давали ему силы потом — во время бегства. Однако этого ей было недостаточно, и она снова и снова спрашивала, что для него значит эта девушка. Он незаметно улыбнулся. Вероятно, он в последний раз может позволить себе роскошь думать о подобных вещах: ведь теперь борьба для них всех наконец переходила в войну.

Растерянная Дубэ появилась у его кровати, не зная, куда деть руки. У нее не доставало смелости смотреть ему в лицо, поэтому она опустила глаза в пол.

— Тебе лучше?

— Я скоро уже встану на ноги. А ты?

Дубэ пожала плечами, по-прежнему не осмеливаясь смотреть на него.

— Мне никогда не было так плохо.

Воцарилось неловкое молчание. Лонерин предпочел перейти на другую тему:

— Через три дня соберется Совет, будет обсуждать наши открытия. Ты придешь?

Дубэ наконец подняла глаза. У нее было ошеломленное выражение лица.

— Я?

— А кто же еще?

Она покачала головой, отчего еще больше стала похожа на ребенка.

— У меня нет никакого повода присутствовать, никакого. Я — преступница, странно уже то, что я нахожусь здесь...

— Ты предупредила нас о большой опасности, ты думаешь, что тут кто-нибудь может недооценить твою работу? Я хочу, чтобы ты пришла, будет правильно, если твои заслуги признают.

Дубэ снова покачала головой, на этот раз — решительно.

— Ты просто отказываешься видеть правду? Я ничего не сделала. То, что я сделала, — всего лишь результат моих расчетов. Я хотела только спасти себя. Другой причины для того, чтобы я стала следить за Гильдией и последовала за тобой, не было.

— Причины не в счет, ты сделала очень важную вещь. Всплывший Мир благодарен тебе.

— Но я ранила тебя, и...

Она почувствовала, что заговорила на запретную для нее тему, и поэтому сразу же замолчала.

Лонерин чувствовал себя разозленным. То, что он видел ее тогда в таком состоянии, только увеличивало его расположение к ней, он был уверен, что должен спасти Дубэ. Для него было не важно то, что она ранила его.

— Это была не ты. В любом случае это не имеет значения.

— Ты ошибаешься, потому что это была я. Худшая часть меня, выплывшая на поверхность.

— Ты и сама не поверила бы в это, если бы увидела.

— Такова суть заклания.

Лонерин оборвал ее:

— Прекрати казнить себя и говорить глупости. Ты намного больше, чем я, заслуживаешь благодарности Совета. И поэтому ты придешь.

Дубэ замолчала, но было ясно, что Лонерин ее не убедил.

— Мне так тяжело осознавать, что тебе пришлось это увидеть и что я пыталась убить тебя... ты спас мне жизнь. Я в долгу перед тобой...

Она пристально посмотрела на него, и на этот раз Лонерину пришлось опустить глаза. Она была девушкой прямолинейной, и сейчас ей в глаза смотреть было равнозначно тому, чтобы спуститься в такие бездны, в которых Лонерин — и он это знал — мог легко потеряться.

— Ну, тогда мы на равных. В любом случае перед Советом я хочу отвести тебя к моему

учителю.

Девушка насторожилась.

— Он — великий маг, о котором я говорил тебе, наверняка он сможет тебе помочь. Я уже рассказал ему о твоём положении.

— Спасибо тебе...

Она становилась очень красивой, когда краснела. Казалось, что те тучи, которые все время затеняли ее глаза, внезапно рассеивались.

— Это — мой долг.

— Ну, я покидаю тебя, я и так слишком много отняла у тебя сил.

Лонерин улыбнулся, но она не ответила ему улыбкой. Быстро попрощалась с ним и ушла. Лонерин проводил ее взглядом.

Дубэ остановилась перед дверью в подземелье королевского дворца Лаодамеи. Здесь заседал в этом году Совет Воды, здесь же находился кабинет учителя Лонерина.

Дубэ не знала, что и думать об этом юноше. Он странным образом смущал ее. Он столько сделал для нее, а ведь совсем ее не знал. В ней боролись чувство безмерной благодарности и странная подозрительность человека, слишком привыкшего в одиночку сражаться против всех. Ей трудно было поверить в чье-то самопожертвование. Ей казалось странным, что кто-то мог рисковать жизнью ради нее...

Сейчас, стоя перед дверью, она чувствовала, как сильно бьется ее сердце. За этой деревянной дверью ей дадут окончательный ответ о жизни или смерти, и Дубэ испытывала страх. Что произойдет, если она узнает, что ничего сделать нельзя, что заклятие наложено навечно? Она даже не хотела об этом думать. Что бы ни думал Лонерин, но все, что она сделала, она сделала только ради этого.

Она решительно постучала в дверь. Ответивший ей голос был тихим и усталым. Она осторожно отворила дверь.

— Я — Дубэ, та девушка, которая пришла сюда с Лонерином.

Она остановилась. Сама комната ничем не отличалась от кабинета любого другого мага. Она почти напоминала кабинет Иешоля, со всеми этими книгами в шкафах, с письменным столом, тоже заваленным книгами, с разбросанными повсюду пергаментами. Ошеломил ее сам маг, сидевший перед ней. Это был невероятно худой старик, такой же хрупкий, как и его голос. Он сидел в кресле с большими деревянными колесами, откинувшись на спинку, как будто у него больше не было сил. Он нежно улыбнулся ей, и она застыла на пороге, не отрывая рук от двери.

— Вы искали меня?

Дубэ подумала: действительно ли это был он — могущественный маг? Она знала, что физический облик никак не был связан с магическими способностями, но знала и то, что для произнесения заклинаний нужна сила.

— Вы — Фольвар?

— Да.

Дубэ чувствовала себя глупо. С тех пор как она оказалась в этом дворце, она не знала, как вести себя, все так заботливо обращались с ней, что ее это даже беспокоило.

— Ты не хочешь присесть? Садись и не стой там в нерешительности.

Старик снова улыбнулся, и Дубэ устроилась на деревянной скамье, неестественно прямо держа спину. И что теперь?

Фольвар вывел ее из затруднительного положения:

— Лонерин рассказал о тебе. Ты же здесь из-за заклятия, так?

Дубэ кивнула:

— Ваш ученик сказал мне, что вы — могущественный маг и в состоянии помочь мне.

Она не стала терять время зря, быстро засучила рукав и показала знак на руке.

Фольвар подвинул свое кресло, рассмотрел знак.

Дубэ еле дышала. Может быть, Лонерин ошибся? Может быть, это была не печать, а

проклятие?

Те минуты, когда Фольвар держал ее руку своими хрупкими пальцами, показались ей необыкновенно долгими.

— Знак довольно сложный...

Невольно Дубэ напряглась. Это была не слишком хорошая новость.

— Это сделала Гильдия?

— Да. Но я не знаю, кто именно.

Фольвар продолжал рассматривать знак. Его лицо уже не было добродушным, оно стало суровым, сосредоточенным.

— Это был не слишком опытный маг, так, по крайней мере, кажется на первый взгляд, но нам надо еще проверить.

Он приблизился к шкафам и стал что-то искать в них. Было странно видеть ту легкость, с которой он двигался в своем кресле на колесиках. Дубэ отметила, что все шкафы были приспособлены специально для мага. Он взял несколько пузырьков из большого буфета, стоявшего в углу.

Все анализы не слишком отличались от тех, которые делала Магара, но были несколько сложнее. Фольвар провел по знаку горячим угольком, потом покурил дымом, потом помазал какой-то странной смесью. Дубэ почти впала в уныние. В чем мог удостовериться этот старик, кроме того, что ей уже было известно?

Закончив все, Фольвар промыл ей руку. Он поставил пузырьки на место, заглянул в какие-то книги, наконец поднял на нее глаза. Он казался совсем уставшим.

— Это печать, как я тебе и сказал, и достаточно сложная. К сожалению, я не обнаружил ни ошибок, ни слабых мест.

Дубэ закрыла глаза и попыталась унять дрожь во всем теле.

— Маг был очень опытным и могущественным. Знак устойчивый. Эта печать нанесена навечно, думаю, что ты это знаешь.

Дубэ отдернула руку и в ярости стала опускать рукав.

— Все это бесполезные разговоры. Почему вы не скажете мне правды? Почему вы не скажете мне, что с этим ничего не поделать?

Она встала и закричала. Она кричала, в ее голосе появились какие-то незнакомые интонации.

Фольвар не смутился:

— Я не говорю тебе этого, потому что не в этом дело.

Дубэ застыла на месте. Она испытывала чувство беспомощности и страшной озлобленности.

— Сядь и успокойся.

— Скажите мне все, и покончим на этом, — сказала она, не садясь.

Фольвар нежно улыбнулся ей:

— Молодые люди всегда непримиримы, не так ли? Ты — как и Лонерин...

Дубэ сжала кулаки. Не в этом дело, не в этом дело...

— Существуют сведения о сломанных печатях. Это исключения, возможные только при двух условиях: ошибки при наложении печати, недостаточное могущество мага, наложившего эту печать, или большее могущество того мага, который ее взламывает. Я в таких вещах не разбираюсь. Не буду излишне скромн, я превосходно разбираюсь в лечении, но мои знания запрещенных заклинаний довольно ограничены. Насколько я могу судить, в твоей печати нет никаких ошибок, но есть что-то очень странное, чего я не могу понять. Я думаю, что, может быть, я ошибаюсь и печать наложена не столь уж могущественным магом, тогда есть возможность эту печать сломать.

Дубэ на мгновение перестала дышать.

— А вы можете? — Она спросила совсем тихо. Она не осмеливалась надеяться.

Фольвар грустно улыбнулся:

— Очень жаль, но я недостаточно силен. Лонерин слишком верит в меня, но мои

возможности не превышают возможностей обычного мага Совета. Я никогда не смогу этого сделать. Я напрасно умру, пытаюсь это сделать.

На этот раз Дубэ села.

— Так кто же...

Старик покачал головой:

— Я не знаю. Какой-нибудь великий маг, один из тех, кого в наши времена так не хватает.

Дубэ вздохнула. Значит, снова ничего. Она должна была продолжать жить со зверем внутри.

Неожиданно Фольвар положил ей свою высохшую руку на плечо. Его пальцы были слабыми, но горячими.

— Не отчаивайся. Если перестать надеяться, то можно умереть, а ты еще такая юная, у тебя еще столько всего впереди...

Дубэ отдернула руку. Она чувствовала, как на глаза наворачиваются слезы. Разве она надеялась на что-то в жизни?

Она встала.

— Я очень благодарна вам. Я найду кого-нибудь.

Она попыталась улыбнуться, и Фольвар ответил ей улыбкой.

— Значит, мы увидимся на Совете.

Дубэ кивнула.

Дубэ никогда не бывала на Совете и не имела ни малейшего желания туда идти. Все эти важные люди, которых она видела, только входя в их дома или получая деньги за работу... К тому же без плаща она чувствовала себя почти голой. Она не привыкла показывать свое лицо. Кто знает, что именно сказал Лонерин всем этим людям о ней. Вероятно — правду. К тому же уже здесь, просто перед закрытыми дверями Большого зала, стояли люди и странно смотрели на нее. Почти все они были молодыми, но Дубэ избегала их взглядов. Она не любила вступать с людьми в контакт, она ненавидела это.

Рядом с ней стоял Лонерин, все еще бледный. Наверное, именно он приведет ее туда и все объяснит. У него был очень уверенный и учтивый вид. Дубэ снова спросила себя: что же делает его таким целеустремленным, откуда он черпает те силы, благодаря которым выполняет свою работу?

Среди множества взглядов нашелся один, который Дубэ выделила из прочих. На нее смотрела девушка, довольно изящная, худенькая, хрупкая, с белыми волосами. Она смотрела на Дубэ с какой-то обидой. Дубэ вспомнила: она видела, как девушка выходила из комнаты Лонерина во время его болезни. Она не обратила на нее внимания. У нее не было времени на дурацкие выяснения отношений с нахальной невестой.

— Почему мы стоим тут и ждем? — сразу же спросила Дубэ у Лонерина.

— Мы не принадлежим к Совету, мы просто люди, допущенные на заседание. Сейчас Совет выносит решения по другим вопросам, потом нас вызовут.

Дубэ пожала плечами. Ненужное соблюдение приличий. Механизм власти был знаком ей со стороны, поскольку она наблюдала все это в годы своей работы, и она догадывалась о его эфемерной сущности. Она столько подобных людей повидала в их же собственных домах, что теперь все они в ее глазах не стоили уважения.

Двери открылись, и Дубэ увидела круглый стол из камня в центре большого полукруглого зала. За столом сидело много людей, которых она никогда не видела.

Все приглашенные на Совет вошли, и она вслед за ними. Вошедшие расположились на скамьях, но только не они с Лонерином. Лонерин крепко схватил ее за руку.

— Мы должны сделать сообщение.

Они встали на подиум, недалеко от стола, там, откуда все могли их видеть.

Дубэ улавливала холодные и недоверчивые взгляды. Они опасались ее, и это не вызывало у Дубэ никакой радости. Только один человек просто смотрел на нее, безо всякой

подозрительности.

Это был старый одноглазый гном, покрытый множеством шрамов. Он был крепкий на вид и одет как воин. Дубэ догадалась, кто он, потому что слышала о нем. Это был Идо. У Дубэ даже закружилась голова: она стояла перед живой легендой, перед знаменитым воином, который знал Астера, даже разговаривал с ним!

Встала нимфа, и в зале воцарилась тишина. Дубэ она показалась очень похожей на ту, которая лечила ее, только эта нимфа выглядела величественнее и была еще красивее. На голове нимфа носила белую диадему. Видимо, это была Дафне.

— Причина, по которой мы собрались, нам всем известна. Вероятно, те плохие новости, которые принес Лонерин, уже известны многим из вас, но мы еще не знаем подробностей. Поэтому мы пригласили Лонерина и его спутницу, так как оба они побывали в Гильдии и добыли там информацию. Они расскажут нам о том, что обнаружили.

Взгляды стали еще более пронзительными. Дубэ опустила глаза.

Нимфа села, и тогда взял слово Лонерин. Он начал говорить уверенно, был взволнован, его руки слегка дрожали, но он сдерживал себя.

Он рассказывал по порядку, начиная с момента своего прихода в Гильдию, с самых первых открытий. Потом пришло время рассказать о Дубэ. Он поведал о том, как познакомился с ней, о том, какой договор они заключили. Дубэ рядом с ним казалась совсем маленькой, а взгляды собравшихся становились все более пронзительными и холодными.

— Она стала все узнавать для меня, сумев проникнуть туда, куда я сам никогда бы не попал. Она раскрыла планы Иешоля, поэтому теперь я передаю слово ей.

Дубэ растерянно посмотрела на него. Он доброжелательно показал ей, что надо подойти. Но Дубэ ненавидела все это. Она не привыкла к публичным выступлениям, а здесь враждебность собравшихся тем более выводила ее из себя. И она решила, что самым лучшим будет все изложить кратко.

— Иешоль, Верховный Страж, глава Гильдии, хочет воскресить Тиранно. Ему нужно тело для того, чтобы поместить в него дух Тиранно, который он уже вызвал. Этот дух пребывает между жизнью и смертью в одной из потайных комнат Дома. Иешоль ищет тело полуэльфа. Я думаю, он использовал какие-то приемы запретной магии, возможно изобретенные самим же Тиранно. Он собрал в библиотеке множество книг из древней библиотеки Астера, многие из которых были переданы Дохором. Мне удалось увидеть каталог, где Иешоль пометил все книги и способ их получения. Недавно он получил от Дохора огромный черный том: я полагаю, что именно в нем и содержится изложение магических приемов, которые Иешоль использовал, чтобы вызвать дух Тиранно.

Она продолжала говорить усталым голосом. Было очевидно, что она не находит слов, чтобы рассказать обо всем, что обнаружила. Она была слишком лаконична, и знала это. Может быть, она была не слишком убедительна. О своих трудных и долгих поисках в библиотеке она рассказала совсем кратко и сухо. Она подчеркнула связь между Дохором и Иешолем и обрисовала, как это представляется в Гильдии.

— Вот... вот и все.

Она замолчала, и в зале воцарилось гробовое молчание. Она говорила мало, совсем недолго.

Лонерин посмотрел на нее немного удивленно, но она избегала его взгляда. Возможно, она могла бы рассказать и лучше.

— А подтверждения? — Заговоривший был, видимо, генералом.

— Дубэ видела все своими собственными глазами, не так ли?

Дубэ кивнула:

— Я видела дух Астера.

— Как ты можешь утверждать, что это был он? Не существует портретов или описаний.

— Гильдия полна статуями Астера, Иешоль знал его.

Генерал язвительно усмехнулся:

— Хорошо, но какие доказательства ты нам принесла?

Дубэ молча застыла.

— Никаких. Нам чудом удалось бежать, я думала, вы знаете об этом... времени собирать доказательства не было.

Генерал поменял тон, обращаясь к Лонерину:

— Дайте нам оценить ситуацию. Мы получили эту тревожную новость от человека из Гильдии, следовательно, от наемного убийцы, связанного с тобой довольно странным договором. На этого человека наложено заклятие. Нет никаких доказательств в пользу таких фактов, только слова этой девушки, правильно?

Казалось, невозмутимость Лонерина была поколеблена.

— Совершенно верно, — ответил он, пытаясь казаться убежденным, но его голос звучал неуверенно.

— А почему мы должны верить ей?

Дубэ улыбнулась. Вот это было весьма разумное возражение.

Лонерин помолчал минуту и ответил:

— Потому что это — правда... это объясняет смерть Арамона, наши подозрения...

— Это не ответ, Лонерин, — возразил генерал. — Позволь мне сделать предположение. На нашу гостью, присутствующую здесь, наложено заклятие, она нуждается в помощи, или же погибнет. Случайно она встречает мага, который может ей помочь. Магу нужны сведения, сведения особого рода. Если она поможет ему найти то, что он ищет, то и он поможет ей. Тогда девушка рассказывает то, что маг хочет слышать, она выбирается из Гильдии, рассказывает эти выдумки Совету Воды и получает то, что хочет. Или же девушка послана самой Гильдией, в конце концов, она — одна из них. Ее научили, что говорить, чтобы обмануть нас. Она использует юного и неискушенного мага, которому и рассказывает все эти небылицы.

Присутствующие продолжали молчать. Лонерин стоял с открытым ртом.

— Но Гильдия прокляла Дубэ и...

— Это то, что она говорит тебе. Проклятие может быть наложено и при других обстоятельствах. Ложь нужна только для того, чтобы сбить нас с толку, заставить поверить ей. И та история, которую она нам рассказывает, позволяет Иешолу пустить нас по ложному следу, чтобы беспрепятственно продолжать заниматься своими делами.

Дубэ поочередно смотрела то на советников, то на собравшихся. Они не верили ей, и слова генерала имели успех. Она очень хорошо понимала их. К тому же она всю жизнь убивала их за деньги, так почему же они должны были ей верить? Ее взгляд встретился со взглядом Идо. Гном продолжал смотреть на нее, как и раньше, без осуждения, с любопытством. Она почувствовала, как этот взгляд пронизывает ее.

— Мне кажется, что это слишком сложный план, и...

— Лонерин, очнись, она — убийца! И это не только ее профессия, она к тому же принадлежит к Гильдии. Мне кажется все слишком очевидным.

В зале поднялся шум.

— Ты же своими глазами ничего не видел?

— Фест прав, какие у нас доказательства?

— У нас нет других известий из Гильдии, только эти...

Дубэ про себя улыбнулась:

— У меня нет никакого желания убеждать вас.

Ее голос, хотя и почти не слышный в этом беспорядке, заставил всех замолчать. Она знала: это была аура смерти, окружавшая ее, угрожающая атмосфера, которую все могли ощутить.

— Меня не интересуют судьбы Всплывшего Мира, и меня не интересует Совет.

Снова ненавидящие взгляды.

— Я здесь потому, что Лонерин попросил меня, но, на мой взгляд, мое задание выполнено. Я получила то, что искала, а поверят моим словам или нет, меня не касается.

Однако учтите следующее. Если все так, как говорит ваш генерал, то почему я сказала вам и о Дохоре? Зачем мне указывать вам на эту связь? Если бы Иешоль приказал мне говорить с вами, то зачем бы он приказал рассказывать о Дохоре, в то время как король всегда стремится доказать свою непричастность к деятельности Гильдии?

Взгляд Идо сделался еще более пронзительным, и Дубэ почувствовала себя неловко.

— Хорошо, Иешоль тебя не посылал, но твои рассказы могут быть обычной ложью.

— У меня не было никакого повода приходить сюда для разговора с вами. Я вам уже сказала, что я получила то, что хотела.

— Сколько времени ты провела в Гильдии?

Хриплый голос Идо заставил ее вздрогнуть. Она повернулась к нему и со страхом посмотрела на него.

— Полгода.

— Ты готова рассказать нам все о них?

Гильдия была ее врагом, чего ей еще было желать. Она энергично кивнула.

— Я думаю, нам надо больше о них узнать. Отчет девушки был лаконичным, нужно вести расследование. Прошу разрешить мне расспросить ее.

— Идо, ты в самом деле хочешь поверить...

Идо поднял руку и заставил генерала замолчать.

— Девушка права, ее тут ничего не интересует. Она могла бы уйти и раньше, не представляясь Совету. К тому же она сможет дать на допросе ту информацию, которую можно проверить. Проголосуем.

Он говорил решительным голосом, и было ясно, что тут он — духовный вождь, к которому все прислушиваются, если не самый могущественный человек.

И все проголосовали за допрос.

Ее долго держали, задавали массу вопросов. Дубэ была точна в своих ответах, стараясь, насколько возможно. Она и сама не понимала, почему это делает. Заклятие тяготело над ее будущим и не давало ей думать ни о чем дальше чем на месяц вперед. Возвращение Тиранно действительно ужасало ее, но, возможно, она умрет раньше — ее сожрет зверь. Следовательно, у нее не было никакого желания спасти Всплывший Мир. Вероятно, она просто была признательна Лонерину, который ей помог, тем людям, которые, несмотря на страх и недоверие, лечили ее, давали ей лекарства.

Наконец ее перестали расспрашивать. Ей задали много вопросов о Гильдии, о ее структуре, о ее организации, а также о том, что она видела в потайной комнате.

Особенно упорным был Фольвар.

Когда они закончили, по всей видимости, уже была ночь. Дубэ чувствовала себя опустошенной, уставшей. Идо смотрел на нее с сочувствием, но в его единственном глазу видно было беспокойство.

— Вы убедились? — спросил он насмешливым тоном, пристально смотря в глаза генералу Фесту, тому самому, который разговаривал с Дубэ во время Совета.

— Сведения о магии, которые она привела, точны и современны, невозможно, чтобы ими владел простой наемный убийца, — высказался Фольвар.

Дубэ почувствовала себя будто раздетой после этих слов: наемный убийца. Их жестокость потрясла ее до глубины души.

— И тексты она цитирует верно, — сказала вторая нимфа, Хлоэ.

— Мне кажется, сомнений в достоверности больше нет, не так ли? — И снова Идо обратил насмешливый взгляд на Феста.

— Нет, — недовольно согласился тот.

— Ну так что же? — спросил Идо. — Какие выводы?

Фольвар взял слово:

— Это кажется похожим на магию заклинаний, но я ее не знаю.

Тогда слово взял другой маг, человек полный, добродушного вида.

— В текстах содержится не магия. «Черная Книга», увиденная Дубэ, может быть тем фолиантом, о котором часто говорили в народе. Астер серьезно развил запретную магию, как мы все знаем. К тому же именно он вызывал к жизни призраков. Та магия, которую мы сейчас знаем, возможно, лишь фрагмент утраченного текста.

— Значит, ты знаешь, какая это магия.

Человек покачал головой, и его двойной подбородок затрясся в такт движению головы.

— Я ее не знаю. Но может быть, какой-то более могущественный маг может знать больше об этом.

И тут вмешалась Хлоэ:

— В любом случае мы должны задуматься. Кажется, он собирается использовать полуэльфа, но мы все знаем, что их больше не существует.

У Идо сделалось странное выражение лица. Дубэ увидела, как его лицо снова омрачилось.

— Это не так.

Все присутствующие обернулись к нему.

— Может существовать еще один полуэльф.

— Объяснись, — холодно произнес генерал.

Идо слегка вздохнул.

— Ниал и Сеннар после войны уехали из Всплывшего Мира, как вы знаете, и отправились жить за пределы Саара. Какое-то время я получал от них известия, Сеннар посылал их мне при помощи магии. — Идо прервался. — У них был сын, я это точно знаю. Потом случились... — он не мог подобрать слов, — у них возникли разногласия... последние известия, которые я получил, касались того, что мальчик уехал во Всплывший Мир из-за каких-то недоразумений с отцом.

Дубэ внимательно слушала. Ниал, Сеннар — это были исторические личности, их статуи стоят на центральных площадях. Но слышать о них как о живых, действительно существовавших людях было странно.

— К какому времени относятся твои сведения? — Это спрашивал король Пограничной Области Болот, который до сих пор молчал.

Казалось, Идо было трудно говорить.

— Прошло уже десять лет.

— А почему ты мне никогда об этом не рассказывал, никогда не говорил о своих контактах? Помощь Ниал и Сеннара была бы нам очень кстати во многих ситуациях. — Это был Харепа, племянник старого короля Земли Моря — Дубэ узнала его.

— Она умерла. — Голос Идо задрожал. — Ниал умерла больше двадцати лет назад. С тех пор Сеннар почти не писал мне. Можно сказать, что с тех пор мне не удавалось связаться с ним.

Ниал и Сеннар пропали почти сорок лет назад из Всплывшего Мира, однако их присутствие ощущалось на этой земле, измученной долгими годами страданий. Но даже полубоги должны идти навстречу своей судьбе, и теперь Ниал была мертва.

Дубэ видела, как Лонерин сжимает кулаки и склоняет голову. Она понимала. Даже она никогда не оставалась равнодушной к этой старой героической истории.

— Сын Ниал и Сеннара переехал жить сюда. Я не знаю куда, и Сеннар не знал. Я не знаю, жив ли он, не знаю, на кого он похож, но он вернулся во Всплывший Мир. Полуэльфы не исчезли. Гильдия ищет его, это несомненно. Его или кого-то еще из его племени.

Трагедия начинала приобретать очертания.

— Но Сеннар еще жив, не так ли?

Идо кивнул.

Дубэ понимала его боль. Он был долгие годы учителем Ниал. Ничто не может расторгнуть такую крепкую связь.

И тут слабым голосом заговорил Фольвар:

— Сеннар знал Тиранно, он собирал сведения о нем, перед тем как уехать отсюда.

Может быть, он знает.

Идо пожал плечами:

— Возможно. — И он снова заговорил: — Наш добрый Фольвар кажется мне уставшим, и наша юная гостя тоже. — Он посмотрел с симпатией на Дубэ. — Мы многое узнали, может быть, пора отправляться спать. Завтра возобновим совещание и решим, что делать.

Заседание было прекращено, и каждый отправился в свою комнату. У Дубэ тоже была своя комната, не так далеко от комнаты Лонерина.

Они пошли вместе.

— Ты держалась молодцом, — сказал он. — Особенно когда защищала свою правоту. Если мы их и убедили, то это — только твоя заслуга.

Дубэ пожала плечами:

— Я не собиралась никого убеждать.

Лонерин улыбнулся:

— Но Астер пугает и тебя, правда? — Улыбка застыла на губах Лонерина. — Извини меня.

Дубэ покачала головой. Это не имело значения.

Они попрощались перед дверью комнаты.

— Ну, до завтра.

Дубэ кивнула. У нее не было причин оставаться здесь, но она еще не пришла в себя и хотела знать, чем все кончится. Ведь теперь это касалось и ее.

Кроме всего прочего, у нее шла кругом голова от той мысли, которая неотступно сопровождала ее до самого сна: Сеннар был жив... Сеннар был один из самых великих ныне существующих магов. Великий маг. Может быть, тот, кто ей поможет.

ЭПИЛОГ

И зал, и сами собравшиеся — все было как в первый день. Казалось, что и ночи не прошло. Может быть, только Фольвар выглядел менее уставшим, и лица у всех были не такими изможденными. Лонерин держался прямо, его бледность не так бросалась в глаза. Однако атмосфера оставалась напряженной. Дубэ чувствовала это кожей.

Она спала недолго. Всю ночь думала о Сеннаре, о его знаниях, о знаке. Он был для нее единственной надеждой. Однако она думала и о Всплывшем Мире, о его судьбе, об Астере. Она не могла забыть его лицо, мерцавшее в шаре, там, в недрах земли. То было лицо, не выражавшее ни гнева, ни злобы, совершенно отличное от того, каким она его себе представляла. Однако оно было ужасным.

Стояла полная тишина, и, как и в первый день, молчание было прервано хозяйкой дома — Дафне. Но первым взял слово Идо:

— Я полагаю, что для всех нас ночь оказалась тяжелой, не так ли?

Он окинул всех присутствующих насмешливым взглядом.

— Я не сомкнул глаз. И много размышлял. Сейчас я выскажу вам свое предложение. — Он вздохнул. — Фольвар хорошо сказал вчера. Сеннар должен знать. Не будем забывать, что в свое время он и Ниал свергли Тиранно. Я предлагаю отправиться к нему и попросить помощи у него.

Харепа покачал головой:

— У нас нет времени, ты понимаешь? Сейчас, когда Гильдия вынашивает свой план...

— У вас есть какое-нибудь предложение о том, как остановить Иешоля? Напасть на Гильдию? Но как? Дохор остановит нас еще до того, как мы подойдем к Дому. А по поводу магии? Какие есть предложения о том, как уничтожить дух Астера?

Тишина стояла такая, что казалась почти осязаемой.

— У нас есть оружие.

Совет молчал.

— Нет только одного — сына Ниал. Надо найти его и спрятать в надежное место. Без него весь план рухнет. Это наш единственный способ защиты.

Многие закивали. Дубэ восхищалась Идо. Он был способен воодушевлять, успокаивать, вызывать восхищение. Она находила в его словах и жестах отзвуки славного прошлого неукротимого воина. Не все бывшее кануло в Лету: он продолжал сражаться за то, во что верил, теперь — почти в одиночку.

— Другие предложения?

Дубэ медленно подняла руку. Она и сама не знала, что ей придало смелости. Она действовала импульсивно, может быть, под воздействием этих слов, которые вызвали у нее неведомые ей раньше чувства, а может быть, просто от отчаяния, которое всегда двигало ею.

Собравшиеся с удивлением смотрели на нее. Идо дал ей слово.

— Я хочу предложить себя в качестве гонца к Сеннару.

В зале все начали растерянно перешептываться.

— Мы и так оказали тебе слишком много доверия, но не думаешь ли ты, что это будет уже слишком? — заговорил Фест. — Это деликатнейшая миссия, от которой зависит наше существование, и ты, думаю, простишь, если мы не окажем такого доверия именно тебе.

Дубэ опустила голову.

— Но я отправлюсь не только из-за Всплывшего Мира. Может быть, Сеннар сможет вылечить меня. Конечно же это — самая веская для меня причина. И я отнесу ему ваше послание.

— А кто гарантирует нам, что ты вернешься? — спросил Венна, король Пограничной Области Болот.

Идо покачал головой:

— Ты не можешь идти одна, ты понимаешь или нет? Если ты умрешь? Нужен по крайней мере еще один человек.

— Я могу пойти.

Дубэ ждала этого. Она не знала почему, но была уверена, что так и произойдет. Лонерин должен всегда быть в первых рядах, она поняла это, он должен был действовать, чувствовать, что приносит пользу.

Идо позволил себе полуулыбку.

— Желание действовать — это твой недостаток, да, юноша?

Лонерин сильно покраснел. Идо, видимо, привел его в замешательство.

Гном поднял руки:

— Я ничего не имею против, ты хорошо справился с предыдущим поручением. — Затем он сразу же сделался серьезным. — Что же касается сына Ниал и Сеннара, то тут я предлагаю себя.

На этот раз удивление Совета возросло еще больше.

— Но вы же — опора Совета!

— Без вас не будет сопротивления!

— Ваша работа здесь.

Идо жестом заставил всех замолчать.

— Я — воин. Уже много времени я заперт здесь, только и делаю, что вспоминаю о днях войны и о тех друзьях и товарищах, которых я потерял. — Он на мгновение замолчал. — Я еще не свел счетов с Дохором, вы все это знаете. И я не откажусь от этого!

В зале зашептались, потом наступила тишина, встала Дафне:

— Давайте проголосуем за этот план действий: Лонерин и девушка отправятся на поиски Сеннара, а Идо будет искать сына Ниал и Сеннара. Пусть каждый выскажет свое мнение.

За проголосовало подавляющее большинство. Решение было принято.

— Ты снова поражаешь меня.

Теана уже расплакалась не на шутку. На этот раз Лонерин не знал, что и сказать ей. Она

была права. Но он не мог оставаться и смотреть, причем по многим причинам. Во время выполнения предыдущего задания он оказался бесполезен, и это раздражало его. Он проник в самое сердце Гильдии, чтобы разрушить ее, чтобы доказать самому себе, что он сделал это, преодолевая ненависть и обиду, что ему удалось превратить свои чувства в желание спасти Всплывший Мир. Но своих заданий он не выполнил. А теперь, что он должен был делать теперь?

Он продолжал собирать вещи. Ему хотелось бы найти слова, чтобы объяснить ей все, о чем он думал.

— Я должен идти. Если ты знаешь меня, если ты меня любишь, то ты поймешь.

Теана покачала кудрявой головой:

— Нет. Ты сказал, что вернешься ко мне, но ты как будто и не делал этого, если сейчас снова уходишь. Я думала, что у нас с тобой будет время и для себя.

Да, он тоже так думал. Он остановился, посмотрел на нее:

— Произошло столько всего...

Теана залилась слезами.

— Это из-за нее?

— Из-за кого? — Но он понимал.

— Ты знаешь.

— Нет, вовсе нет.

Теана встала.

— Ты должен решить, понять.

— Не будь дурочкой, тут нечего понимать, вовсе нечего.

Теана покачала головой:

— Ты ошибаешься. Потому что мне никогда не удастся удержать тебя рядом с собой, остановить тебя, зато для нее ты рисковал жизнью.

Лонерин опустил голову.

— Это все — только твои фантазии.

Теана грустно улыбнулась:

— Попытайся вернуться, но, даже если ты и сделаешь это, я знаю, что не ради меня.

Дубэ сидела на балконе дворца, откуда можно было наслаждаться видом далекой Земли Ветра. На горизонте едва виднелась бесконечная равнина, разделявшая две земли. Дубэ думала, что эта равнина была не похожа на прежнюю. Великая Война оставила свои неизгладимые следы. Стало меньше деревьев, трава была не такой густой, и весь облик равнины сделался печальным.

Это был тот же пейзаж, который видели Сеннар и Ниал. Наверное, они испытывали те же чувства, что и она сейчас: грусть и растерянность человека, который уезжает.

Дубэ подумала о том, освободится ли она, наконец, завершив свое путешествие. Она все еще не осмеливалась думать о будущем, о том времени, когда заветное будет наконец снято. Она даже не знала, наступит ли когда-то этот день. Но задумывалась над тем, действительно ли снятие заветного принесет ей то облегчение, о котором она мечтала. Перед тем как все случилось, когда она еще была обычной воровкой, она думала: «Когда же это кончится?» Но не понимала причины этого вопроса. А теперь поняла. Она устала, и речь шла не только о заветном. Она устала поступать так, как ей диктуют обстоятельства, действовать так, будто кто-то ею управляет, идти вперед, подталкиваемая только желанием выжить. Ей надоело выживать. Если заветное действительно можно снять, то ее рабскому состоянию должен прийти конец.

— Задумалась, да?

Дубэ вздрогнула. Это был Идо: одетый, как и на Совете, в военную форму. Ей кто-то сказал, что он никогда не снимал этой одежды. В руке он держал длинную дымящуюся трубку.

— Да, немного.

— Отъезд — это всегда вроде смерти, как говорится в известной поговорке.

Дубэ кивнула. Ситуация была странная: маленькая воровка, убийца, разговаривала с великим героем.

— Сеннар — великий маг, я уверен, что он сможет тебе помочь.

— Я надеюсь.

— А все остальное зависит только от тебя, но я уверен, ты это знаешь.

Дубэ удивленно посмотрела на него.

Идо выпустил из трубки кольцо дыма.

— Тот, кто прожил столько, сколько я, прошел войны и битвы, пережил всех своих друзей, не может хоть немного не разбираться в людях.

Дубэ посмотрела вдаль:

— Не знаю, правы ли вы. У каждого из нас есть свой путь.

— А твоя дорога привела тебя к тому, чтобы сражаться за Всплывший Мир?

— Я отправляюсь не для того, чтобы бороться. Я отправляюсь спасти свою шкуру.

— Ты думаешь? — Идо выпустил еще одно кольцо. — Я столько раз менял свой путь... и шел наперекор своей судьбе, пожалуй, всю жизнь.

«Но есть и такие люди, у которых нет этой возможности», — подумала Дубэ. Однако прислушалась к словам Идо.

Идо затянулся трубкой в последний раз.

— Прохладно, а такие старики, как я, должны следить за собой. Надеюсь увидеть тебя, когда все кончится. И для тебя, и для Всплывшего Мира.

Дубэ опустила голову. Идо собрался к себе.

— Спасибо, — сказала ему Дубэ, не поднимая головы. — За то, как вы говорили обо мне в Совете. Вы не презираете и не жалуете меня.

— В тебе нет ничего, чтобы заслуживало бы таких чувств.

Он поднял руку, прощаясь с ней.

Дубэ осталась на балконе одна. Утренний ветер шевелил ее волосы, все еще короткие — подстриженные в Гильдии. Она стояла в нерешительности, как на краю обрыва, но в этот момент ощутила себя легкой, как будто могла наконец перелететь через пропасть.

Голубой свет дрожал на стенах, запачканных кровью. Лицо в шаре до сих пор было бесформенным, почти страдающим, но Иешолю отлично удавалось узнавать в этой бесформенности лицо Астера — то лицо, которое он так любил. Он сжимал книгу в руках. После бегства девушки и просителя он ее больше не выпускал.

— Турно ничего не удалось. Его труп гниет на Большой Земле.

— Это она.

— Если судить по ранам, то никаких сомнений.

Когда он произносил эти слова, перо сломалось в его руках.

— Она должна умереть. Они оба должны умереть. Это необходимо. Тенаар желает этого. Пустите по их следу столько убийц, сколько нужно, самых сильных. Я хочу, чтобы они умерли в страшных мучениях. Но по крайней мере одного приведите сюда.

Но и приказ его не успокоил. В его кабинете книги были переставлены, значит, кто-то просматривал их. Что узнала Дубэ? И каким образом она была связана с просителем? Эти вопросы мучили Иешоля ночью, приводили его в бешенство. Он был в одном шаге от осуществления своей мечты. Он не мог потерять все из-за какой-то девчонки, не желающей склонять голову.

Именно поэтому он пришел к Астеру. Его лицо наполняло Иешоля теплом и надеждой.

— Я не позволю ей все разрушить, — сказал он в ярости, стиснув зубы. — Мой господин, теперь, когда мы снова обрели друг друга, после стольких лет, я никому не позволю предать тебя забвению. Тебе пришлось умереть, но ты вернулся и будешь вознагражден за свои страдания.

Иешоль положил руки на стекло, прижался к нему лбом.

— Мы уже ищем тело, мы близки, мой господин, очень близки. Ни маловерующая, ни

ее товарищ ничего не смогут сделать, когда я заполучу мальчишку и его отца. Времена приближаются.

Две горячих слезы потекли по щеке Иешоля. Это были слезы усталости и страдания, но и слезы радости.

— Времена приближаются.